

Аллен Даллес Асы шпионажа

«Даллес А. Асы шпионажа»: Центрполиграф; М.; 2004
ISBN 5-9524-1411-7

Аннотация

Книга «Асы шпионажа» составлена Алленом Даллесом – супершпионом, легендарным шефом ЦРУ, автором многих бестселлеров, в том числе «ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа». В книге повествуется о 39 ярчайших эпизодах из богатой истории мирового шпионажа. Каждый эпизод снабжен личными комментариями Аллена Даллеса. Среди героев книги – специалисты по тайным убийствам, создатели крупнейших агентурных сетей, знатоки методов технического шпионажа, «нелегалы», шпионы-«оборотни», агенты-«двойники» и другие представители этой необычной профессии, чья жизнь проходит под грифом «Совершенно секретно!».

Аллен Даллес Асы шпионажа

Предисловие

Читателю, желающему иметь более полное представление о наиболее известных подлинных шпионских историях, хотелось бы, видимо, знать, в результате чего тот или иной агент получил широкую известность. Я, например, подразделяю их на два типа. К первому у меня относятся шпионы, которые добывают столь важную информацию, которая при определенных условиях может решить исход сражения или даже судьбу страны. Причем они, как правило, не совершают каких-то умопомрачительных поступков и даже не подвергают опасности собственную жизнь. Будучи выдающимися профессионалами, они для окружающих остаются обычными людьми, не привлекающими к себе ничьего внимания. Взять хотя бы Клауса Фукса, личность которого вообще-то не представляет собой ничего особенного. А ведь передача им американских атомных секретов Советам наложила громадный отпечаток на весь ход истории.

Ко второму типу принадлежат шпионы, являющиеся выдающимися личностями, совершившими героические поступки, связанные с захватывающими дух приключениями, независимо от важности добытой ими информации. К их числу относятся и такие, кто порой и вовсе-то не выполнил своего задания, но держался стойко и достойно. Герой-шпион американской революции Натан Хейл, истинный патриот своей Родины, проявил во время своей казни такое благородство и мужество, что навсегда остался в памяти потомков. К сожалению, следует признать, что он не обладал специальными знаниями, был плохо подготовлен и вообще не был подходящим человеком для выполнения своего задания.

Идеальный шпион – это личность, обладающая высокими человеческими качествами и профессиональным мастерством.

В предлагаемых ниже отобранных мною историях и рассказах не повествуется, смею думать, ни об одном из шпионов, не обладавших этими свойствами.

В наше время многие шпионы пользуются всемирной славой, хотя остается неясным, многого ли они достигли. Советский разведчик экстра-класса Рудольф Абель – яркий тому пример. В 1957 году он был арестован ФБР по доносу его напарника, сбежавшего на Запад. При аресте на его квартире в Нью-Йорке были обнаружены коды, радиопередатчик и различные реквизиты, явно свидетельствовавшие об интенсивной агентурной работе. Никаких показаний, однако, о своей шпионской деятельности он не дал, поэтому до сих пор трудно судить о ее реальных результатах. Его процесс и обмен на американского пилота со сбитого У-2 Гери Пауэрса в 1962 году привлекли пристальное внимание прессы. Об Абеле написано довольно много статей и книг, но почерпнуть из них что-либо конкретное о круге его шпионских интересов практически невозможно: все изложенное, увы, не более чем предположения.

Вероятно, меня упрекнул в том, что я не публикую в этой книге ничего о пресловутой Мата Хари, одной из самых известных шпионок. Дело в том, что ни в мотивах ее действий, ни в применявшихся ею методах, да и в достигнутых результатах – насколько об этом известно из исторических источников, – я не нашел ничего выдающегося. Вызывает обоснованное сомнение даже тот факт, а стоила ли полученная от воздыхателей информация, изложенная ею на бумаге, самой исписанной бумаги. Я не сомневаюсь, что при компетентном руководстве эта ловкая женщина могла бы достичь большего: ведь она была одиночкой. Ее драматичная казнь является, по Сути дела, тем, что сохраняет ее в памяти людей. Она стала жертвой общественного мнения и давления,

оказанного на французские власти в 1917 году, в результате поднявшейся волны шпиономании и необходимости показать решительность принимаемых ими мер против шпионов. Поскольку она, согласимся, не была подлинной шпионкой, я решил показать вместо нее Казанову, которого читатель вряд ли ожидал встретить в этом обществе, а между тем его деятельность вообще хорошо характеризует поведение шпиона.

Решение о важности и значении того или иного агента является, скорее всего, делом личного порядка, поскольку и историки могут ошибаться, да и насколько достоверны источники, на которые они опираются?

Недавно в Англии выпущена официальная книга, раскрывающая агентурную работу англичан во Франции во время Второй мировой войны, куда их переправляли на катерах или сбрасывали на парашютах с самолетов с заданием по организации и поддержке подпольного движения местного населения – «чтобы разжечь огонь в оккупированной Европе», как выразился Черчилль.

Появление этой книги вызвало ажиотаж и даже неприязнь не только в британском парламенте, но и среди бывших непосредственных участников событий, их друзей и помощников, поскольку героические деяния этих людей, о которых в свое время много писали и говорили в захлеб, были представлены в ней сухо и на основе только тех фактов, которые уже можно было опубликовать, исходя из соображений безопасности. Истина-то ведь всегда бледнеет в сравнении с бытующими легендами.

Вначале я хотел было включить в этот сборник шпионские истории периода Гражданской войны в Америке, например о Пинкертоне, основателе всемирно известного детективного бюро; шефе секретной службы Макклелане или Лафайетте Бейкере, вышедшем на след убийц Линкольна. Были тогда и женщины: Белла Бойд, шпионившая для Стонуола Джексона; Элизабет ван Лью, работавшая на Гранта, да и другие красавицы, переходившие границу с секретными документами, спрятанными на груди.

Однако, к своему сожалению, вынужден был отказаться от этой задумки, так как лишь немногие из широко распространенных в свое время историй соответствовали реалиям, появившимся после войны на потребу публике, жаждавшей романтики.

Самыми секретными сведениями являются данные о личности самого агента. Даже через сорок лет после окончания Войны за независимость Джон Дей отказался назвать имя агента Джеймсу Фенимору Куперу, хотя и рассказал ему подробно о его геройских делах, что вдохновило писателя на роман «Шпион». Начальник контрразведки Вашингтона упоминает в своих мемуарах всего в нескольких строчках о некоем Самуэле Кал пере, который только в 1939 году был идентифицирован историками на основании сличения почерков как Роберт Таунсенд.

Теперь, по прошествии более ста лет, историкам удалось установить по данным секретного доклада Вашингтона континентальному конгрессу, что им на расходы секретной службы было выдано 17 тысяч долларов.

Одним из самых необычных путей, по которому те или иные шпионские истории становятся достоянием общественности, являются иски агентов, предъявляемые правительствам за неоплаченные им услуги. В качестве истцов выступают иногда и их наследники. Правительства слишком забывчивы и даже неблагодарны, когда речь идет об оплате труда агентов. Об агентурной деятельности Эдварда Банкрофта – одного из парижских секретарей Бенджамина Франклина, состоявшего на службе английского короля Георга III,

вероятно, ничего не было бы известно, если бы он сам не напомнил в 1784 году британскому казначею, что им недополучены деньги за оказанные англичанам услуги, упомянув конкретно за какие именно. Это письмо, долго пролежавшее в британских архивах, выплыло на свет только в 1889 году. Вполне возможно, что Франклин знал об этой стороне деятельности Банкрофта, но сознательно не мешал ему, преследуя свои собственные интересы.

Традиционная скрытность властей различных государств в области агентурной деятельности по различным причинам была в последнее время нарушена, свидетельство чему – публикация многих материалов по шпионажу, что и позволило подготовить данную книгу.

На Западе как следствие «холодной войны» был открыт доступ к трем источникам надежной информации по современному шпионажу: публичные процессы над изобличенными агентами противника, официальные сообщения о нелегальных операциях противоборствующих держав и откровения перебежчиков. Следует подчеркнуть, что речь в них шла не о деятельности собственных секретных служб, а преимущественно об усилиях противной стороны.

Одним из важнейших документов в этом плане стала «Белая книга» канадской государственной комиссии, в которой были оглашены сведения о советском атомном шпионаже в Канаде во время Второй мировой войны. Вслед за ней появились публикации о судебных процессах в Англии, в частности, по делу Вассала, Австралии – по делу тайного агента Петрова (август 1955 года) и Швеции – по делу Веннерстрёма. Были, естественно, и американские публикации, и, в частности, по материалам работы комиссий, назначавшихся конгрессом.

В отличие от целого ряда писателей, специализировавшихся в области шпионажа, таких, например, как Ребекка Уэст и Алан Мурхед, отдававших в основном предпочтение воображению, материалы комиссий были абсолютно достоверными.

К сообщениям советской стороны о своих агентах следовало, однако, подходить весьма осторожно, чтобы отличить пропаганду от истины. Сам факт, что Советы, долго и упорно хранившие молчание по вопросам шпионажа, вдруг открыли зеленую улицу в своей прессе публикациям об этом, стал для нас полной неожиданностью. Характерный пример – история выдающегося советского разведчика Рихарда Зорге.

Когда Зорге в конце 1941 года был арестован японцами, русские и пальцем не пошевелили, чтобы как-то ему помочь. А ведь он предоставил Сталину информацию, в корне изменившую тогдашнюю стратегию советского руководства, о том, что японцы не планировали нападение на Советский Союз в 1941 году.

Только в 1964 году, через двадцать лет после его казни и абсолютного молчания о нем советской прессы, Зорге был «реабилитирован». Была издана его биография, прославлены подвиги, и даже выпущена почтовая марка. Зорге посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Причиной этого послужило, скорее всего, то обстоятельство, что в послевоенное время было столь много случаев провала агентуры, что потребовалась популяризация героев невидимого фронта.

Была ли его личность столь важна для советской стороны или нет, имя его, во всяком случае, дало ей возможность сыграть на эмоциях людей.

Ныне отмечается значительный рост числа секретных служб и усовершенствование методов шпионской работы, что вызвано необходимостью

защиты демократий от тоталитарных режимов, с одной стороны, и воздействием результатов научно-технической революции – с другой. Более двух третей приведенных в данном сборнике материалов относятся к периоду Второй мировой войны и времен «холодной войны», поскольку секретные службы играли в них особенно заметную роль. В некоторых рассказах затрагивается проблема «железного занавеса», и это понятно – его существование затрудняло сбор материалов, их вывоз за пределы той или иной страны и контакты с агентурой.

В публикациях, помещенных в книгу, я не ограничился только понятиями шпионажа и секретных служб, но и старался показать суть их деятельности во всех аспектах. Случаи, приведенные в некоторых из них, воспринимаются зачастую как провалы в работе секретных служб, но это не совсем верно. Ведь главное – способность человека использовать правильно и целеустремленно те вспомогательные технические средства, которыми его снабжают современные наука и техника.

Я, конечно, не могу поручиться за точность отдельных высказываний и оценок, даваемых авторами рассказов и историй, ибо это находится в первую очередь на их совести и характере восприятий. Но все они имели возможность ознакомиться с материалами по тому или иному делу – в качестве то ли участника событий, то ли наблюдателя или же исследователя. Во многих случаях мне пришлось, выделяя главное, сокращать тексты для экономии места.

Выпуском этого сборника я отнюдь не намеревался позабавить читателя развлекательными рассказами, порой авантюрного плана, а преследовал прежде всего цель раскрыть характер и особенности работы современных секретных служб, используя опубликованные в разное время и в различных странах материалы. Исходя из этих соображений, я разместил приведенные в книге истории по определенным категориям профессиональной агентурной деятельности. Каждая из них освещает тот или иной характерный аспект, на что я обращаю внимание читателя как в начале соответствующей главы, так и публикуемого рассказа.

Приношу благодарность всем авторам и лицам, которые предоставили в мое распоряжение материалы и оказали мне помощь в подготовке и издании данного сборника.

А. Даллес

Глава 1

ВНЕДРЕНИЕ АГЕНТУРЫ

Если секретная служба намерена иметь сведения не только о численности вооруженных сил противника и их оснащении, но и о его планах и намерениях, недостаточно отсиживаться в кустах или подглядывать через заборы; не обеспечит нужной полноты информации даже использование воздушной и космической разведок. Необходимо проникнуть, попросту говоря, в логово противника и разобраться во всем изнутри, овладев его важнейшими планами и документами.

Секретная операция, цель которой – вербовка агентов на территории противника или проникновение туда собственной агентуры, определяется понятием «внедрение». Проблема эта весьма непростая, и агентам в целом ряде случаев приходится оставаться «на месте» длительное время, чтобы получить

необходимые сведения. К этому добавляется и сложность их передачи в Центр, не говоря уже о необходимости соблюдать меры безопасности.

Ныне на всех важных объектах мира мероприятия по соблюдению секретности и контршпионажу столь сложны, что попасть туда постороннему человеку практически невозможно, даже если он придумает правдоподобную историю, будет безукоризненно владеть языком страны и сможет сойти за местного жителя. Гораздо большими возможностями обладают агенты, родившиеся в стране и хорошо знакомые с местными условиями, а возможно, и с самим объектом. В большинстве приведенных мной рассказов речь как раз идет о лицах, находившихся в нужное время в нужном месте и уже там завербованных.

По собственной практике могу судить, что лучшие агенты – это добровольцы, то есть люди, которых не удовлетворяют условия их жизни и работы и которые ненавидят существующую в стране политическую систему. Некоторые из них сотрудничают с разведкой и по материальным соображениям. Особую сложность при этом представляет возможность установить такими лицами контакты с секретной службой иностранного государства, которой они предлагают свои услуги. Ведь кроме всего прочего у них должны быть доказательства того, что они не являются так называемыми «подсадными утками» и не собираются вести двойную игру.

Один из моих лучших агентов периода Второй мировой войны, работник министерства иностранных дел Германии, о котором будет рассказано ниже, был воспринят Вашингтоном с очень большим недоверием при его первоначальном появлении. Нам стало известно, что немцы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы иметь свою агентуру в моем ведомстве, поэтому самый вероятный способ, каким они могли воспользоваться, – попытаться подослать ко мне человека, который представился бы противником нацизма и предложил нам свое сотрудничество. Когда же я убедился, что информация, полученная им в министерстве иностранных дел и доставленная через границу с риском для собственной жизни, представляет для западных стран исключительную стратегическую и политическую ценность, я твердо поверил в его надежность. Немцы конечно же не стали бы использовать сведения, которые могли нанести им колоссальный урон, в игре с целью внедрить к нам своего агента.

Ричард Колье

ПОХИЩЕНИЕ СЕКРЕТНОГО ПЛАНА

Поскольку в 1943 году немецкое руководство стало считаться с реальной возможностью вторжения войск союзников в Европу, оно приняло решение о срочном строительстве оборонительных укреплений на Атлантическом побережье Франции, получивших название Атлантический вал. Сооружение его было поручено так называемой «организации Тодта», которая использовала для этого местную рабочую силу. Этим-то и решило воспользоваться французское движение Сопротивления. Его участники, нанявшись на строительные работы, получали возможность знакомиться с сооружаемыми объектами немцев. В представлявшейся ими информации речь шла, естественно, о сведениях местного характера. О получении чрезвычайно важной информации, чему способствовал счастливый случай, – наш рассказ. Следует подчеркнуть, что доставить ее затем командованию союзников в

Англии было делом не только сложным, но и опасным.

В начале мая на доске объявлений мэрии Кан появилось сообщение, отпечатанное черным шрифтом на желтом листе бумаги. Когда оно было вывешено, точно неизвестно. Во всяком случае, перед обедом 7 мая, в четверг, Рене Душе, подъехавший к мэрии на своем стареньком грузовичке, заметил его и прочитал. В нем говорилось, что «организации Тодта требуются маляры для проведения небольших ремонтных работ», и предлагалось желающим подработать записаться в мэрии. Конечный срок записи завершался в семнадцать часов прошедшего дня.

Другой на его месте никаких шагов предпринимать не стал бы – ведь опоздал. Но Душе, слывший пустомелей, был на самом деле, как говорится, себе на уме. Он прекрасно понимал, что в этой организации можно получить сведения, представляющие интерес для его товарищей. Ему тут же вспомнились жаркие солнечные дни в оккупированной немцами Лотарингии, когда он мальчишкой сидел в Нанси на пороге отцовского дома, а здоровенные блондины – немецкие солдаты – остановились, чтобы поболтать с ним. Смышленный парнишка немного понимал разговорную речь, а постепенно усвоил в определенной степени и чужой язык. Душе знал, что организация Тодта занималась строительством «вала», и из разговоров немцев между собой можно было бы извлечь много интересного.

Возможно, у него была и другая причина для действий. Позднее Арсен скажет про Душе:

– Более всего он гордился тем, что мог водить немцев за нос, а те ничего не замечали.

«Попав к немцам, почему бы не подложить им какую-нибудь свинью, о чем затем можно рассказывать друзьям за рюмкой кальвадоса – во всяком случае, попытаться стоит», – так или примерно так рассудил Душе.

В мрачном вестибюле мэрии, выложенном метлахской плиткой, он навел необходимые справки, в результате чего обратился к некоему Постелю, начальнику отдела по гражданским делам. Тот пожевал губами и произнес:

– Вы пришли поздно. Заявки следовало представить до исхода вчерашнего дня. – Немного подумав, добавил: – Хотя, собственно, это еще ничего не значит. Вы можете обратиться туда и непосредственно.

По рассказам самого Душе, далее произошло следующее.

Поскольку чиновник не мог ему сказать, к кому конкретно следует обратиться, Душе сел в свою автомашину и поехал на авеню де Богатель, свернув влево на первом же перекрестке. «Строительное управление» организации Тодта в Кане являлось филиалом главного управления этой организации в Сен-Мало и располагалось в трех зданиях в центре города. В двух находились различные административные отделы, а в третьем – технический отдел, занимавшийся изготовлением карт и схем, а также заключением договоров на поставку необходимых строительных материалов и осуществление работ. Душе, направлявшийся как раз к этому четырехэтажному массивному зданию с окнами, обрамленными каменными пилястрами, не знал, что оно было самым важным.

В пятидесяти метрах от главного входа в здание улица была ограждена забором из колючей проволоки. Около него Душе припарковал свою машину и вылез, дружески улыбаясь. Из постовой будки, окрашенной черными и белыми полосами, вышел часовой и, взяв винтовку на изготовку, крикнул: «Стой!» Душе, продолжая широко улыбаться, направился к нему. Часовой, сунув дуло

винтовки ему в бок, крикнул еще раз: «Стой! Пропуск!»

Душе объяснил, что он пришел по объявлению устраиваться на работу, но часовой не понял его ломаного немецкого языка и дал знак убираться. Заинтересовавшись этой сценкой, к ним подошел другой часовой, стоявший у входа, дабы посмотреть, что происходит. Чтобы пояснить свое намерение, Душе, как в театре, стал изображать движения маляра, воспользовавшись стенкой будки. О том, чем обернется его выдумка, он не мог себе и представить. Сначала он получил такую оплеуху, что едва устоял на ногах, а затем его пинками сопроводили в комнату находившуюся прямо у входа на первом этаже.

Там на него обрушилась гневная словесная лавина по-немецки, из которой он не смог ничего понять, так как говорили очень быстро. Появившийся в комнате какой-то начальник – обербауфюрер с моноклем в глазу, довольно сносно изъяснявшийся по-французски, – спросил ледяным тоном, понимает ли он, какому наказанию его могут подвергнуть за шарж на фюрера. Душе недоуменно посмотрел на того, пока, наконец, до него не дошел смысл сказанного. Взяв себя в руки, он попытался объяснить, что у него и на уме-то не было никакого намерения нанести оскорбление немецкому фюреру и что он – маляр, пришедший сюда, чтобы устроиться на работу. Рассмеявшийся немец отослал часовых и вызвал офицера, занимавшегося ремонтными работами.

Тот повел его по неустланной ковром лестнице двумя этажами выше. В мирное время это был жилой дом преуспевающего коммерсанта. Появившиеся в нем железные шкафы для документов, щелканье каблуками сапог и лающие возгласы «Хайль Гитлер!» составляли грубый и гнетущий контраст с изящными фресками и колоннами. Господин обербауфюрер объяснил Душе, что речь идет о несложной работе, а именно о переклеивании обоев в двух служебных помещениях на втором этаже. Может ли Душе представить смету расходов?

В голове Душе торопливо завертелись шарики. Он соображал, какой примерно счет могли представить его возможные конкуренты. Так как работа была небольшая, а ремесленники, хорошо себя зарекомендовавшие, могли рассчитывать на получение новых заказов, то, скорее всего, они запросили небольшую сумму. За просто спасибо работать они, конечно, тоже не согласились.

Учитывая эти соображения и надеясь на возможность получить информацию, полезную для подпольщиков, Душе, осмотрев помещения, назвал сумму в двенадцать тысяч франков, что наверняка должно было быть на добрую треть менее суммы, запрошенной вероятными конкурентами. Прежде чем молодой офицер открыл рот для ответа, Душе понял, что получит этот заказ.

– Представьтесь господину Шнеддереру, производителю работ, – сказал офицер.

Душе ни тогда, ни позже так и не понял, какой интерес представлял лично для Шнеддерера ремонт этих помещений. Некоторые события в последующем привели его, однако, к мысли, что производитель работ, по всей видимости, считал себя в душе непризнанным архитектором по интерьеру. Это был неуклюжий человек с большой лысиной на голове и глубоким шрамом на правой щеке. В форме организации Тодта с украшенным серебром воротом и повязкой со свастикой на рукаве, он принял нашего маляра в своем служебном кабинете на втором этаже. Разговор пошел об оформлении стен рисунками с изображением голубых всадников на желтом фоне или серебряных орудий на

голубом косогоре.

Найти подходящие обои и все необходимое было чрезвычайно трудно, но Душе пообещал уже завтра принести соответствующие образцы. Остаток дня он провел за изучением каталогов, а вечером в кафе для туристов встретился с небольшим росточком человеком по фамилии Дюме, бывшим владельцем гаража, и красноволосым Дешамбре, жестянщиком, которым рассказал о полученной работе в организации Тодта и представляющейся возможности извлечь из этого определенную пользу.

Дюме отнесся к его сообщению с восторгом, но попросил быть осторожным. Душе с пляшущими чертиками в глазах возразил:

– Послушай-ка, дорогой друг, ведь я – Душе и могу проделать с немцами такие штуки, на которые никто другой не способен. А почему? Да просто потому, что они будут принимать меня за законченного идиота и вести между собой разговоры, не обращая на меня никакого внимания. И должен заметить, что они довольно болтливы.

Сидя в уголке за рюмкой коньяка, Душе заметил Альберта и вежливо кивнул ему. Альберт был пожилым немецким капитаном, настоящего имени которого никто не знал. Он был единственным немцем, посещавшим это кафе. Подпольщики поначалу его побаивались и обходили кафе стороной, однако целый ряд проверок показал, что он не говорил ни слова по-французски и ни бельмеса не понимал.

Как это ни прозвучит странно и даже вопреки здравому смыслу, однако Душе и его товарищи были даже рады появлениям Альберта в кафе. Его присутствие служило своеобразным прикрытием, и подпольщики, собравшись, обсуждали свои дела беспрепятственно. Несколько застенчивый и уже немолодой немец, казалось, в свою очередь находил определенное удовлетворение, находясь в обществе французов – мелких торговцев и ремесленников, собирающихся поболтать за бокалом «ординарного».

В пятницу 8 мая игра началась.

Вскоре после десяти часов утра Душе прибыл в здание организации Тодта. На этот раз его пропустили без проволочек и провели к Шнеддереру. Тот сразу же занялся каталогами, а когда ему попалось что-либо по его вкусу, издавал довольное мычание. Душе почтительно стоял около его большого письменного стола, на котором лежали ворохи различных бумаг. Когда Шнеддерер стал обсуждать с ним достоинства и недостатки двух отобранных им образцов, в дверь постучали. Продолжая перелистывать страницы каталога, производитель работ крикнул: «Войдите!»

Молодой дежурный офицер, которого Душе до этого не видел, вошел в кабинет, щелкнул каблуками и воскликнул: «Хайль Гитлер!» Левой рукой он прижимал к своему боку целую стопу каких-то документов. Даже не взглянув на него, Шнеддерер распорядился:

– Положите папки на стол. – После короткой паузы добавил: – Благодарю вас, обербауфюрер, я их как раз ждал.

Отложив в сторону каталог, он стал открывать принесенные папки одну за другой. Уголками глаз Душе увидел, что это были не бумаги, а карты.

Душе стоял тихо, как мышка, не спуская глаз со стола, и вскоре заметил, что Шнеддерер, внимательно рассматривавший карты, про него на какой-то момент забыл. Изобразив на своем лице глупую улыбку, он сделал вид, что смотрит в окно. Сердце его бешено колотилось. Откинув назад голову, производитель работ приподнял часть карты, чтобы получше рассмотреть интересовавший его участок, не раскрывая ее всю, так как она была довольно

длинной. Сквозь обратную сторону бумаги Душе рассмотрел знакомые ему участки местности с нанесенными объектами, правда, в перевернутом виде, хорошо распознав береговую линию от устья Сены до пляжей Трувиль и Довиль.

Душе понял, что перед ним специальная карта побережья Нормандии, и от этой мысли его бросило в жар.

Ошеломленный открывающимися перед ним возможностями, он увидел, как Шнеддерер, сложив карту, положил ее поверх других папок и отодвинул их на левый край стола, где стоял Душе, а сам опять обратился к каталогу. Однако в дверь снова постучал и, и вошел какой-то строевой офицер, что-то кратко доложивший, но что именно, Душе так и не понял. Как бы то ни было, Шнеддерер встал из-за стола, повернулся спиной к Душе и открыл дверь в соседнюю комнату (дверь находилась прямо около стола). По окончании доклада офицер повернулся и вышел из кабинета. Держась одной рукой за косяк двери, Шнеддерер, все еще находясь спиной к письменному столу, стал что-то диктовать писарю в соседней комнате.

Душе продолжал стоять столбом около письменного стола, на котором на расстоянии вытянутой руки лежали карты. Осторожно, двумя пальцами, как бы касаясь раскаленной конфорки на плите, он приподнял верхнюю карту. Это был экземпляр, изготовленный на мимеографе на специальной бумаге для карт темно-голубого цвета, в углу которого большими красными буквами была сделана надпись: «Строго секретно – чертежи». На какое-то мгновение Душе впал в полуобморочное состояние: карта была слишком большой и раскрыть ее не представлялось возможным, но он уже понял, что на ней изображены крепостные сооружения. Определить их характер у него не было времени. В глаза ему бросились слова: «блокауз» и «срочная программа».

В страхе Душе посмотрел на Шнеддерера: тот продолжал диктовать. Мозг Душе сверлила мысль: «Возьми ее, осел, возьми же. Другой такой возможности может не представиться. Давай же, пока он не видит...»

Сделав три бесшумных шага назад от письменного стола, он продолжал держать карту в руке, застыв около камина... Нет, камин не подходит... однако над ним висело большое тяжелое зеркало в резной позолоченной раме подобно художественной картине, написанной маслом. Правой рукой он засунул карту за зеркало по длине, положив на окантовку, чтобы она не выпала оттуда. Затем тихо возвратился на прежнее место у стола. Позднее он рассказывал, что стал мокрым от пота и полумертвым от страха, так как если бы Шнеддерер обнаружил пропажу – вне зависимости от ценности карты, – это наверняка стало бы последней смелой выходкой Душе.

Теперь ему оставалось ждать, пока Шнеддерер не закончит диктовку. Это были самые трудные минуты в его жизни, ибо он не смог в короткое время сконцентрировать свои мысли и оценить свой поступок, а тем более продумать возможные отговорки. Ему даже не пришло в голову попытаться выяснить, находились ли в стопке папок и другие карты. Если карта была одна, то ее пропажа будет обнаружена сразу же, и он не успеет даже выйти из здания. У него, конечно, была надежда в один из последующих дней незаметно извлечь карту из укрытия, пока же его тревожила лишь одна мысль – сможет ли он живым покинуть этот дом.

Задумавшись, он не заметил, как Шнеддерер закрыл дверь соседней комнаты и сел на свое место за письменным столом. Выбрав два образца обоев, он сказал:

– Стало быть, в понедельник.

Душе был отпущен. Шнеддерер снова уткнулся в бумаги, даже не посмотрев на карты. Стало быть, пока у него не возникло никакого подозрения.

Ноги Душе от страха едва передвигались, когда он спускался по лестнице. Он ожидал каждую секунду, что его вдруг схватят за шиворот или даже выстрелят в спину. Но ничего не произошло. Отправившись в кафе, чтобы пропустить заслуженную рюмочку, он почувствовал, что постарел на несколько лет.

Через несколько часов гнетущее чувство страха исчезло, и он стал почти прежним Душе. Перед тем как вечером снова направиться в кафе, когда дети – одиннадцатилетний Жаке и трехлетняя Моника – были уложены спать, Рене рассказал своей жене, мягкосердечной, но бравой Одетте о происшедшем. Та, привыкшая к непредсказуемым выходкам мужа и относившаяся к нему как мать к проказнику-мальчишке, сказала просто и на полном серьезе:

– Это великолепно.

Вспоминая об этом позже, она призналась, что не была даже слишком всем этим удивлена, сказав лишь:

– Он постоянно совершает всевозможные выходки.

В те дни ее в большей степени заботило то, как уговорить Рене есть более или менее регулярно. Война сказывалась на нем в гораздо большей степени, чем можно было думать, глядя на него. Если ей не удавалось положить ему кусочек холодной курицы, то он обычно, перекусив немного, отодвигал тарелку в сторону, говоря:

– Прости, дорогая, но я сегодня не голоден.

Глядя ему вслед из окна своего старомодного дома, на его своеобразную покачивающуюся походку, когда он шел по двору в сторону кафе, она думала: «А ведь он так и не стал взрослым мужчиной».

И она не была совсем уж не права. В тот вечер в кафе Душе чувствовал себя героем, приглашая всех друзей выпить за его счет, не без гордости сообщая каждый раз:

– Знай, что я сегодня пережил нечто из ряда вон выходящее. Да, да, в предобеденное время, когда я был у производителя работ организации Тодта...

Душе повезло с друзьями. Никто из них не ставил его похвальбу под сомнение – трепло есть трепло. До самого полицейского часа с полдюжины членов подпольной группы выслушивали в разных вариациях его рассказ. Смеялись, потому что никто ему просто не поверил. Одноглазый жестянщик Арсен, например, посчитал все это пустой выдумкой. А Роберт Тома, молодой слегка застенчивый блондин, высказался и вовсе более определенно:

– У него всегда в голове одни глупости.

Дежаврен потом сказал, что работа подпольной организации без подобной болтовни могла бы осуществляться более эффективно, однако был вынужден признать: без смелых, порой безрассудных выходов она вряд ли принесла бы большую пользу.

Ночью Душе спал спокойно. Продумав свои дальнейшие действия, он решил в понедельник зайти под каким-нибудь предлогом к Шнеддереру, рассчитывая, что какой-то случай вдруг подвернется и он сможет извлечь спрятанную карту. Одетта же почти не спала. Зная, что через два дома от них жили два гестаповца, она в испуге думала, когда свет фар проезжавших мимо автомашин падал в окно спальни: «Не к нам ли?» Или когда проезжавшая автомашина притормаживала, у нее сразу же возникала мысль: «Видимо, это к нам». Секунды в таких случаях казались ей вечностью, и она горячо молилась:

– Боже, дорогой и всемогущий, пусть они не придут к нам, к детям!

Когда шаги на улице затихали и наступала тишина, Одетта чувствовала себя разбитой.

В понедельник, в половине девятого утра, Душе направился к зданию организации Тодта с двумя ведрами, малярными кистями и несколькими рулонами обоев. Он намеревался начать работу пораньше, чтобы освободиться часа в четыре дня и иметь вечером больше свободного времени. Людей в здании было еще мало – только писари да связные. Часа два он трудился безостановочно, отмыв стены до штукатурки и намазав их клеем. При этом он гнусаво распевал песни, пока не прибежал посыльный и не потребовал замолчать.

Маляр рассыпался в извинениях, затем сказал:

– Если это будет угодно господину производителю работ Шнеддереру, я хотел бы с ним переговорить.

Посыльный иронически ухмыльнулся:

– Тогда вам придется сесть на поезд и отправиться в Сен-Мало.

Душе воспринял его слова как зажегшийся зеленый свет светофора.

Следовательно, в кабинете Шнеддерера никого не было.

– Дело-то, собственно, не очень срочное, – примирительно произнес он. – А когда он должен возвратиться?

– Возвратиться? – повторил тот, посмотрев на маляра свысока. – Сюда он уже не вернется. Его направили в другое место. Вместо него назначен производитель работ Келлер.

Душе в этот момент как бы ударило током.

Посыльный посмотрел на него с любопытством и ушел. Остаток дня маляр молчал, пребывая в гнетущем состоянии. Позже он рассказывал, что у него мелькнула мысль, не связан ли внезапный отзыв Шнеддерера с пропажей карты. А если так, то его должны были арестовать и допросить. Душе не знал, как ему быть. Обнаружена ли вообще пропажа карты? Если нет, то как ему выйти с ней из здания, пока еще есть время.

Следующие сутки он провел в раздумье, ни с кем не советуясь, даже с Одеттой, что вообще-то было ему свойственно, когда он разрабатывал какой-нибудь серьезный план. Во вторник он продолжил свою работу, приступив к выполнению намеченной операции, для чего попросил прийти молодого обербауфюрера, ведавшего ремонтными работами. Когда тот появился, Душе спросил, готов ли производитель работ Келлер к тому, чтобы он приступил к делу.

– Это к какому такому делу? – поинтересовался офицер.

– К оклейке его кабинета обоями, как было обусловлено с Шнеддерером, – спокойно ответил Душе. – Производитель работ Келлер должен, я полагаю, знать об этом.

Ему пришлось ждать с полчаса, пока офицер навел справки. Возвратившись, он сказал, что Душе, по всей видимости, ошибается, так как в заявке сказано только о работах в двух кабинетах второго этажа.

– В заявке этого, видимо, нет, – согласился Душе. – Дело в том, что производитель работ Шнеддерер принял такое решение в последнюю минуту, сделав пометку в записной книжке.

Чтобы решить этот вопрос, офицер сделал знак Душе следовать за ним, и они направились наверх. Через несколько минут маляр с сильно бьющимся сердцем находился в кабинете, где было положено начало его приключению. Там все выглядело, как и прежде. Для прояснения дела был приглашен какой-то унтер-офицер, скорее всего бывший писарь Шнеддерера, но тот

ничего не знал. Их разговор был прерван возгласом только что вошедшего в кабинет производителя работ Келлера:

– О каких это обоях идет разговор?

После дополнительных разъяснений Келлер произнес резко (в тоне его Душе, однако, уловил некоторые нотки сожаления), что бюджет отдела не позволяет в настоящее время проведение дополнительных работ. Тогда Душе сказал, что, видимо, произошло какое-то недоразумение, ибо он в качестве проявления доброй воли согласился оклеить этот кабинет обоями бесплатно, а господин Шнеддерер оказал ему честь, согласившись с его предложением. Так что решение этого вопроса зависит от преемника производителя работ.

На лице Келлера появилась довольная улыбка, он хлопнул Душе по спине и произнес на ломаном французском языке:

– А вы – неплохой француз.

Затем добавил, что в этот день ремонт начинать нельзя, и спросил, сколько времени для этого понадобится. Душе, быстро прикинув объем работ, ответил:

– Два дня.

Когда Келлер распорядился освободить помещение после окончания рабочего дня, Душе, вмешавшись, пояснил, что этого и не требуется. Если мебель сдвинуть на середину кабинета, он сможет спокойно работать, а чтобы ее не перемазать, накроет тряпками.

В среду 13 мая Душе появился в кабинете и приступил к работе.

Вечером около пяти часов в Кан из Ле-Мана приехал представитель Центра Жирар, намеревавшийся встретиться с Душе, как это было обговорено заранее. О деле с картой и о том, что он получил временную работу в организации Тодта, Жирар ничего не знал. Не имел он и никакого представления о событиях, произошедших в кафе для туристов за час до его приезда.

В послеобеденное время несколько постоянных посетителей кафе сели за столик поиграть в домино. Это были жестянщик Дешамбре, бывший владелец гаража Дюме и страховой агент Харив. Душе еще не появился, но разговор собравшихся пошел о карте, которую, как утверждал тот, ему удалось спрятать, и о том, каким образом ее можно было бы оттуда забрать. Поскольку Душе славился умением побалагурить и похвастаться, Дешамбре сомневался в его искренности. Дюме, постоянно поддерживавший своего друга, и на тот раз вполне ему верил.

Харив, спокойный и уравновешенный человек, только барабанил пальцами по крышке стола, когда собеседники обменивались мнениями, как лучше заполнить эту карту, мало в то же время рассчитывая на успех. Вдруг на них пала какая-то тень, и они инстинктивно понизили голоса. Это был Альберт, который, сняв утепленную офицерскую шинель, повесил ее на стоячую вешалку, заказал рюмку коньяку и присел за отдаленный столик.

Троица не знала об ожидавшемся приезде Жирара и собралась уже уходить, когда в кафе появился Душе.

Увидев его, Харив предложил сыграть еще одну партию в надежде услышать от самого Душе про карту, которая не выходила у него из головы. Хотя они и поприветствовали Душе, тот, видимо, из-за Альберта не торопился к ним присоединиться. Он заказал себе у стойки бара рюмку кальвадоса, затем не торопясь повесил свое перемазанное краской пальто на стоячую вешалку и только после этого подсел к троице за столик.

– Шестерка дубль, – произнес Дешамбре, выкладывая на стол костяшку, и

обратился к Душе: – Привет, Рене, как дела, мой дорогой друг?

– Все хорошо, – ответил тот, дружески кивнув, но тут же встал и пошлепал к входной двери.

Троица молча переглянулась. Они не видели, что маляр делал у двери, однако любопытство их так и распирало.

Душе посмотрел вдоль улицы в сторону цветочного базара, где загорелые крестьянки продавали в корзинах красные, синие и белые анемоны-ветреницы. Он стоял довольно долго, явно радуясь послеобеденному солнцу.

Насвистывая по своему обыкновению довольно немзыкально какую-то песенку, он возвратился в зал, сказав друзьям:

– Я сейчас же к вам вернусь, мне нужно только взять из пальто сигареты.

Когда он, наконец, к ним присоединился, Харив, не отрываясь от игры, произнес:

– Мы уже целый час обсуждаем, как лучше изъять карту из осинового гнезда. Естественно, если такая вообще существует. Твой ход, Дешамбре.

– Пропускаю, – отозвался тот.

– А карта уже у меня, – небрежно бросил Душе.

Никто не произнес ни слова. Рука Дешамбре застыла с костяшкой домино в пальцах. Невольно, как по команде, все посмотрели в сторону немецкого капитана. Альберт даже не пошевелился.

– Бога ради, не здесь же? – запинаясь вымолвил Харив. – Тебе надо уходить...

– Но не сейчас, – спокойно возразил Душе. – На улице шныряют гестаповцы. Не остается ничего другого, как переждать... играя в домино.

– А что они здесь вынюхивают? – тихо спросил Харив. – Не подозревают ли они тебя?

– Не думаю. Вероятно, это – обычное патрулирование. Пропажу карты там еще не обнаружили, хотя это и кажется мне несколько странным. Внимание, друзья... вот и они.

Все склонились над столом, глядя на домино. Никто из них не осмеливался даже посмотреть вокруг. Позже Душе уверял, что слышал, как к кафе подъехала машина и притормозила, уж этот-то звук он всегда отличит от всех остальных уличных шумов. В голове каждого билась мысль: «Они идут... уже вошли...»

Минуты ожидания тянулись. Первым поднялся Душе, подошел к стойке и заказал еще кальвадос. При этом он прислонился к стойке так, чтобы видеть входную дверь и улицу. Через некоторое время кивком он дал понять друзьям, что полицейская машина исчезла. Все облегченно вздохнули.

– Ну а теперь, – когда маляр возвратился к столу, произнес Харив, – теперь расскажи нам, как все было.

В эту минуту Альберт допил свою рюмку и встал. Душе тоже вскочил и почти столкнулся с капитаном у вешалки. Извинившись, он снял с крючка шинель офицера и помог ему одеться. Альберт поблагодарил его коротким кивком, пожелал хозяйке доброго вечера и вышел.

Почти сразу же в кафе ввалилась целая ватага немцев, сгрудившаяся у стойки. А через пять минут появился Жирар и, увидев Душе, шумно его поприветствовал. Согласившись выпить рюмку коньяку, он присел на краешек стула, готовый в скором времени уйти, так как собирался в этот же день возвратиться в Париж, а до отхода поезда оставалось не так уж и много времени. Отпив глоточек коньяка, он спросил Душе:

– Что у вас для меня?

Душе просиял, но не отказал себе в удовольствии придать своему сообщению большую важность, сказав:

– Во-первых, целая куча донесений от П-1, весьма важных.

Жирар одобительно кивнул без особых эмоций.

– А кроме того – карта немецких укреплений, которую я прихватил в организации Тодта.

Жирар, казалось, подпрыгнул от неожиданности:

– Всемогуший Боже, как это вы ее заполучили? Пришлось, видимо, совершить кражу со взломом?

С ухмылкой Душе поведал ему о своей проделке.

Дело значительно упростилось, когда производитель работ Келлер клюнул на его наживку. До зеркала

никто не дотрагивался, так что карта спокойно лежала там, куда ее спрятал Душе.

– А потом, – закончил он простодушно свой рассказ, – я сунул ее в ящичек с кистями и был таков.

Наступило неловкое молчание. Затем Жирар произнес резко:

– И вы принесли ее сюда, вместо того чтобы спрятать в надежном месте? Да вы просто сумасброд. А теперь быстренько передайте ее мне вместе с остальной информацией, пока не поздно.

Сидевшие за столом увидели, как в руках Душе появился толстый конверт, который он передал Жирару, не обращая никакого внимания на немцев, сгрудившихся у стойки. Тот с трудом засунул его во внутренний карман.

– Чем раньше все это окажется в Париже, тем лучше. Но в следующий раз, пожалуйста, будьте, ради бога, благоразумны. Если бы гестаповцы появились в кафе и обнаружили этот конверт у вас, нам всем бы несдобровать.

Душе с дружеской улыбкой и без всякого смущения возразил:

– Они у меня ничего бы не обнаружили.

– Как это так?

– Когда я заметил на площади гестаповцев, то пошел за сигаретами и незаметно засунул конверт в карман шинели Альберта, где он находился бы в полной безопасности, даже если бы гестаповцы и вошли в кафе. Как только он собрался уходить, я разыграл любезного джентльмена, помог ему одеться и вытащил при этом конверт из кармана его шинели. Ведь нельзя же было допустить, чтобы наш добряк Альберт был расстрелян за шпионаж. – На лице Душе появилась озорная улыбка, и он закончил свой рассказ словами: – Вот, собственно, и вся история, друзья.

– То, что вы – сумасброд, в этом нет никакого сомнения, – сказал сурово и с оттенком недовольства Жирар, но тут же, однако, добавил добродушно: – Так же, как нет никакого сомнения и в том, что вы обладаете большим мужеством.

Эдвард Морган АГЕНТ, ТАК И НЕ ОБНАРУЖЕННЫЙ НАЦИСТАМИ

Управление стратегических служб – американская секретная организация возникла в 1942 году вскоре после Перл-Харбора, ее возглавил генерал Уильям Донован. Свои задачи по сбору информации и ее оценке управление выполняло, используя секретные операции, шпионаж и контршпионаж.,

военные и партизанские действия совместно с политическим и психологическим ведением войны. Ее сотрудники работали под псевдонимами и отчасти под прикрытием дипломатических служб во многих столицах нейтральных и союзных государств. Будучи представителем этого управления в Швейцарии, я столкнулся непосредственно с событиями, описываемыми в данном рассказе. Ведет его американский журналист Эдвард Морган о человеке, работавшем под псевдонимом Джордж Вуд.

В 1942 году Джеральд Мейер, сотрудник американского посланника в Берне, получил несколько необычное задание. С одной стороны, он должен был возглавить отдел ведения психологической войны управления военной информации, который занимался разбрасыванием листовок за линией немецкого фронта и ведением радиопередач из различных стран, исключая Швейцарию, на Германию. С другой же – ему поручено было сотрудничать с Алленом Даллесом, тогдашним шефом американской секретной службы в нейтральной Швейцарии.

Утром 23 августа 1943 года Мейер сидел в своем кабинете в здании американкой миссии в Берне, просматривая кипу обычной почты, когда секретарша доложила ему о приходе некоего мистера Брауна. В то время Берн – как Лиссабон, Мадрид и другие столицы нейтральных государств – буквально кишел агентами, контрразведчиками и различными темными личностями, многие из которых были подобны сомнительным чекам. В задачу Мейера входило, в частности, отделение зерен от плевел. Откровенно говоря, он сам, да и Даллес в глазах нейтральных швейцарцев были потенциальными шпионами, которые постоянно нарушали законы страны, однако власти лишь молча наблюдали за столкновениями сторон. Американский посланник предупредил сотрудников управления стратегических служб, что они в случае каких-либо осложнений не должны ссылаться на дипломатическую неприкосновенность.

Мейер никогда не слышал о докторе Брауне, но казал секретарше, что примет его, добавив:

– Предупредите его, что у меня всего несколько минут свободного времени.

Доктор представился как друг одного банкира, с которым Мейер бегло познакомился несколько месяцев тому назад в Базеле, и сообщил, что именно он и направил его к Мейеру.

О самом себе он рассказывал сбивчиво и несколько путано. Он – немец, но с гитлеровским режимом порвал, сейчас гражданин одного из южноевропейских государств.

– Я уже давно, – сказал он, – пытаюсь установить контакт с союзниками, уверен, что именно они станут победителями, и желаю сделать все возможное, чтобы ускорить эту победу. Моя мотивация – альтруистическая, просто после войны я намерен вновь заняться своими довоенными делами.

Мейер принял посетителя за коммерсанта, попавшего в черный список и старающегося войти в контакт с американцами, чтобы разблокировать замороженные средства. В Швейцарии таких типов хватало. Решив поскорее от него избавиться, Мейер попросил его перейти к делу.

В ответ доктор достал продолговатый конверт из внутреннего кармана своего плаща, извлек из него несколько листов бумаги и, расправив их, положил на стол перед Мейером. Тесты были напечатаны по-немецки, а в верхнем углу каждого листа стояла надпись «секретно». Это были документы,

адресованные в министерство иностранных дел и подписанные Папеном, Абетцем и Нойратом, а точнее – копии телеграмм из немецких посольств в Анкаре, Париже и Праге на имя имперского министра фон Риббентропа.

Из Парижа Абетц сообщал о планах засылки с помощью вишийского правительства немецкой агентуры через Алжир в США и Северную Африку – в тылы английских войск. Нойрат докладывал об обстановке в Чехии. Несмотря на жесточайшие расправы с населением в качестве возмездия за убийство Райнхарда Гейдриха – «палача» Праги, немцы и спустя год опасаются, что чешское движение Сопротивления не сломлено. В Праге начинает поднимать голову оппозиция. Фон Папен из Турции извещал Берлин о попытках англичан засылать своих наблюдателей на Балканы через Стамбул.

Если эти сведения подлинные, то они имеют большую ценность. Мейер, стараясь не показывать своего волнения, спросил доктора, откуда у него эта информация.

Доктор молча посмотрел на него, затем тихо произнес:

– Из этого источника есть еще и другая информация. Я выступаю лишь в качестве посредника моего друга, работающего в немецком министерстве иностранных дел. Он сейчас в Берне. А приехал вчера, якобы в командировку, используя это как предлог. Он ищет возможность вступить в контакт с союзниками. Я знаю его уже долгие годы. Могу вас заверить, что он стопроцентный антинацист и решил работать против Гитлера на собственный страх и риск. Ему хотелось бы познакомиться с вами лично. В знак доброй воли он и послал эти документы. Кое-какие сведения у него есть еще, их он тоже может вам передать.

Мейер попросил подождать в приемной и, извинившись, спешно помчался к Аллену Даллесу. В кабинете шефа он показал документы и рассказал о происшедшем. Возможность вступить в контакт с сотрудником министерства иностранных дел, сидящим в центре Берлина, и получить доступ к секретам нацистского режима, казалась невероятной. Скорее всего, это смахивает на ловушку.

– Усматриваю в этом три вероятности, – подумав, ответил Даллес. – Первая: немцы могут попробовать расшифровать наш секретный код, надеясь, что мы немедленно передадим полученные сведения в Вашингтон. А поскольку они прослушивают все швейцарские радиопередачи, в том числе и рекламные, они засекут и наши шифровки. Поскольку содержание им будет известно, то им не составит большого труда найти и ключ к нашему коду. Второе предположение: наш друг – агент-provokator. Передав нам информацию, он донесет в швейцарскую полицию, и нас вышвырнут отсюда за шпионаж. Третья, наименее вероятная возможность: человек говорит правду.

Мейер сказал, что считал бы целесообразным проверить именно это предположение, поскольку доктор произвел на него впечатление искреннего человека. Даллес заявил о своем согласии продолжать игру по крайней мере до тех пор, пока они сами не увидят добровольца из министерства и не составят о нем свое мнение.

Мейер сбежал по лестнице и сообщил доктору Брауну, что готов встретиться с его приятелем сегодня же вечером на своей квартире. Приезжий как раз собирался поужинать с одним из коллег по министерству иностранных дел, после чего мог совместно с доктором Брауном прийти на встречу в полночь. Через полчаса к ним инкогнито собирался присоединиться Даллес. Мейер проживал в городском районе Кирхенфельд на берегу Аары, в центре дипломатического квартала. Он нарисовал схему и передал ее доктору, чтобы

тот мог без лишних расспросов найти нужный дом.

Нейтральная Швейцария представляла собой тогда изолированный остров в бурном потоке событий войны, будучи со всех сторон окруженной странами оси. Поэтому американская миссия могла поддерживать связь с Вашингтоном только по радио. Иногда американцам удавалось контрабандным путем передавать в Лиссабон накопившуюся информацию через некоего посредника мавританского происхождения по прозвищу Паук. Путь этот был, однако, ненадежным и мог использоваться лишь время от времени. Поэтому нужно было срочно изыскать новые возможности как получения, так и передачи сведений. К тому же Вашингтон засыпал миссию неотложными вопросами. К тому моменту Муссолини был свергнут в результате бурных событий в Риме, шла подготовка к высадке союзных войск на юге Италии, англичане ночью, а американцы и днем непрерывно бомбили Германию. Так что возможность заглянуть, как говорится, в замочную скважину и увидеть, что творится в Берлине, была как никогда кстати.

В оставшееся рабочее время Мейер постоянно возвращался в мыслях к завязывающейся истории и никак не мог сосредоточиться на проблемах психологической войны. Поужинав в одиночку, он направился в свои холостяцкие апартаменты, расположенные этажом выше жилища американского военного атташе. Чтобы ожидавшиеся посетители не привлекали к себе внимания звонком, он оставил входную дверь слегка приоткрытой. Затем, сбив в миксере свой любимый напиток, уселся в кресле с журналом.

Ровно в полночь дверь бесшумно открылась. В прихожую вошел доктор Браун в сопровождении коренастого невысокого роста мужчины в кожаной куртке. Шляпы на нем не было, и лысина отсвечивала в неярком свете ламп. Мужчина и Мейер посмотрели внимательно друг на друга. Они не стали представляться и не протянули рук для пожатия. Несколько мгновений все стояли молча.

Мейер предложил посетителю снять куртку. Прежде чем раздеться, незнакомец сунул руку в карман. У Мейера никакого оружия не было, и он с тревогой подумал, успеет ли позвать на помощь офицера, живущего под ним, если посетитель достанет пистолет. Но немец извлек довольно больших размеров конверт коричневого цвета. На темно-красной мастике, которой он был прежде опечатан, четко виднелась свастика.

– Доктор Браун сообщил вам, что у меня есть еще кое-какая информация, – заговорил он на берлинском диалекте без всякого предисловия. – Если мне память не изменяет, здесь находится сто семьдесят шесть отдельных сообщений.

Произнеся эти слова, он положил конверт на небольшой журнальный столик, стоявший около дивана. Мейер быстро перелистал стопку бумаг. Это была информация о моральном состоянии немецких войск на русском фронте, сведения о разрушениях и саботаже французских участников движения Сопротивления, заметки о визитах в министерство японского посла и различные доклады Риббентропу. Большинство бумаг являлись расшифрованными телеграммами в министерство иностранных дел. Некоторые документы были сформулированы с протокольной точностью, другие носили характер стенограмм. Каждое из этих, даже самых небольших сообщений нашло бы, несомненно, свое место в мозаике стратегической и тактической информации о гитлеровской империи, собираемой американцами.

Когда Мейер заканчивал просмотр материалов, в комнату вошел Даллес,

которого хозяин представил как коллегу по работе – мистера Дугласа. Затем он предложил всем присутствовавшим по бокалу виски. Взаимное недоверие, однако, сковывало языки, и разговор носил чисто формальный характер. Оба немца вели себя достойно, стараясь выдерживать дружелюбный тон, американцы же, сами того не осознавая, с трудом скрывали возбуждение. Разговор шел на немецком языке.

– Господа наверняка спросят, являются ли эти документы подлинными и каким образом они у меня оказались, – произнес незнакомец. – Это – материалы, побывавшие на моем письменном столе в министерстве иностранных дел.

Затем пояснил, что является референтом доктора Карла Риттера, возглавляющего отдел по связям министерства иностранных дел с вермахтом. Через его руки проходят не только телеграммы и меморандумы, поступающие из немецких иностранных представительств, но и материалы по военным операциям, секретному планированию подводной войны, передислокации войск и положению дел в военной администрации оккупированных районов, а также деятельности авиации Геринга.

– В мою задачу входит, – продолжил немец, – распределение поступающей информации по степени важности, прежде чем она попадет на стол Риттера.

Мейер и Даллес обменялись взглядами. Риттер был им хорошо знаком. Будучи немецким послом в Рио-де-Жанейро, он был в свое время одним из самых активных и опасных противников американцев, возглавляя громадную национал-социалистскую шпионскую сеть. Он отличался хладнокровием, наглостью и не брезговал никакими средствами. Мысль о том, что он мог повернуться к нацистам спиной, была маловероятной.

– Как долго вы работаете на этой должности? – спросил Мейер.

– Уже три года, – последовал ответ. – Я давно пытался выбраться из Германии для осуществления поставленной самому себе задачи, но требовались терпение и выдержка. А вообще-то я служу в министерстве иностранных дел почти двадцать лет, попал туда задолго до прихода нацистов к власти, так что определенный опыт у меня имеется.

Он скромно пожал плечами, но в голосе послышалась скрытая гордость.

– С первого же дня, когда мне пришлось иметь дело с секретными документами, мне стало ясно, что надо найти пути и возможности их доставки нужным людям, – добавил он. – После событий в Перл-Харборе я старался через церковные круги Берлина установить контакт с американцами, но успеха не добился, хотя и приходилось извиваться наподобие змеи. Было ясно, что такое возможно только на нейтральной территории. И я посчитал, что самым подходящим местом является Швейцария. Я знал эту страну, где у меня были друзья – прежде всего доктор Браун. Поездка была бы непродолжительной, но сложность заключалась в том, чтобы найти правдоподобное обоснование для выезда.

И он решил предпринять своеобразную рекогносцировку, учитывая, что некоторым партийным боссам удастся выезжать в отпуск за пределы рейха. Хотя он и не являлся членом партии, мог все же позволить себе, как чиновник с многолетним стажем, небольшой отдых. Он подал своему начальству заявление с просьбой предоставить краткосрочный отпуск, чтобы покататься на лыжах в Швейцарских Альпах или Италии. В просьбе ему, однако, отказали. Миновал почти год, прежде чем он предпринял новую попытку, дабы не вызывать подозрений.

На этот раз он заявил, что ему необходимо оформить развод со своей второй женой – якобы швейцаркой, для чего требуется встреча с адвокатом в Цюрихе. Ему объяснили, что дело, мол, не слишком срочное. По прошествии еще некоторого времени он заявил о своей готовности поработать в качестве дипломатического курьера, но ему ответили, что таковых вполне хватает.

Лишь через несколько месяцев ему удалось наконец осуществить свой замысел. Заместителем начальника курьерской службы министерства была фрейлейн Мария, молодая, но умная и рассудительная женщина, происходившая из прусской аристократической семьи. Он решил обратиться к ней, признавшись чистосердечно, что ему необходимо попасть в Швейцарию для решения деловых вопросов своих друзей, и спросил, не мог ли бы он съездить туда в качестве курьера.

– Примерно через неделю будет готова курьерская почта для отправки в Берн, – ответила она. – Думаю, что мне удастся послать вас.

На третьей неделе августа вопрос был решен, он получил выездную визу и выехал без происшествий в Швейцарию. Досмотру, как дипломат, он не подвергался и перевез материалы через границу, привязав их к ноге под брючиной. Расслабляться ему, впрочем, было рано. В Берлине, хоть затемненном и неприветливом, он знал каждый камень, в швейцарской же столице не был уже долгие годы. А она показалась ему совершенно иной и чужой. Ему приходилось опасаться не только немецких агентов, но и швейцарской тайной полиции, вынюхивавшей шпионов. К тому же более двух – максимум трех дней оставаться в Берне он не мог. Не имел он возможности остановиться и в какой-нибудь маленькой гостинице, так как министерство иностранных дел Германии имело свой счет в «Терминусе», что на привокзальной площади, где для него зарезервировали номер. Он знал, что за ним там будет установлена слежка, людей, с которыми он станет контактировать, тоже возьмут на заметку, а телефонные разговоры наверняка прослушиваются. Лишь по прошествии нескольких часов ему удалось позвонить доктору Брауну из уличного телефона-автомата. Вот каковым был его путь до апартаментов Мейера.

Американцы знали о существовании довольно слабого немецкого подполья, состоявшего из армейских офицеров и некоторых гражданских лиц, которые никак не могли решить, следует ли убить Гитлера или же просто арестовать, после чего начать мирные переговоры с союзниками. Среди заговорщиков были также представители старого немецкого дворянства, ремесленники и политики. Незнакомец мог, конечно, принадлежать к их кругу, но для выяснения этого нужно было соответствующее подтверждение.

– Мы не знаем, – прервал его рассказ Даллес, – не являетесь ли вы агентом-provокатором.

– Вы были бы слишком наивными, – согласился немец, – если бы у вас не возникло никаких подозрений. Сейчас я не могу доказать, что таковым не являюсь. Однако если бы я был provокатором, то вряд ли сумел бы представить вам такое количество секретной документации. Согласитесь, для отвода глаз вполне хватило бы двух-трех бумаг.

Он немного помолчал и откашлялся. Доктор Браун глянул на курьера и сказал:

– Если мой друг не станет возражать, я приведу одну фразу, которую он произнес вчера при нашей встрече. Он провозгласил тост: «Недостаточно сжимать руку в кулак в кармане, надо, чтобы он мог нанести удар».

Эти слова произвели на американцев благоприятное впечатление. Тем не

менее они подумали: может быть, за этим все же что-то скрывается, скажем, предоставление документов в обмен на освобождение немецких военнопленных или что-либо другое.

Доктор Браун усмехнулся, как бы прочитав их мысли:

– Должен признаться, что мы сначала обратились в британское посольство. Там меня немного знают. Когда же меня спросили о финансовых условиях, а я ответил: «Никаких» – то меня не стали принимать всерьез, а попросту высмеяли, сказав, что это все не более как шутка и к тому же глупая.

– Каковы же ваши условия? – спросил Мейер. Курьер посмотрел сначала на него, потом на Даллеса и медленно проговорил:

– Господа, я ненавижу нацистов. Для меня они – враг номер один. По отношению к большевикам я испытываю то же самое. И те и другие представляют опасность для мира. Но ведь идет война, а страдает народ. Попробуйте поверить, что я действительно – немецкий патриот, человек с совестью, и таких людей в Германии довольно много. Все, что мы просим в качестве оплаты за наши услуги, сводится к оказанию нам помощи и поддержки после войны как в моральном, так и в материальном плане.

– Сейчас трудно предугадать, что будет после войны, – заметил Даллес. – Сначала ее надо выиграть. – Нагнувшись вперед, он постучал костяшками пальцев по столу.

Было уже три часа ночи. Немцы по соображениям безопасности оставаться дольше не могли. Да и курьеру предстояло выехать в Берлин утренним поездом. Следующую поездку он, по-видимому, сможет предпринять в Швецию. Конечно, необходимо какое-то время, чтобы проверить переданную им информацию. И еще. Для того чтобы ему легче было установить контакт с американским посольством в Стокгольме, необходим псевдоним для идентификации.

Потом уже никто не мог вспомнить, откуда и почему появилось имя Джордж Вуд. Может, какую-то роль сыграло постукивание Даллеса по крышке стола. Но как бы то ни было, на этом имени и остановились, восприняв это как хорошее предзнаменование. При прощании мужчины крепко пожали друг другу руки, и Джордж Вуд и доктор Браун бесшумно спустились по лестнице,

Даллес и Мейер после ухода немцев до самого рассвета занимались сортировкой документов. Обменявшись мнениями, пришли к выводу, что стоит рискнуть пойти на предложенную игру и сообщить обо всем в Вашингтон. В течение дня составили обстоятельную депешу с изложением данных о Вуде и просьбой об ускоренной их проверке.

А Вуд в это время сидел в вагоне поезда, мчавшегося в Берлин, уютно устроившись в углу купе. Хотя за истекшие четверо суток он почти не спал – подушки в номере «Терминуса» были едва помяты, – он не чувствовал усталости. Он испытывал такое же радостное волнение, как и после прыжка на лыжах, совершенного им однажды после длительной тренировки, хотя американцы не дали ему никаких доказательств их доверия, а риск, ожидавший его, был очень велик. Как бы то ни было, ему удалось-таки совершить после длительного выжидания первый шаг.

Незаметно он задремал, а когда проснулся от толчка поезда, за окном уже пробегали пригороды Берлина. Хотя день клонился к вечеру, он сразу же поехал на работу на Вильгельмштрассе, чтобы доложить и посидеть за своим письменным столом. С этой минуты он должен стать еще более осторожным, чем когда-либо, отгородиться от всех стеной молчания, делая вид, что поглощен лишь работой. Самым тяжелым для него было то, что он не мог ни с

кем поделиться своими секретами, хотя у него были друзья и знакомые, тоже по-своему не принимавшие нацизм.

За исключением участвовавших бомбардировок Берлина жизнь в городе протекала относительно спокойно. Но когда он шел по улицам с вокзала, дома показались ему более серыми и обветшавшими.

На его письменном столе лежала записка с пометкой «Срочно!». Развернув ее, он прочитал: «Немедленно явитесь к чиновнику по вопросам безопасности».

Страх так и пронизал его. Неужто им удалось что-либо уже обнаружить?

. Чиновник оказался человеком с бледным лицом и глубоко запавшими глазами, подозрительно сверлившими собеседника. Когда Вуд зашел в его кабинет, он сидел, насупившись, за столом с телеграммой в руках, которую держал как готовое вот-вот развалиться пирожное.

– Вы ездили в Берн в качестве курьера? – спросил он. Голос его звучал глухо.

– Так точно.

– До нас дошло, что вы почти всю ночь с 23-го на 24-е провели вне стен «Терминуса».

– Да, это так, – ответил Вуд, натянуто улыбнувшись. – Человеку иногда хочется отвлечься. Да вы и сами знаете, как возникает желание побродить по улицам в чужом городе, выпить пару рюмок шнапса в каком-нибудь баре и поболтать с молоденькой девушкой...

– Очень неосторожно с вашей стороны, – прервал его чиновник. – К тому же сказанное вами может не соответствовать истине.

– Должен признаться, что потом я тоже оценил свой поступок как несколько легкомысленный, – согласился Вуд, – и поэтому принял кое-какие меры.

Достав из портмоне небольшую бумажку, он протянул ее ретивому службисту. Тот быстро просмотрел ее. Это была справка бернского врача о том, что Вуд утром 24 августа был сделан профилактический укол и произведен анализ крови.

– Все в порядке, – хмыкнул чиновник. – Но в будущем постарайтесь проводить свое время благоразумнее.

Несколько недель Вуд работал как одержимый. Очень часто на его письменный стол ложилась весьма важная и срочная информация, которую он, к сожалению, не мог передать союзникам. Прибытие подкреплений Кессельрингу в Италию, например, было отмечено на фронте 5-й американской армии еще до того, как он сумел передать приказ об этом Даллесу и Мейеру во время своей следующей поездки.

Несмотря на принимаемые им меры безопасности, любой непредвиденный случай мог перечеркнуть все его усилия. Однажды вечером у него появился старый школьный друг, сын зажиточных родителей, ставший лейтенантом вермахта, в гражданской одежде.

– А где же твоя форма? – изумленно спросил Вуд.

– Осталась в казарме, – беззаботно ответил тот. – Я удрал отсюда.

Потом разрыдался и обратился к Вуду с просьбой помочь ему бежать в Швейцарию. Достав из кармана золотые часы, добавил, что за них можно получить достаточно денег.

– Да ты – идиот! – взорвался Вуд. – Разве ты не знаешь, что каждый метр на границе охраняется пограничниками с собаками? Такая попытка равносильна самоубийству.

Попытавшись немного успокоить отчаявшегося офицера, он отвез его в казарму, пока никто ничего не заметил, даже не думая о возможных последствиях, если бы их остановил патруль и проверил документы.

На работе Вуд засиживался допоздна, делая иногда заметки по прочитанным документам. Он не имел права долго задерживать у себя бумаги с грифом «совершенно секретно», однако не возвращал их, пока не снимал копию. Такой материал он не держал ни дома, ни в своем письменном столе, а постоянно носил с собой.

В конце октября у него появились данные о событиях в Испании и Ирландии, которые надо было бы срочно передать союзникам. Поэтому он рискнул обратиться с просьбой о новой поездке. Ему повезло, так как почта направлялась в Берн, а фрейлейн Мария не возражала.

В ночь перед отъездом в Берн он едва не погиб. Вуд ненавидел бомбоубежища, чувствуя себя там как в ловушке. Как сотрудник министерства иностранных дел, он получил удостоверение, с которым мог свободно передвигаться по городу даже во время воздушных налетов авиации союзников. Вечером он навестил знакомого и возвращался в министерство, когда завывали сирены воздушной тревоги. На город посыпался град тяжелых авиабомб с британских самолетов.

Когда он поворачивал с Унтер-ден-Линден на Вильгельмштрассе, его остановил патруль. Полицейский принялся тщательно рассматривать его удостоверение при свете карманного фонарика, и вдруг метрах в ста пятидесяти от них разорвалась бомба, ударной волной их сбило с ног. Через несколько секунд они поднялись, засыпанные пылью, но невредимые. Вуд поблагодарил полицейского за то, что тот остановил его и тем самым спас ему жизнь, угостил гаванской сигарой, оставшейся у него от последней поездки в Швейцарию, и, обходя еще дымившуюся воронку, пошел к себе на работу.

Подготовка к поездке ставила перед ним те же задачи, что и в августе. Привязывать отобранные секретные материалы к ноге Вуд не решился: это было не совсем удобно, да и небезопасно. Зная, что курьерская почта контролю не подвергается, он вложил полученный от Марии конверт в пакет несколько больших размеров вместе со своей документацией и опечатал пакет сургучной печатью со свастикой. Получился своеобразный чемодан с двойным дном.

Ранним утром он выехал с Анхальтского вокзала. Обычно поездка длилась восемнадцать часов, но из-за налетов авиации времени уходило гораздо больше. Улучив момент, он отозвал проводника в сторонку и, дав щедрые чаевые, попросил предупредить его в случае появления самолетов. Он не столько боялся бомбежек, сколько хотел иметь время, чтобы избавиться в случае опасности от компрометирующих материалов.

Часа в четыре утра проводник постучал в дверь его купе, крикнув: «Воздушная тревога!» – и побежал дальше. Поезд остановился. Вуд, не раздевавшийся на ночь, схватил конверт и дорожную сумку и выпрыгнул из вагона на край железнодорожной насыпи.

Они находились в лесу, судя по всему, где-то между Франкфуртом и Карлсруэ. Слабый лунный свет поблескивал на рельсах. Другие пассажиры тоже стали выпрыгивать из вагонов. Плакал ребенок, мужчина, не нашедший в темноте своего чемодана, громко ругался.

Вуд, услышав приближавшийся рев самолетов, сиганул в придорожную канаву. Летевший на бреющем полете английский бомбардировщик дал несколько очередей из пулемета по локомотиву. Ответный огонь открыт не был, так как только специальные поезда имели зенитные установки. Самолет

исчез, и тут же на некотором удалении, на повороте дороги, раздался оглушительный взрыв, сопровождавшийся ярким всполохом пламени. Хотя прямого попадания бомбы не было, колею все же повредило. Поезд смог продолжить путь только во второй половине дня. Больше налетов авиации не было, однако Вуд потерял почти целый день.

В Базеле пассажиров подвергли таможенному и паспортному контролю сначала немцы, а потом и швейцарцы. Хотя Вуд и не терял самообладания, он все же испытывал определенный страх, сердце бешено колотилось, а в голове пульсировала мысль: «Ведь с тобой материал, который будет стоить тебе головы, если его обнаружат». Внешне совершенно спокойный, он небрежно держал смертельно опасный пакет в руке. Пограничник, внимательно посмотрев на Вуда, кивнул, разрешив идти.

На вокзале он поспешил в туалет, разорвал внешний пакет и рассовал свою документацию по карманам. Сам пакет сжег, а пепел спустил в унитаз. Взяв такси, перебрался через Рейн к Швейцарскому вокзалу, где сел в поезд, шедший на Берн.

Прибыв к месту назначения, Вуд сначала сдал конверт в посольстве, после чего позвонил Брауну. Встретились через два часа за кружкой пива, доктор сообщил ему, что американцы ждут его уже давно и готовы принять вечером. Мейер встретит его на своей автомашине, английском «триумфе», в половине двенадцатого ночи на мосту Кирхенфельд, идущем через Аару.

Поскольку на мосту будет темно, условились, что на переднем бампере остановившейся автомашины загорится синяя лампочка. Вуд выскочил из укрытия и сел в машину.

– Я очень рад, что вам удалось снова сюда выбраться, – приветствовал его Мейер. – Встретимся у Даллеса, но пойдем туда поодиночке.

Подъехав к пешеходной тропинке, он высадил Вуда, объяснив ему, как пройти к нужному дому через сады. Сам же уехал и зашел позже в дом с другой стороны.

Войдя в кабинет Даллеса, Вуд достал свои трофеи. Немецкая миссия в Дублине, используя нелегальный радиопередатчик, устраивала радиопомехи, сбивавшие корабли союзников с курса. После протеста госдепартамента ирландская полиция конфисковала важнейшие детали передатчика, вынудив его замолчать. Вуд представил телеграмму, в которой немецкий посланник запрашивал необходимые запчасти, которые предполагалось доставить контрабандным путем.

Парижский посол Абетц направил в Берлин план, разработанный Лавалем, по которому родственники людей, перешедших к Де Голлю, подлежали аресту и даже расстрелу в целях устрашения участников движения Сопротивления.

Немецкий посол из Мадрида докладывал:

– Корабли с грузом апельсинов будут по-прежнему отправляться в соответствии с планом.

Буду удалось установить, что Франко, в нарушение договоренностей с союзниками, продает Германии вольфрам, упакованный в ящики из-под апельсинов.

Перед самым отъездом Вуда из Берлина поступило сообщение от немецкого посла в Буэнос-Айресе о том, что из американского атлантического порта в ближайшее время в Европу выйдет большой конвой кораблей.

Это было очень своевременное извещение, план выхода конвоя в море изменили, и запланированные атаки немецких подводных лодок сорваны. За

нелегальный экспорт вольфрама на Испанию было наложено эмбарго в поставках нефти.

Вуд предложил присылать в период между поездками небольшие безобидные посылочки с закодированными сообщениями на адрес «шурина» доктора Брауна в Цюрих. Систему кодирования он придумал сам во время вагнеровского концерта в Берлине, будучи страстным любителем музыки.

Чтобы оповестить, дошли ли сведения до адресата, можно было бы, по его мнению, высылать ему от лица этого шурина продовольственные посылочки с рыбными консервами, маслом, кофе и другими продуктами. Кофе класть только тогда, когда информация получена.

Перед уходом Вуд попросил две вещи: небольшой фотоаппарат с высокой разрешающей способностью и оружие.

– Фотографирование документов сэкономило бы уйму времени, – сказал он. – Я мог бы пересылать вам непроявленные пленки или привозить их сам.

Мейер смог передать ему фотоаппарат уже на следующий день, но иметь оружие отсоветовал, так как в случае ареста оно явилось бы отягчающим обстоятельством.

– Впрочем, – рассмеялся Вуд, когда они пожали друг другу руки на прощание, – я могу обзавестись пистолетом и в Германии. Весь вермахт я из него не перестреляю, но он нужен мне на крайний случай – для себя самого.

За всю зиму только в двух продовольственных посылочках от «шурина» доктора Брауна кофе не было вложено.

Буду удалось восстановить отношения со старым другом, вместе с которым они работали в Испании и который теперь был курьером. (В министерском аппарате имелись люди, настроенные против нацистов, но не рисковавшие что-либо предпринять. Некоторые даже подчеркивали свою некоторую оппозиционность, однако правая рука у них не знала, что делает левая. Тем не менее и от них была определенная польза.) Курьер, например, согласился передавать иногда приветы цюрихскому «шурину».

Вуд воспользовался и услугами вышедшего на пенсию по возрасту коллеги, который перебрался на жительство в небольшой домик в Форарльбергских Альпах у Боденского озера. Его звали Вернер, и он ухитрился переправлять почту в Швейцарию, не интересуясь ее содержанием и предназначением. В штормовые дни конца войны он даже предоставил Вуду убежище.

Однажды Вуд ухитрился переправить в Цюрих микрофильмы, спрятав их в корпус наручных часов. В то время отремонтировать испортившиеся часы в Германии было практически невозможно, так что его просьба к одному из курьеров передать их «шурину» для ремонта была вполне убедительной.

Вашингтон и Лондон интересовались объемом производства военной продукции, чтобы оценить результативность воздушной войны. И Вуд неоднократно представлял такие данные, сопровождая их выводами о моральном настроении населения.

Однажды Берн получил указание из Вашингтона о необходимости уделить больше внимания информации о Японии. Поскольку об очередном прибытии Вуда судить было трудно, а направлять ему шифровку опасно, Мейера осенила блестящая идея. Из Цюриха Вуду послали почтовую открытку с горным пейзажем, текст которой гласил:

«Дорогой друг! Может, ты еще помнишь моего маленького сынишку. У него скоро день рождения, и я хотел бы подарить ему какую-нибудь оригинальную японскую игрушку, которые до недавнего времени были у нас во

всех магазинах, а сейчас исчезли. Если они еще, конечно, есть в Берлине...»

Вскоре Вуд сам приехал в Берн и привез подробную информацию о японцах, в том числе и о вооружении японского флота. (Данные эти подтвердили правильность раскодирования японского военно-морского шифра.) Ранней весной 1944 года в Берне стало известно о готовящемся в кругах немецких заговорщиков покушении на Гитлера. Никаких связей с ними Вуд не имел, но через друзей и знакомых узнал о некоторых подробностях. К тому же ему удалось переправить в Берн подробную информацию о характере и месте нахождения штаб-квартиры фюрера на Восточном фронте. Исходя из этого, у союзников возникла идея разбомбить ее с воздуха, но до осуществления этого плана дело так и не дошло.

20 июля 1944 года во время обсуждения обстановки на фронте в деревянном бараке «Волчьего логова» в Восточной Пруссии однорукий полковник граф фон Штауффенберг подложил под стол, на котором были развернуты карты, бомбу с часовым механизмом, заложенную в его портфель. Взрыв бомбы произошел, но каким-то чудом Гитлер отделался легкими царапинами. Самый значительный и хорошо подготовленный антинацистский заговор провалился.

От Вуда долгое время не было никаких известий, и Мейер даже подумал, что прокатившаяся волна арестов и «процессов» захлестнула и его. Только в конце сентября выяснилось, что Вуд жив. С того времени и до самого конца войны поток информации из министерства иностранных дел Германии, весьма ценной для союзников, не прекращался.

Примечание А. Даллеса

Хотел бы сказать несколько слов о своих личных впечатлениях о Вуде, которые помогут читателю разобраться в его характере и вместе с тем покажут трудности, с которыми приходится сталкиваться даже в работе с таким идеалистом, как он.

В конце 1943-го или начале 1944 годов – точно не помню, – во всяком случае задолго до покушения на Гитлера, во время своего очередного приезда в Швейцарию Вуд пожелал переговорить со мною с глазу на глаз. То, что он предложил, и удивило, и обеспокоило меня. Он намеревался прекратить свою и так чрезвычайно опасную нелегальную деятельность в министерстве и стать «полноправным членом» немецкого Сопротивления.

Джордж опасался, что демократическое правительство заклеит его как пособника нацистов, если он продолжит свою службу. Признание же его «сопротивленцем» обеспечит ему политическое реноме в новой Германии.

Это наивное и тоже безумно опасное решение означало бы ликвидацию для нас источника ценнейшей информации. К тому же над многими участниками Сопротивления нависла серьезная угроза. Приходилось опасаться, что СД уже проникла в их ряды. Так что Вуд не только потерял бы свою ценность для союзников, но и поставил бы собственную жизнь на карту.

Мне пришлось прибегнуть к искусству убеждения, чтобы втолковать ему, что своей нынешней деятельностью он приносит наибольшую помощь антигитлеровскому фронту и что он фактически незаменим. Желавших влиться в ряды противников гитлеровскому режиму хватало, быть же агентом и одновременно принимать активное участие в подпольной деятельности, направленной на свержение Гитлера, просто невозможно.

Убедить Джорджа было нелегко, и мы дебатировали с ним в течение

нескольких часов. В конце концов он согласился продолжать свою миссию. С моего сердца, признаюсь, упал камень. Но я пообещал ему, что сделаю все, что в моих силах, чтобы еще до полного разгрома Германии он смог вступить в контакт с друзьями-сопротивленцами (что и было реально достигнуто).

Л. Мойзиш **ЦИЦЕРОН – КАМЕРДИНЕР ПОСЛА**

В этой истории Л. Мойзиш, бывший сотрудник немецкой секретной службы, работавший во время Второй мировой войны в немецком посольстве в Анкаре, рассказывает, как в конце 1943 года с ним вступил в контакт камердинер английского посла, албанец по национальности, и предложил продавать немцам за большие деньги секретные документы из сейфа своего шефа, которые намеревался фотографировать.

В книге, из которой взят данный отрывок, автор повествует о том, в частности, что Цицерон (таков был псевдоним албанца) через некоторое время уже не мог передавать немцам ценную информацию, подсовывая малозначимый материал, но по-прежнему за высокую плату.

Когда писалась книга, Мойзиш еще не знал, что истинная причина того, что албанец уже, по сути, лишился источника ценной информации, была связана с тем, что немецкий посол Франц фон Папен из-за высокой стоимости предлагавшихся Цицероном материалов сообщил об этом в Берлин. Телеграмма попала в руки Риббентропа, но на нее обратил внимание и герой предыдущего рассказа Джордж Вуд, передавший ее копию мне в начале 1944 года.

Несомненной заслугой Вуда является то, что он правильно оценил значение этого факта для союзников.

Копию телеграммы я немедленно передал своему английскому коллеге в Берне, который довел ее содержание до своего министерства иностранных дел. Само собой разумеется, что я предупредил англичан, чтобы их действия носили такой характер, дабы мой источник не пострадал.

Проведенная вскоре же инспекция английского посольства в Анкаре носила внешне обычный рутинный характер, но были приняты необходимые меры по сохранности секретных материалов, в результате которых Цицерон остался практически не у дел.

У этой истории была и другая особенность: немцы заплатили Цицерону фальшивыми фунтами стерлингов, в связи с чем он после войны попытался получить свой «гонорар» с демократического немецкого правительства, но безрезультатно.

26 октября 1943 года ничем не отличался от остальных дней. Я занимался обычными делами, уйдя с работы несколько пораньше. Решив выспаться, улегся в постель и выключил настольную лампу. Я уже крепко спал, как вдруг раздался телефонный звонок. Нужно сказать, что телефон у меня не работал уже несколько дней, поэтому воспринял свою побудку без излишней нервозности. Полусонным схватил трубку и услышал голос фрау Йенке, жены советника посла. Несколько озабоченно она сказала:

– Не могли бы вы прийти сейчас к нам? Мой муж хочет с вами поговорить.

Я ответил, что уже лег спать, и поинтересовался, в чем дело. Однако она,

прервав меня, продолжила:

– Это срочно. Пожалуйста, приходите немедленно.

Моя жена тоже проснулась, и, пока я одевался, мы обменивались мнениями, что за спешка могла случиться. Может быть, какая-нибудь нелепая телеграмма из Берлина? Подобное уже случалось. Выходя из дому, посмотрел на часы. Было половина одиннадцатого.

На машине мне потребовалось всего несколько минут, чтобы добраться до посольства. Построенное в немецком стиле и окруженное домами, оно получило у турок название «немецкая деревня». Заспанный турецкий привратник открыл железные ворота. Я тут же пошел к нужному домику и позвонил в дверь, которую открыла фрау Йенке, извинившаяся, что меня пришлось разбудить.

– Муж уже в постели и хотел бы переговорить с вами завтра с утра пораньше. – Указав на дверь гостиной, добавила: – Там сидит какой-то странный парень. Он говорит, что у него есть что-то для продажи. Поговорите с ним и выясните, что все это значит. Когда будете уходить, закройте за собой входную дверь. Прислугу я уже отпустила.

Сказав это, она ушла в спальню. Я же, оставшись в прихожей, не без раздражения подумал, входит ли полуночная беседа с неизвестным человеком в обязанности атташе. Как бы то ни было, я был полон решимости разобраться с историей как можно быстрее.

Войдя в гостиную, заметил, что тяжелые портьеры были плотно закрыты, а горевшая настольная лампа придавала большой, прекрасно обставленной европейской мебелью комнате уютный вид.

Рядом с лампой в глубоком кресле сидел мужчина, лицо которого, однако, оставалось в тени. Он сидел спокойно, можно было даже подумать, что он спит. Но он не спал, а поднявшись, заговорил со мной по-французски.

– Кто вы? – произнес он с несколько боязливым, как мне показалось, выражением лица.

Я объяснил ему, что Йенке поручила мне поговорить с ним. Он кивнул, а лицо его, оказавшееся теперь на свету, уже не производило озабоченного впечатления.

На первый взгляд ему было лет сорок пять. Густые его черные волосы были зачесаны назад. Глаза бегали от меня к двери и обратно. У него был крепкий подбородок, но узкий и бесформенный нос, лицо не слишком красивое. Позднее, когда мы с ним стали встречаться довольно часто, лицо его стало казаться мне клоунской маской, скрывавшей истинные чувства.

Несколько секунд мы помолчали, бесцеремонно оглядывая друг друга.

«Кто это может быть? – задавал я себе вопрос. – Во всяком случае, он не относится к дипломатическому корпусу».

Сев в кресло, я предложил ему тоже присесть. Но он прошел на цыпочках к двери, закрыл ее беззвучно и, возвратившись назад, опустился с видимым облегчением в кресло, на котором только что сидел. Теперь он выглядел довольно своеобразно.

Затем незнакомец заговорил запинаясь, опять по-французски:

– Я хотел бы сделать вам некое предложение. Но прежде чем я расскажу вам о нем, пообещайте, что не скажете ни слова никому, кроме своего шефа. Болтливость представляет опасность не только для меня, но и для вас. Об этом я уж позабочусь, пусть это даже будет последним делом моей жизни. – Говоря это, он недвусмысленно провел пальцем по горлу. – Так вы даете слово?

Само собой разумеется. Если бы я не умел хранить секреты, то не сидел

бы здесь. Пожалуйста, говорите. – При этих словах я демонстративно посмотрел на часы.

Он понял намек.

– Думаю, что время у вас обязательно найдется, когда вы узнаете причину моего прихода. Мое предложение имеет большое значение для вашего ведомства. Я... – он помедлил (я так и не понял, подыскивал ли он подходящие слова по-французски или же проверял воздействие на меня своих слов), – я могу представить вам секретные документы, самые что ни на есть секретнейшие. – Помолчав несколько секунд, добавил: – Это – документы из британского посольства. Интересуют ли они вас?

Я постарался придать своему лицу невозмутимый вид. Сначала подумал, что он – обычный мошенник, который хочет за здорово живешь заполучить деньги. Поэтому с ним надо быть очень осторожным. Как бы прочтя мои мысли, он произнес:

– Но мне нужны деньги, много денег. Работа моя будет очень опасной, а если меня прихватят... – И он повторил свое движение по горлу, хотя было ясно, что на этот раз оно было адресовано не мне. – Деньги для таких вещей у вас есть? Или у посла, правда ведь? Ваше правительство обязательно раскошелится. Мне надо двадцать тысяч фунтов, английских фунтов стерлингов.

– Это исключено, – ответил я. – За подобные услуги такие суммы мы не платим, тем более в фунтах стерлингов. Материалы должны быть чрезвычайно важными, чтобы стоить хотя бы приблизительно таких денег. А кроме того, мне надо сначала посмотреть эти бумаги. Они у вас с собой?

Он откинулся на спинку кресла, так что лицо его опять оказалось в тени. Однако глаза мои уже привыкли к полусвету, и я мог отчетливо видеть высокомерную улыбку на его лице. Что говорить дальше, я в тот момент понятия не имел, поскольку не знал ничего конкретного об этом парне. Но вот он заговорил:

– Я не идиот. К сегодняшнему дню я готовился долго и продумал все детали. Теперь же настало время действовать. А сейчас изложу свои условия. Если вы будете с ними согласны, хорошо. Если же нет... – Нагнувшись вперед, он показал большим пальцем в сторону окон и продолжал: – Тогда я попытаюсь выяснить, не нужны ли мои документы там. – Палец его указывал в сторону советского посольства. Он вздохнул и почти шепотом добавил: – Видите ли, я ненавижу англичан.

Что я тогда ответил, я уже не помню, знаю лишь о мысли, промелькнувшей в моей голове: а пожалуй, парень-то не проходимец. Может, он фанатик? Но он по-прежнему настаивал на большой сумме вознаграждения.

Я предложил ему сигарету, которую он с благодарностью взял, закурил, сделал несколько затяжек и тут же погасил. Встав, он снова подошел к двери и убедился, что за ней никто нас не подслушивает. Затем возвратился назад и остановился напротив меня, широко расставив ноги. Я тоже поднялся с кресла.

– Вы, вероятно, хотите знать, кто я, не так ли? Имя мое роли никакой не играет и к делу ни малейшего отношения не имеет. Может быть, попозже я скажу вам, где работаю, но сначала выслушайте меня. Даю вам срок три дня, чтобы подумать о моем предложении. Поговорите со своим шефом. Он, вероятно, запросит Берлин. 30 октября в три часа дня я позвоню вам на службу и спрошу, поступило ли к вам мое письмо. Если вы скажете «нет», то больше меня не увидите. Скажете же «да», то это будет значить, что вы приняли мое предложение... В этом случае я навещу вас в тот же день вечером в десять

часов. Но не здесь. Нам нужно договориться о другом месте встречи. Я передам вам две фото пленки с британскими секретными документами. Я же получу за них двадцать тысяч фунтов банкнотами. При этом вы рискнете только деньгами, я же – своей жизнью. Если вы будете довольны переданным мною материалом, то сможете приобрести еще. За каждую новую пленку я должен буду получить пятнадцать тысяч фунтов... Все ясно?

Хотя я и был склонен полагать, что его предложение вполне серьезно, все же считал, что из этого ничего не получится не только из-за требуемой большой цены, но и из-за того, что мы не сможем предварительно посмотреть на предлагаемую документацию. Поэтому решил в своем докладе указать на слишком большой риск и был уверен, что предложение придется отклонить.

Тем не менее мы договорились о его звонке 30 октября и о встрече – в случае положительного решения вопроса, у хозяйственного сарая в конце посольского сада.

Перед уходом он попросил меня выключить освещение в передней комнате и на лестнице, чтобы уйти из дома в полной темноте. Я так и сделал. Когда возвратился в гостиную, он уже надел плащ и нахлобучил на лоб шляпу. Время уже перевалило за полночь.

Когда я пошел вместе с ним к двери, чтобы выпустить из дома, он схватил меня за руку и шепнул на ухо:

– Вы хотите знать, кто я такой? Я – камердинер британского посла.

Так окончилась моя первая встреча с человеком, который уже через несколько дней получил псевдоним Цицерон.

Выключив свет в гостиной, я тоже покинул дом. Идя по саду посольства, удивлялся, каким образом в сплошной темноте этот парень нашел дорогу к выходу на незнакомой территории. Оставив машину на том месте, где я ее припарковал, пошел домой пешком. Добравшись до постели, долго не мог уснуть.

На следующее утро у меня немного побаливала голова и першило в горле, как это часто бывает после бессонных ночей. При дневном свете события прошедшей ночи показались мне гротескными. Я снова и снова возвращался к мысли, что этот тип, видимо, все-таки проходимец, желающий всучить нам, по всей видимости, кота в мешке.

В то же время, хотя предложение и казалось неправдоподобным, вполне возможно, что речь шла о материалах, необходимых Берлину.

Приняв горячую ванну и выпив чашечку кофе, почувствовал себя лучше. К тому же я внушил себе, что мне-то особенно волноваться не из-за чего. Ведь принятие решения зависело не от меня. Это было делом посла, а скорее всего, даже Берлина. Моя задача заключалась только в докладе о происшедшем.

Когда пришел к себе на работу, секретарши еще не было, и я воспользовался этим, чтобы написать докладную записку послу.

Закончив писанину, вдруг подумал, а почему это назвавшийся камердинером британского посла парень оказался у Йенке. Хотя всей Анкаре было известно, что Йенке – шурин Риббентропа. Этим, скорее всего, его выбор и объяснялся. Тут раздался телефонный звонок, и мне передали, чтобы я зашел к господину Йенке.

Супруги завтракали, и я присел к столу. Любопытство так и распирало советника посла, но в присутствии горничной он молчал. Казалось, прошла целая вечность, пока она расставила на столе бутерброды и кофе. Мы с большим трудом поддерживали разговор. Нетерпение Йенке было своеобразной мелкой мстостью за мою бессонную ночь. Когда девушка наконец

вышла из комнаты, я обратился к жене советника, сказав:

– А вчерашний парень со странностями сделал мне довольно любопытное предложение.

– Я знаю, – перебил меня Йенке. – Перед вашим приходом я с ним кратко переговорил. И тогда решил, что наиболее подходящий человек для ведения с ним переговоров – это вы. В моем положении приходится вести себя весьма осторожно, когда речь идет о подобных вещах. Мягко говоря, его предложение необычно, и разобраться с ним более сподручно молодому атташе. У дипломатов для этих целей наиболее подходящими являются две категории людей – атташе и жены советников. Они могут делать то, что другим непозволительно, естественно не попадая впросак.

Все рассмеялись, и я чокнулся кофейной чашкой с женой Йенке.

– Стало быть, вы уже познакомились с этим парнем. А почему он обратился именно к вам?

– Я видел его раньше, так что в какой-то степени ему знаком, – ответил Йенке. – Лет шесть-семь тому назад, еще до моего перехода на дипломатическую службу, он работал у нас. С тех пор мне он не попадался. Имени я его не помню, но, когда он появился вчера вечером, я его сразу же узнал. Чего он хочет? Видимо, ему нужны деньги?

– Да еще какие, – ответил я. – Он запросил двадцать тысяч фунтов.

– Что?! – воскликнули одновременно супруги. – Двадцать тысяч фунтов!

Я кивнул, но, прежде чем продолжил свой рассказ, зазвонил телефон. (Я просил секретаршу доложить о себе послу, чтобы он меня принял, как только придет. И вот он меня ожидал.) Я поднялся из-за стола. Йенке пошел вместе со мной.

Вдвоем мы и вошли в кабинет посла, расположенный на втором этаже. Комната была большой и обставленной просто, но со вкусом. На стенах висело несколько картин. Фон Папен сидел за письменным столом. Несмотря на свои седые волосы, он выглядел очень неплохо. Посмотрев на меня голубыми глазами, спросил:

– Итак, господа, что нового?

– Вчера вечером, – начал докладывать я, – в доме советника Йенке у меня состоялся необычный разговор с камердинером британского посла.

– С кем, с кем? – переспросил фон Папен.

Я повторил сказанное и протянул ему докладную записку. Посол неторопливо приступил к чтению, бросая на меня время от времени взгляд поверх очков. Окончив чтение, отложил бумагу на край стола, как бы инстинктивно не желая детально вникать в содержание текста. Встав, он подошел к окну и открыл его. Постояв молча некоторое время и вглядываясь в даль, где голубели горы, повернулся к нам, промолвив:

– Какого рода камердинеры имеются у нас?

– У нас их вообще нет. Что же касается данного предложения, то запрашиваемая им сумма столь велика, что мы не можем принять решение сами.

Я посмотрел на посла, а потом на Йенке. Оба молчали.

– Что будем делать? – спросил я, выждав несколько секунд.

– Составьте текст телеграммы в Берлин и лично принесите ее мне. Тогда поговорим о всем остальном.

Я отправился к себе, а Йенке остался у посла. Когда я через полчаса возвратился с проектом текста телеграммы, фон Папен был уже один.

– Имеете ли вы представление, что может за этим скрываться? – задал

вопрос посол.

– Н-да, господин посол, это может быть ловушкой. Нам могут подсунуть несколько документов, даже вполне ценных, а потом будут подбрасывать дезинформацию. Но даже в том случае, если у парня намерения искренние и англичане не собираются подставить нам ножку, мы можем попасть в скандальную ситуацию, если дело вдруг всплывет.

– Какое впечатление произвел на вас лично этот камердинер?

– Не очень положительное, хотя в конце разговора я и поверил его истории. Совести у него явно никакой нет, и даже если он не разыгрывал спектакль, его ненависть к англичанам не связана с деньгами. Правда, он не выглядит ночным проходимцем. Но это все – только предположения.

– А как, по-вашему, поступили бы англичане, если бы кто-то из наших обратился к ним с подобным предложением?

– Почти уверен, что они его бы приняли. Во время войны вряд ли какая нация отказалась бы от такой оказии. В мирное же время надо было бы, наверное, поступить по-джентльменски и проинформировать обо всем британского посла. Но в военное время...

Посол взял телеграмму и стал ее внимательно читать. Потом достал авторучку с зелеными чернилами – зеленый был его цветом, и никто в посольстве не имел права использовать его для заметок или подписи, – и внес несколько небольших правок, затем еще раз прочитал и подписал. Лист бумаги превратился в официальный документ.

– Прочтите-ка вслух, – сказал он, протягивая мне телеграмму.

Привожу ее текст:

«Имперскому министру иностранных дел. Лично. Совершенно секретно.

Получено предложение сотрудника британского посольства, предположительно камердинера посла, о предоставлении нам фотокопий сверхсекретных документов. За первую партию 30 октября он запросил 20 тысяч фунтов стерлингов, за каждую последующую фотопленку – 15 тысяч. Прошу сообщить, следует ли принять предложение. В случае положительного решения требуемую сумму необходимо прислать сюда курьером до 30 октября. Предполагаемый камердинер несколько лет назад работал у нашего советника посольства. Здесь никому неизвестен.

Папен».

Телеграмма была немедленно зашифрована и 27 октября передана по радио в Берлин. Через час она лежала уже на столе Риббентропа.

Ни 27-го, ни 28 октября ничего не произошло, и у меня сложилось впечатление, что министр иностранных дел если и ответит на нашу телеграмму, то отрицательно. Предложения посла нередко отклонялись только потому, что исходили именно от него, а ведь среди них были и такие, которые могли бы оказаться полезными для страны. Неприязнь между нынешним министром иностранных дел и канцлером догитлеровского периода времени так и не была преодолена. Вследствие этого ожидать четкого ответа на срочный запрос не приходилось. Все мы были убеждены, что Берлин скажет «нет».

Вечером 28 октября турки праздновали свой национальный праздник, и вся Анкара была ярко освещена.

29 октября я уже перестал ждать ответа из Берлина. Да и работы было так много, что времени об этом думать практически не оставалось. В тот день пришлось побывать на многочисленных приемах, да и у Папена был день рождения. Мы устроили в связи с этим прием в посольстве и званый ужин. Так что дел хватало.

А на следующее утро турецкий премьер-министр устроил в своей резиденции прием для всего дипломатического корпуса. На него пришли и друзья, и враги. Гостеприимный, но тактичный хозяин постарался не допустить между ними никаких стычек. И все же произошел неприятный инцидент. Каждое посольство во главе с послом (все в парадной форме одежды с орденами и знаками отличия) подходило к турецкому премьеру, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Когда мы выходили из зала для аудиенций, я едва не столкнулся нос к носу с каким-то дипломатом, которого узнал не сразу и который входил туда, когда еще не все немцы вышли. То был британский посол.

Я сразу же сделал шаг в сторону, но вынужден был пройти мимо длинного ряда английских дипломатов, которые, как мне показалось, смотрели на меня враждебно. Это был последний прием у турецкого премьер-министра, на котором присутствовали дипломаты Третьего рейха. В следующем году мы к этому времени были интернированы.

К концу первой половины того же дня на ипподроме был проведен военный парад. Ложи дипломатов были полностью заполнены, а враги и друзья также сидели отдельно. Лишь немногие нейтралы размещались по своему желанию.

Быть дипломатом в Турции во время войны было непростым делом. С одной стороны, приходилось демонстрировать дипломатический такт и миролюбивую тривиальность, с другой – вести себя корректно по отношению к враждебному лагерю. Находясь в стенах своей квартиры, я по-прежнему пил шотландское виски, англичане же и другие коллеги-враги находили удовольствие в хорошем немецком пиве. Венгерский перец и индийские пряности считались международными. Турки, будучи нейтральными, вели торговые отношения, соединяя их с дипломатией, с обеими сторонами.

Метрах в двух от меня начинался лагерь наших противников. У многих были даже симпатичные лица, но лучше было не смотреть туда, так как это только вносило душевный разлад. Они были нашими врагами, ну и ладно.

Возвратившись с парада в посольство, увидел на своем письменном столе записку, в которой говорилось, чтобы я немедленно зашел к послу. Когда я доложил, он молча протянул мне расшифрованную телеграмму:

«Послу фон Папену. Лично.

Совершенно секретно.

Предложение британского камердинера принять. Спецкурьер прибудет под вечер 30 октября. Ожидаю немедленного доклада по получении документов.

Риббентроп».

В три часа дня 30 октября, минута в минуту, в моем кабинете зазвонил телефон. Сердце мое остановилось, и я бросился к аппарату. Голос на другом конце провода звучал тихо и отдаленно:

– Говорит Пьер. Добрый день, месье. Получили ли вы мое письмо?

– Да.

– Я вас навещу сегодня вечером. До свидания.

Он повесил трубку. Я отчетливо слышал шелчок.

Моя секретарша смотрела на меня с удивлением. Ведь я буквально вырвал у нее из руки трубку телефона, прежде чем она успела ответить. В ее глазах читался молчаливый упрек. Впрочем, она догадалась, что дело идет о каких-то

секретных вещах.

Я попросил посла принять меня. Через одну-две минуты его секретарша, фрейлейн Роза, позвонила мне и сообщила, что меня ждут. Так что я сразу же направился к послу.

– Ваше превосходительство, камердинер только что позвонил. Я встречаюсь с ним в десять часов вечера.

– Будьте внимательны, мой мальчик, чтобы с вами не сыграли злую шутку. Говоря откровенно, я не ожидаю ничего хорошего от всего этого. К тому же мы не можем допустить ни малейшего скандала. Конечно же я даю вам свое разрешение на встречу. Вам, однако, должно быть ясно: если что-нибудь произойдет, какой-нибудь скандал, например, вы не должны рассчитывать на мою помощь. В таком случае я, скорее всего, откажусь признать, что слышал о ваших делах. Ни при каких обстоятельствах вы не должны никому, буквально никому, говорить что-либо об этом деле. В общих чертах о данном мероприятии могут знать лишь те несколько человек, которые вам нужны.

– Я ломаю себе голову, ваше превосходительство, как лучше организовать и провести встречу и, в частности, в какой форме осуществить передачу денег. Думаю, их не следует отдавать, пока я не буду знать, что документы подлинные. А вообще-то я, как и вы, ваше превосходительство, мало чего ожидаю от этой затеи. Постараюсь провести встречу наилучшим образом, прекрасно осознавая, что вся ответственность лежит только на мне. К слову говоря, все же считаю, что было бы глупо отказаться от такого предложения: идет война. Кроме всего прочего, мы ведь не сами будем взламывать сейф англичан. Материал будет нам передан. Но кто знает: может быть, это всего только трюк.

– Все возможно, – произнес посл. – Честно говоря, я не слишком-то и опечалюсь, если эта история окажется блефом. Ну да ладно, вот деньги. Пересчитайте, пожалуйста.

Фон Папен достал из среднего ящика своего письменного стола толстую пачку банкнотов и подвинул ее ко мне. Стало быть, берлинский курьер прибыл вовремя. Купюры были различными – десяти-, двадцати- и пятидесятифунтовые банкноты, еще не бывшие в обращении, за редким исключением. Это обстоятельство показалось мне подозрительным.

Посол, видимо, догадался, о чем я подумал, и сказал:

– Купюры-то абсолютно новенькие.

Пожав плечами, я принялся пересчитывать деньги. Точно – двадцать тысяч фунтов. Всю кипу завернул в лицевой лист газеты «Ля републик», лежавшей на столе посла. Когда я стал уходить, фон Папен проводил меня до двери.

– Итак, постоянно думайте о том, чтобы не возникло никаких осложнений и трудностей ни для меня, ни для вас.

Пожелание было, конечно, отличным.

Зажав крепко под мышкой дорогой пакет, я отправился через сад посольства в свой кабинет. Там запер деньги в сейф.

Ближе к концу рабочего дня я попросил секретаршу зайти ко мне. Зная, что ее обижу (выбора у меня, к сожалению, не было), сказал:

– Будьте любезны передать мне второй ключ от сейфа. Он мне нужен.

Она посмотрела на меня с удивлением и спросила:

– Вы что же, более не доверяете мне?

– К доверию или недоверию это, моя дорогая, никакого отношения не имеет. Просто мне иногда будут нужны сразу оба ключа. Поверьте мне, что я

никоим образом не хотел вас обидеть.

Не говоря более ни слова, она достала и отдала мне второй ключ, но не сумела, да и не старалась скрыть выражение обиды на своем лице. Я, однако, не мог рисковать. Между прочим, через неделю я отдал ей оба ключа, когда поехал в Берлин. Надо сказать, что она никогда не использовала мое доверие в личных интересах.

В тот вечер вновь пришел в посольство без десяти минут десять. Я завернул шторы и выключил свет на входе, чтобы моего посетителя никто случайно не увидел снаружи.

В темной подвальной комнате посольства наготове сидел профессиональный фотограф. Это был сотрудник нашего шифровального отдела, и ему можно было вполне доверять. Я собирался предварительно просмотреть пленки, которые принесет камердинер. Я и сам – фотограф-любитель, но в данном случае проявление фотопленок было слишком ответственным делом. Этот сотрудник предполагал, что речь идет о важных документах, но не знал, ни откуда они у меня, ни их содержания.

Без двух минут десять я подошел к хозяйственному сараю на заднем дворе посольства, как мы и условились. Несмотря на звездное небо, ночь была темной.

Было довольно холодно и тихо. Мне казалось, что я слышу стук собственного сердца. Примерно через минуту ожидания заметил, что в моем направлении что-то движется, но разглядеть ничего не смог. И тут же послышался шепот:

– Это я, Пьер. Все нормально?

Молча мы направились к домикам посольства. Шли довольно быстро, но он почти не спотыкался в темноте, видимо, обладал хорошим зрением.

Пройдя сквозь неосвещенные двери домика, вошли в мой кабинет. Включенный мной свет ослепил обоих на несколько мгновений.

В отличие от нашей первой встречи Цицерон нисколько не нервничал, пребывая в хорошем настроении. Должен признаться, что сам я немного волновался, не имея представления, чем все это закончится.

Первым заговорил он, коротко спросив:

– Деньги у вас?

Я кивнул.

Засунув руку в карман плаща, албанец извлек две катушки для пленок 36 миллиметров. Он протянул их мне на открытой ладони, но, когда я хотел взять их, отдернул руку и произнес спокойно:

– Сначала деньги.

Подойдя к сейфу, я не сразу сумел открыть дверцу, видимо, из-за волнения перепутал цифровую комбинацию. К тому же я стоял к нему спиной. У меня даже мелькнула мысль, что он может нанести мне сзади удар, забрать деньги и скрыться. Когда я наконец открыл сейф и вытащил оттуда сверток, руки у меня немного дрожали. Быстро захлопнул дверцу сейфа, едва не прищемив себе большой палец.

Повернувшись, увидел, что Цицерон стоит на том же месте, устремив любопытный, в некоторой степени даже алчный взгляд на газетный сверток в моих руках.

Момент был критическим. Я не собирался отдавать ему деньги, пока не получу четкого представления, что мы выторговали. Подойдя к письменному столу, развернул пакет и принялся громко пересчитывать банкноты. Он подошел ближе и про себя следил за счетом, судя по движению его губ.

...Пятнадцать тысяч... двести пятьдесят... пятьсот... семьсот пятьдесят... шестнадцать тысяч...

И так далее до конца. Пересчитав деньги, я снова завернул их в газету.

– Давайте пленки, – сказал я, протягивая правую руку, а левую держа на свертке.

Он отдал их мне и потянулся за свертком.

– Пока нет, – сказал я. – Вы получите деньги сразу же, как только я взгляну на пленки. Вам придется подождать четверть часа, пока они будут проявлены. Для этого все готово. А деньги – вот они, вы их видели и сосчитали. Если вы не согласны, можете забрать назад свои пленки. И так?

– Вы слишком подозрительны и должны мне больше доверять. Но как хотите. Я подожду здесь.

Я почувствовал громадное облегчение. Следовательно, это – не трюк. Только теперь я поверил, что все будет хорошо. Вид денег и их пересчет возымели свое действие. Почувствовав себя владельцем целого состояния, он, видимо, не хотел все испортить глупым упрямством. Да и доверял мне, наверное, больше, чем я ему.

Пока я снова запираю деньги в сейф, он стоял спокойно около письменного стола. Да и я наконец успокоился. Критический момент миновал.

– Хотите закурить? – спросил я и протянул ему пачку сигарет.

Взяв несколько штук, он заметил:

– Их вполне хватит до того, как вы вернетесь.

Сев в кресло, он закурил. Выйдя из кабинета, я запер дверь снаружи, чтобы туда случайно не зашел ночной сторож, обходя территорию. Камердинер конечно же слышал, как в двери повернулся ключ, но, к моему удивлению, не стал протестовать, оказавшись в роли пленника. Я поспешил к своему фотографу.

У него все было уже готово. Проявитель был доведен до нужной температуры. Он взял в проявку сразу обе пленки. Я внимательно наблюдал за его действиями и попросил давать объяснения по ходу, намереваясь в будущем делать все сам. Времени на проявление и закрепление ушло больше, чем я рассчитывал.

– Можно ли здесь курить?

– Конечно, но только тогда, когда пленки находятся в бачках.

Фотограф действовал быстро и уверенно в свете красной лампочки. Через десять минут он открыл крышку первого бачка. Я собственноручно достал оттуда пленку, промыл ее и положил в закрепитель. Затем то же было проделано и со второй пленкой.

Минуты, казавшиеся мне вечностью, тянулись. Наконец фотограф сказал:

– Первая пленка должна быть готова.

Прополоскав немного пленку, он поднес ее конец к световому экрану.

Несмотря на крошечный размер негатива, я отчетливо разглядел машинописный текст. Документы были пересняты просто великолепно. Обе пленки пошли на промывку в проточную воду. За последней процедурой я наблюдал с нетерпением. Оставалось всего несколько минут.

В заключение мокрые пленки были повешены для сушки на прищепках на протянутый для этой цели шнур. В помещении вспыхнула стоваттная электрическая лампочка. Взяв увеличительное стекло, я склонился над кадрами. И вот что я прочитал:

«Совершенно секретно.

Британскому послу. Анкара.
Министерство иностранных дел».

Под документом стояла совсем свежая дата.

Заголовок и даты было для меня вполне достаточно.

Выдворив фотографа, я запер дверь каморки и попросил его прийти через четверть часа. Затем направился к себе.

Когда я вошел, Цицерон сидел на том месте, где я его оставил.

Пепельница была полна окурков, что свидетельствовало о длительности истекшего времени. Несмотря на долгое ожидание, он внешне не проявил ни нетерпения, ни неудовольствия, произнес только:

– Ну и как?

Вместо ответа я открыл сейф, достал сверток с деньгами и вручил его камердинеру. Одновременно передал ему заранее подготовленную расписку в получении 20 тысяч фунтов стерлингов, которую он, однако, высокомерно отложил в сторону. Должен сознаться, что в тот момент я показался сам себе смешным.

Засунув сверток под плащ, которой не снимал все это время, он надвинул шляпу на лоб и поднял воротник. Даже близкий друг не узнал бы его в таком виде в темноте.

– До свидания, месье, – промолвил он. – Завтра в это же время.

Кивнул мне и скрылся в темноте. Когда я пишу эти строки, события того дня явственно встают перед моими глазами. Я, конечно, точно не помню слов, которыми мы обменялись, но вижу перед собой человека с угловатыми чертами лица, лица тщеславного раба, долго мечтавшего о власти и наконец ее получившего. Всего час тому назад он вошел в мой кабинет простым слугой, а теперь покидал его богатым человеком. До сих пор слышу его слегка ироничный с нотками триумфа голос, когда он попрощался, уходя.

Сегодня все это кажется мне сценой из какой-то другой жизни. Но чувств, которые владели мной в следовавшие затем часы, до сих пор не забыл. Спать я не пошел. Час за часом сидел, запершись в своем кабинете, читая, делая заметки и рассортировывая полученные документы. К исходу ночи мне стали вполне понятными запутанные и сложные международные отношения того времени. Незаметно для себя уснул прямо за письменным столом, проснувшись от стука в дверь кабинета на следующее утро, когда секретарша пришла на работу.

Фотограф, обрабатывавший пленки, естественно, так ничего и не узнал о сути дела, хотя я и чувствовал себя несколько, как говорится, не в своей тарелке от того, что пришлось прибегнуть к его услугам.

К перепечатке документов с пленок с надлежащим увеличением я приступил тогда сам, проконсультировавшись у него по всем позициям, вплоть до проявления и закрепления фотобумаги. Сделав несколько удачных отпечатков, я отправил его спать; поблагодарив за труды.

На двух пленках было отснято пятьдесят два кадра. Работа шла механически и довольно споро. Содержанием документов я не занимался, экономя время. Главным для меня было, чтобы текст хорошо читался.

Тем не менее час проходил за часом. Было уже почти четыре утра, когда я наконец закончил всю процедуру. Пятьдесят два листа документов лежали передо мною просушенными, матово отблескивая. Усталости я не чувствовал.

Прежде чем покинуть подвальную каморку, осмотрелся, чтобы не забыть что-либо нужное и не оставить ничего подозрительного. Несколько отпечатков

у меня не удались, и пришлось сделать пару дубликатов. Хорошо бы все это сжечь, но никакой печи поблизости не оказалось, так как в домах посольства было центральное отопление. Разложить костер я не решился. Поэтому разорвал испорченные и повторные отпечатки на мелкие клочки и спустил их в туалет. Только после этого направился в свой кабинет с пленками и всеми отпечатками. Там заперся и, как уже говорил, приступил к изучению документов. Помню, с каким удовольствием закурил сигарету после многочасового напряженного труда.

Удивление мое от документа к документу росло. На моем письменном столе находились секретные документы противника политического и военного характера, без всякого сомнения не фиктивные и весьма ценные. О таких мог мечтать любой агент. Поистине неоценимую услугу оказал Третьему рейху этот камердинер. Так что запрошенная им цена не была в действительности такой уж несуразно высокой.

Поскольку я привык к методической работе, то попытался сначала рассортировать документы по важности. А так как они все имели большое значение, разложил их по датам.

Ни один из документов не был старше двух недель, многие датированы буквально последними днями. В основном телеграммы, которыми обменивались министерство иностранных дел в Лондоне и британское посольство в Анкаре. Здесь были инструкции, запросы и ответы на них, касавшиеся как политических, так и военных аспектов. В левом верхнем углу на всех документах бросалась в глаза надпись «совершенно секретно». Кроме дат, на них имелись отметки радистов о передаче или приеме радиogramм. Специалистов это заинтересует, поскольку берлинские эксперты могли по ним попытаться расшифровать код английских дипломатов.

Особо важными для нас были телеграммы, касавшиеся отношений и обмена мнениями между Лондоном, Вашингтоном и Москвой. Должность, которую занимал лорд Хью, а также доверительное к нему отношение в Лондоне позволяли ему быть хорошо информированным во всех политических и военных вопросах, включая и особо секретные. Доказательством чего являлись документы, лежавшие на моем столе.

Из них неопровержимо следовало, что союзники имели не только намерение, но и обладали колоссальной возможностью для уничтожения Третьего рейха, причем в ближайшее уже время. Случай, связанный с не совсем для нас понятными мотивами Цицерона, позволил убедиться в том, что нацистская Германия и ее руководство шли навстречу неминуемой гибели. И документы эти являлись зловещим предзнаменованием, о чем говорили цифры и факты. Это не было пропагандой. Нас всех ожидало ужасное будущее. Германию могло спасти только чудо.

Над анатолийской долиной наступил уже рассвет, а я все сидел за зашторенными окнами, склонившись над документами. Поймут ли в далеком Берлине или даже в штаб-квартире фюрера суть, вытекавшую из этой информации к размышлению? Если да, то путь к спасению еще может быть найден.

Увы, я ошибался. Ответственные лица, признавшие в конце концов подлинность документов, тот факт, что никто не собирался ставить нам ловушку, не смогли или отказались увидеть всю полноту опасности, подстерегавшей страну. Они использовали материалы Цицерона только для споров между собой.

В Берлине даже торжествовали по поводу того, что у англичан были

выкрадены столь секретные документы. В стратегическом же плане ценнейшая информация использована не была. Правда, специалисты по кодам все же нашли им применение.

Горько сознавать, что вся наша тяжелая и опасная работа и большое нервное напряжение пошли насмарку.

Примечание А. Даллеса

В техническом плане работа, проделанная простым слугой, совсем не специалистом в области фотографии, оказалась превосходной. Он пользовался обыкновенной «лейкой», с помощью которой тем не менее добился весьма качественных снимков.

В данной истории обошлось без стрельбы, никто не применял яд, никому не угрожала непосредственная опасность, естественно, кроме самого Цицерона. Никого не пришлось подкупать или шантажировать, как это нередко бывало во многих шпионских историях периода Второй мировой войны. Если оценить операцию Цицерона беспристрастно, ее можно считать почти безупречной. Да и англичане в конечном счете потеряли немного, поскольку немцы оказались не в состоянии воспользоваться полученными сведениями о мощи и планах противника.

Эдвард Шихен ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ АГЕНТА

В недавно появившихся газетных сообщениях случай этот назывался одним из самых ужасных за последнее время. Речь шла о том, что Ким Филби, занимавший высокие посты в британской секретной службе, вел шпионскую деятельность в пользу Советского Союза в период с начала Второй мировой войны и до 1951 года. Можно предположить, что он передавал Советам все, что проходило через его руки и, несомненно, представляло для них чрезвычайный интерес. А это были материалы, касавшиеся политической и военной сфер, а также непосредственных операций самой службы. Благодаря этому Советы ухитрились вовремя принять соответствующие меры и обезвредить задействованную агентуру. На практике благодаря его информации в руки противника попадали его же соотечественники. Конечно, в отдельных случаях русские воздерживались от прямых действий, чтобы у англичан не возникло подозрение об утечке информации. В моей книге «Искусство шпионажа» я отмечал:

«Случай с британскими чиновниками Берджессом и Маклином, бежавшими в 1951 году в Советский Союз, рассматривался общественностью как дезертирство. На самом же деле все обстояло не совсем так: они не были обычными перебежчиками. Их бегство объяснялось тем, что Гарольд (Ким) Филби вовремя предупредил: британская служба безопасности сидит, как говорится, у них на пятках. Занимая довольно высокие должности в британском министерстве иностранных дел, они в течение ряда лет являлись сотрудниками советской разведки. Все трое, будучи студентами Кембриджа, симпатизировали коммунизму еще в 30-х годах. В начале 50-х годов они стали сотрудниками британского посольства в Вашингтоне».

Шпионская деятельность Филби была раскрыта в 1963 году вскоре после того, как ему удалось скрыться за «железным занавесом». Следует иметь в

виду, что он не был безродным иностранцем (как многие шпионы) или аутсайдером. Он не подвергался преследованиям, ему никто не ставил ловушек и не завлекал в финансовую западню. Он относился в родной стране к высшим кругам среднего сословия, и перед ним были открыты все двери. По различным причинам, которые легко перечислить, но трудно понять, он превратил шпионаж: в главное дело своей жизни. Стоит, пожалуй, отдельно отметить его небывалую тягу к приключениям и высокое чувство собственного достоинства. Насколько его действия зависели от идеологических соображений, сказать трудно. Думаю, однако, что идеология, как это часто утверждается, все же не оказывала на него столь уж значительную роль. Скорее всего, это была и неудовлетворенность собственным происхождением, и сложная и глубоко скрытая враждебность ко всему тому, что вызывало стихийную лояльность у обычных людей.

Он казался робким, даже подвыпив, и заикался, когда был трезв. Выглядел несколько меланхолично, но очаровательно. Мужчины хорошо с ним ладили, женщин же так и подмывало проявлять о нем заботу. Звали его Гарольд Адриан Рассел Филби, но все называли Кимом. Прозвище это он получил как напоминание о детских годах, проведенных по-киплинговски в Индии.

Ким был корреспондентом по Ближнему Востоку в двух еженедельных газетах – «Обсервер» («Обозреватель») и «Экономист». Я встретился с ним впервые в 1958 году, вскоре после прибытия в Бейрут на должность пресс-атташе американского посольства. Мне нравилось наблюдать за ним на званых вечерах. В помещение, набитое шумно разговаривавшими дипломатами, зарубежными корреспондентами и арабскими интеллигентами, он обычно входил несколько нерешительно и задумчиво, оглядываясь, как человек, не туда попавший. Если он проходил мимо меня, произнося: «Алло, старик», я чувствовал исходящий от него запах гвоздик и мятного ликера и прикидывал, когда же это он сегодня пропустил первую рюмочку.

Вечером 23 января 1963 года Ким Филби был приглашен вместе с женой Элеонорой на званый ужин, который устраивал советник британского посла в Бейруте Хью Гленсерн Балфор-Поль для английских и американских друзей, интересовавшихся археологией. Элеонора появилась одна, объяснив, что муж позвонил ей и сказал, что придет попозже.

Она почти ничего не ела и становилась все беспокойнее из-за отсутствия супруга. В конце концов она ушла, явно расстроенная, хотя должна была бы привыкнуть к тому, что, как журналист, Ким мог иногда и не появляться вовремя в обусловленном месте. Она поехала на квартиру на улице Кантари и ожидала его до глубокой ночи. Несколько раз, как потом рассказывала, начинала тревожно метаться по квартире, чувствуя, «что с ним произошло что-то ужасное».

Охотился ли он за какой-то сенсационной историей? Ким никогда ей ничего не говорил о своей работе. В последние недели он был очень занят. Его настроение колебалось от подавленности до почти истеричного удовлетворения, и пил он больше обычного.

Утром она позвонила хорошему их знакомому, американскому коммерсанту, имевшему связи с бейрутскими властями.

– Ты должен помочь мне найти Кима, – попросила она.

Американец сразу же обратился к начальнику ливанской секретной полиции, полковнику Тевфику Джалбуту, которому имя Филби было хорошо

известно.

На следующий день Элеонора позвонила американцу и в британское посольство и попросила прекратить поиски Кима, так как обнаружила в гостинице «Нормандия», куда обычно поступала ее почта, письмо от мужа, в котором он сообщал, что в связи с новым заданием выехал в срочную поездку по Среднему Востоку. Так что все в порядке.

Но было ли действительно все в порядке? Она с удивлением заметила, что его зубная щетка, бритвенный прибор и кое-что еще из личных вещей лежали на обычном месте. Нашел же он возможность написать ей письмо на пишущей машинке и в то же время уехал в чем был, не взяв с собой самого необходимого. К тому же полковник передал ей, что официальных данных об отъезде Кима из Ливана, как это обычно делается, нет. Случай многим знакомым Элеоноры показался загадочным.

3 марта, более чем через месяц после исчезновения Филби, в «Обсервер» появилась заметка, что в министерство иностранных дел в Лондоне поступила просьба подключиться к поискам Кима. К этому времени поползли уже различные слухи: Филби находится в Каире; Филби сражается на стороне саудовских войск против повстанцев в Йемене; Филби похищен британской секретной службой; Филби взят в качестве заложника ЦРУ; Филби совершил самоубийство.

Прошелестел и такой будто бы невероятный слухок – мол, Филби бежал в Советский Союз и в ближайшее-де время ожидается грандиозный скандал. Ведь Филби не просто один из иностранных корреспондентов, он длительное время занимал руководящие посты в британской секретной службе, был первым секретарем британского посольства в Вашингтоне. В 1955 году один из депутатов палаты общин – некий полковник Липтон – даже назвал его «третьим человеком» в деле Берджесса-Маклина, якобы своевременно их предупредившим, что и позволило дипломатам избежать ареста и скрыться за «железным занавесом».

В начале марта на Элеонору Филби обрушилась целая свора репортеров английских бульварных газет – любопытных, бессердечных, не знавших жалости.

– Ким находится в поездке по Ближнему Востоку, собирая материал для репортажа, – отвечала она на град вопросов.

– А почему об этом ничего неизвестно в его газете?

– Оставьте меня, пожалуйста, в покое.

Она действовала в соответствии с инструкциями Кима, написанными в основном от руки и посланными из различных городов Ближнего Востока, в которых он обещал скоро к ней возвратиться. Хотя она и не могла убедительно объяснить поведение своего мужа, однако резко возражала против предположений, будто бы эти письма шли с другой стороны «железного занавеса».

– Я в это не верю, – твердо заявляла она. – Это не может быть. Ким находится в поездке.

В апреле она получила еще одно письмо от Кима, в котором содержалась обстоятельная «инструкция»:

1. Она должна заказать на определенное число авиабилеты в Лондон (для себя и обоих детей) в английской авиакомпании, и причем так, чтобы об этом узнало как можно больше людей.

2. Ей следует, не привлекая ничьего внимания, сходить в чешскую авиакомпанию в Бейруте, где для нее забронированы авиабилеты.

3. Чешский самолет в Прагу будет вылетать из Бейрута примерно в то же время, что и самолет в Лондон. Ей надо будет смешаться с пассажирами чешского самолета и пройти на посадку. Как только она вместе с детьми окажется в самолете, ей будет сообщено окончательное место назначения.

4. Ей будет указано также, каким образом она встретится с Кимом. Для этого необходимо поставить на окно в кухне определенный цветок, когда в доме не будет посторонних, после чего к ней зайдет «надежный связник», который и расскажет ей обо всем.

Было вполне очевидно, что Кимом владела единственная мысль – быть снова вместе с Элеонорой. Она тоже этого желала, однако странное письмо наводило на мысль, что он, возможно, действительно находится за «железным занавесом». Поэтому она эти инструкции не выполнила. Разрываясь между чувством любви к своему мужу и подозрением, что он, вероятно, перебежал на другую сторону, она провела мучительную неделю.

В отчаянии Элеонора в конце концов решила разузнать, что же все-таки произошло с Кимом. Она поставила обусловленный цветочный горшок на кухонное окно, налила себе виски с содовой и уселась, закулив сигарету, надеясь на обусловленное появление связника.

Не прошло и часа, как у входной двери раздался звонок. Открыв дверь, она увидела коренастого молодого парня с редкими белокурыми волосами. Прислонившись к косяку двери, он произнес с заметным славянским акцентом: – Вы хотели со мной поговорить, миссис Филби?

Визитер оказался сотрудником советского посольства.

Элеонора поняла, что ее муж находится все-таки в Советском Союзе. Как это могло произойти? Что могло побудить Кима Филби – сына известного отца, привилегированного студента Вестминстера и Кембриджа, лично награжденного королем Георгом VI военным орденом – переметнуться в стан врагов своей страны? Ответы на этот вопрос, прозвучавшие из различных компетентных источников, в том числе и из западных секретных служб, были парадоксальными.

Ким Филби являлся типичным представителем поколения, выросшего в условиях жестокого и запутанного революцией и войной мира. Он был глубоко порядочным, но сентиментальным человеком, мечтавшим стать героем.

Родился он в 1912 году в Амбале в Индии в семье тогдашнего правительственного чиновника Гарри Джона Бриджера Филби, ставшего впоследствии лучшим знатоком арабского мира, как отмечал Т.Е. Лоуренс. Когда мальчик не достиг еще десяти лет, отец побывал последовательно министром внутренних дел Месопотамии (нынешнего Ирака), советником Черчилля и британским генеральным полномочным представителем в Трансиордании (нынешней Иордании), советником короля Ибн-Сауда и не только познакомился, но и изучил громадную, малоисследованную Аравию. Он постоянно носил развевающуюся арабскую одежду и был известен среди мусульман как Акула Абдулла.

Однако Джон Филби был не только неутомимым исследователем, но и непомерным эгоистом. Он, усердствуя в воспитании, по сути, постоянно терроризировал Кима, так что его заикание, вполне возможно, было вызвано страхом перед домашним деспотом. Все это усугублялось еще и своеобразными взглядами отца, который не скрывал резко критического отношения к британской бюрократии и английской политике на Среднем Востоке. За его громкие высказывания против военных планов и намерений союзников он был в 1940 году даже упрятан за решетку. Отсюда, несомненно, можно вывести и

унаследованное Кимом от отца отрицательное отношение ко всему английскому.

В 1931 году Ким поступил на учебу в кембриджский колледж Тринити. Нынешнему американцу трудно представить себе, сколь глубокой была антипатия английской интеллигенции к порядкам, царившим в то время в Англии. Антипатриотизм был не только терпимым, а даже считался своеобразным шиком. Марксизм же являлся далеко не салонным учением, и членство в коммунистической партии рассматривалось в обществе как достоинство.

Секретными службами высказывается мнение, что Ким был вовлечен в коммунистическую партию еще в годы учебы в колледже Тринити, но получил указание об этом не распространяться. Нам не ведомы подробности вступления его в компартию, но обстановка, царившая в тот период времени, хорошо известна. Двое из его соучеников – Дональд Маклин и Гай Берджесс – стали убежденными марксистами. С Маклином Ким не был близок, но дружил с Берджессом, считавшимся подающим большие надежды историком и вообще одним из наиболее одаренных учеников колледжа. К тому же он обладал способностью оказывать почти магическое влияние на тех, кто с ним соприкасался, хорошо владея искусством саркастических сравнений и едких эпиграмм. Вместе с тем он был большим любителем выпить, погулять, занимался гомосексуализмом. В карманах он всегда таскал чеснок, который постоянно жевал. Высказывалось даже предположение, что он употреблял наркотики.

Скорее всего, именно этот романтический «герой» и вовлек Кима в коммунистическую партию, что оказало огромное влияние на всю его дальнейшую жизнь.

В 1933 году Филби сдал выпускной экзамен в колледже, стал журналистом, женился и много ездил по Европе. В первых его газетных статьях нет ни малейшего намека на просоветскую ориентацию, скорее наоборот. Но его первая жена Лиза, жизнерадостная полноватая полячка, была яркой коммунисткой. В 1936 году, когда в Испании началась гражданская война, они жили в Париже и открыли в своем доме вербовочное бюро в помощь республике. Специалисты западных спецслужб предполагают, что именно тогда Ким был завербован советской разведкой и, отправившись корреспондентом респектабельной «Тайме» к Франко, вел там шпионаж в пользу республиканцев. Сообщения его носили нейтральный характер, хотя он и предсказал победу Франко. В 1938 году он развелся с Лизой, которая живет ныне за «железным занавесом» и вышла замуж за какого-то коммунистического деятеля.

С началом Второй мировой войны Филби хотел пойти в армию, но из-за заикания его не приняли в офицерскую школу. Тогда с помощью друзей он поступил в МИ-6 (военную разведку) и попал в управление, занимавшееся вопросами шпионажа и контршпионажа за рубежом. Перед этим он, естественно, порвал все официальные связи с коммунистами, а также людьми, с которыми сталкивался во время гражданской войны в Испании. В тот период русские были нашими союзниками, потому любая форма антифашистской деятельности рассматривалась как патриотическая и не могла вменяться ему в вину. В управлении «Д» МИ-6 он стал заниматься английскими агентами-двойниками, выявлением вражеской агентуры и снабжением Советов дезинформацией. Очень скоро он стал считаться одним из лучших сотрудников управления.

Британские власти придерживаются мнения, что Филби уже во время войны был советским агентом и снабжал русских секретными сведениями. Что он им передал, когда, сколько – никто точно не знает. Он официально поддерживал контакты с русской секретной службой, и это никакого подозрения ни у кого не вызывало. После окончания войны его даже наградили орденом Британской империи.

Звезда Кима продолжала восходить. Целый ряд известных личностей поговаривали о том, что в один прекрасный день он станет шефом британской секретной службы. Существуют доказательства, что и Советы на то рассчитывали в отдаленной перспективе. В 1947 году его направили первым секретарем британского посольства в Стамбул. Находясь на дипломатической службе, он на самом деле возглавлял британскую разведку на юго-западном фланге Советского Союза. 1949 год, Вашингтон, тоже должность первого секретаря посольства, его задача – поддерживать связь с американскими службами безопасности. Он имел контакты, в частности с госдепартаментом, военным министерством и ЦРУ. Некоторые американцы утверждают, что он и тогда передавал русским секретную информацию, другие же возражают, аргументируя свои доводы тем, что русские, мол, его не задействовали, чтобы не засветить и не испортить блестящую карьеру.

В августе 1950 года на его горизонте вновь появился Гай Берджесс, приехавший в Вашингтон в качестве второго секретаря британского посольства. Дружба их возобновилась, и вскоре они стали частенько появляться вместе на званых вечерах в Джорджтауне, в обществе, уделяя достойное внимание шотландскому виски. Берджесс даже переселился к Филби, устраивая беспорядок в доме, что, естественно, выводило из состояния душевного покоя его жену.

Со временем поведение Берджесса стало принимать все более истеричный характер. Будучи убежденным, что американцы готовятся развязать третью мировую войну, он стал не только говорить об этом в обществе, но и писать в своих донесениях. (Как ни странно, но Филби никогда не разделял антиамериканизм друга.) Более того, Берджесс неоднократно попадал в неприличные истории: его спор с одним известным газетным комментатором едва не закончился дракой, трижды его штрафовали за лихаческое превышение скорости, наконец, вместе со скандально известным местным гомосексуалистом он попал в автоаварию. Это переполнило чашу терпения британского посла сэра Оливера Франка, попросившего Уайтхолл отозвать Берджесса. Незадолго до его отъезда Филби благодаря своим контактам с американскими спецслужбами узнал, что ФБР подозревает Берджесса и Маклина в шпионской деятельности в пользу Советского Союза. Он сразу же известил об этом друга, и тот в апреле 1951 года, не испросив разрешения посла, вылетел в Англию, где предупредил Маклина. Из-за перегруженности работой и недостатка персонала слежка за ними почти не осуществлялась, так что через несколько недель обоим удалось благополучно бежать в Россию.

Филби крепко взяли в оборот, дабы выяснить его причастность к этому происшествию. Но он поклялся, что сделал только то, что и любой бы другой на его месте, и рассказал, что будто бы Берджесс вошел к нему в кабинет, когда он просматривал информацию из ФБР, в которой нередко встречались довольно глупые утверждения. Вот и на этот раз он вычитал там нечто удивительное, поэтому непроизвольно выпалил:

– Ты можешь себе представить, какую чепуху мелют в ФБР? Они утверждают, что ты – советский шпион!

Филби добавил, что Берджесс воспринял это известие совершенно спокойно и громко рассмеялся, но в тот же день покинул посольство. Когда Филби возвратился вечером домой, то застал там только беспорядок: Берджесс исчез. Только тогда ему, Филби, «пришло» в голову: а не является ли Берджесс в действительности агентом? Об исчезновении друга и собственной болтливости он тут же доложил послу.

Почему Филби поставил на карту свое положение в британской разведке и даже возможность стать ее шефом, признавшись, что предупредил Берджесса? Да у него просто не было другого выбора. Ведь он был единственным сотрудником посольства, который мог знакомиться с информацией ФБР. Он посчитал, что его чистосердечному объяснению поверят, и оказался прав. Британское посольство даже встало на его защиту, высказав мнение, что любой истинный джентльмен поступил бы точно таким же образом по отношению к старому товарищу по колледжу.

Однако ФБР и ЦРУ разъярились.

– Филби должен быть немедленно убран, или мы прекратим сотрудничество с вашей секретной службой, – пригрозил генерал Вальтер Беделл Смит, тогдашний директор ЦРУ.

Поскольку в деле исследования атомной энергии американцы ушли далеко вперед, англичане серьезно отнеслись к их угрозе. В июне 1951 года Филби был отозван из США и уволен.

В течение целого года Филби очень скромно жил со своей второй женой и пятью детьми в доме матери в Кенсингтоне. Его единственным заработком было выполнение небольших поручений, которые ему время от времени подбрасывали друзья. Пытался он браться и за литературную поденную работу, написав однажды историю о семейных привидениях.

Многие англичане считали, что по отношению к Филби проявлена величайшая несправедливость и что он оказался жертвой антикоммунизма Маккарти. В британской же службе безопасности снова и снова проверяли его прошлое. Его контакты с русскими во время войны вызвали подозрение, хотя в то время это было довольно обычным явлением. Да и случай с Берджессом просто так сбросить со счетов было нельзя.

Пока Филби жил в уединении, в секретной службе был разработан план – попытаться использовать его в своих целях.

Шпионаж по сути дела является преступлением. Человек может быть в курсе каких-то секретов – то ли по работе, то ли по каким-либо причинам, но, когда он передает их кому-то другому, тут он преступает закон. Раскрыть злонамеренность отнюдь непросто, хотя для этого и имеется много различных специальных приемов и методов. В контрразведке, например, довольно часто используется такой трюк, как возможность подозреваемому раскрыться самому. И делается это ненавязчиво и вроде бы безобидно. В случае, если хитрость удастся, через агента стараются раскрыть всю цепь, в которой он является небольшим звеном, так как контрразведку интересует не столько он, сколько вся агентурная сеть.

С учетом этих соображений было решено вернуть Филби на престижную работу, взяв под постоянный контроль и направив туда, где он мог бы оказаться полезным для Советов, скажем, в арабские страны. Там Филби мог использовать престиж своего отца, закрепить собственную репутацию эксперта по проблемам Ближнего Востока, получив свободу передвижения. В нейтральной атмосфере арабских стран контрразведке будет нетрудно выяснить, что же было у него на уме, разоблачить и получить доступ к

советской агентурной сети в арабском мире.

Для претворения в жизнь этого плана МИ-5 потребовалось время. С момента его увольнения со службы и до появления на Востоке прошло более пяти лет. И все же нельзя было торопиться, нельзя было вызвать у него подозрения, что им манипулируют. Между МИ-5 и МИ-6 даже разгорелся спор, там как прежние начальники хотели все-таки присматривать за ним в Англии. К тому же следовало все устроить так, чтобы он попал на Ближний Восток частным порядком – через какую-нибудь фирму. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы он почувствовал, что его пытаются использовать как приманку.

В качестве заключительного аккорда всей этой многоходовой комбинации послужило выступление в палате общин тогдашнего министра иностранных дел Гарольда Макмиллана 7 ноября 1955 года, послужившее отповедью заявлению полковника Маркуса Липтона, о чем мы упоминали выше:

– Реально не имеется каких-либо доказательств, что Филби несет ответственность за предупреждение Берджесса и Маклина. Во время своей работы на государственной службе он всегда выполнял свои обязанности умело и с большой ответственностью. У меня нет поэтому никаких оснований говорить о том, что мистер Филби совершил предательство по отношению к своей стране и что он был так называемым «третьим человеком» в этой истории.

На самом деле Макмиллан прекрасно знал о подозрениях и обвинениях, выдвигавшихся против Филби, но выступил по просьбе контрразведки, предварительно проконсультировавшись с лидерами оппозиции. Через несколько дней полковник Липтон снял свое обвинение в отношении Филби, так что МИ-5 получила свободу действий.

Весной следующего года один из сотрудников министерства иностранных дел по указанию МИ-5 объявился у издателя «Обсервер» и попросил его взять Филби на работу в качестве корреспондента по Ближнему Востоку. Поскольку подозрение с Филби окончательно снято еще не было, издательство могло бы оказать патриотическую услугу секретной службе, помогая снять с него обвинения как с жертвы маккартизма. И издательство дало свое согласие. Следует сказать, что Филби и сам незадолго до этого обращался в «Обсервер» с просьбой принять его на работу. Да и назначение его в район, хорошо ему знакомый, выглядело вполне обоснованно. В сентябре 1956 года, в самый разгар суэцкого кризиса, Филби отправился в Бейрут.

Вскоре после его прибытия один из английских чиновников сообщил по секрету нескольким авторитетным соотечественникам и американцам об имеющемся подозрении в отношении связей Филби с коммунистами и попросил их информировать о любых его контактах подобного рода. Таким образом Филби с первых же шагов на арабской территории оказался под «негласным наблюдением». Одним из следствий этого обстоятельства явилось то, что его стали часто приглашать на различные званые вечера. Однако ни его поведение, ни специальные проверки ничего не давали.

Одним из американцев, которые должны были «осуществлять наблюдение» за Филби, был корреспондент «Нью-Йорк тайме» Сем Поп Брюер, часто встречавшийся с Кимом в 1957-1958 годах. В конце концов он, как, впрочем, и другие «наблюдатели», пришел к выводу, что тот был абсолютно безобидным человеком. Филби никогда не пытался сталкивать лбами англичан с американцами, хотя такие возможности у него были. Не проявлял он

никакого любопытства ни к чему во время своих посещений британского посольства и не бросался на наживку, которую ему хитро подсовывали.

По прибытии в Бейрут Филби попытался было ограничить употребление спиртного, но вскоре возвратился к прежним привычкам и стал вести образ жизни, никак не увязывавшийся с деятельностью шпиона.

– Если он работает на русских, то от него мало толку, – дал свою оценку один из западных чиновников.

– Если он – советский агент, то желательно, чтобы таких было у них побольше, – высказался другой после того, как на одном из вечеров Ким, слегка перебрав, ущипнул жену французского посла за мягкое место.

С женщинами Филби в это время почти не встречался. Единственная любовная связь у него была с Элеонорой – женой его друга Сема Брюера. Это не был заурядный секс, так как она не слыла Афродитой, да и возраст подходил к сорока, как и Киму. Эту троицу часто видели в обществе вместе, а Ким в качестве друга постоянно навещался к ним в гости. Как-то весенним утром 1958 года, по рассказам общих друзей, они сидели, как обычно, вдвоем за чашечкой кофе на террасе гостиницы «Святого Георга» (Элеонора привычно ссорилась с мужем), как вдруг Ким откашлялся и, явно нервничая, произнес:

– Элеонора, надо с-сказать с-сейчас.

– Что это вы хотите сказать? – поинтересовался Брюер.

– Элео-нора и я-я хотим по-о-жениться.

– Ты хочешь сказать, что просишь руки моей жены?

– Да-да, что-то в э-том ро-де.

Элеонора вылетела в Мехико, чтобы оформить развод, Брюера вскоре отозвали в Нью-Йорк, а Филби остался в Ливане, чтобы освещать начавшуюся гражданскую войну.

Сразу же после бракосочетания Ким с Элеонорой стали принимать приглашения бейрутского высшего общества и принимать гостей у себя. Это были уважаемые люди – востоковеды, иностранные корреспонденты, профессора и дипломаты. На вечеринках разговоры велись в основном по-английски, иногда по-французски, редко по-арабски, даже на встречах с арабами, и носили примерно такой же характер, как, скажем, в салонах Парижа, – глубокий и поверхностный одновременно. Я часто встречался с ним в это время, испытывая, как и большинство его друзей, смесь зависти и озабоченности. Устроив вечеринку у себя дома, я попытался как-то познакомить его с двумя советскими атташе. Ким возмущенно отпрянул, воскликнув:

– Только не это! Я не х-хочу иметь с ру-сскими ника-ких дел.

Такое его поведение сильно меня удивило, да и стоявших поблизости тоже, но потом я даже не вспоминал об этом эпизоде. Теперь же мне кажется, что в ту минуту он отказывался от своего прошлого слишком уж драматично. Пожалуй, больше дезориентировал бы окружающих просто краткий обмен приветствиями, раскланялись суховаты – и разошлись в разные стороны.

Ранней осенью 1962 года у лиц имевших к этому делу причастность, сложилось впечатление: если Филби и был русским агентом, то не занимался активно шпионской деятельностью, очень редко встречаясь с нужными людьми. Однако примерно в это же время произошло нечто, несколько изменившее обстановку.

Филби попытался завербовать, якобы от имени британской секретной службы, одного видного арабского политика, с которым был в дружеских отношениях, сказав тому, что он мог бы «в определенной степени» быть

полезным правительству ее королевского величества. Араб вроде бы после некоторых колебаний согласился, но запросил весьма приличное вознаграждение. Нужно же было такому случиться, что этот политик уже долгое время работал на британскую разведку.

Когда он сообщил о происшедшем своему «руководителю», секретная служба пришла к выводу: Филби мог вербовать агентов для Советов, говоря, что они будут работать на англичан. Исходя из этой предпосылки, многочисленные его поездки в Сирию, Иорданию и другие арабские страны, его глубокие познания нефтяной проблемы и своеобразные контакты с саудовскими роялистами и их противниками стали выглядеть в ином свете.

Было принято решение не выпускать Филби из виду. Вследствие нехватки собственного персонала и вообще чрезмерной загруженности неотложными делами, руководство секретной службы обратилось за помощью к полковнику Джалбуту.

Полковник был отличным служакой и опытным контрразведчиком. Как и большинство крупных арабских городов, Бейрут был настоящим Эльдорадо для разведок. Не обладая техническими средствами ФБР и Скотленд-Ярда, он тем не менее хорошо изучил тончайшие методы и приемы различных секретных служб. Поэтому, наблюдая за Филби, он еще прошлым летом внес его в список подозрительных лиц.

Плотная слежка за Филби вскоре принесла чрезвычайно важные результаты. Ливанская «наружка» установила, что Ким вел двойную жизнь, постоянно пытаясь оторваться от преследователей и появляясь в самых неожиданных местах, где встречался с весьма темными личностями.

В частности, было также установлено, что он ночью выходил на террасу своего дома, смотрел на часы, стоял неподвижно несколько минут, опять смотрел на часы и начинал подавать сигналы каким-то темным предметом.

Агент наружного наблюдения, вооружившись специальными поляроидными очками, убедился, что Филби кому-то сигнализировал «черным светом».

Надо было выяснить, кому же передавал Филби свою информацию. Дом, в котором проживал Ким, стоял на возвышенности и мог быть виден буквально из тысячи окон, не говоря уже о кораблях в гавани. После некоторых усилий ливанской секретной полиции все же удалось установить, что эту информацию принимал небольшого росточка неопрятный армянин, передававший ее дальше.

Хотя армянин и смог повторить тарабарщину некоторых сообщений, он не имел ни малейшего представления, что они означали. Следует отметить, что ни ливанцам, ни британским специалистам расшифровать их так и не удалось. Англичане попросили поддержать армянина некоторое время под арестом, чтобы вынудить Филби пойти на прямой контакт с нужными ему людьми для восстановления связи. И их план удался. Оставаясь в течение целого месяца в изоляции, Ким был вынужден нарушить основной закон шпионажа и выйти на связь со своими руководителями.

Однажды вечером он довольно поздно выскользнул из дому, взял такси и поехал в городской квартал, где располагались ночные клубы. Там он выпрыгнул из машины, прошел по улице с односторонним движением в противоположном направлении, сел в другое такси и подъехал к телефону-автомату в другой части Бейрута. После короткого разговора последовало несколько пересадок с одного такси на другое, при этом умело соблюдались приемы отрыва от слежки. Наружному наблюдению удалось,

однако, сопроводить его в один из кварталов города, где Ким вошел в темный дом, на первом этаже которого располагалась армянская лавка по продаже сладостей.

Там он встретился с одним из сотрудников советского посольства – тем самым, который приходил потом к Элеоноре.

Подробности этой встречи остались неизвестными, но полковник Джалбут пришел к выводу, что Филби связан с проблемами противоречий между Западом и Востоком, не касавшимися Ливана, и прекратил дальнейшую слежку. К тому же его агентам надо было сконцентрироваться более чем на двух десятках личностей, имевших отношение к чисто ливанским делам.

Англичане так этого, конечно, не оставили и решили взять Филби на компромате. Надо полагать, Киму было известно о слежке, ведущейся за ним. К слову говоря, ведь и Элеонора, в бытность свою как жена Брюера, была в курсе «негласного наблюдения».

Прилетевшие из Лондона два сотрудника службы безопасности подвергли его перекрестному допросу. Из задававшихся вопросов ему стало ясно, что им известно о его нелегальной деятельности. Да и его ответы были несколько противоречивы. Однако англичане не могли арестовать Кима на чужой территории и не имели оснований рассчитывать на его выдачу им ливанскими властями, поскольку ни ночные поездки на такси, ни посещение лавки со сладостями, ни даже не совсем лояльное отношение к далекой Англии не считались в Ливане нарушением закона.

Тем не менее Филби превратился в комок нервов и чувствовал, что проиграл. Какие возможности оставались у него? Он нуждался в деньгах и должен был обеспечить жену и маленьких детей. Продолжать заниматься репортерской деятельностью он уже не мог, да и знал, что будет со дня на день уволен газетным издательством. Выбор оставался весьма ограниченным: самоубийство или бегство. И он решился бежать. Впоследствии полковнику Джалбуту удалось найти человека, видевшего, как Ким в сопровождении двух незнакомцев поднялся на русский корабль «Долматов», который вышел из гавани Бейрута 24 января с наступлением рассвета курсом на Одессу.

С момента исчезновения мужа Элеонора придерживалась выжидательной тактики по отношению к британскому посольству. Лишь получив «инструкцию» Кима покинуть Ливан на борту чешского самолета, она решила обратиться за помощью в посольство и проинформировала его сотрудников о полученных ею письмах. В мае по согласованию с ливанскими властями она с двумя детьми, не привлекая к себе внимания, покинула Бейрут. Добравшись до Англии, Элеонора оставила детей у родственников Кима, а сама направилась в Нью-Йорк, чтобы навестить дочь Анну, перебравшуюся в США к своему отцу Брюеру. Когда она через некоторое время возвратилась в Англию, то была на грани нервного срыва и уединилась.

1 июля английское правительство, опасаясь возможной пресс-конференции Филби в Москве, от которой не ожидало ничего для себя хорошего, потребовало от нее официального заявления по делу мужа. В последовавшем затем коммюнике было сказано, что Филби действительно был «третьим человеком» в истории Берджесса-Маклина и еще «до 1946 года сотрудничал с русскими». Как раз в это время разразился скандал с Профьюмо, произведший шоковое воздействие на английскую общественность. В парламенте премьер-министр Гарольд Макмиллан и лидер лейбористов Гарольд Уилсон яростно скрестили шпаги. Из рядов оппозиции раздавались жесткие требования внести полную ясность в дело Филби, сопровождавшиеся

выкриками, что Макмиллан либо мошенник, либо идиот, а может, то и другое сразу.

Премьер-министр, который из соображений секретности ничего не мог сказать в свое оправдание, лишь проговорил:

– Полагаю, что парламент представляет всю опасность ответа на подобные вопросы.

Однако только после того, как Макмиллан объяснил Уилсону всю деликатность этой аферы, тот заявил о готовности оппозиции прекратить публичные дискуссии, исходя из государственных интересов.

30 июля газета «Известия» сообщила, что Советский Союз предоставил Филби политическое убежище.

Примечание А. Даллеса

Когда Эдвард Шихен заканчивал в 1964 году подготовку этого рассказа к печати, он высказал предположения, которые были затем подтверждены целой серией статей, опубликованных двумя ведущими английскими газетными издательствами. В них, в частности, говорилось о том, с каким шумом приняли Филби в советском обществе.

Ныне уже не подвергается сомнению тот факт, что Ким вплоть до бегства Берджесса и Маклина считался весьма перспективным сотрудником британской секретной службы и при нормальных условиях вполне мог стать ее шефом. Если бы Берджесс и Маклин не навлекли на себя подозрений и Филби не пришлось обеспечить их бегство, поставив себя в критическое положение, ничто бы не помешало его дальнейшей блестящей карьере.

В этих статьях утверждалось, что кропотливый анализ материалов начала 60-х годов, проведенный специалистами контрразведки, позволяет сделать вывод, что Филби в течение долгого времени занимался шпионской деятельностью в пользу Советов, которая была внезапно прервана в Бейруте. Несмотря на все свое искусство убеждения, он не смог привести необходимых доводов, которые бы опровергли эти обвинения. (Имеется в виду вопрос, учиненный ему сотрудниками службы безопасности в Бейруте, о чем говорилось выше.) И это обстоятельство побудило его к бегству.

Осенью 1967 года было опубликовано фото Кима на Красной площади, сделанное сыном, посетившим его в Москве. Тогда же прошел слух, будто бы он сказал парню:

– Теперь я нахожусь дома.

Случай с Филби показывает, что русские посчитали необходимым дать его делу огласку, поскольку бомба, как говорится, взорвалась и стали известны мельчайшие подробности. Пригласив его сына в Москву, они рассчитывали вбить еще один клин в англо-американское сотрудничество. Поэтому любая попытка открыть новую кампанию по делу Филби с взаимными обвинениями была бы только на руку нашему противнику.

Дон Обердофер СЕРЖАНТ-ПОВЕСА

Включая в книгу историю о сержанте Джеке Дунлапе, совершившем предательство, я хочу показать, что для получения важных секретных документов совсем не обязательно выходить на самые высокие властные этажи.

В современной сложной бюрократической машине из отдела в отдел крупных учреждений передается бесчисленное количество деловых бумаг, которые готовятся различными сотрудниками и зачастую доставляются курьерами – людьми, не имеющими представления, о чем в них идет речь. Даже если они и попытаются что-то прочитать, то все равно ничего не поймут. В том случае, если бы он, заработав небольшое состояние тем, что снимал копии с секретных материалов для советской разведки в начале 60-х годов, остался в живых и был подвергнут допросу, сержант вряд ли сумел бы дать точное описание скопированных документов, не говоря уже об их содержании.

Солдаты, приняв положение по стойке «смирно», произвели двадцать один выстрел салюта. Звуки трубача прозвучали проникновенно и в то же время траурно в летнем воздухе над поросшими травой холмами Арлингтонского кладбища. С гроба был торжественно снят национальный флаг, аккуратно сложен и передан заплаканной вдове.

На расстоянии всего в несколько сот метров от могилы Джона Кеннеди 25 июля прошлого года Соединенные Штаты Америки похоронили опасного шпиона.

В течение пяти лет Джек Дунлап – имя, вряд ли кому известное в Америке, – служил в Агентстве национальной безопасности. Половину этого срока, насколько можно судить, он за деньги передавал секретные материалы советским агентам.

До последнего дня, когда он совершил самоубийство, предпочтя его официальному расследованию, Дунлап вел под самым носом своих сотрудников жизнь в полное свое удовольствие. В этот период он был частым гостем шикарных отелей и яхт-клубов от Нью-Джерси до Флориды, приобрел за короткое время скоростной катер, автомашины «ягуар» и два «кадиллака», а также обзавелся любовницей.

Он занимал должность курьера, получая скромные сто долларов в неделю. Его внезапное богатство никого не насторожило, никто не придавал должного значения его приездам на работу на «кадиллаке».

Поскольку на момент смерти против него не было еще выдвинуто никакого официального обвинения, армия в соответствии с существующим положением удовлетворила желание вдовы, и он был похоронен с воинскими почестями в Арлингтоне. Но его история вместе с ним не умерла. Расследование вплоть до самых высоких инстанций продолжалось, так как самоубийство в тридцать пять лет вызвало много вопросов. Какие секреты он успел выдать? И почему его так долго не могли поймать с поличным?

Военное министерство отказалось сообщить, какой же ущерб он нанес, несмотря на представленные доказательства его сотрудничества с советской разведкой.

Чтобы хоть немного разобраться во всей этой истории, начнем с описания учреждения, в котором он служил. В двадцати километрах севернее Вашингтона, на краю Форт-Мида (Мэриленд) возвышается внушительное здание из бетона и стали Агентства национальной безопасности. Наряду с Пентагоном и громадным зданием государственного департамента это – самое грандиозное сооружение в окрестностях Вашингтона. В главном его коридоре уложились бы три футбольных поля, а стены пронизаны электрическими проводами. Достопримечательность эту туристам не показывают. Пути подхода к нему охраняются морскими пехотинцами, вооруженными не только автоматами, но и пулеметами. Территория вокруг здания обнесена забором из

колючей проволоки в три ряда, через которую пропущен электрический ток. На четырех воротах стоят часовые.

Агентство национальной безопасности более секретное ведомство, чем даже часто упоминающееся ЦРУ. По словам одного члена конгресса, «это – самое закрытое и секретное учреждение». Главная его задача заключается в перехвате с помощью мощных электронных устройств любых радиопередач коммунистической стороны. Сюда стекаются донесения агентов, радиопереговоры и сообщения буквально тысяч радиостанций и передатчиков всего мира, расположенных на земле, на воде и в воздухе, в том числе и на спутниках. В подвальных помещениях АНБ жужжат самые мощные и быстродействующие компьютеры, с помощью которых производится расшифровка закодированных радиোগрамм и радиообмена различных стран, прежде всего – коммунистического мира.

Агентство имеет доступ к самым секретным материалам. Следует отметить, что здесь осуществляется также контроль за дислокацией подразделений и частей вооруженных сил стран восточного блока.

Еще одну сферу его деятельности составляет разработка новых кодов и шифров Соединенных Штатов и контроль за их использованием.

Перед принятием нового сотрудника на работу его подвергают тщательной проверке, а затем он проходит курс обучения. После того как в агентстве произошел целый ряд неприятных инцидентов, были введены еще более жесткие меры безопасности и контроля. Стоит упомянуть случай, когда в 1954 году один из экспертов по кодам был уличен в передаче голландцам секретной информации, в частности о расшифровке американцами голландского кода. Свою вину он признал лишь отчасти, но все равно ему пришлось отсидеть за решеткой четыре с половиной года. С 1947-го по 1959 год в агентстве работал некий эксперт по арабским вопросам, который затем сбежал в Советский Союз. А летом 1960 года во время отпуска исчезли два математика – Уильям Мартин и Бернон Митчелл, которые перебрались на Кубу, а оттуда на теплоходе – в Советский Союз. На проведенной ими в Москве пресс-конференции они обвинили во всех смертных грехах собственную страну и ее правительство.

Расследование установило, что как Мартин, так и Митчелл были сексуальными извращенцами, на что своевременно должного внимания никто не обратил. Морис Кляйн, заместитель директора и начальник отдела кадров, был и сам уличен в предоставлении фиктивных документов в собственное личное дело.

Кляйн был уволен, а в агентстве введены двадцать два особых положения, направленных на усиление фактора безопасности. За сексуальные ненормальности агентство покинули двадцать шесть сотрудников. В середине 60-х годов в конгресс представлен доклад о проведенной тщательной проверке личных дел всего персонала агентства.

Тем не менее при приеме на работу сотрудников из числа военнослужащих, как это было с сержантом Джеком Дунлапом и в целом ряде других случаев, вполне удовлетворялись заверениями соответствующего командования о их благонадежности. В частности, сержанта не пропустили даже через детектор лжи.

Вначале к нему действительно никаких претензий не было. По тогдашним меркам он вполне соответствовал своему предназначению. Женат, пятеро детей, выглядел как и большинство средних парней, проживавших в среднем доме среднего пригорода. Уроженец Луизианы, воевал в Корее, там ранен и

награжден медалью за «хладнокровие на фронте и безупречное выполнение своих обязанностей». В последующем он получил еще три медали за выслугу лет. А между тем он по натуре был любителем приключений, удрал, не закончив среднего образования, из школы, чтобы отправиться в плавание на грузовом корабле.

Попав в 1958 году в Агентство национальной безопасности, он на первых порах работал водителем у вице-директора и начальника штаба генерал-майора Геррисона Кloverдейла. Затем его перевели в курьеры. По некоторым данным, его привлекали иногда к работам по сбору черновых бумаг из корзинок в кабинетах, которые по вечерам подлежали уничтожению. В качестве курьера доставлял адресатам документы подчас чрезвычайной важности.

Каких-либо подозрений в политическом плане он также не вызывал, совсем не интересуясь политикой и не высказывая каких-либо критических замечаний в адрес правительства. Под обычное понятие шпиона он вообще-то не подходил, просто хладнокровно продавая украденные документы за наличные деньги.

Во время расследования его дела представитель Пентагона сообщил: Дунлап «в первый год своей бурной деятельности» проговорился жене, что получил якобы экстренные дивиденды где-то тридцать-сорок тысяч долларов, что значительно превышало оклад военного министра.

Однако в Пентагоне представления не имели, как и когда Дунлап начал продавать секретные документы. Ясно было лишь одно: получая сто долларов в неделю, он явно не мог достичь «голубой мечты» каждого американца – разбогатеть. Некоторое время он прирабатывал, устроившись на бензоколонку на работу в ночное время – продавал там бензин, получая за это один доллар в час. Ничтожно мало для того, чтобы следовать призывам рекламных плакатов.

Судя по всему, где-то в середине 1960 года Дунлап перешел на другой вид «ночной работы», сразу же резко поправившей его финансовое положение. В мае он купил подержанный автомобиль типа «универсал», записав покупку на имя жены. В следующий месяц приобрел за 3400 долларов катер с каютой, камбузом и баром.

Затем последовал целый ряд как новых приобретений, так и приключений. Дунлап легко давал займы деньги малознакомым людям, а в кармане у него постоянно было несколько стодолларовых банкнотов. За две тысячи долларов он отремонтировал свой катер, раздавая чаевые направо и налево. Когда соседи пожаловались на захламленность его двора, он буквально за несколько дней возвел вокруг своего участка стену из клинкерного кирпича, что вызвало немало кривотолков в округе.

Через некоторое время после этих чудачеств он объявился в лодочном клубе «Стони крик рейсинг боот клуб», где собирались любители водных гонок, и, достав из кармана пачку долларов, заявил, что угощает всех присутствующих. Новый член клуба, увидев прекрасной обтекаемой формы катер «Бобо», на котором недавно был установлен мировой рекорд скорости, поинтересовался, кто его хозяин. Сторговавшись за полторы тысячи долларов, он тут же выложил требуемую сумму на стол, подогнал прицеп с катером к своему светло-голубому «ягуару» и умчался.

На всем побережье Мэриленда он, высокорослый и хороший ныряльщик, прослыл шикарным парнем. Его часто видели в пестрой спортивной рубашке и широких брюках с девушками на одном из его катеров или в автомашине. Всегда веселый и общительный, он удовлетворялся только лучшим. Однажды он послал, естественно за свой счет, двоих друзей в Нью-Йорк, чтобы они

купили там для него итальянский катерный винт ручной работы. Он с удовольствием изображал из себя значительную и таинственную личность. Даже среди сотрудников агентства прошел слух, что его очень скромное воинское звание является лишь маскировкой, поскольку он выполняет весьма важные задания.

На вопрос о «золотом дожде», посыпавшемся на него, он всегда находил что сказать, но истории его звучали по-разному. Другьям, например, он доверительно сообщал, что является владельцем земельного участка, на котором был обнаружен минерал, широко использующийся в парфюмерной промышленности. Соседи от кого-то слышали, что у него – большая плантация в Луизиане. Многим он с ухмылкой поведал, что внезапно «получил наследство». Эти рассказы, несомненно, весьма удивили бы его отца, простого сторожа в алабамских доках.

Годом позже он стал проявлять интерес к историческим местам Аннаполиса, где познакомился с блондинкой, которую назовем Сарой. Неотразимый шарм повесы Дунлапа произвел на нее большое впечатление.

– У него постоянно возникали новые идеи, – рассказывала она позже. – Сегодня его увлекали соревнования скоростных катеров или танцульки, завтра же он был всецело поглощен автогонками. Он не мог и минуты посидеть спокойно. Видимо, бедняжка уже начинал задумываться над тем, что скоро всему этому настанет конец.

Саре Дунлап рассказывал, что владеет собственными автозаправочными станциями, назвав вначале две, затем три, потом целых пять. Ни одной из них она, конечно, в глаза не видела, но охотно верила в их прибыльное процветание.

– Мне было известно, что он сотрудник Агентства национальной безопасности, а уж там наверняка должны были знать, откуда у него такие деньги, – добавила она убежденно.

Несколько необычными ей показались еженедельные, а позднее уже раз в месяц встречи Джека с неким «бухгалтером», после которых он каждый раз приходил с толстой пачкой денег. Но о своих таинственных свиданиях и о самом этом «бухгалтере» он ей ничего не рассказывал. Однажды она ездила вместе с ним в Вашингтон, где у него была назначена встреча в большом жилом доме. (ФБР попыталось с ее помощью найти это место, но она так и не смогла опознать тот дом.)

Дунлап ежедневно вовремя появлялся на работе, проходя мимо часовых с пропуском, висевшим у него на шее на цепочке. Можно только предположить, что секретные документы он проносил под рубашкой, передавая их русским на автостоянке около большого торгового центра, расположенного в нескольких километрах от здания агентства.

Служба безопасности ни о чем не догадывалась. В течение многих месяцев сержант приезжал на работу то на «ягуаре», то на «кадиллаке»-кабриолете, то на скоростном «кадиллаке»-лимузине, не вызывая почему-то ни у кого удивления. Женатый сержант даже завел любовницу в самом агентстве, но и это не удивило тех, кому положено было такими вещами интересоваться. Почти все свободное время он проводил на катере-рекордсмене, и опять никто не придал этому никакого значения. Когда он во время регаты в яхт-клубе повредил себе спину, его на военной санитарной автомашине отвезли в армейский госпиталь, чтобы он, как похвалился сам Дунлап, «не выболтал какой-нибудь секрет под воздействием медикаментов». Но и на этот раз никто не задался вопросом, как простой курьер с женой и пятью детьми, получавший

100 долларов в неделю, мог оказаться в таком фешенебельном клубе.

Он, вероятно, еще некоторое время мог бы заниматься своими делишками, если бы не допустил ошибку. Опасаясь, что его в порядке обмена пошлют служить за океан, он подал прошение о своем переводе в число гражданских служащих. Ему бы следовало знать, что в этом случае он будет подвергнут строжайшей проверке. Впервые в жизни он должен был пройти через детектор лжи. Тесты «Случаи воровства, пусть даже небольшого» и «Нарушения законов» зарегистрировали его нервозность, вызвав подозрение. Поначалу никаких изменений в его положении не произошло. Но через два месяца было установлено, что он живет не по средствам – а ведь для этого было бы достаточно просто выйти на стоянку автомашин. Его перевели в отдел вестовых, где он уже никакого доступа к секретным материалам не имел.

В ходе дальнейшей проверки Дунлап становился все более нервным и подавленным. Один из его друзей сказал тогда:

– Его уже ничто не радует. Если у него что-то не получается, он тут же взрывается.

14 июня он появился в небольшом мотеле невдалеке от Форт-Мида, заплатил за четыре дня вперед и сказал хозяину, что хочет немного отдохнуть после двадцатилетней службы в армии (на самом деле он прослужил всего одиннадцать лет). На второй день вечером во время очередных автогонок он заговорил с некоторыми друзьями о том, что собирается покончить с собой.

– Тогда никто не принял всерьез эту болтовню, – вспоминает один из его приятелей, – но, когда он на следующее утро не появился, мы поспешили к нему в мотель. Джек лежал в постели без сознания и с высокой температурой. Вокруг валялось несколько пустых пивных бутылок и пара опорожненных упаковок от снотворных таблеток. Так что появились мы вовремя.

Дунлапа отправили в военный госпиталь, полиция же обнаружила два прощальных письма, адресованных одно – Саре, а другое – жене Диане. В отношении шпионажа в них не было ни слова, но жену он попросил упомянуть журналистам о его заслугах в Корее. Расследованием его дела сразу занялись детективы Агентства национальной безопасности, военной полиции и контрразведки. За ним был установлен негласный надзор.

В госпитале, придя немного в себя, он сказал навестившему его непосредственному начальнику, что от идеи совершить самоубийство он тем не менее не отказывается. Однако никаких мер предосторожности почему-то не приняли.

Но если армия не проявила к нему должного интереса, то друзья все же пытались его спасти. 20 июля один из них буквально в последнюю секунду выхватил у него из рук револьвер, когда он попытался застрелиться. На следующий день было замечено, что он прихватил из гаража длинный кусок шланга, а в ночь с 22-го на 23 июля, полностью заправившись бензином и купив бутылку лучшего шотландского виски, выехал на мало используемую дорогу неподалеку от Маркис-Крик. Там Дунлап прикрепил шланг к выхлопной трубе автомашины, сунув другой его конец в плотно закупоренный салон.

Мертвеца утром обнаружили рыбаки.

Почти через месяц после его самоубийства, 20 августа, в агентстве забили тревогу, когда Диана в вещах мужа обнаружила секретный документ. О происшедшем доложили в ФБР, и целая армия детективов занялась расследованием дела, дотошно расспрашивая людей, даже мало соприкасавшихся с Дунлапом. Были предприняты попытки установить его связи вне службы, исходя из возможных контактов с советскими дипломатами.

Когда на браслете его часов обнаружили какую-то семизначную цифру, возникло предположение, не номер ли это его личного счета в швейцарском банке. Однако оказалось, что это – номер телефона его приятельницы, который он никак не мог запомнить.

Специалисты АНБ попытались установить, какие документы могли пройти через руки Дунлапа. Предположительно это были справки ЦРУ о мощи Советской армии, атомном вооружении Советского Союза и ряд секретных данных по странам НАТО. Пентагон на это никак не отреагировал, ни подтвердив, ни опровергнув эти сведения.

– К черту все эти измышления, – сказал в сердцах один из экспертов. – Мы все равно никогда не узнаем, какие из документов ушли. Вместе с тем почти наверняка обо всем важном, что прошло через отдел, Москве известно.

Недавно по личному указанию военного министра Роберта Макнамары Пентагон предпринял детальное расследование дела Дунлапа, но сведения о его результатах не опубликованы до сих пор. Если бы речь шла о любом другом учреждении или ведомстве, возмущенная общественность потребовала бы строгого наказания ответственных лиц, снятия с должностей и увольнения. Но суперсекретное Агентство национальной безопасности, прикрываясь этой своей секретностью, может говорить лишь вообще о мерах по усилению безопасности.

Такова старая, проверенная временем бюрократическая практика, при которой ведомства, связанные с секретами, могут отделяться молчанием о допущенных ими просчетах и ошибках. Так что в этом нет ничего нового или удивительного. Не звучит ли, однако, иронией то обстоятельство, что человек, нанесший колоссальный вред своей стране, мог в результате такой волокиты быть похоронен в священной земле Арлингтона.

Джакомо Казанова ВОЯЖ В ДЮНКЕРК

Из прилагаемой истории читателю станет ясно, почему Казанова вошел в историю не как шпион, а как международный авантюрист и любовник. В этом рассказе он сам повествует об одной из своих шпионских операций. Имея при себе большой багаж и устроив из-за него скандал на таможне при пересечении границы, он нарушил одно из важнейших правил настоящего агента – не выделяться. С другой стороны, опытные шпионы иногда прибегают к такому хитроумному маневру в случае особой необходимости, устраивая шумный спектакль и привлекая к себе внимание в расчете на то, что шпионы, мол, так не поступают.

Описываемые события произошли в 1757 году, когда корабли английского флота в ходе Семилетней войны бросили якорь в бухте Дюнкерка. Задание Казановы заключалось в том, чтобы изучить обстановку и представить во французское адмиралтейство сведения о численности кораблей и боеспособности английского флота.

В начале мая я получил письмо от аббата де Берни с просьбой навестить его в Версале, предварительно заехав к аббату де Биллю. Тот встретил меня вопросом, смогу ли я обследовать восемь или десять военных кораблей, стоящих на рейде Дюнкерка, причем мне надо будет побывать на каждом из них, познакомиться с командирами и незаметно выяснить наличие на кораблях

провианта всех видов, численности матросов, запасов пороха и снарядов, состояния управления и охраны.

– Я попытаюсь, а когда по возвращении представлю доклад, вы мне скажете, хорошо ли я справился с заданием.

– Поскольку речь идет о секретной миссии, я не дам вам никаких рекомендательных писем, но могу пожелать удачной поездки и снабдить вас деньгами.

– Заранее я никаких денег не возьму, господин аббат, а по возвращении вы дадите мне ту сумму, которую я, по вашему мнению, заслужу. До отъезда мне потребуется на подготовку дня три, так как придется все же заручиться кое-какими рекомендательными письмами к нужным людям.

– Вы должны возвратиться до конца месяца. Остальное на ваше усмотрение... Будьте весьма осторожны и не дайте себя вовлечь в какие-либо торговые дела, так как не сможете сослаться на соответствующие фирмы. Вам придется скрывать истинную цель своей поездки, ибо правом неприкосновенности пользуются только дипломатические посланники. Чтобы добиться успеха, вам необходимо действовать непринужденно и естественно и вести себя сдержанно и осмотрительно.

ПРЕБЫВАНИЕ КАЗАНОВЫ В ДЮНКЕРКЕ

После отличного ужина в доме собрались различные люди, которые приступили карточной игре. В ней я участия не принял, так как хотел изучить присутствовавших, в особенности присмотреться к пехотным и морским офицерам. Поскольку я говорил о флотах различных стран, выдавая себя за знатока, прослужившего ряд лет на кораблях своей маленькой республики, мне потребовалось всего три дня, чтобы познакомиться лично с капитанами линейных кораблей и даже подружиться с ними. Я говорил наобум о конструкциях кораблей, венецианских приемах маневрирования и тому подобном, заметив, что brave моряки слушали меня с особым вниманием, когда я молотил чепуху. На четвертый день один из капитанов пригласил меня на обед на свой корабль. За этим последовали приглашения и от других капитанов. В тот день я провел все послеобеденное время и вечер на борту линейного корабля, проявляя ко всему любознательность. А моряки столь доверчивы! Я спустился в трюм, задавал сотни вопросов. Мне не составило большого труда развязать языки молодых офицеров, старавшихся выглядеть солидно. Понемногу я узнал все, что мне надо было включить в доклад. Придя домой, записал все свои наблюдения, как хорошие, так и плохие, на листок бумаги. В те дни я спал не более четырех-пяти часов в сутки, зато за четырнадцать дней узнал все необходимое.

КАЗАНОВА ВЫЕЗЖАЕТ ОБРАТНО

Поскольку задание свое я выполнил, то попрощался со всеми знакомыми и сел в почтовую карету, направляясь в Париж. Возвращался я по другой дороге, любуясь окрестностями. Около полуночи потребовал на очередной станции свежих лошадей, но мне сказали, что следующая остановка – в крепости Аир, где ночью приезжих не принимают.

– Давайте лошадей! – воскликнул я. – Мне там откроют.

Требование мое было исполнено, и через пару часов мы были у ворот крепости. Кучер щелкнул кнутом.

– Кто там?

– Курьер!

Меня заставили ждать около часа, а потом сказали, что мне надо переговорить с комендантом. Ругаясь, словно бы возмущенное важное лицо, я последовал за постовым. Меня привели в спальню человека, лежавшего в постели в элегантной ночной шапочке.

– Так чей вы курьер?

– Да ничей, но я очень спешу...

– Тогда поговорим об этом утром, а пока побудьте в караульном помещении. И не мешайте мне спать!

– Но, господин комендант...

– Никаких «но», идите.

Меня отвели в караульное помещение, где мне пришлось коротать ночь, сидя на полу. Я поднял шум, крича и ругаясь, но мне никто не ответил...

КАЗАНОВА ПРОДОЛЖАЕТ ПУТЕШЕСТВИЕ

В пять часов утра мы подъехали к воротам Амьена. Я спал в карете, когда меня вдруг разбудили. У дверки кареты стоял таможенник. К людям этой породы большинство путешественников испытывают неприязнь, вполне обоснованную, так как они не только грубы и каверзны, но и считают себя хозяевами положения, суя свои носы в багаж и проверяя карманы. Чиновник спросил меня, не везу ли я что-нибудь запрещенное. Будучи вырван из сладкого сна, я ругнулся и зло ответил:

– У меня ничего нет. Могли бы, между прочим, дать человеку и поспать.

– Поскольку вы еще и грубите, – ответил таможенник, – придется присмотреться к вам повнимательнее.

Он приказал заезжать во двор таможни и заставил достать мои чемоданы. Помешать я ему не мог и только молча сжал кулаки в карманах.

Я понял, что допустил ошибку, но изменить ничего было уже нельзя. Впрочем, у меня не было ничего, подлежавшего налогообложению, и мне нечего было бояться, однако моя несдержанность обошлась мне в два часа бесполезного ожидания. На лицах чиновников читалась жажда мести. Если к ним обращались вежливо и предупредительно, то и они старались ответить тем же. Я же этого не учел. Сунутая чиновнику в руку монета достоинством в двадцать четыре су делала его буквально ручным, и он, кланяясь, желал путешественнику хорошего пути. Об этом я, конечно, знал, но бывают моменты, когда поступаешь не раздумывая. Отсюда и последствия.

Таможенники раскрыли мои чемоданы и разложили их содержимое вплоть до рубашек, обосновывая это тем, что между ними, мол, можно спрятать английские кружева.

Осмотрев все досконально, они возвратили мне ключи, но на этом дело еще не закончилось: они принялись досматривать карету. И вот один из них испустил торжествующий крик, обнаружив остатки табака, который я купил еще по дороге в Дюнкерк.

Карету мою задержали, и мне пришлось заплатить тысячу двести франков штрафа.

КАЗАНОВА ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ПАРИЖ

Свое донесение я представил аббату де Берни в гостинице «Бурбон». Мне

было уделено целых два часа времени. В заключение беседы его превосходительство попросил меня вычеркнуть из него ненужные подробности. Всю ночь я переписывал донесение начисто, а утром доставил его в Версаль аббату де Биллю. Прочитав его, он сказал, что оценку сообщит мне позже. Через месяц я получил пятьсот луидоров и с удовлетворением узнал, что морской министр де Кремиль расценил мое донесение как весьма поучительное.

Когда я рассказал де Берни о своих дорожных приключениях, он посмеялся, а затем сказал: человек, выполняющий секретное задание, не должен попадать в неприятные дела, даже зная, что сможет легко из них выпутаться. Ведь об этом все равно пойдут разговоры, которых он должен всячески избегать.

Мое задание обошлось французскому флоту в тысячу двести франков, хотя министр мог бы получить сведения, которые я представил, не заплатив ни копейки. Любой морской офицер справился бы с подобным заданием лучше меня, к тому же соблюдал бы необходимые меры предосторожности.

Глава 2

АГЕНТУРНАЯ СЕТЬ

«Они появляются не поодиночке, а целыми батальонами», – писал Шекспир. Агенты, сведенные в единую сеть и работающие на ту же секретную службу, как правило, мало или совсем ничего не знают друг о друге. В ряде случаев они работают под руководством направленного резидента, который распределяет задачи и получает собранную информацию. Эта информация затем направляется в разведывательный центр в большинстве случаев по радио, для чего задействованы радисты, поддерживающие тесную связь с руководителем группы.

Нередко между агентами и резидентом имеются связники, поэтому члены группы подчас не знают в лицо своего руководителя. Будучи арестованными, они могут вследствие этого выдать только тех лиц, с которыми общались.

Так должно быть в идеале, но на практике, особенно во время войны, члены агентурной сети хорошо знают друг друга, вынужденные действовать совместно в силу обстоятельств. Мы покажем это на примере двух крупнейших советских агентурных сетей, действовавших на территории противника во время Второй мировой войны, – группы Рихарда Зорге и «Красной капеллы». Арест даже второстепенных членов приводил к провалу всей группы, в том числе и руководителей. Передача информации по радио – самое уязвимое место в деятельности агентурной сети. Работающий радиопередатчик может быть запеленгован во время радиосвязи (что и явилось причиной гибели «Красной капеллы»), да и сам радист оказывается в опасности, в особенности при наличии у него разведывательной информации. Ее содержание (захваченное в оригинале или расшифрованное) служит для контрразведки четким указанием, где следует искать ее источник.

Кори Форд

ЦЕННЕЙШИЙ ШПИОН ДЖОРДЖА ВАШИНГТОНА

Шпионской сетью американцев – так называемой группой Калпера в районе Нью-Йорка руководил майор, впоследствии полковник Бенджамин

Талмедж, начальник разведки Вашингтона, но зачастую к этому делу подключался и сам Вашингтон.

В своем очерке Кори Форд отмечает, что «это были дилетанты, люди, не прошедшие никакой специальной подготовки. Арест же и смерть Натана Хейла показали необходимость налаживания настоящей конспиративной и целенаправленной агентурной деятельности. Так что создание этой группы стало, по сути дела, результатом его геройской гибели. Агентурная сеть явилась первой шпионской организацией Америки и положила начало созданию впоследствии настоящей секретной службы».

Основным объектом ее внимания была штаб-квартира англичан в Нью-Йорке. Естественно, она поддерживала контакты с нью-йоркскими коммерсантами и ремесленниками, работавшими у англичан, но основным источником информации был Роберт Таунсенд, подписывавший свои донесения как Самуэль Калпер-юниор, а также его возлюбленная, известная под кодовым номером 355.

В создаваемую агентурную сеть Талмедж привлек друзей из Лонг-Айленда. Абрахам Вудхал (Самуэль Калпер-сеньор) устроил явочный пункт на верхнем этаже гостиницы своего шурина в Нью-Йорке, где собирал и готовил информацию для Джорджа Вашингтона. Информацию забирал Остин Роз, фермер из Сетокета, передавал ее связнику Калебу Брюстеру, который на лодке ночью переправлялся через бухту и вручал Талмеджу (Джону Болтону). И уж от него она попадала в руки генерала Вашингтона.

Внешность Абрахама Вудхала служила ему лучшей защитой от всевозможных подозрений. Он никак не походил на шпиона – эдакого бодрячка и шустрого малого, как его себе представляли многие. Лицо у него было серым, руки дрожали, голос звучал боязливо, и он никогда его не повышал. Он всегда опасался, что его заговорщическая деятельность может быть раскрыта, и, если какой-нибудь незнакомец удостоивал его повторного взгляда, сердце его, как говорится, уходило в пятки. Только собрав в кулак всю свою волю, он осмеливался навещать вражеские опорные пункты, чтобы оценить их расположение и численность гарнизонов. Строгий взгляд или окрик часового заставляли его немедленно поворачивать обратно и торопливо забираться в собственную постель. Его боязливость была заметна даже в переписке с Талмеджем.

«Прошу вас немедленно уничтожать каждое мое письмо сразу же после его получения, – умолял он. – Ведь благодаря непредвиденной случайности оно может попасть в руки противника, выдаст меня и приведет в тюрьму, прежде чем меня предупредят об опасности. Будьте, пожалуйста, осторожны».

Страх, что письма могут его выдать, был устранен благодаря изобретению чернил для тайнописи – симпатических чернил неким Джеймсом Джемсом в Лондоне, формула которых не открыта до сих пор. После написания текст становится невидимым даже на самой белой бумаге. Прочитать же написанное можно, используя специальную жидкость (наносится на бумагу обычно мягкой кисточкой).

Однако и применение тайнописи не избавляло полностью от нервозности Вудхала. Появление в соседней комнате гостиницы «Андерхилл» (у подножия холма) английского офицера приводило его чуть ли не к нервному срыву. С Остином Роз он всегда говорил только шепотом. Когда однажды, сидя в своей маленькой комнатке на мансарде, он писал очередное донесение, дверь за его спиной внезапно с шумом распахнулась. Вскочив, он опрокинул столик, разлив

дорогостоящие симпатические чернила. Оказалось, что в комнату вошла его сестра Мэри. Случай этот настолько отразился на состоянии его здоровья, что он временно вообще прекратил работу, о чем Талмедж доложил Вашингтону.

Группа Калпера в ту осень стала постепенно и осторожно расширяться. Вудхал привлек к подпольной деятельности своего шурина Амоса, который имел хорошую возможность получать информацию из беспечных разговоров своих английских постояльцев. Уильям Робинсон, известный в городе коммерсант, считавшийся роялистом, присылал Вудхалу время от времени письма, содержавшие военную информацию. Иосиф Лоуренс, друг Робинсона, докладывал о передвижениях войск противника на территории Лонг-Айленда.

Вудхал понимал, что его долгие отлучки из дома могут вызвать подозрение, и он решил найти человека, который заменит его в Нью-Йорке. Таковым оказался квакер из Ойстер-Бея, коммерсант Роберт Таунсенд, который по своим делам свободно передвигался по всему побережью и мог следить за маневрами британского флота.

Совместно с Генри Окманом он организовал торговое общество, и они открыли в доме 18 по Смит-стрит, в одном квартале от его собственного дома, магазинчик по продаже сушеных продуктов. Это была необходимая мера предосторожности, ибо связники могли заходить туда, не вызывая ни у кого подозрения.

Таунсенд постепенно входил в свою новую роль, поскольку поначалу колебался между чувствами вины и обязанности. Он был весьма серьезен, хотя ему совсем недавно исполнилось двадцать пять лет, одевался в истинном квакерском стиле и завязывал каштановые волосы в пучок на затылке. Лицо его миловидным назвать было трудно: нос типичный для Таунсендов, подбородок раздвоенный, под глазами постоянные черные круги как от вечного недосыпания, глаза же мягкие и задумчивые – не холодные и оценивающие, как у полковника Джона Андрэ и не светящиеся фанатизмом, как у Натана Хейла. Редкая его улыбка навевала мысль о робости и сентиментальности.

Остин Роэ, напротив, был бесстрашным человеком, а его напыщенная манера разговора обезоруживала даже постовых. Он безупречно держался на коне, заметно превосходя Поля Ревера, и неоднократно преодолевал расстояние от Сетокета до Нью-Йорка и обратно в сто шестьдесят километров по местности, кишевшей бандитами и патрулируемой королевскими драгунами. Его жена Катерина спросила как-то мужа по возвращении, не было ли у него каких-либо трудностей.

– Ничего особенного, любовь моя, – ответил он безразличным тоном. – Разве только две маленькие дырки в моей шляпе.

Обычно он привязывал коня около магазинчика Окмана и врывается в него, покрытый дорожной пылью. Достав из кармана записку Джона Болтона, протягивал ее Таунсенду:

– Прошу вас вручить предъявителю сего полпачки писчей бумаги, как и в прошлый раз.

Таунсенд запаковывал и печатывал бумагу, Роэ платил и выходил из магазина. Тогда Таунсенд незаметно покидал лавку через заднюю дверь и спешил в гостиницу, где его уже ожидал Роэ. Оба поднимались в мансарду в бывшую комнату Вуда. Там Роэ обрабатывал записку Болтона специальным раствором. Прочитав появившийся между строк текст, Таунсенд осторожно распаковывал купленную в магазине бумагу, писал симпатическими чернилами ответ на запрос генерала Вашингтона на одном из листов и клал его обратно в пачку на обусловленное по счету место. Затем снова печатывал пакет. Роэ

укладывал его вместе с другими покупками в седельную сумку и направлялся в обратную дорогу.

Роэ договорился с Вудхалом, чтобы его корова паслась в общем загоне, и по вечерам ходил ее доить. Чтобы не встречаться лишний раз с ним, он прятал припасенный лист бумаги в закопанный в определенном месте луга деревянный ящичек, и тот забирал донесение попозже.

Калпер-сеньор запирался, обрабатывал ответ Таунсенда, переписывал текст и присоединял его к подготовленной для отправки информации. Когда на другой стороне бухты у дома Анны Стронг на бельевой веревке появлялась черная нижняя юбка и несколько носовых платков, это означало место, куда должен приплыть на рыбацкой лодке ночью Калеп Брюстер. С наступлением темноты Вудхал отправлялся к обусловленному месту встречи, передавал информацию, и Брюстер плыл в Коннектикут через так называемый чертов пояс, где каждую минуту мог столкнуться с баркасами противника. В Феарфилде он вручал донесение Талмеджу, которое затем по цепи (всадники стояли наготове через каждые 25 километров) попадало в ставку Вашингтона у Гудзона.

Такой путь доставки информации занимал много времени и подчас снижал ее ценность. 29 июня Калпер-юниор доложил Талмеджу из Нью-Йорка:

«Вчера мне сообщили, что два британских полка, в которые вошли подразделения полковника Фаннинга и роялисты, выступили из Род-Айленда на Уайтстон, куда должны прибыть сегодня. Информация эта вполне достоверна, так как исходит от человека, продвигавшегося вместе с ним. Он предполагает, что они намереваются совершить рейд в Коннектикут в ближайшее же время».

Вудхал от себя приписал:

«Обращаю ваше внимание на то, что в ближайшее время возможен рейд противника в Коннектикут. Предполагаю, что он будет сопровождаться грабежами. Проявите бдительность».

Но это предупреждение опоздало. Майор Талмедж находился с сотней человек в сторожевом охранении у церкви в населенном пункте Паундбридж неподалеку от Бедфорда. На рассвете легкая кавалерия лорда Роудона с отрядом пехоты атаковала их позиции. Противник численно превосходил американцев, и Талмедж отдал приказ отходить. Англичане захватили почти все снаряжение, лучшего коня Талмеджа и большую часть его багажа, в котором были деньги и секретные указания Вашингтона, которые предназначались Калперу. В одном из писем было сказано:

«...Имя последователя С.Ц., а также Джорджа Хайдея, проживающего вблизи от Северной речки и выразившего согласие на сотрудничество с нами, необходимо держать в секрете, поскольку в противном случае мы можем не только потерять свое преимущество, но и поставить их в опасное положение... Как только будет приобретена требующаяся К.Р. жидкость, она будет сразу же выслана».

Талмедж тут же доложил о случившемся Вашингтону, но тот разноса ему

не устроил, предупредив лишь об опасности, которой подвергаются секретные документы на передовой позиции, и пообещав восстановить потерянное имущество и деньги. Вместе с тем генерал распорядился:

– В результате утраты писем наибольшей опасности сейчас подвергается Хайдей, которого прошу срочно предупредить. Его судьба меня очень беспокоит.

Вылазка дала британской контрразведке ценный материал. Ей стало известно о наличии симпатических чернил, определился маршрут доставки информации в Коннектикут, она узнала инициалы двух шпионов – С.Ц. и К.Р., а также имя и место жительства третьего. Но хотя Хайдей и был почти сразу же арестован, его все же сумели предупредить об опасности, он успел уничтожить компрометирующий материал, в результате чего избежал веревки.

Опасаясь, что англичанам удастся найти жидкость для проявки симпатических чернил, Вашингтон дал указание Талмеджу разработать цифровой код для передачи разведывательной информации. И Талмедж создал такой код, а вместе с тем и четыре экземпляра таблиц для его расшифровки, которые вручил Вашингтону, Таунсенду, Вудхалу, оставив один себе. И то и другое хранилось отныне как зеница ока, ибо их обнаружение противником означало бы верную смерть на виселице.

Код был очень прост. Выписав на листе бумаги в алфавитном порядке наиболее употребительные слова, встречавшиеся в информационных донесениях Калпера, Талмедж присвоил каждому определенную цифру. Географические названия также получили свои цифры: Нью-Йорк – 727, Лонг-Айленд – 728, Сетокет – 729. Не были забыты и ключевые фигуры: генерал Вашингтон – 711, Джон Болтон – 721, Калнер Самуэль – 722, Калпер-юниор – 723, Остин Роэ – 724, Калед Брюстер – 725.

В соответствии с этим кодом Вудхал написал 15 августа письмо Талмеджу:

«Каждое 356 (письмо) при поступлении в 727 (Нью-Йорк) вскрывается, а все приезжие подвергаются досмотру. О маршруте наших 356 (писем) предполагается наличие определенных 345 (сведений)... Собираюсь в ближайшее время съездить в 727 (Нью-Йорк) с помощью хорошо знакомой мне 355».

Цифра 355 была присвоена даме. Хотя она и была одним из самых важных агентов американской секретной службы и родила от Роберта Таунсенда ребенка, ее знали только под этим номером.

Личность дамы тщательно скрывалась, так что мы располагаем лишь несколькими беглыми намеками, относящимися к тому времени. Из письма Вудхала следует, что она – его знакомая, проживает в городе и «сможет всех обвести вокруг пальца». Следовательно, она была уже шпионкой, когда познакомилась с Таунсендом. Примерно в 1780 году она стала его женой. Своего ребенка они окрестили как Роберт Таунсенд-юниор. Кроме того, известно, что в двадцатых числах октября, вскоре после бегства Арнольда к англичанам, она была арестована. Вудхал в это же самое время упоминает в своем письме «об аресте человека, который оказал ему огромную помощь».

Больше мы ничего не знаем. Ее имя до нас не дошло. Сам Роберт Таунсенд при своей жизни ее не называл. Если его квакерская родня и знала о ее существовании, то и она помалкивала. Райнхем Холл, говоря о Таунсенде, называет его холостяком. Ни в одном письме, ни в одном дневнике не сказано

чего-либо о ее происхождении. Принадлежала ли она к благородному семейству из кругов тори? Предоставляло ли ее социальное положение доступ к английским секретам, о которых было известно только командующему и его адъютанту? Арнольд подозревает, что именно она предупредила Вашингтона о готовящемся нападении англичан на Вест-Пойнт. Во всяком случае, только она одна из всех членов группы Калпера была арестована после бегства Арнольда в Нью-Йорк. Генерал Клинтон был слишком осторожным и замкнутым человеком, чтобы разболтать какие-либо секреты, чего нельзя было сказать о майоре Андрэ, ехавшем как-то вместе с прелестной попутчицей.

Можно предположить, что она очаровала его своим интеллектом и льстила самолюбию, хваля поэтические наклонности дилетанта. Хотя она и состояла в любовных отношениях с Таунсендом, дама продолжала флиртовать и с Андрэ, выпытывая у него информацию. Мне предоставляется, что 355 была живой, задорной, невысокого роста женщиной, достаточно умной, чтобы перехитрить врага, сумевшей в то же время подарить Таунсенду кратковременное счастье. Одним взглядом своих глаз она могла вывести его из хмурого состояния, а ее гортанный смех вызывал у него столь редкую обычно улыбку. Их роман (а встречались они, скорее всего, в гостинице «Андерхилл») продолжался всю зиму, пока Клинтон находился в Каролине. Сочетаться официальным браком они не могли в силу тогдашних обстоятельств.

Узнав о ее беременности, Таунсенд предлагал 355 выйти из группы Калпера и уехать из города, но она отказалась, ибо считала, что должна остаться, продолжая и далее использовать свои связи с важнейшим источником информации – британской секретной службой. Таунсенд, воспитанный в квакерском духе, обвинил себя во всем и сообщил Вашингтону, что выходит из игры.

Замены ему Вудхал найти не смог, сам же осесть в Нью-Йорке не хотел ни при каких обстоятельствах, поэтому написал Талмеджу:

«Если 711 (Вашингтон) сможет найти подходящего человека и направит его в Нью-Йорк, чтобы заменить К.-юниора, то я вступлю с ним в контакт, и мы разработаем план дальнейших действий».

Талмедж переправил его письмо Вашингтону с собственной припиской, что «К.-сеньор немного перетрусил и считает необходимым прекратить на некоторое время связь».

Ответ Вашингтона был грубым и отразил его недовольство агентами, сотрудничавшими по настроению:

«Поскольку К.-юниор отказался от дальнейшей работы, а К.-сеньор настроен в том же духе, видимо, целесообразно связь с ними прекратить, тем более их информация поступает столь поздно, что теряет свою ценность... Мне хотелось бы установить связь с Нью-Йорком через Стейтен-Айленд, но я не знаю никого из тамошних агентов...»

Хотя Калпер-сеньор и обиделся на такой поворот дел, он попытался скрыть свои эмоции в прощальном письме:

«Я рад, что 711 намеревается найти более подходящий путь для получения информации, нежели предшествовавший. Из сказанного делаю вывод, что он до сих пор использовался очень редко. Мне жаль, что наша опасная и очень напряженная деятельность была

малозффективной. Далее идет речь о моем якобы нежелании продолжать сотрудничество. Видимо, вы были неправильно информированы. Могу заверить, что моя неутомимая деятельность исходила из чувства долга и не преследовала никаких материальных интересов... Если возникнет необходимость, я готов в любое время к дальнейшей работе».

Симпатические чернила больше не поступали, на бельевой веревке Анны Стронг никакие сигналы не появлялись, а над ящичком в загоне для скота Вудхала выросла трава. Группа Калпера прекратила свою деятельность.

Через два месяца Роберт Таунсенд вновь взял на себя роль Калпера-юниора. Объяснений этому поступку нет, остаются лишь предположения. Возможно, верх взяло чувство долга, а может, для него стала невыносимой разлука с 355. К тому же и Вашингтон стал настаивать на возобновлении работы нью-йорского кружка. Во всяком случае, манхэттенские агенты вновь стали поставлять ему информацию о численности войск и военных планах англичан, подчас из ставки Клинтона. Однако доставка информации из Нью-Йорка осложнилась, ибо англичане взяли под контроль выходы из города и досматривали всех, кто вызывал у них подозрение. К счастью, у Таунсенда было еще достаточное количество симпатических чернил. Однако из предосторожности к старому трюку с бумагой Роэ прибегал значительно реже.

Тогда Таунсенд решил отправить письмо с нарочным полковнику Бенджамину Флойду в Брукхевен, в котором было написано:

«Нью-Йорк, 20 июля 1780 года

Глубокоуважаемый господин полковник! Вашу записку (слова «посланную с мистером Роэ» были зачеркнуты, но хорошо читались) я получил и принял к сведению. К сожалению, сейчас не могу выслать вам необходимые товары в связи с их отсутствием. Как только они поступят, перешлю по почте. Ваш покорный слуга
Самуэль Калпер».

Дом полковника Флойда в последнее время подвергался частым грабегам, поэтому его стремление приобрести кое-что в городе было вполне объяснимо. Так что письмо сомнений не вызывало и объясняло, почему Роэ следовал с пустыми руками. (На обратной стороне листа симпатическими чернилами был написан, естественно, другой текст.)

На бруклинском пароме письмо было прочитано английской стражей и возвращено Роэ, который беспрепятственно проследовал в Сетокет. Там он оседлал коня и поехал к ферме Вуда, чтобы навестить заболевшего хозяина. Войдя в дом, запер двери, передал тому письмо Таунсенда и рассказал о виденном по дороге. Вуд приподнялся на постели, шатаясь от слабости, и дрожащей рукой написал Талмеджу:

«Ваше письмо я получил. К сожалению, заболел и лежу в постели с высокой температурой... 724 (Остину Роэ) пришлось поторопиться, чтобы доставить сюда подтверждение Калпера-юниора о прибытии эскадры адмирала Грейва в составе шести линейных кораблей, к которым в Нью-Йорке присоединятся еще три. Пятидесяти- и сорокапушечные корабли отплыли в

Род-Айленд. Там они окажутся раньше, чем вы получите это донесение. Сегодня в Уайтстоне на корабли погружены 8 тысяч солдат – с тем же пунктом назначения... Прошу извинить за возможные ошибки в письме из-за болезни. Осуществляйте необходимые передвижения войск, а я буду молиться за ваш успех. Остаюсь преданный вам Самуэль Калпер».

Калед Брюстер ожидал возвращения Роэ в обусловленном месте, и Вудхал написал ему несколько строчек:

«Пожалуйста, отправьте прилагаемый материал по назначению без малейшей потери времени. Эти сведения могут оказаться весьма важными для судьбы нашей страны. Возвращайтесь назад по указанию Джона Болтона».

По прибытии в Феарфилд Брюстер не сразу нашел Талмеджа и поэтому попросил одного из драгунских офицеров доставить депешу в ставку Вашингтона в Прекнессе (Нью-Джерси) посыльным. В четыре часа утра 21-го она была там. Ее сразу же вручили адъютанту генерала – Александру Гамильтону. Поскольку самого Вашингтона на месте не оказалось, а Гамильтон знал про симпатические чернила, он тут же обработал послание. Прочитав текст, немедленно переслал его генералу Лафайетту, находившемуся на пути в Ньюпорт, сопроводив запиской:

«Генерал в отъезде и возвратится, вероятно, не ранее полуночи. Вполне возможно, что информация не более как финт противника, но к ней следует отнестись вполне серьезно. Посему и направляю ее вам».

Вернувшийся в штаб-квартиру под вечер Вашингтон стал ломать голову над сообщением. Клинтон мог в действительности уже быть на подходе к Ньюпорту. Остановить войска противника и заставить их возвратиться мог лишь контрудар по Нью-Йорку. Удержать же свои позиции у Ньюпорта он вряд ли сумел бы из-за слабости собственной армии. Взяв перо, он задумчиво повертел его в пальцах. Стоило ли действительно наносить этот контрудар или же достаточно заставить сэра Генри поверить, что он будет вот-вот нанесен? Может быть, перо сможет сделать то, на что не способен меч?..

В транспортное подразделение британской армии, двигавшейся в направлении морского пролива, был передан пакет с документами, найденный на дороге вполне благонадежным английским фермером. Среди них находился детально разработанный Вашингтоном план нанесения контрудара по Нью-Йорку войсками численностью в двенадцать тысяч человек. На побережье Лонг-Айленда были тут же зажжены сигнальные огни, передавшие распоряжение флоту, находившемуся уже у Хантингтона и Клинтону срочно возвратиться с армией в Нью-Йорк.

Через несколько дней Клинтон направил объяснительную записку лорду Джорджу Джермену в Лондон, в которой изложил причины неудавшегося удара по Нью порту:

«Вашингтон с двенадцатитысячной армией, совершив быстрый маневр, форсировал Северную реку и подходил к Найтбриджу, когда узнал, что я не пошел дальше к Род-Айленду. Поэтому он тут же

возвратился назад и сейчас находится, как я предполагаю, в районе Оридж-Таун».

Американский же командующий, большой любитель и мастер дезинформации и обманных маневров, с большим удовлетворением пожинал плоды своей хитрости.

Ф. Деакин и Г. Сторри УВЕКОВЕЧЕН НА ПОЧТОВОЙ МАРКЕ

В предисловии к этой книге я уже упоминал об одном из известнейших и успешно работавших советских разведчиков – Рихарде Зорге. В данном рассказе читатель увидит, как аппарат его агентурной сети готовился и приступил к действиям, исходя из своих технических возможностей. Следует отметить, что группа Зорге передавала информацию непосредственно в четвертое управление Красной армии (разведывательное управление) в Москву. Сам Зорге и его радист Макс Клаузен во время своего довольно продолжительного пребывания в Москве прошли соответствующую подготовку в этом управлении. Вукелич, ближайший помощник Зорге, был тоже европейцем, все остальные – японцы.

Представители советской секретной службы за рубежом получали строжайшее указание не вступать ни в какие контакты с дипломатическими миссиями Советского Союза в странах их пребывания. Однако после начала войны в Европе в сентябре 1939 года в связи с возникшими трудностями и опасностями поездок в Шанхай и Гонконг Зорге решил пойти на риск и установить связь с представителями советского посольства в Японии, на что испросил разрешение Центра.

В январе 1940 года Клаузен принял радиограмму следующего содержания:

«Отныне будете получать деньги и поддерживать связь с одним из товарищей в Токио. Он передаст вам два билета в императорский театр... Мужчина, который окажется рядом с вами, и есть этот товарищ».

Буквально на следующий день в абонентском ящике Клаузена на токийском главпочтамте оказались театральные билеты. В театр он отправился с женой. В наступившей темноте сосед передал ему белый носовой платок, в котором были завернуты деньги, и покинул зрительный зал.

Во время очередного свидания, но уже в другом театре, Клаузен передал связнику 70 катушек фотопленки и получил еще некоторую сумму денег. На последующую встречу пошел сам Зорге, так как радист заболел. По радио Клаузену несколько позже поручили сходить в определенное питейное заведение, встретиться с двумя мужчинами, с одним из которых он будет впоследствии поддерживать связь.

В дальнейшем встречи проходили либо в доме Клаузена, либо в директорском кабинете его магазина. Представленный ему товарищ назвался Сергеем, и по некоторым замечаниям Клаузен предположил, что он сотрудник советского посольства в Токио. После начала войны в Европе особо важное значение приобрела информация о политике Японии в отношении Советского Союза, и группа Зорге заработала интенсивнее, а встречи с Сергеем участились.

6 августа 1941 года Сергей появился у Клаузена – в его магазине. На этот раз на встрече присутствовал и Зорге. Как потом вспоминал Клаузен:

«Если мне память не изменяет, Сергей и Зорге спорили о войне между Германией и Советским Союзом. Под конец разговора Сергей сказал, что узнал Зорге по фотографии, которую ему показывали в Москве...»

10 октября Клаузен встретился с Сергеем в последний раз и передал ему карту районов Токио, Кавасаки и Иокогамы, на которой были отмечены позиции зенитной артиллерии и прожекторов. Они договорились встретиться 20 ноября, однако Клаузен 18 октября был арестован.

Во время допросов японские чиновники показали ему две фотографии. На первой был изображен мужчина, с которым он встречался в императорском театре. Выяснилось, что это – консул при советском посольстве по фамилии Вуткевич. На второй запечатлен Сергей, который был вторым секретарем советского посольства и сотрудником военной разведки и которого на самом деле звали Виктор Сергеевич Зайцев.

После ареста членов группы Зорге Зайцев покинул Японию тихо, не привлекая к себе внимания. В 1943 году он появился в Канберре в качестве второго секретаря советского посольства. В 1947 году он был аккредитован в качестве пресс-атташе советского посольства в Вашингтоне. Следует отметить, что американцы косвенным образом (по своим каналам) принимали участие в расследовании дела Зорге в самой начальной стадии, поэтому им была известна связь нового советского пресс-атташе в Вашингтоне с Рихардом Зорге.

«Прежде чем я приступил к своей деятельности в Китае и Японии, – признался Зорге, – я вместе с представителем четвертого управления изучил в своем номере московской гостиницы коды, которыми должен был пользоваться, на что ушел целый день».

Кодирование и расшифровка радиogramм были строго секретным делом, поэтому ими занимался лично руководитель агентурной сети за рубежом.

Система, использовавшаяся советской разведкой, была довольно простой: алфавитные буквы заменялись одно– или двусоставными цифрами. Затем для усложнения использовались колонки цифр со страниц официальных статистических изданий, которые приплюсовывались к основным. Конкретная страница и раздел указывались в самой радиogramме.

Особая ценность этой системы заключалась в бесконечной возможности числа вариантов использования Немецкого статистического ежегодника, который в Японии имелся во всех коммерческих и иных учреждениях. Поскольку черновики радиogramм немедленно сжигались, сам такой ежегодник никакого подозрения вызвать не мог. Поэтому даже самые тщательные обыски давали нулевой результат.

Поскольку после 1939 года объем исходившей информации резко возрос, Зорге получил разрешение Центра привлечь в порядке исключения к кодированию радиogramм Клаузена.

Система оказалась настолько надежной, что японская контрразведка не сумела расшифровать ни одной радиogramмы, которые удалось ей перехватить начиная с 1937 года.

Вначале группу Зорге в Японии финансировали непосредственно из Москвы, деньги передавались курьерами в указанное время на встречах в Шанхае или Гонконге. Затем необходимые суммы стали переводить на частные счета в японских банках через нью-йоркские «Нешнл сити бэнк» или «Америкэн экспресс». После 1940 года для этого использовались уже нелегальные встречи с представителями советского посольства в Токио.

Клаузен вел учет расходов, о чем один-два раза в год докладывалось в Москву. За период с 1936-го по 1941 год общая их сумма составила порядка сорока тысяч долларов.

Еще в Берлине Зорге получил указание расходовать на нужды группы не более тысячи долларов в месяц. Жалкая эта сумма уходила главным образом на оплату квартирных и текущих расходов основных членов группы. Одзаки не получал ничего, кроме компенсации расходов на поездки. Очень мало уходило и на оплату услуг Мияги. Фактически Зорге, Вукелич и Одзаки жили на гонорары за журналистскую работу, Мияги – за художество, а Клаузен – за счет своего магазина.

Деньги из Москвы поступали нерегулярно, так что Зорге приходилось нередко самому покрывать срочные платежи. Когда Эдит Вукелич после развода с мужем собралась выехать в Австралию, то сумма в 400 долларов была особо оговорена, и Москва передала их через Зайцева.

Даже утвержденные расходы в сумме одной тысячи долларов в месяц были сокращены, и Зорге приходилось буквально на всем экономить. В конце 1940 года из Центра поступило указание изымать капитал из фирмы Клаузена на дела группы, что отрицательно сказалось на его энтузиазме. С этого времени он вел финансовые дела группы безалаберно и даже не всегда уничтожал переданные или полученные радиogramмы, не особо заботился о маскировке материалов, подготовленных для передачи. Скардность Центра сказалась на снижении мер безопасности, а в результате при аресте Клаузена в его доме японской полиции удалось обнаружить компрометирующие радиста материалы.

Только Зорге и Клаузен, завербованные четвертым разведывательным управлением непосредственно в Германии, знали лично своих руководителей. Мияги был активистом в японской секции Американской коммунистической партии. Получил от оставшегося неизвестным представителя Коминтерна указание возвратиться в Японию, прекратить все связи с американскими коммунистами и избегать контактов с японскими товарищами в Токио.

Вначале Мияги полагал, что они только вдвоем с Зорге входят в разведывательную группу, но со временем понял, что к числу ее активных членов относятся также Вукелич, Одзаки и Клаузен.

Мияги, как и Вукелич, считал, что входит в организацию, которая относится непосредственно к Коминтерну и не имеет никаких связей с национальными коммунистическими партиями, поскольку Зорге никогда ничего не говорил о ее структуре и подчиненности.

Что касается Одзаки, то он имел полное представление о группе и ее задачах. Еще в Шанхае он узнал от Агнес Смедли, что под псевдонимом Отто числится в советской картотеке в Москве и работает на один из отделов Коминтерна.

Из соображений безопасности Зорге сократил контакты членов группы друг с другом до минимума. Только Клаузен – радист и казначей группы – был осведомлен о псевдонимах и кодах всех ее членов, но вплоть до своего ареста не знал имен Одзаки и Мияги и никогда с ними лично не встречался. Одзаки же видел Клаузена всего один раз, не зная его имени, а с Вукеличем не встречался вообще.

К встречам с членами своей группы Зорге всегда тщательно готовился. Только он поддерживал личные контакты с важнейшими членами группы. Видеться с Клаузеном ему было довольно просто: они оба были членами немецкого клуба в Токио, да и встречи земляков за его пределами были

нормальным явлением. Важнейшие их встречи проходили, однако, в домике Зорге, так как наибольшую опасность представляла передача документов и материалов. Известное опасение Зорге вызывало и то обстоятельство, что автомашина Клаузена могла подвергнуться досмотру японской полицией, что вообще-то было обычным явлением в городе. К дому Зорге Клаузен подъезжал каждый раз по новому маршруту (это стало у него даже привычкой). На случай, если его появление было нежелательно, устанавливался специальный сигнал. Зорге предупредил Клаузена в первые же дни их пребывания в Токио:

– Если у калитки в сад горит лампочка, в дом не входи. Значит, у меня кто-то есть.

В основном же встречи обуславливались заранее, как правило по телефону.

Зорге и Вукелич были коллегами-журналистами, и вплоть до развода с Эдит они встречались на его квартире. Соблюдать какие-то особые меры предосторожности при встречах европейских членов группы необходимости просто не было. В связи с этим Зорге сказал:

– У нас возникли бы дополнительные трудности и пришлось бы терять много времени, если бы мы строго придерживались теоретических принципов.

Встречи же европейцев с японскими агентами были намного сложнее и опаснее, так как полиция старалась предотвратить контакты иностранцев с местным населением.

Поэтому довольно частые встречи с Одзаки и Мияги Зорге брал на себя. Они происходили в различных ресторанах и кафе города, которые постоянно менялись. Находить каждый раз новое место встречи было нелегко.

Зорге виделся с Одзаки один раз в месяц, когда же международная обстановка осложнилась, то и чаще. После нападения Германии на Советский Союз они стали встречаться по понедельникам. Одзаки довольно часто заказывал столик в ресторане «Азия», который находился в здании управления Юго-Маньчжурской железной дороги, здесь же располагалось и бюро Зорге.

После начала Второй мировой войны наблюдение за иностранцами в Токио было усилено. В связи с этим чаще стали встречаться в доме Зорге, считая это менее опасным. Хотя неподалеку находилось отделение полиции и дом, вне всяких сомнений, был под наблюдением, посещение Одзаки, ведущим газетчиком, своего немецкого коллеги было вообще-то вполне нормальным делом. К тому же опасность быть подслушанными, что вполне вероятно в общественных заведениях, в его доме сводилась до минимума.

Одзаки и Мияги встречались друг с другом через короткие промежутки времени в кафе и закусочных. Позже Мияги стал приходить к Одзаки в дом под благовидным предлогом – как учитель рисования его дочери.

За исключением разве лишь последних месяцев за все девять лет работы группы Зорге ни его шаги, ни деятельность всех его соратников не вызывали у японской полиции никаких подозрений.

Основная опасность, которая подстерегала каждого из членов группы, – возможность обнаружить компрометирующие материалы в результате случайной или повседневной проверки автомашин или негласного обыска в доме.

Этой опасности более всего был подвержен Клаузен. Чтобы проводить весьма частые сеансы радиосвязи с Центром, он, выбирая подходящие места, разъезжал на автомашинах с передатчиком, упрятанным в стареньком черном портфеле.

Судьба его зачастую в буквальном смысле слова висела на волоске.

Характерен случай, произошедший осенью 1937 года, о котором он рассказал следующее:

«Поблизости от дома я взял такси и поехал к Вукеличу, из квартиры которого намеревался передать в Москву несколько радиogramм. Когда я около трех часов дня приехал к нему, то обнаружил пропажу довольно толстого портмоне, который был засунут в левый карман брюк. Я выбежал на улицу, но такси уже исчезло. В портмоне было 230 японских иен, мое водительское удостоверение с наклеенной фотографией и лист бумаги с английским текстом, переданным мне Зорге по финансовым вопросам. С него надо было сделать фотокопию. Зашифрованная информация по счастливой случайности находилась в моем черном, изрядно потрепанном портфеле вместе с рацией. Портмоне, по всей видимости, осталось в такси, ибо я отлично помнил, что вынимал его и открывал, когда рассчитывался с водителем. Номера такси, конечно, не запомнил. Я не знал, как поступить, затем рассказал Вукеличу о потере портмоне с довольно крупной суммой денег и спросил его совета. О финансовых расчетах, однако, не заикнулся, опасаясь, что он может рассказать об этом Зорге. На следующий день, набравшись храбрости, сообщил о своей пропаже в городское бюро находок, назвав содержимое портмоне: немного денег, водительское удостоверение и листок бумаги с английским текстом. Но портмоне так и не было обнаружено. Я же в течение нескольких дней не мог избавиться от страха».

Одзаки снабжал Зорге информацией чрезвычайной важности, которую он получал в правительственных кругах, сообщая о ней только в устной форме. После их разговора Зорге составлял донесение, которое Клаузен незамедлительно передавал в Москву. Материалы же и документы, попадавшие время от времени в его руки, Одзаки отдавал Мияги, который переводил их на английский язык и затем вручал Зорге.

Документы из немецкого посольства Зорге либо фотографировал сам, либо вручал на короткое время Вукеличу. Вместе с «одолженными» материалами они при случае попадали потом к курьерам.

Недостаток такого рода работы проявился во время арестов, когда на квартирах основных членов группы были обнаружены документы, послужившие основой для предъявления им обвинений и начала допросов.

В теоретическом плане еще одну опасность для группы представляли женщины. Находясь уже в тюрьме, Зорге самодовольно признавался в своих записках:

«Женщины для агентурной деятельности совсем не подходят. Они ничего не понимают в политике и... я не получил ни от одной женщины более или менее удовлетворительной информации за всю свою жизнь. Поскольку я считал их непригодными для дела, в моей группе не было ни одной женщины».

Нам представляется, что многочисленные истории с женщинами, которых у него в Токио было предостаточно, действительно никакого отношения к шпионажу не имели. Личные его дела никогда не касались его нелегальной деятельности.

В течение восьми лет группа Зорге вела постоянный радиообмен с Центром, и японские специалисты радиоперехвата ничего не могли предпринять. С технической точки зрения группа работала безукоризненно.

Зорге впоследствии написал:

«Я был и сам удивлен, что мне удалось нелегально работать в Японии в течение многих лет, не будучи схваченным. Полагаю, что моей группе (иностранным ее членам и мне самому) в этом здорово помогло наличие легальных профессий, которые обеспечивали нам прочное общественное положение и доверительное отношение. Считаю, что все члены разведывательных групп, работающих за рубежом, должны обладать такими профессиями, как корреспонденты газет, миссионеры, представители различных фирм и так далее. Полиция несколько раз засылала в наши дома своих представителей в штатском, которые дотошно расспрашивали прислугу, но в целом не обращала на нас практически никакого внимания. Я никогда не ощущал за собой слежки и не опасался, что поведение европейских членов группы нанесет ущерб нашей нелегальной деятельности. Что же касается японских агентов, то здесь у меня такой уверенности не было. И произошло как раз то, чего я опасался».

Примечание А. Даллеса

Как я отмечал в предисловии, советское правительство посмертно присвоило Зорге звание Героя Советского Союза и увековечило память, поместив его портрет на почтовую марку.

Дэвид Даллин «КРАСНАЯ КАПЕЛЛА»

Более многочисленной и разветвленной, чем у Рихарда Зорге, была агентурная сеть так называемой «Красной капеллы». Она была организована Советским Союзом в Западной Европе в период Второй мировой войны и в течение длительного времени вызывала головную боль у немецкой контрразведки. В конце концов немцам удалось разгромить ее филиалы в Голландии и Бельгии, а затем и в самой Германии. В предлагаемом отрывке рассказывается, как немцам посчастливилось, что ее члены хорошо знали друг друга; некоторые из них были сломлены во время допросов, предали друзей и даже согласились на сотрудничество с противником.

Автор оценивает поведение этих «сломленных» следующим образом:

«История агентов, работавших под контролем немцев... является наиболее шокирующим обстоятельством в тридцатилетней деятельности советской разведки. Ведь эти мужчины и женщины, пошедшие добровольно на риск во имя большого дела, не выдержали трудностей ареста и последовавшего судебного процесса, потеряв человеческое достоинство и поступившись принципами».

Немецкая контрразведка и гестапо, радиоподслушивающие службы которых в 1941 году перехватили до пятисот зашифрованных радиogramм, знали о существовании советской шпионской сети в Западной Европе. Коды и шифры этих сообщений были настолько великолепно продуманы, что даже лучшим немецким дешифровщикам и специалистам не удалось прочитать ни одно из них. Они уважительно относились к изощренности действий и техническому оснащению советской агентурной сети.

На жаргоне советской разведки коротковолновый радиопередатчик

назывался «курантами», а радист – «музыкантом». Это и послужило основанием для того, что немцы назвали эту сеть «Красной капеллой». Да они и воспринимали ее как группу способных солистов, которыми управлял опытный и талантливый дирижер. Руководство службы безопасности и абвера в Берлине занервничало. Осознавать, что военные секреты уходят за кордон, что на территории, оккупированной немцами, безнаказанно оперирует целая группа вражеских шпионов, и чувствовать собственное бессилие было для них унижительным. Предпринимавшиеся до тех пор усилия определить местонахождение шпионской группы успеха не дали. Радиопеленгаторные устройства работали слишком медленно и были несовершенны. Число же перехваченных, но так и не расшифрованных радиogramм все росло.

Осенью 1941 года с большим трудом удалось установить, что основной радиопередатчик вражеской агентурной сети находится где-то в Бельгии. Поэтому в Брюссель была направлена группа контрразведчиков.

Как потом рассказывал Генрих Хофман, работавший ранее в абвере:

«Берлин словно прорвало, и каждую неделю в Брюссель прибывали все новые офицеры, которых присылали нам для усиления и контроля. Вначале по своей глупости мы пытались искать советских агентов среди бельгийских коммунистов. Однако наши доверенные лица сообщали, что там все спокойно, коммунисты запуганы и ведут себя пассивно. «Прошерстив» столицу, мы стали вести поиск в других городах, но все безуспешно. Затем наши люди сосредоточились на ресторанах и кафе, не зная, что советские агенты встречались только в магазинах, парках и туалетах. Наши радиопеленгаторы за это время установили, что советский передатчик работал каждую ночь в течение пяти часов (грубая ошибка!) – с полуночи до пяти часов утра. Это значительно облегчило наши поиски.

Но вот из Берлина приехал известный специалист. На основании наших изысканий он сделал вывод, что вражеский передатчик мог находиться в одном из трех определенных домов...»

Вечером 13 декабря 1941 года сотрудники службы безопасности с солдатами вломились сразу в эти три дома одновременно. Чтобы не создавать лишнего шума, на сапоги были надеты толстые носки. На втором этаже одного из домов и был обнаружен радиопередатчик. Около него находились Михаил Макаров, Рита Арнольд и Анна Ферлинден, которых тут же арестовали. В тайнике, оборудованном в соседнем помещении, были найдены фальшивые документы, симпатические чернила высокого качества, штампы, служебные печати и различные материалы. Код им, однако, удалось уничтожить.

Как раз во время обыска в дом вошел «Большой шеф» Треппер, который выдал себя за торговца кроликами и настолько уверенно и убедительно играл свою роль, что был отпущен. Конечно же он сразу предупредил об опасности остальных членов бельгийской группы.

«Маленький шеф» Сукулов, имевший торговую компанию «Симекско» на улице Аттребат, вынужден был скрыться. Он заявил своим сотрудникам, что его «страна» Уругвай собирается выступить против Германии (это происходило через несколько дней после нападения Японии на Перл-Харбор) и что поэтому он не может более находиться в стране, занятой противником. Выехал он в неоккупированную часть Франции.

Во время допросов немцами Макаров отказался давать какие-либо показания. Анна Ферлинден совершила самоубийство. Несчастливая же и слабодушная Рита Арнольд, боясь за свою жизнь, «раскололась». Она предала Венцеля, Кента и еще целый ряд членов организации. Более того, она передала

немецким контрразведчикам фотографию «Большого шефа». Некоторое время ей разрешили даже проживать в гостинице, но через несколько месяцев, когда надобность в ней отпала, Риту Арнольд казнили. Она была первой из числа советских агентов, согласившихся перейти на сторону Германии.

Показаний Риты Арнольд оказалось, однако, недостаточно, чтобы получить четкое представление о характере работы советской агентурной сети. Строгая конспиративная система дала свои плоды: круг задач Риты был строго ограничен. Она знала лично только нескольких людей да парочку адресов. Немецкие службы находились все еще в потемках.

В мусорном ящике дома по улице Аттребат был обнаружен небольшой клочок бумаги, на котором значились какие-то таинственные цифры и буквы. Из этого был сделан вывод, что шифровка текстов, видимо, производилась здесь. В течение шести недель лучшие немецкие специалисты бились над этим клочком бумаги, прочитав в конце концов одно лишь слово: «Проктор». Риту Арнольд снова вызвали на допрос.

– Назовите книги, которые лежали на письменных столах и стояли на полках?

Она перечислила все, что вспомнила. Упомянутые ею книги были немедленно приобретены, и в одной из них оказалось это имя. По всей видимости, именно эта книга служила для кодирования. Открытие было сделано весной 1942 года. Москва за это время, естественно, сменила код, поэтому перехватываемые радиogramмы по-прежнему не расшифровывались.

Нарушенное звено советская разведка быстро восстановила. Поскольку Треппер и Сукулов были вынуждены выехать из страны, руководство новой сетью принял Константин Ефремов (финский студент Йорнстрём). Это был русский офицер, выглядевший моложе своих лет, весьма симпатичный блондин, очень любивший свою родину – Россию, где оставил родителей и молодую жену. Его коллегой был Иоганн Венцель – «профессор» – основной радист новой бельгийской агентурной сети. (Часть информации направлялась во Францию, откуда передавалась в московский Центр.) Шпионский аппарат вновь работал на полные обороты, так что немецкой контрразведке пришлось все начинать заново. В июне 1942 года немцам удалось запеленговать Венцеля. Он был арестован 30 июля. В его комнате немецкая полиция обнаружила несколько зашифрованных радиogramм и два текста на немецком языке.

Член Коммунистической партии Германии Венцель отказался от сотрудничества с абвером, «не пожелав идти ни на какой компромисс». Когда же ему предъявили документы о его прежней деятельности, в том числе и в «военном отделе» КПГ, и разъяснили, что ему предстоит выбрать между смертью и сотрудничеством, он изменил свою точку зрения. Начав говорить, он назвал шефов и товарищей, ключ кода и полученные указания – словом, всю систему советского шпионажа. Будучи опытным агентом, он располагал подробными сведениями по самым различным вопросам, оказав немцам неоценимую помощь. Абвер и гестапо вздохнули облегченно.

Расшифровав с помощью полученного от него ключа целый ряд радиogramм, немцы получили немаловажные сведения о наличии в Берлине советской агентурной сети. Исходя из характера информации, они сумели выйти на обер-лейтенанта запаса военно-воздушных сил Харро Шульце-Бойзена и оберрегирунгсрата в министерстве экономики Арвида Харнака.

Предательство Венцеля открыло шлюзы. Агентурная сеть, протянувшаяся от Берлина до Парижа, стала испытывать удар за ударом. В каждой группе

арестованных находились предатели, называвшие новые имена.

Абрахам Райхман, специалист по изготовлению фальшивых паспортов и различных документов, входивший в состав брюссельской группы, был уже давно на подозрении у службы безопасности. Райхман, как и Венцель, был в свое время представителем Коминтерна. Чтобы доставать бланки бельгийских паспортов, он установил связь с брюссельским полицейским чином – инспектором Матье, который на самом деле был немецким агентом, а для прикрытия разыгрывал симпатии к движению Сопротивления. Матье пообещал Райхману доставать подписанные и с надлежащими печатями бланки паспортов, любезно предложив даже их оформление у себя в отделе. В июле 1942 года Райхман передал ему фотографию Ефремова, шефа бельгийской агентурной группы, для нового паспорта. 30 июля 1942 года Ефремов был арестован в тот момент, когда получал из рук инспектора Матье пресловутый паспорт.

Чтобы «сломать» Ефремова, абверу потребовалось довольно длительное время. Он отказался отвечать на вопросы и давать какие-либо показания. Контрразведчики, узнав о его привязанности к семье, пригрозили сообщить родителям в Советский Союз, что именно он предал Иоганна Венцеля (чего на самом деле не было). И Ефремов постепенно сломался, начал давать показания и в конце концов согласился на сотрудничество с немцами. А через некоторое время настолько вошел в раж, что стал даже поучать своих новых хозяев, когда те планировали те или иные акции против советской агентурной сети.

– Это неправильно, – говорил он, – следует делать так-то и так-то...

Подсказки эти были весьма своевременными, оказывая немцам неоценимую помощь.

Более того, Ефремов проинформировал абверовцев, что в случае его ареста вместо него должен быть назначен Антон Данилов – его русский коллега.

Оливер Пилат СЕКРЕТ АТОМНОЙ БОМБЫ

Одним из самых крупных мероприятий во время Второй мировой войны в области шпионажа была, несомненно, организация Советами агентурной сети в Соединенных Штатах Америки по добыче секретной информации об атомном оружии. Химик Хэрри Голд из Филадельфии выступал в качестве связника между офицером советской секретной службы Яковлевым (занимал официальную должность в советском генеральном консульстве в Нью-Йорке) и различными американскими учеными, завербованными в качестве агентов. Среди них был и Клаус Фукс, рассказ о котором публикуется несколько ниже.

В данном же отрывке повествуется о том, как Голд во время одной из поездок получил две важные информации об атомной бомбе. Поездка была довольно рискованной, поскольку оба информатора находились в Лос-Аламосе, но русские на ней настояли из-за необходимости срочно получить новые сведения. Голд встретился с Клаусом Фуксом и Дэвидом Гринглассом, армейским инженером, занимавшимся вопросами разработки взрывателей для атомной бомбы. Грингласса же привлек к агентурной деятельности его шурин Юлиус Розенберг, окончивший через несколько лет свою жизнь вместе с женой Этель на электрическом стуле по обвинению в государственной измене.

В воскресенье, 3 июня 1945 года, примерно за шесть недель до того, как небо над Аламогордо озарила вспышка, подобная молнии, и ярче, чем солнце, и возвестившая миру о начале атомной эры, по лестнице дома номер 209 по улице Норф-хай-стрит в Альбукерке (Нью-Мексико) поспешно поднялся полный мужчина невысокого роста с опущенными плечами и недовольным выражением лица, позвонивший в дверь квартиры на втором этаже. Ему открыл молодой человек в халате и шлепанцах.

– Мистер Грингласс? – спросил незнакомец, с трудом переводя дыхание, и добавил, когда тот кивнул: – Меня послал Юлиус.

– О! – только и ответил Грингласс.

Заперев дверь, он подошел к небольшому столику, на котором стояла женская сумка (видимо, его жены), и достал из нее кусочек картона длиной около десяти сантиметров, оторванного от упаковки малинового пудинга. Посетитель достал и кармана такой же кусочек картона. Дэвид Грингласс удовлетворенно улыбнулся. Несмотря на стокилограммовый вес, темные кустистые брови и черную гриву волос, он производил приятное впечатление.

– Моя жена Рут, – представил он, сделав жест рукой.

Посетитель кивнул, приветствуя краснощекую, голубоглазую молодую женщину, тоже в халатике и домашних туфлях, которой на первый взгляд было не более двадцати лет.

– А я – Дейв из Питтсбурга, – произнес посетитель неожиданно звучным голосом.

– Надо же, – отозвалась Рут, – ведь мужа тоже зовут Дэвид.

– Мы, собственно, никого сегодня не ждали, – пояснил Дэвид Грингласс своему тезке из Питтсбурга, который был не кем иным, как Хэрри Голдом из Филадельфии. – Это приятная неожиданность. Можно ли вам что-нибудь предложить?

Голд ответил, что только что позавтракал. Он стоял, склонив голову и глядя в пол, будто бы ожидая услышать нечто вполне определенное.

– У вас есть какая-нибудь информация для меня? – спросил наконец он.

– Да, кое-что имеется, надо только сделать выписку, – ответил Грингласс.

Рут Грингласс ушла в небольшую кухню, чтобы заварить свежего кофе. Когда она возвратилась, мужчины уже пожимали друг другу руки, договорившись, что Голд зайдет еще раз в три часа пополудни за информацией по Лос-Аламосу.

Хэрри Голд, расположившись в гостинице «Хилтон», несколько часов читал криминальный роман, затем пообедал. Ровно в три часа он был у Гринглассов. Дэвид на этот раз надел военную форму. Судя по знакам различия, он был унтер-офицером. Рут приготовила чай и подала печенье. Сообщение Дэвид уже подготовил: на нескольких разлинованных листах бумаги виднелись схематичные и эскизные чертежи и рисунки с соответствующими пояснениями по тем проблемам, над которыми он работал в своем совершенно секретном бюро.

На дополнительных страницах прилагалась расшифровка различных букв, цифр и знаков, указанных на чертежах, а также список работников лаборатории Лос-Аламоса, которых можно было бы привлечь к сотрудничеству.

– Могу пояснить, – сказал Грингласс, – почему в мой список включена вот эта фамилия. Я порасспросил о нем нескольких человек. Может быть, он и не совсем подходит, но с ним произошла некая история...

– Это же невероятно рискованно и даже глупо, – прервал его Хэрри. – Вы

ведь не должны говорить никому, а тем более высказывать просьбы об оказании вам помощи в ваших делах. Вам следует держаться совершенно изолированно и никоим образом не позволять себе даже намеков на то, что сообщите определенную информацию на сторону.

На лбу Дэвида появились морщинки, и он пожал плечами, ответив, однако, совершенно дружелюбно:

– Юлиус попросил составить список людей, более или менее симпатизирующих коммунизму и способных представлять информацию по ведущимся работам. Вас же послал ко мне тоже Юлиус, не так ли?

В подтексте этих слов прозвучало: «Ведь Юлиус – ваш шеф?»

Хэрри Голд не стал ему возражать и тем более сообщать, что еще ни разу даже не видел Юлиуса Розенберга. Вместо этого произнес:

– Хорошо. Я возьму список.

Во время одной из встреч с Гринглассами еще в феврале Розенберг, купив упаковочку с пудингом, разрезал ее пополам и передал одну половину Рут со словами, что вторую половину должен будет предъявить связник.

Предполагалось, что это будет женщина, но Анатолий Яковлев, руководитель Розенберга в Нью-Йорке, изменил первоначальную договоренность.

Голд пытался протестовать, когда Яковлев вручил ему полоску картона, считая, что эта дополнительная миссия усложнит его основную задачу – поездку к Клаусу Фуксу в Санта-Фе. Но Яковлев настоял на своем, подчеркнув важность получения информации, и изложил план поездки. Голду предлагалось добираться окольным путем – сначала на Финикс, затем в Эль-Пасо и только потом в Санта-Фе. Альбукерке был в двух часах езды от Санта-Фе.

Поскольку Голд был ограничен во времени, он поехал прямо в Санта-Фе, куда прибыл 2 июня за полтора часа до назначенной встречи. Чтобы скоротать ожидание, он погулял по городу, зашел в местный музей и приобрел план города, дабы не задавать лишних вопросов, как пройти к нужному ему месту. Без труда он нашел мост на Кастилло-стрит, на котором ровно в четыре часа пополудни появился Клаус Фукс на своем изрядно побитом «шевроле». Английский ученый посадил Голда в машину, назвав его Раймондом. Фукс выехал за город, рассказав по дороге подробности предстоявшего испытания в Аламогордо. По его предположению, взрыв следовало ожидать в начале 1946 года, однако за последнее время были достигнуты впечатляющие успехи. Возвратившись в Санта-Фе, Фукс передал Голду объемистый пакет с машинописными текстами. Далее Голд поехал напрямую к Гринглассу в Альбукерке.

Голду в свое время советовали уходить со встреч с нужными людьми сразу же после получения документов, ибо в случае задержания это был бы обличительный материал против обоих партнеров. Чувствуя себя за закрытой дверью в квартире Грингласса в полной безопасности, Голд тем не менее решил не задерживаться.

– Мне пора идти, – сказал он и встал.

– Если вы подождете минутку, – улыбнулся Грингласс, – то мы можем выйти вместе.

Рут передала привет жене Розенберга Этель, тогда как Голд вручил Дэвиду туго набитый заклеенный конверт, не говоря ни слова. Тот побарабанил пальцами по конверту, но вскрывать его не стал, даже не поинтересовавшись суммой вложенных в него денег.

– Этого достаточно? – спросил Голд, как бы намекая, чтобы Дэвид пересчитал деньги.

– На ближайшее время, видимо, хватит, – ответил Грингласс и положил конверт в карман, так и не вскрыв его.

– Вам это нужно срочно, – полувопросительно, полуутвердительно произнес Голд.

У нас было много расходов, – признался Дэвид. – ТУТ и выкидыш у Рут, случившийся в апреле и связанный с целой кучей врачебных счетов, работать, естественно, она не могла, да и целый ряд других издержек.

– Я готова, – заявила Рут, тяжело вздохнув и кусая губы.

– Постараюсь принять все меры, чтобы вы получили еще кое-какие деньги, – пообещал не совсем уверенно Голд, переводя взгляд с одного на другую.

– Это было бы как нельзя кстати, – подтвердил Дэвид, выходя из квартиры.

Голд предложил, чтобы они проводили его до перекрестка, а дальше он пойдет один, так как уже хорошо сориентировался. Грингласс сообщил, что, видимо, на Рождество получит отпуск – дней двадцать, а то и больше, – и приедет в Нью-Йорк.

– Если у вас будет желание встретиться со мной, позвоните моему шурину Юлиусу, – добавил он.

Голд сказал, что они, вполне вероятно, могут встретиться и раньше, так как он планирует поездку на юго-запад в начале осени. Когда они попрощались, Гринглассы тактично скрылись в ближайшем универмаге. Через некоторое время они молча направились домой. В конверте оказалось 500 долларов.

Дэвид вручил деньги жене:

– На них мы сможем прожить целую неделю. Ты что-то хочешь сказать мне?

– Юлиус говорил нам, что наша информация нужна ему для научных целей, – выпалила Рут. – Теперь же получается, что ты за нее получаешь деньги. А это не что иное, как... товар – деньги.

Она расплакалась. Дэвид обнял ее, покачав головой, и попытался успокоить как мог.

На следующее утро он автобусом уехал в Лос-Аламос. Рут уже успокоилась и принялась планировать, как лучше израсходовать деньги: 400 долларов она хотела положить на счет в банке, на 37 долларов купить облигации военного займа, а остальные пустить на хозяйственные нужды.

В это время Хэрри Голд, сидя в поезде, шедшем в Чикаго, просмотрел свой улов. Хотя, будучи химиком, он в общем-то разбирался в научных вопросах, теоретические выкладки Фукса по использованию расщепления ядра атомов для создания нового оружия были ему мало понятны. Выборочно прочитав некоторые положения, он спрятал листы бумаги в саквояж с металлическим запирающим устройством и надписью «врач». Материал Грингласса оказался более доступен и к тому же снабжен схемами, но почерк унтер-офицера разобрать было непросто. Через несколько минут чтения Голд убрал и эти документы, но в папку с надписью «разное».

Глядя сквозь запylенные окна вагона на плодородные поля, он поздравил себя с удачно проведенной операцией, сулившей приличные дивиденды. Время, истраченное им на непосредственные встречи, составило всего около часа: двадцать минут на Фукса а остальное – на два посещения Грингласса. Только супруги Грингласс получили 500 долларов, Фукс же от предложенных ему ранее 1500 долларов отказался наотрез, так что на этот раз ему ничего уже и не,

предлагали. Размышляя об этом, Голд прикинул и собственные расходы, которые были прямо-таки мизерными. В поездах он брал верхнюю полку в спальном вагоне, а вместо ресторанов питался бутербродами и тем, что покупал на платформах во время остановок. Угостив конфетами нескольких ребятшек, прыгавших в проходе, сказал, обратившись к их родителям: «У меня самого дома парочка таких же сорванцов». Затем снова отрешенно продолжал следить за ландшафтом за окном.

Вечером 5 июня Голд прибыл в Нью-Йорк как раз ко времени свидания с Яковлевым, сотрудником советского консульства, художавым и очень нервным человеком, возраст – лет за тридцать. Встреча должна была состояться в Бруклине, там, где Метрополитен-авеню уходила в городской район Куй не. По пути туда Голд применил несколько трюков, чтобы избавиться от возможной слежки. Одним из них было углубленное чтение газеты на перроне станции метро – и прыжок в вагон в последний момент, когда уже закрывались двери. Встретиться обусловились в 22:00 часа. Когда же Голд пересекал небольшую боковую улицу, местность показалась ему пустынной и тревожной. Хотя он и был уверен, что за ним нет «хвоста», решил все-таки еще раз перепровериться.

Ровно в назначенное время в уже наступившей темноте Яковлев и Голд направились навстречу друг другу. Они шли медленно, чтобы в случае опасности разойтись в разные стороны. Но все было спокойно, и они, тихо поприветствовав друг друга, вместе обошли вокруг квартала, немного постояли, беседуя, затем обменялись газетами. В руках Голда оказалась обычная газета, Яковлев же вместе с газетой получил два конверта, плотно набитых документами. Этих материалов, вместе с предыдущими и последующими, было вполне достаточно, чтобы индустриально развитая держава, обладавшая необходимыми силами, средствами и научным потенциалом, могла создать собственную атомную бомбу.

По плану, согласованному еще в мае, опять встретились через две недели на конечной станции надземной железной дороги в Флашинге. Устроившись за столиком уютного бара, они довольно долго беседовали друг с другом. Яковлев, в частности, поинтересовался подробностями предыдущей поездки Голда. В конце встречи Яковлев сообщил Голду, что те два конверта были немедленно направлены в Москву и получили весьма высокую оценку. Особенно хорошей и очень полезной оказалась информация, полученная от Грингласса...

Когда через шесть лет Джон Дерри, председатель комиссии по атомной энергии, увидел чертежи Грингласса, эскизы с которых были в свое время получены Голдом, у него от удивления широко раскрылись глаза, и он воскликнул:

– Так это же и есть атомная бомба, почти совсем готовая!

А ведь он имел в виду не бомбу, испытание которой было произведено в Аламогордо, и не бомбу, сброшенную на Хиросиму, а третий ее вариант, ту, что бросили на Нагасаки, – бомбу имплозивного типа.

Глава 3 КОНТРШПИОНАЖ

Обычно общественности известно о работе органов контрразведки лишь то, что велась охота за неким шпионом и произведен его арест. Исходя из этого, в предлагаемых ниже историях рассказывается о содержании агентов, их

допросах и многом другом. На практике большая часть усилий уходит на выявление местонахождения и личности вражеского шпиона, о чем широкая публика практически не осведомлена. При этом зачастую обнаруженного агента не сразу арестовывают или обезвреживают. За ним устанавливается плотное наблюдение, которое позволяет подчас вывести контрразведку на его сообщников и даже руководство.

Читатель может задасться вопросом: как вообще-то возможно выйти на след вражеского агента? Ведь шпионы действуют скрытно, под определенным прикрытием и очень часто под маской простых благонадежных обывателей. Один из известнейших советских разведчиков, полковник Абель, жил и работал в Бруклине в качестве фотографа, и соседи отзывались о нем как о хорошем человеке. Другой разведчик – Лонсдейл – был представителем фирмы по продаже музыкальных инструментов и автоматов, а его сообщник Крогер являлся владельцем букинистической лавки.

Ответы на этот вопрос могут быть самыми различными, но основным является то, что шпионы, будучи все же людьми, допускают иногда те или иные ошибки. Один из агентов Лонсдейла, работавший на секретном объекте военно-морского флота Британии, начал вдруг пьянствовать и заниматься спекуляциями земельными участками при своем в общем-то мизерном денежном содержании. Когда контрразведка стала к нему присматриваться, обнаружилось и еще кое-что. Слежка установила, что во время своей поездки в Лондон он встречался с каким-то незнакомцем, причем эта встреча по своим признакам была явно агентурной.

Иногда на помощь приходит счастливый случай – допустим, сообщник, выдающий своего же товарища. Так, например, Абель был арестован только благодаря его сотруднику, перебежавшему к американцам и открывшему им глаза на «безобидного» бруклинского фотографа.

Бегство на Запад советского шифровальщика Игоря Гузенко из Оттавы в конце Второй мировой войны позволило канадским органам выявить и ликвидировать разветвленную агентурную сеть, занимавшуюся ведением атомного шпионажа, о существовании которой они даже не подозревали.

С другой стороны, работа контрразведки заключается в скрупулезном расследовании различных мелочей, проверке сотрудников важнейших объектов, прослушивании радиопереговоров и пеленгации подозрительных радиопередатчиков. Контрразведка должна быть постоянно бдительной и предугадывать, куда противник будет стараться внедрить свою агентуру. В странах с диктаторским режимом, в частности в коммунистическом лагере, к этим вопросам подключена вся полиция. Каждый иностранец рассматривается как подозрительное лицо. Во всех гостиницах имеются доверенные лица, и обычные граждане, разумеется, не знают, кто из их соседей или коллег может быть осведомителем органов безопасности.

Принцип этот практикуется и в странах так называемого свободного мира, но вместе с тем используется и метод охоты на кроликов: вместо того чтобы бегать за ними, устраиваются засады в тех местах, где они могут появиться.

Во время моей работы в Швейцарии в период Второй мировой войны – с 1942-го по 1945 год – мне приходилось наблюдать за работой тамошней контрразведки и службы безопасности. Могу с восхищением отметить ее эффективность и продуманность, стремление не допускать перегибов и не нарушать прав граждан. Весьма остроумно местные органы выходили порой на людей, перешедших нелегально границу без соответствующих документов или

визы.

Я видел, например, что пограничники, ведавшие паспортным контролем, при посадке на поезда, шедшие в глубь страны, обращали особое внимание на обувь пассажиров. Не сразу, но я понял, в чем тут соль. Оказалось, что швейцарцы придают большое значение своей внешности и очень редко появляются на людях в неопрятной, а тем более грязной одежде. Если среди пассажиров оказывался человек в грязной обуви, это свидетельствовало о том, что он, скорее всего, нелегально перешел границу пешком и не имел времени почистить ботинки. Его-то и принимались проверять особо тщательно. В большинстве случаев документы у них были не в порядке или же они вообще отсутствовали, поэтому-то они и стремились как можно быстрее покинуть зону строгого контроля в надежде, что смогут затеряться и через некоторое время обзавестись необходимыми документами.

Или другой пример – арест одного из моих агентов, который нелегально перешел границу со стороны Италии и оказался в англоговорящей части страны. Он ходил по перрону взад и вперед, ожидая своего поезда, когда к нему подошел какой-то мужчина с сигаретой во рту и попросил прикурить. Агент с готовностью достал из кармана коробок спичек итальянского производства, которых в Швейцарии практически не было. Дружески улыбавшийся незнакомец прикурил, а затем негромко попросил предъявить документы, показав свое служебное удостоверение сотрудника полиции безопасности. По глупости у агента с собой не было даже паспорта. Дело в том, что я намеревался направить его из Швейцарии в другую страну. Но спички сорвали мои планы. Ему пришлось провести несколько недель в швейцарской тюрьме, откуда мне затем удалось с большими трудностями его освободить.

Александр Гамильтон ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Этот рассказ о предательстве Бенедикта Арнольда и аресте и казни британского майора Джона Андрэ, которого задержали во время его поездки к Арнольду в Вест-Пойнт в 1780 году. Рассказывает современник, бывший не только свидетелем, но и непосредственным участником излагаемых событий. Александр Гамильтон входил в состав штаба Вашингтона, но тем не менее ничего не знал о шпионских затеях генерала. Джон Лоуренс, которому он написал это послание, был одно время адъютантом Вашингтона.

Кори Форд в своем рассказе «Ценнейший шпион Джорджа Вашингтона» описывает Андрэ как денди, эстета и джентльмена, который никак не годился для секретной поездки, будучи даже переодетым и имея фальшивые документы. Когда он попал в трудное положение, то попытался выкрутиться, заявив, что является британским офицером, но это только усугубило его судьбу.

С этой аферой связана тайна, так до сих пор и не раскрытая. Начальник разведки Вашингтона Талмедж, по-видимому, был своевременно предупрежден о намечавшейся поездке Андрэ к Арнольду. Кори Форд предполагает, что о своей секретной миссии он сам сообщил даме, проходившей под номером 355.

Дорогой мой Лоуренс, со времени моего возвращения из Хартфорта я находился в таком угнетенном состоянии, что не мог написать тебе раньше. Меня потрясло предательство Арнольда, имевшее трагические последствия. Чувства мои никогда ранее не подвергались столь жестокой проверке. Думаю,

что еще до получения моего письма ты узнаешь основные факты, однако некоторые подробности случившегося, ставшие мне известными в связи с моим служебным положением, наверняка представят для тебя интерес.

Целый ряд признаков свидетельствует о том, что Арнольд планировал свое дело уже давно. Судя по всему, акция началась в последних числах июня. В письме полковнику Робинсону он намекнул, что из-за неблагодарности страны по отношению к нему и целого ряда других причин его мировоззрение значительно изменилось, что он хотел бы дать знать королю о своем раскаянии и намеревается начать переписку с сэром Генри Клинтоном.

В это же время он предпринял поездку в Коннектикут. На обратном пути он напросился на должность коменданта Вест-Пойнта, обосновав свою просьбу тем, что из-за ранения не может столь же активно, как прежде, осуществлять полевую службу. Генерал Вашингтон посчитал, что не имеет права отказать в просьбе заслуженному офицеру, не раз доказавшему свою храбрость. В начале августа противник высадил значительные силы в район Род-Айленда, поэтому задача нашей армии заключалась в том, чтобы не допустить его удара в сторону Нью-Йорка. Генерал предложил Арнольду возглавить войска правого фланга, но тот под известным предлогом от этого назначения отказался, правда, не без смущения. Вне всякого сомнения, он мог бы в течение некоторого времени выполнять эти обязанности, но, видимо, решил не отходить от своего плана, опасаясь, что может сложиться ситуация, которая не позволит ему его осуществить. При этом он старался делать все возможное, чтобы ни у кого не возникла мысль о возможном предательстве.

Начавшаяся переписка с сэром Генри Клинтоном, которую Арнольд осуществлял через своего адъютанта майора Андрэ, велась с выдуманными подписями и вроде бы касалась деловых отношений. В одном из писем Арнольда, недавно попавшем в наши руки, он предлагал встретиться, чтобы обговорить «характер партнерства и возникающий риск». В письме в закодированном виде сообщалось о намечающемся усилении гарнизона – как «о расширении торговых путей». В другом письме предлагалось, чтобы Андрэ встретился с ним на линии фронта под видом некоего мистера Джона Андерсона. По каким-то причинам встреча эта не состоялась.

20-го числа прошлого месяца Робинсон с Андрэ предприняли плавание вверх по реке на канонерке. Робинсон переслал при этом Арнольду флаг и два письма, в одно из которых была вложена записка к генералу Путнему с просьбой о встрече для разговора по личному вопросу. Обращение к генералу Путнему служило своеобразным прикрытием на тот случай, если бы писанина попала в третьи руки.

В тот день Вашингтон по пути в Хартфорт как раз пересек реку. Опасаясь, что Вашингтону могло что-то стать известно о флаге, Арнольд решил в целях безопасности передать ему письма и попросить совета, каким образом лучше исполнить изложенную просьбу. Не имея ни малейшего представления о закулисных делах, генерал посоветовал ответить Робинсону, чтобы тот обратился к гражданским властям, так как его личный вопрос, скорее всего, носил гражданский характер. Этот мудрый совет нарушил план заговорщиков, но в то же время положил начало событиям, которые привели к измене Арнольда.

Арнольд в ночь на 22-е отправил некоего Смита на баркасе с заданием привезти Андрэ, по документам – Андерсона. Прибыв, Андрэ вместе со Смитом отправился в его дом, не замеченный нашими полевыми дозорами. Вместе с Арнольдом они провели там остаток ночи и весь следующий день за

разговорами. На следующее утро дежурный офицер, заметив стоявший у берега баркас, навел на него несколько орудий и приказал убираться. Вследствие этого, а возможно, и из-за возникшего подозрения, лодочники отказались вновь брать пассажира на борт баркаса. Арнольд, впав в бешенство, предложил Андрэ переодеться и попытаться уйти другим путем. Андрэ, оказавшийся в тылу наших войск, вначале не соглашался на опасное путешествие. Когда же Арнольд объяснил ему, что вернуться на баркасе он не может, Андрэ с большой неохотой согласился на переодевание. Смит достал все необходимое и повел его под вечер мимо Кингс-Ферри в Кромпонд, где они переночевали, чтобы не вызывать подозрений. На следующее утро они вместе добрались до моста Пайн-Бридж. Дальше Андрэ отправился один. Уже около Территауна трое солдат милиции, выскочив из кустов, приказали ему остановиться. Сидя на лошади и растерявшись, Андрэ, вместо того чтобы предъявить паспорт, по которому мог бы беспрепятственно ехать дальше, стал спрашивать солдат, к какой партии они принадлежат. Когда они ответили, что состоят в партии простолюдинов, он назвал себя британским офицером, едущим по срочному делу. Этого было достаточно, чтобы его задержать. Не помог и предъявленный с опозданием паспорт. Андрэ был доставлен в ближайшую тюрьму, где при тщательном осмотре в его носках нашли важные бумаги, которые ему передал Арнольд. Среди них находился и план укреплений Вест-Пойнта, заключение инженера о готовности и оборонительных возможностях крепости, данные о численности гарнизона, его вооружении и запасах, а также стенограмма заседания военного совета, который Вашингтон проводил за неделю до этого. Не теряя времени, Андрэ доставили в штаб-квартиру армии, где передали в руки специальной комиссии.

Комиссия обвинила его в шпионаже и в соответствии с действовавшими законами приговорила Андрэ к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение через два дня.

Дэвид Даллин АРЕСТ «БОЛЬШОГО ШЕФА»

Треппер – «Большой шеф» – упоминается в рассказе этого же автора о «Красной капелле». Под псевдонимом Жильбер он руководил советской агентурной сетью в Бельгии и Франции. Как показывает Дэвид Даллин, этому удивительному человеку удавалось в течение длительного времени уходить от немцев и избегать ареста, даже находясь в оккупированной части Франции.

Главные свои усилия немецкая служба безопасности направляла на поиски «Большого шефа», о котором было известно, что он оперировал во Франции. Его местонахождение и адрес, естественно, оставались в тайне. Арестованный в Брюсселе член его организации Иоганн Венцель утверждал, что он находится в Париже, но адреса его не знал. Тогда в Париж направили Абрахама Райхмана, которого конечно же немцы тщательно опекали и который должен был попытаться встретиться с Треппером по заданию абвера. Немцам он казался тем подходящим человеком, через которого удастся выяснить местонахождение «Большого шефа». Однако тот, по всей видимости, чувствовал опасность и ни на какие контакты не шел. Райхману удалось связаться с некоторыми советскими агентами, которых он затем предал. Среди них были супружеская чета Гриотто, помогавшая ему изготавливать фальшивые

документы, и жена Венцеля – Жермена Шнайдер, осуществлявшая функции курьера (ей посчастливилось скрыться из Парижа, но потом она все же была арестована немцами). Райхман несколько раз назначал Трепперу встречу, но тот так и не появился.

Когда немцам выдали основное учреждение из прикрытия Треппера – коммерческое общество «Симекс», они сразу же арестовали Марию Калинину и ее сына Евгения. Она была из числа бывших «белых» русских и работала в фирме переводчицей, а сын – шофером. Они выболтали секреты «торговой фирмы» – все, что знали. Немецкой контрразведке стало известно, что ее коммерческим директором является не кто иной, как разыскиваемый ею Жильбер. Была предпринята попытка арестовать его на фирме, однако выяснилось, что он не появляется и там. Поскольку у Треппера имелось удостоверение, с которым он мог беспрепятственно разъезжать повсюду, а срок его действия истек, соответствующее немецкое учреждение потребовало, чтобы он явился лично продлить документ. Но тот не пришел. Тогда руководство «Симекса» известили, что некая немецкая фирма желала бы приобрести промышленные алмазы на сумму полтора миллиона рейхсмарок, но хотела бы переговорить о сделке лично с коммерческим директором. Опять все было напрасно. При проведении обыска в его служебном кабинете контрразведчикам все же удалось обнаружить важную зацепку – даты посещения им дантиста. Об операции, проведенной на этом основании 16 ноября 1942 года, рассказывает офицер абвера, принимавший в ней участие:

«Кабинет зубного врача находился в большом доме со множеством различных фирм и учреждений вблизи Тюильри. Один из наших сотрудников получил задание выяснить у дантиста, не находится ли в числе его пациентов человек, соответствующий описанию «Большого шефа». Тот отправился к врачу, взял у него расписку о неразглашении последующего разговора и попросил внимательно посмотреть свои записи на прием. Дантист подтвердил, что разыскиваемый человек действительно является одним из его пациентов и должен прийти на прием на следующий день в два часа пополудни.

Незадолго до указанного времени выделенные для проведения этой операции люди находились каждый на своем месте – на лестничной площадке, у двери лифта на втором этаже, где находился кабинет врача. Несмотря на тщательную подготовку, неучтенной оказалась боковая лестница со служебного входа, у которой никого не поставили.

Когда через несколько минут после двух часов дня Треппер не пришел к врачу, контрразведчики забеспокоились. Чтобы уточнить, не отказался ли в последнюю минуту тот от посещения, два сотрудника вошли в приемную дантиста. В ней сидела какая-то дама, а в самом кабинете слышались голоса. Не смог ли Треппер каким-то образом пройти незамеченным?

Они решительно вошли в кабинет и увидели сидевшего в кресле мужчину, перед которым стоял врач со сверлом бормашины в руке. Встав справа и слева от кресла, чиновники увидели, что это и был разыскиваемый ими человек.

– Вы арестованы! – воскликнули они одновременно ничего не подозревавшему пациенту.

Взяв себя в руки, тот ответил на чистейшем немецком языке:

– А вы сработали неплохо».

Примечание А. Даллеса

Французский журнал «Пари матч» опубликовал недавно заметку, из

которой следует, что Треппер живет в настоящее время в Варшаве. Во время войны, вскоре после своего ареста, ему удалось бежать. Он один из немногих членов «Красной капеллы», оставшихся в живых.

Джон Баллох и Генри Миллер ВОЕННО-МОРСКИЕ СЕКРЕТЫ

В лондонском судебном процессе были замешаны Гордон Лонсдейл и чета Крогеров – «нелегалы», как их называют в советской разведке. Это люди, личности которых и биографии сфабрикованы. Имея на руках новые документы и ведя в стране пребывания образ жизни, обычный для местных жителей, они представляют собой для постороннего человека, который ими заинтересуется, загадку – кто же они на самом деле и откуда прибыли.

Арест целой группы агентов в количестве пяти человек в Англии в 1961 году является примером работы «наружки» – то есть наружного наблюдения за подозрительными лицами. В данном случае Скотленд-Ярд напал на след показавшегося подозрительным некоего Хаутона. Проверка показала, что он вместе со своей приятельницей Этель Джи встречался несколько раз в Лондоне с одним и тем же человеком. Хотя встречи эти происходили как бы мимоходом, они явно носили запланированный характер, тем более что незнакомцу каждый раз передавали пакет или сверток. Он оказался мелким коммерсантом, регулярно навещавшим небольшой домик в лондонском пригороде Рюслип, что также показалось подозрительным. Когда контрразведке стало известно, что Хаутон собирается в очередной раз поехать в Лондон (цель поездки – посещение магазинов и кое-какие покупки), были приняты соответствующие меры.

На этот раз сотрудники контрразведки получили задание задержать всех троих при встрече одновременно, чтобы они не могли предупредить друг друга об опасности.

Мужчина в суконной кепочке присоединился к людям, толпившимся у расписания прибытия поездов, на вокзале Ватерлоо. В это время по селектору передали сообщение: «Поезд из Селисбери опаздывает на тридцать минут. Прибывает в 2:45 пополудни».

Неторопливой походкой «кепочка» направилась к человеку в черной шляпе, стоявшему, опираясь на зонтик, у выхода с четырнадцатой платформы. Эти двое входили в группу из пятнадцати человек, смешавшихся с пассажирами в хмурую субботу 7 января 1961 года и готовых выполнить особое задание.

Переданное сообщение вызвало у многих из них тяжелый вздох, так как означало дополнительное ожидание. В тот день должна была завершиться их десятимесячная работа. По заранее разработанному плану их распределили на самом вокзале и прилегающей территории, и теперь они с нетерпением ожидали прибытия двух пассажиров из пятисот, находившихся на пути в Лондон.

Объявление об опоздании поезда передавалось ими по цепочке: мужчина в суконной кепочке – господин в черной шляпе – «продавец газет» у выхода на Ватерлоо-роуд – седовласый, курящий трубку инспектор Скотленд-Ярда, возглавлявший всю операцию и сидевший в автомашине, припаркованной неподалеку от «Олд-Вика» – знаменитого шекспировского театра.

Поскольку вместе с подозреваемыми ехали два его сотрудника, опоздание поезда не внесло никаких изменений в предварительный план.

Гарри Хаутон и Этель Джи, сотрудники секретной военно-морской базы Дорсет в Портленде, выбрались на прогулку в Лондон. Неожданная встреча, которая им предстояла, была вызвана их же подозрительной деятельностью в последнее время. Однако они сошли с поезда, не зная и не предполагая, какая их ожидает западня. Вели они себя как обычная парочка молодых людей в конце напряженной трудовой недели. Джи направилась в дамский туалет, а Хаутон купил газету и стал просматривать заголовки. Затем они направились к выходу из вокзала в сторону Ватерлоо-роуд. За ними не торопясь и неназойливо следовали те двое, что не спускали с них глаз с самого утра.

«Продавец газет» вдруг потерял интерес к покупателям, мужчина в шляпе повесил свой зонтик на руку, парень в кепочке шел впереди парочки в направлении их движения. Все остальные приготовились к заключительному акту.

Неожиданно, однако, поведение Хаутона и Джи, не отличавшееся ранее особыми импровизациями, резко изменилось. Может быть, они почувствовали что-то неладное, может, это была продуманная мера предосторожности. А еще более вероятно, что они просто решили убить время до момента встречи.

Как бы то ни было, они побежали к автобусу номер 68, медленно отъезжавшему с остановки. Действовать следовало молниеносно. Только один из пятнадцати полицейских чиновников находился в непосредственной близости и сумел сесть в автобус на ходу, чтобы не потерять парочку из виду.

Цель их поездки, как потом оказалось, был уличный шумный базар неподалеку от Валворф-роуд, в двадцати минутах езды от Ватерлоо. На базаре они походили бесцельно по рядам. Сопровождавший их чиновник шел не отставая. Все остальные оставались на своих местах, так как им было известно, что основной ареной событий должен был стать Ватерлоо.

Минут двадцать провели они в толкучке, пройдя в сторону Ист-стрит, постояли немного около одного мелочного торговца, слушая его рекламу, затем возвратились назад. Сев в автобус, шедший в обратную сторону, они снова оказались у своего исходного пункта на вокзале, где их и ожидала команда контрразведчиков.

Выйдя из автобуса, Хаутон и Джи пересекли улицу, направляясь к «Олд-Вик». Джи несла соломенную корзиночку, с которой она выглядела как домашняя хозяйка, отправившаяся в город по своим делам.

Инспектор Джордж Смит наблюдал за парочкой с другой стороны улицы. Как ему доложили, около театра стоял третий участник предстоявшей драмы – темноволосый мужчина в пальто темного цвета, приехавший туда на автомашине. Коротая время ожидания, он рассеянно рассматривал афиши шедших в театре представлений, не подозревая, что за каждым его движением наблюдают десятки глаз.

Хаутон и Джи прошли мимо, обменявшись с ним взглядами. Дав им отойти несколько шагов, пошел за ними и незнакомец. Вслед двинулся инспектор Смит, и тут же к процессии незаметно присоединились остальные. Пройдя метров пятьдесят, мужчина ускорил шаги и догнал Хаутона и Джи. Сердечно поприветствовав обоих и даже положив им на плечи руки, он спустя мгновение взял из рук Джи корзиночку, в которой находились два пакета с секретными материалами, и пошел дальше, держась между ними. Тогда инспектор Смит быстро обогнал их, остановился и сказал:

– Минуточку! Вы все арестованы.

Не успела эта троица прийти в себя, как к ним подошли другие контрразведчики, и тут же подъехала ожидавшая неподалеку автомашина.

Наибольший интерес для инспектора представлял, конечно, незнакомец, и он, взяв его за руку, подтолкнул в автомашину, добавив:

– Это для тебя, мой мальчик, от Скотленд-Ярда.

Хаутон и Джи оказались в двух других автомашинах. А через пятнадцать минут все они находились уже в отдельных комнатах в Скотленд-Ярде.

В кабинете, выходящем окнами на Темзу, инспектор провел первую беседу с человеком, о котором много слышал, но никогда в глаза не видел. Беседа была короткой и односторонней. После обыска и необходимых формальностей Смит спросил задержанного, как того зовут и где он проживает. Мужчина, оказавшийся, как потом было выяснено, русским шпионом по имени Гордон Лонсдейл, ответил на этот вопрос с абсолютным спокойствием:

– На все вопросы, которые вы будете мне задавать, я стану отвечать «нет». Поэтому не теряйте даром времени.

Однако инспектор Смит терпеливо продолжил допрос. Показывая на обнаруженные у задержанного в карманах вещи, он спросил:

– Для какой цели в заклеенном, но без указания адресата конверте находятся сто двадцать пять фунтов стерлингов в банкнотах по пять фунтов?

Ответа не последовало.

– А для чего предназначен другой конверт с пятнадцатью двадцатидолларовыми купюрами?

Лонсдейл опять промолчал. Тогда инспектор оставил его одного и направился в другую часть здания, чтобы допросить Хаутона и Джи.

Хаутон, бывший офицер морской полиции

С, который должен был получить в этот день сто двадцать пять фунтов стерлингов в качестве «оплаты своего труда» от Лонсдейла, будучи огорошен арестом, сделал сразу же два замечания, истолкованные потом не в его пользу. Воскликнув: «Каким же идиотом я оказался!» – он спросил затем:

– Скажите, господин комиссар, были ли у Алекса с собой деньги?

Под Алексом Хаутон имел в виду Лонсдейла, который, как он поведал в ходе дальнейших допросов, будто бы представился ему при их первой встрече как командир корабля американского военно-морского флота Александр Джонсон, являющийся помощником американского военно-морского атташе в Лондоне.

Когда настала очередь допросить Джи, ее спонтанные ответы на вопросы показали, сколь наивной она была. В частности, ее слова: «Я не сделала ничего противоправного» были потом расценены как «весьма удивительные».

Не узнав ничего существенного, инспектор Смит вместе с сотрудниками Скотленд-Ярда Фергюсоном Смитом и Винтерботтом отправился в Рюслип, куда частенько наведывался Лонсдейл. Его заинтересовали эти непонятные посещения. Проехав чуть ли не через весь город, они наконец оказались в районе улицы Гренли-Драйв.

За одиноким домиком под номером 45 в конце улицы вот уже несколько часов было установлено плотное наблюдение. Смигу было лишь известно, что Лонсдейл, еще не опознанный как русский, довольно часто навещал живших там Питера и Элен Крогер. Питера соседи считали солидным преуспевающим книготорговцем. На вопрос, кто обычно посещал их в конце недели, Элен назвала с десятков имен, но Лонсдейла среди них не упомянула. Тем не менее ее ответы на дальнейшие вопросы дали инспектору несколько зацепок.

Когда она намеренно опустила имя Лонсдейла, инспектор понял, что Элен лжет, и потому решил продолжить разбирательство. На его слова, что они, скорее всего, будут арестованы, миссис Крогер надела пальто и взяла свою сумочку, сказав:

– Поскольку нас некоторое время дома не будет, я хотела бы проследить за огнем в отопительной системе, если вы не возражаете.

– Конечно, – любезно согласился инспектор, – но разрешите сначала взглянуть, что находится в вашей сумочке.

Поскольку она отказалась передать ему сумочку, ее пришлось отобрать силой.

В одном из отделений коричневой кожаной сумочки был обнаружен чистый конверт, в котором находились шесть страниц текста, написанного по-русски, стеклянная пластинка с тремя диапозитивами микрофильмов и код, отпечатанный на пишущей машинке.

В тот же миг миссис Крогер потеряла интерес к отоплению. Ее вместе с мужем доставили в ближайший полицейский участок в Хейесе, а группа специалистов приступила к тщательному обыску всего домика. Там они обнаружили целую коллекцию шпионского оборудования, довольно часто упоминавшегося в рассказах Флеминга.

Арест этих пятерых людей, столь тщательно подготовленный и чуть было не сорвавшийся, стал заключительным этапом длительного расследования по разоблачению и ликвидации крупнейшей шпионской сети в Англии. Даже после того, как агенты были взяты под стражу, расследование продолжалось для более полного выявления деятельности этой сети в то время, когда она еще была вне подозрений.

Ребекка Уэст АГЕНТ КАК ПРИМАНКА

Дама, Ребекка Уэст, одна из выдающихся писательниц нашего времени, вот уже длительное время исследует причины и формы предательства. Она много писала по этой теме, опираясь на информацию, которую черпала в основном из судебных процессов над арестованными агентами и предателями. Этот ее рассказ я включил в данный сборник, поскольку в нем четко отражен один из приемов секретной службы – позволить органам контрразведки арестовать некоего своего агента, чтобы отвести ее внимание от другого, более важного фигуранта. Случай этот несколько необычен и показывает одну из мер противодействия разведки контрразведке.

13 июня 1952 года при выходе из парка короля Георга в Вандсворфе полиция задержала двоих мужчин, просидевших вместе с полчаса на скамейке, под предлогом нарушения ими общественного порядка. Их доставили в ближайшее отделение полиции. Одним из них оказался молодой парень, работающий в телеграфном отделении министерства иностранных дел и проживающий в этом районе.

Звали его Уильям Мартин Маршалл. Был он почти двухметрового роста, сухощав и сентиментален подобно капризному ребенку, вылезающему из коляски и с удовольствием ползающему по полотну железной дороги. Вначале он отказался отвечать на вопросы полицейских.

Другим был основательно облысевший коренастый мужчина средних лет.

Он оказался русским Павлом Кузнецовым и повел себя совершенно спокойно:

– Вы должны сначала доказать, что мы в чем-то виноваты.

Затем, предъявив дипломатический паспорт третьего секретаря советского посольства в Лондоне, добавил, что полиция не имеет права ни задерживать, ни тем более обыскивать его.

Тем не менее его обыскали (без применения силы) под предлогом, что его слова необходимо еще проверить, что вызвало затем ноту протеста советского посольства. У него нашли банкнот в двадцать пять фунтов стерлингов и секретные материалы, которые, однако, не имели никакого отношения к служащему МИД, задержанному одновременно с ним. Вместе с тем Кузнецов вел себя не совсем так, как должен был бы поступить человек его положения в подобной обстановке. Он держался нерешительно и непоследовательно. Обвинив полицию в том, что она задержала его во время прогулки в парке без всяких на то оснований, он затем заявил, что сидел с совершенно неизвестным ему человеком, с которым познакомился только в этот день. Когда же ему зачитали эту протокольную запись, он отказался от своих слов и стал настаивать, что был арестован во время прогулки по парку. После этого его доставили к дому, в котором он жил с красавицей женой и маленьким сыном. Дом этот был переоборудован под жилье из виллы времен королевы Виктории и находился в несколько запущенном уэст-эндском квартале Лондона.

С Маршаллом дело обстояло несколько проще. В его кармане обнаружили сделанную им от руки копию документа, над которым он работал у себя на службе, а в записной книжке – две пометки под телефонным номером Кузнецова: одна дата была днем ареста, а другая, видимо, означала новую встречу в этом же парке – 8 июля. Обе они были помечены как «свободные дни». Работал он в филиале МИД в городке, что в 80 километрах севернее Лондона. В пространном объяснении задержанный потом рассказал, что встречался с Кузнецовым семь раз. Встречи абсолютно безобидные и носили дружеский характер. Полиция, однако, ссылаясь на закон, запрещающий передавать секретные данные, настаивала, что встречи эти предназначались как раз для передачи врагу подобных сведений.

Судебный процесс состоялся 9-го и 10 июля. Когда Уильям Маршалл занял свое место на скамье подсудимых, всем присутствующим показалось необычным, что противная сторона могла прибегнуть к агентурным услугам такого странного человека – бледного, долговязого и неуклюжего парня с опущенными плечами, который явно выделялся из толпы. Своим нервным поведением в суде он подтвердил сведения полиции, что именно так себя и вел за все время наблюдения за ним. Слушая обвинение, он то вытягивал губы, то плотно сжимал их и надувал щеки, потом начал было гримасничать, проводя длинными пальцами по рту и подбородку. Даже если отнести такое его поведение за счет нервного перенапряжения и ответственности момента, все равно нельзя было не задаться вопросом: с какой целью советская разведка пошла с ним на контакт?

К тому же казалось странным, что сотрудник посольства занимался таким делом. Существовал же ведь неукоснительный закон о трех лицах. Первое лицо является источником, как правило, это житель страны, где осуществляется шпионаж. Второе – связник, получающий информацию и тоже являющийся местным жителем. Третье же лицо – сам разведчик или агент, который затем направляет полученную информацию в свой Центр. Конечно, в важных и ответственных случаях такая субординация не выдерживается, и разведчики лично выходят на связь. К тому же советская разведка рассчитывала, что

союзники не станут вести наблюдение за дипломатическими представителями. Известно, например, что Мей передавал информацию напрямую лейтенанту Ангелову, сотруднику советского военного атташе в Оттаве, а Клаус Фукс поддерживал непосредственный контакт с Симоном Кремером, секретарем военного атташе советского посольства в Лондоне. Нет никакого сомнения, что британское правительство все же отдало распоряжение о слежке за советскими дипломатами, которая со временем даже усиливалась. Тем более непонятно, почему третий секретарь советского посольства пошел на прямой контакт с «источником», поведение которого вызвало бы подозрение у любого детектива.

Даже если предположить, что в тот момент услуги радиста британского МИД представляли для советской разведки особый интерес, и учесть, что Маршалл сам вышел на Кузнецова и не хотел (капризный ребенок!) вступать в контакт ни с кем иным, а только с ним, выбор мест их свиданий необычен. Как правило, агенты встречаются на частных квартирах или на природе, где обеспечена их полная безопасность, а в случае срочной необходимости – на оживленных улицах, остановках общественного транспорта, в метро или в больших ресторанах, причем встречи эти очень коротки, поскольку предназначены только для передачи тех или иных сведений. Информация Маршалла была написана на простой бумаге, как, по его словам, кодовое буквенное обозначение различных радиостанций. Да и встречались они в довольно шикарных ресторанах в течение длительного времени, естественно выпивая и закусывая. Такие рестораны шпионы обычно избегают.

2 января, сразу же после возвращения Маршалла из Москвы, они посидели с Кузнецовым по-мужски в известном ресторане «Беркли», а тремя днями позже в «Пигале», что неподалеку от цирка «Пикадилли». Если в «Беркли» публика собирается обычно солидная, то в «Пигале» после вечерних представлений предпочитают заходить молодые дипломаты. Так что молодой радист явно был в таких заведениях «белой вороной». Может быть, Кузнецов, приглашая Маршалла в дорогие рестораны, хотел добиться от него большей податливости? Но это вряд ли. После очередной встречи через девять дней, и опять в роскошном ресторане, наступили длительные паузы, поскольку Маршалла перевели в дальний филиал и он мог наезжать в Лондон только в свободные дни. По прошествии трех недель они пообедали вместе в «Шез Огюст», а еще через три недели – в ресторане гостиницы «Ройял корт».

Все эти заведения находились в центре города. Позднее они побывали в Уимблдоне и Кингстоне, в ресторанах которых собирались лишь избранные, и каждый незнакомец бросался в глаза. Да и обслуживающий персонал там особый, к тому же столики приходилось заказывать обычно заранее.

Так что неудивительно, что Маршалл в конце концов оказался на скамье подсудимых. Однако в голосе инспектора Хьюге особого удовлетворения не чувствовалось, когда он докладывал о найденных у радиста при аресте секретных записках и обыске, проведенном в его комнате в доме родителей. Защитник Маршалла заявил, что после увольнения из армии его характеризовали только положительно. Ему было ясно, что тот попал в западню. Не исключалось, конечно, что блестящие характеристики тоже были получены благодаря махинациям, лишь бы поступить на работу в МИД.

Против Маршалла следствие выдвинуло два основных пункта обвинения. Первое касалось копии документа, изъятой у него при задержании. Однако это была всего лишь инструкция, которая висит в кабине каждого радиста. Второе обвинение – найденная у него копия секретного документа, переписанного им

от руки, причем почерк его подтвердил графолог, с которым он имел дело по службе. Увы, он ведь его никому не передал. Таким образом, стремление к сотрудничеству с врагом оставалось недоказанным. По обоим этим пунктам его должны были оправдать.

Оставалась еще одна возможность – он мог передавать Кузнецову устную информацию. Во время поездки в Кингстон приятели пообедали в ресторане «Нормандия», после чего сидели на берегу Темзы в течение часа и двадцати минут, разговаривая. Маршалл доставал из кармана какие-то бумаги, что-то чертил на своем колене, видимо объясняя сказанное, но ничего своему собеседнику не передал. О чем они говорили, тоже осталось неизвестным.

Агентам контрразведки во время их встреч 19 мая в Уимблдоне и 13 июня в парке короля Георга услышать, о чем они говорили, также не удалось. Равно как не доказано передачи каких-либо бумаг.

Дело шло к тому, что Маршалла могли бы оправдать. Но положение резко изменилось, когда ему предоставили последнее слово. Он начал, переминаясь с ноги на ногу, сбивчиво рассказывать, как познакомился с Кузнецовым. Возвратившись из Москвы, он обнаружил, что забыл сдать в посольстве удостоверение, которое выдавали советские органы всем иностранным дипломатам и обслуживающему персоналу для предъявления в случае необходимости выйти в город. Вместо того чтобы сдать его у себя в МИД, он решил отнести удостоверение в советское посольство. Там его направили к Кузнецову, и между ними завязался непринужденный разговор, в ходе которого выяснилось, что «у них было много общего и схожее жизненное восприятие». Попрощавшись, договорились о последующих встречах.

Далее Маршалл показал:

– Я дал ему свой адрес, но предупредил, что не смогу принять его дома, так как родители стали бы возражать.

Когда он заверил судей, что их отношения с Кузнецовым были чисто дружескими, вполне невинными и не были связаны с передачей какой-либо информации, начался перекрестный допрос. Отвечая на вопросы, он, в частности, сказал:

– Я упомянул ему об этом, потому что мои родители не разделяли моих политических воззрений.

Ни обвинитель, ни защитник не спросили его, является ли он коммунистом, поэтому разговор об этом далее не шел. Когда же он добавил, что чувствовал себя в британском посольстве в Москве не в своей тарелке, многие присутствовавшие живо представили себе надменное отношение дипломатов к людям его сорта. Хотя со стороны начальства никаких претензий к нему не предъявлялось, вел он себя как обиженный подмастерье. А коммунизму симпатизировал еще до встречи с Кузнецовым, из-за чего в родительском доме часто возникали ссоры.

Далее Маршалл допустил еще две значительные ошибки. Он утверждал, что вел с Кузнецовым в основном разговоры о политике – о жизни в России, о разделе Германии, войне в Корее, о волнениях в Малайзии. В Кингстоне он показал ему даже свои записи по вопросам текущей политики и набросок пограничных районов России, привязанных к разделенной Германии. Это объяснение прозвучало глупо: не стал бы секретарь советского посольства, человек, умудренный опытом и знаниями, тратить почти полтора часа времени на выслушивание разглагольствований радиста о текущих событиях.

Каждое последующее слово Маршалла свидетельствовало о наивности его представлений и поступков. Когда обвинитель напомнил, что в его записях

найжены позывные различных радиостанций и наброски их электрических цепей, он стал отрицать это. Когда его спросили еще раз, действительно ли они говорили с Кузнецовым только о Германии, Корее и Малайзии, он с вызовом ответил: «Да», – добавив, что они еще затрагивали вопросы культуры.

Заявления Маршалла шокировали и производили удручающее впечатление на суд. Подобным образом мог себя вести только молодой человек, находившийся под влиянием коммунистически ориентированной газеты. Конечно, это не повлияло бы решающим образом на решение судейской коллегии. Но следующая его ошибка оказалась роковой – речь зашла о копии секретного документа, найденного в его кармане. Он ответил, что ничего объяснить не может, что эта выписка висела на его рабочем месте и он попросту не знает, каким образом она попала к нему в карман.

Это заявление переполнило чашу терпения судей, так как означало, что полиция, будто бы подделав его почерк, подсунула ему компромат. Если бы копия оказалась у Кузнецова, все было бы ясно. Можно было предположить, что полиция, учитывая сложное международное положение, не решилась обвинить советского дипломата в шпионаже. Но это было не так, ибо она как раз не упустила бы такого случая. Поэтому никого не удивило, что Маршаллу предъявили обвинение в том, что он снял копию со служебного документа.

Если даже Кузнецов, предусмотрев возможность задержания Маршалла, научил его, как себя вести, это все равно не сработало; он мог бы выступить в его защиту, однако ничего не предпринял. О Кузнецове стало известно, что он с семьей на следующий же день переселился в посольство, откуда более не выходил.

Многие по этому поводу высказывались в том духе, что «бедный парень теперь, мол, будет отослан домой, но и там долго не протянет, учитывая его провал».

Сам процесс можно было бы рассматривать как результат большой небрежности и разгильдяйства, считая, что знакомство Кузнецова с Маршаллом действительно основывалось на личных симпатиях, а приглашая его в рестораны, он поначалу не думал использовать радиста в шпионской деятельности, возможно, эта мысль возникла у него значительно позже, когда тот был уже «засвечен».

Хотя в таком случае он бы постарался уйти от наблюдения соответствующих органов. Однако этого не произошло. Так, в Кингстоне во время встречи 25 апреля, в пятницу, когда улицы полны людей, направляющихся за покупками в магазины, они в час дня зашли в «Нормандию». Единственный ход там ведет в бар, откуда по лестнице можно подняться в небольшой ресторан. Но и там они заняли столик напротив входа, где хорошо просматривались со всех сторон. Хотя Маршалл об этом не догадывался, агенты контрразведки расположились за соседними столиками. Как ни странно, но один из столиков заняли сотрудники советской службы безопасности, которые тоже вели за ними наблюдение.

Отобедав, они прошли по очень узкой улочке Уотер-Лейн, где их не мог не заметить любой десятилетний мальчишка, «вышедший на тропу войны». Они могли без всякого труда найти с десятков укромных местечек, где бы их никто не видел и не слышал: через несколько автобусных остановок находился Ричмондский парк; достаточно пройти пешком по мосту через Темзу, и можно укрыться в парке Хемптон-Корт. Вместо этого приметная парочка направилась в Кенберский сад, узенькую зеленую полосу вдоль реки. Этот сад предоставляет жителям возможность немного подышать свежим воздухом, закрывая к тому

же вид на газовый завод и электростанцию, а также на верфи с их кранами. Зеленые насаждения имеют там протяженность не более 500 метров и ширину порядка 50 метров. Вдоль тропинки высажен ряд платанов, между которыми поставлены скамейки, с которых открывается вид на противоположный берег Темзы с плакучими ивами и старинными постройками. На скамейках обычно сидят матери с маленькими детьми да пожилые люди. За зеленой полосой находятся теннисные корты, но вход на них – с другой стороны.

Если бы оба уехали на автобусе в сторону Ричмонда или переправились через реку в направлении Ваши, они легко могли бы найти удобное местечко на лугу и усесться, сняв пиджаки и разложив перед собой дорожную карту подобно путешественникам, обсуждающим свой дальнейший маршрут, так что никакой детектив не смог бы незаметно приблизиться к ним, чтобы посмотреть, чем они занимаются.

Они же присели на одну из скамеек, ярко освещаемые послеобеденным солнцем, их ясно было видно с другой стороны реки. Поэтому ни одно их движение не осталось незамеченным. Поскольку стояла теплая погода, жители принесли шезлонги и расположились где только смогли. И контрразведчики разместились совсем неподалеку от них, не вызывая никакого подозрения. К тому же рядом находилось кафе, сквозь окна которого парочка была видна как на ладони.

О следующей их встрече 19 мая в Уимблдоне, неподалеку от родительского дома Маршалла, известно мало. Когда его спросили, в каком ресторане они обедали, он даже не мог вспомнить его названия. Хотя на улице шел проливной дождь, они не выглядели людьми, встретившимися случайно. Наблюдателям лишь показалось, что они исполнили своеобразный ритуал: сначала прошли один мимо другого, словно бы незнакомые, затем повернулись и вместе вошли в подъезд ресторана.

Надо полагать, что Кузнецов сразу же обратил внимание на ТОЖ что Маршалл со своей внешностью и поведением не подходил для тайной работы. Когда же 13 июня на очередной встрече они расположились в месте, еще более открытом, чем в ресторане «Нормандия» или Кенберском саду, возникло ощущение, что оно было подобрано сознательно: «Задержите же его! Почему вы его не задерживаете?»

Встреча состоялась неподалеку от дома Маршалла, так что по дороге в парк короля Георга он никак не мог бы избавиться от следовавших за ним детективов (об этом Кузнецов должен был знать). Место было выбрано там, куда осторожный человек никогда не пошел бы. Парк этот ранее представлял собой полосу незастроенной и заросшей травой и деревьями земли длиной около одного километра и шириной не более 100 метров, проходящей вдоль речки Уандл. К тому же его разделяли две дороги и несколько заасфальтированных тропинок. Возведенные после войны несколько домов разделяли его теперь на северную и южную части. В северной половине парка были детская игровая площадка, ресторан и уединенные скамейки на дорожках, где можно было бы переговорить без помех.

Но Кузнецов с Маршаллом выбрали южную часть, в которой находился только луг четырехугольной формы площадью около двух гектаров. Вдоль тропинки со шлаковым покрытием росло с десятков деревьев, в тени которых стояли три Скамейки, на одной из которых Уильям Маршалл и его друг Кузнецов и устроились.

Скамейка эта располагалась у самой тропинки и была на виду. На лугу и около них играли ребяташки перед тем, как отправиться спать (было уже семь

часов вечера). Скамейки были хорошо видны с огорода, на котором копошились любители покопаться в земле. Таким образом, детектив мог спокойно наблюдать за друзьями, покуривая трубочку и любуясь посадками помидоров или бобовых.

На этот раз охотники расположились на третьей скамейке, а минут через десять пересели и на ближнюю. Когда приятели встали и пошли на выход, их фразу же окружили. Как оказалось, охваченные азартом служаки поторопились, поскольку Маршалл не успел передать Кузнецову бумаги, которые, видимо, для этой цели приготовил.

Советская разведка, скорее всего, имела вескую причину устроить «сдачу» Уильяма Маршалла. Работа с ним проводилась таким образом, чтобы заинтересовать британскую контрразведку и отвести ее внимание от более важного агента, вероятно, даже не англичанина, работавшего в МИД Великобритании, с тем, чтобы у англичан и американцев сложилось впечатление, что дырка утечки информации, мол, заштопана и теперь можно почить на лаврах.

Что же касается Кузнецова, то он сыграл свою роль в общем-то неплохо, позволив себе даже несколько вполне удавшихся ему шуточек, когда якобы пытался «оторваться» от следовавших за ним детективов. Настоящий советский агент был, по всей видимости, настолько важен, что для его прикрытия и разыгрывался этот фарс – в течение довольно длительного времени, к тому же с отстранением в итоге от своих обязанностей секретаря посольства.

Алан Мурхед ПРИЗНАНИЕ

В одном из предыдущих рассказов этого сборника мы уже упоминали о «шпионе века», физике Клаусе Фуксе. Хэрри Голд, исполнив роль связника, передал тогда научную разработку Фукса по программе атомных исследований Соединенных Штатов Америки советскому вице-консулу Яковлеву в Нью-Йорке, доставив ее из Санта-Фе. Происходило это в 1945 году. Весной 1946 года Игорь Гузенко, шифровальщик советского посольства в Оттаве, бежал на Запад и сообщил, что советская разведка активно ищет возможности получить сведения об американо-британо-канадском атомном проекте. Исходя из полученной от Гузенко информации, службы безопасности всех трех стран напали на след шпионов «атомной группы». В 1949 году британские спецслужбы сконцентрировали свое внимание на лицах, которые могли быть причастными к «утечке информации». Среди них оказался Клаус Фукс, который к тому времени вернулся из США и работал ведущим специалистом в британском атомном центре Харвелл на весьма хорошо оплачиваемой должности. Масштабы его предательства были еще неизвестны.

В ходе предварительного расследования было установлено: Фукс вряд ли попытается бежать, даже узнав, что за ним ведется слежка; у него установились дружеские доверительные отношения с коллегами по работе и под влиянием своих своеобразных убеждений и угрызений совести он мог бы дать показания и даже сделать признание. По этим соображениям дело было передано опытному контрразведчику Уильяму Скардону. Небезынтересно, что известным физиком двигали как соображения собственной правоты, так и надежда остаться на любимой работе после выяснения всех обстоятельств дела.

Во второй половине декабря было принято решение провести допрос Фукса, предлог для которого дал он сам, попросив совета и консультации в связи с тем, что его отец получил приглашение на кафедру в Лейпциге. Выполнить эту задачу поручили Уильяму Джеймсу Скардону, который, не будучи академиком, слыл одним из самых способных и опытных криминалистов Англии. После окончания войны он вел дело Уильяма Джойса и группы предателей. Человек настолько тихий и спокойный, что о его присутствии просто забывалось, он был своеобразным типажом романов Г. Уэллса – кем-то вроде мистера Киппса. К тому же Скардон обладал терпением, тактом и громадной выдержкой. А именно такие качества были необходимы, чтобы услышать из уст Клауса Фукса правду.

21 декабря Скардон выехал в Харвелл, где встретился с Фуксом в кабинете Генри Арнольда. Атмосфера их встречи была доброжелательной и деловой, не представляя собой ничего особенного, – обычная встреча начальника отдела исследовательского центра с представителем службы безопасности. Представив мужчин друг другу, Арнольд удалился. Скардон начал беседу, упомянув заботы, которые одолевали Фукса в связи с его отцом. Может быть, он проинформирует обо всем поподробнее?

Более часа Фукс говорил о своих семейных делах, сообщив без обиняков, что у него есть сестра, Кристель Хайнеман, которая живет в Кембридже на Лейквью-авеню, дом номер 94, и брат – он находится в Швейцарии. Он открыто поведал, что в 1932 году на выборах в Эрмангелюнге поддержал коммунистического кандидата, за что был исключен из социалистической партии и примкнул к коммунистам. Нисколько не раздумывая, он назвал имена семьи квакеров и их адрес, приютивших его у себя в 1933 году, когда он приехал в Англию, у которых проживал до 1937 года, хотя они даже несколько раз переезжали на другие квартиры. Упомянул Фукс и о том, что в период гражданской войны в Испании являлся в Бристоле членом комитета по защите испанской демократии.

Затем он коснулся своей учебы в Эдинбурге у профессора Борна и своего полугодового интернирования в лагере «Л» и Шербруке в Квебеке, где познакомился с Хансом Кале, которого потом видел всего один раз на встрече свободной немецкой молодежи в Лондоне. Сообщил он и о своей работе на «Тьюб аллой» в Бирмингеме, поездке в Соединенные Штаты в 1943 году, посещении сестры на Рождество в 1943 году и весной следующего года.

Фукс рассказывал обо всем совершенно спокойно и с охотой. Когда он закончил, Скардон спросил его:

– Не поддерживали ли вы каких-либо связей с советскими представителями, когда были в Нью-Йорке? И не передавали ли вы им материалы о своей работе?

Фукс уставился на него, в буквальном смысле открыв рот, затем снисходительно улыбнулся, сказав:

– Насколько помню, нет.

Скардон, не дипломатичая, заявил:

– У меня имеются бесспорные доказательства того, что вы вели шпионаж в пользу Советского Союза. Например: во время своего пребывания в Нью-Йорке вы передали Советам сообщения о своих работах.

Фукс снова покачал головой и повторил:

– Нет, насколько помню.

Тогда Скардон сказал, что, учитывая серьезность обвинения, такой ответ ничего не значит. Фукс возразил:

– Я вас не понимаю. Может быть, вы объясните, в чем состоит ваше доказательство. О подобном я никогда даже и не думал.

Затем добавил, что ничего об этом не знает и что, по его мнению, Советский Союз из сообщений об атомной бомбе следует исключить.

Скардон перешел к другим вопросам. Слышал ли Фукс что-нибудь о профессоре Гальперине? Да, профессор присылал ему журналы, когда Фукс был интернирован в Канаде, но лично он никогда его не видел. Он также вспомнил, что во время своего пребывания в Нью-Йорке как-то съездил в Монреаль.

В 1:30 пополудни беседа была прервана, и Фукс пошел один обедать. Когда же они вскоре после двух часов дня снова встретились, Скардон возвратился к вопросу о шпионаже. Фукс по-прежнему все отрицал, заявив, что у Скардона нет никаких доказательств, однако в связи с возникшим подозрением считает целесообразным прекратить свою работу в Харвелле. Беседа закончилась обменом мнений в связи с поведением его отца в Германии. Они проговорили в общей сложности более четырех часов, но Фукс держался вполне уверенно. Скардон возвратился в Лондон.

Успехами похвастаться он не мог, но все же кое-что у него поднабиралось. Фукс подтвердил свою политическую деятельность в юношеские годы, а на вопрос о шпионаже ответил, по сути дела, уклончиво. Кроме того, он сообщил некоторые подробности о жизни своей и знакомых. Этого, конечно, мало. Что же касается «доказательств», то их действительно явно недостаточно для ареста, так что не исключалась возможность некорректного отношения к его личности.

Возник вопрос, что же делать дальше, поскольку Фукс был предупрежден. Если он виновен, то, вполне возможно, попытается бежать из Англии, а то и покончит жизнь самоубийством. В службе безопасности стали склоняться к мнению, что, пожалуй, лучше всего взять его под стражу, пока не поздно. Но Скардон решил выждать. К тому же он не был окончательно убежден в вине Фукса. Да и из беседы он вынес впечатление, что у физика имеются какие-то моральные проблемы. Если предоставить ему время и действовать осторожно, без излишней напористости, вполне возможно, что он сам добровольно сделает признание. Без такого признания предъявить ему серьезное обвинение пока невозможно. Скардон придерживался мнения, что по отношению к Фуксу не следовало предпринимать ничего такого, что настроило бы его враждебно. И в предстоящие рождественские дни у него будет время обо всем хорошо подумать. Какого-либо безрассудного поступка Скардон от Фукса не ожидал. Конечно, это были только его соображения, но ему казалось, что Фукс проявил по отношению к нему определенное понимание. В конце концов начальство согласилось с его мнением.

30 декабря, через день после того, как Фуксу исполнилось тридцать восемь лет, Скардон снова поехал в Харвелл. Фукс был спокоен и вел себя невозмутимо. Он вновь отклонил обвинение. Разговор шел о его поездках в Соединенных Штатах в 1944 году, но это не дало следователю ничего нового. В конце беседы Скардон заметил, что у его собеседника сухие, потрескавшиеся губы, но это еще ни о чем не говорило.

Сэр Джон Коккрофт, директор Центра, пригласил к себе Фукса 10 января и сказал ему, что, учитывая намерение его отца выехать в Восточную Германию, будет лучше всего, если Фукс прекратит свою работу в Харвелле и перейдет в университет.

13 января Скардон приехал в Харвелл в третий раз, и они снова стали

беседовать в кабинете капитана Арнольда, опять наедине. Помнит ли еще Фукс точный адрес дома, в котором жил в Нью-Йорке в 1944 году? Прошло уже шесть лет, и Фукс был не совсем уверен. Однако с помощью плана города он нашел место на Семьдесят седьмой улице западного района, неподалеку от Центрального парка, посреди квартала между авеню Колумба и Амстердама.

Когда Скардон сообщил Фукусу, что служба безопасности наведет справки в отношении его бывшей квартиры и других дел в Нью-Йорке, тот воспринял это совершенно спокойно. Хотя он и продолжал отрицать свою вину, сказал, что из центра ему уйти все же придется. Может быть, он и устроится в одном из университетов. Но сначала намерен отдохнуть.

И после трех встреч ситуация продолжала оставаться тупиковой. Скардон, правда, пытался дать понять, что служба безопасности не собирается уничтожить видного ученого. А если в годы войны, в Нью-Йорке, он и совершил что-либо предосудительное, то лучше всего об этом добровольно рассказать. Для Харвелла Фукс представлял большую ценность. По всей вероятности, не исключена возможность, что после прояснения вопроса он сможет продолжить здесь свою работу. Возникшая же неопределенность далее нетерпима.

Фукусу было абсолютно ясно, что служба безопасности не имела пока ни малейшего представления ни о характере, ни о продолжительности его шпионской деятельности. В течение этих четырнадцати январских дней он постоянно задавал себе вопрос: «Стоит ли признаться в небольшом проступке, если меня после этого оставят на работе в Харвелле? И как все повернется, если я смогу остаться в центре?.. Могу ли я быть уверенным в себе, что не продолжу прежнюю деятельность?»

Свои переживания и мысли он отразил впоследствии в сделанном им признании. Он писал:

«Я был поставлен перед фактом, что имеются доказательства о передаче мной в Нью-Йорке информации посторонним лицам. И мне предоставлялся шанс признаться в этом и остаться на работе в Харвелле. Я не был уверен, стоит ли мне и дальше оставаться в Харвелле, поэтому отрицал свои контакты с русскими и решил покинуть центр.

В то же время мне были ясны возможные последствия моего ухода из Харвелла. С одной стороны, это был бы жестокий удар по центру и по работе, которую я любил. А с другой – я вызвал бы подозрение к людям, которые были моими друзьями и считали меня своим другом.

Мне пришлось глянуть правде в глаза, чтобы оценить то, что меня ждало: одной половиной сердца быть с людьми в дружбе и в очень тесных отношениях, а другой – предавать их и ставить в опасное положение. Я понимал, что моя «контрольная система» надежно уберегала меня от опасностей, непосредственно мне угрожавших, давая в то же время четкое представление, какой вред я наносил близким мне людям.

И еще ко мне пришло понимание, что комбинация из трех идей, которые сделали меня тем, кем я стал, оказалась ложной, да и не только комбинация, но и каждая из идей в отдельности; что существуют определенные границы морального поведения, которые человек не должен оставлять без внимания; что человек должен оценивать свои поступки – правильные они или нет; что, прежде чем признать авторитет другого человека, каждый должен сам разобраться в своих сомнениях и попытаться самостоятельно найти выход из положения. При этом я сделал открытие, что сам являюсь продуктом внешнего воздействия».

Звучит это несколько замысловато, но позволяет правильно понять его действия и поступки. Фукс не стал еще смиренным и покорным, рассматривая себя как неотъемлемую часть Харвелла. Но он задумался о чувствах своих друзей, что ранее никогда не приходило ему в голову. Люди были для него неизбежными жертвами в осуществлении его грандиозных планов усовершенствования мира. Теперь он, однако, понял, что не имеет права вторгаться в жизнь других. Но он был еще далек от того, чтобы осмыслить истинные масштабы содеянного им. То, что в результате его деятельности многие жители земли могли бы быть разорваны в клочья, даже не приходило ему в голову ни тогда, ни позже. Его беспокоила лишь моральная сторона этого вопроса.

Хотя после встречи 13 января и не произошло ничего существенного, Скардон почувствовал, что между ним и Фуксом установилась определенная атмосфера доверия, и был убежден, что тот ничего не станет предпринимать сам, не посоветовавшись с ним. Оба они, охотник и преследуемый, вступили в тот несколько странный, интимный мир взаимоотношений в ходе расследования, когда личная вражда уже не присутствует.

Образно говоря, это напоминало мир насекомых, когда паук терпеливо поджидает муху. Как только она запутается в его паутине, он бросается на нее – таков закон природы, противиться которому не в состоянии оба.

Однако Фукс, как говорится, еще не созрел. Внешне он оставался совершенно спокойным, продолжая ходить на работу. Его друзья в Харвелле ничего не знали о происходившем и ничего по нему не замечали.

Но вот среди сотрудников отдела Фукса произошел скандал, причиной которого послужила любовная история, в результате которой женщина попала в больницу. В атмосфере всеобщего доверия и дружеских взаимоотношений сотрудников случившееся выглядело ужасно. Фукс принял происшедшее близко к сердцу, часто навещая несчастную женщину в больнице. Вполне возможно, что этот скандал послужил для него сигналом начала развала той жизни в Харвелле, которую он хорошо знал и любил. Во всяком случае, он побудил его принять решение. 22 января, в воскресенье, он позвонил Арнольду и сказал, что хотел бы поговорить с ним в частном порядке. Они условились встретиться на следующий день в ресторане железнодорожной гостиницы в Стеветоне. За обедом они много говорили о политике, причем Фукс заявил, что он против той линии, которую сейчас проводят коммунисты в России, и дал понять, что хотел бы снова встретиться со Скардоном. И они договорились, что Скардон навестит Фукса 24 января, во вторник, в одиннадцать часов утра у него на квартире.

Арнольд встретил Скардона на железнодорожной станции Дидкот и подбросил в Харвелл. Далее тот направился в дом номер 17. Прошло уже более десяти дней с момента их последней встречи. Фукс за это время заметно изменился, выглядел необычно бледно и взволнованно.

Вместо приветствия Скардон сказал:

– Вы хотели меня видеть – и вот он я.

– Да, – ответил Фукс, – мне надо с вами пооткровенничать.

Однако его вдруг охватили сомнения, правильно ли он собирается поступить. И он вновь принялся рассказывать о своей жизни, вспоминая подробности, о которых уже упоминал ранее, – о днях своей подпольной деятельности в Берлине, о своем отце (который к тому времени переселился в Лейпциг), о своих друзьях в Харвелле, значении своей работы в атомном центре и своей незаменимости. Он рассказывал о себе, почти не добавляя

ничего нового, но сильно жестикулируя. Щеки его впали, глаза ввалились.

Часа через два Скардон прервал его, сказав:

– Вы рассказали мне длинную историю, как пришли к своей деятельности, не сообщив ничего о ней самой.

«Почему бы теперь не отказаться от затеянной игры? – подумал Фукс. – Почему не признаться во всем, чтобы оно осталось в прошлом? – мучительно размышлял он. – Возможно, и Скардон сумеет мне помочь».

Фукс помолчал несколько секунд, затем твердо произнес:

– И все-таки вы не заставите меня говорить об этом.

– Хорошо, – согласился тот. – А не стоит ли нам перекусить?

По Харвеллу разъезжала автомашина, в которой можно было купить готовую к употреблению рыбу, картофельные чипсы и кое-какую закуску. Как раз сейчас она следовала мимо дома Фукса.

– Может быть, нам что-нибудь купить? – спросил Скардон.

– Нет, – возразил Фукс. – Поедем лучше в Абингдон.

Сидя за рулем своей серой спортивной машины, Фукс гнал все десять километров на скорости, граничившей с безумием. Он срезал повороты, обгонял шедший впереди транспорт, проскакивая в небольшие разрывы между ними, пока резко не затормозил около самого большого отеля Абингдона.

Английский ресторан в сырую зимнюю погоду во второй половине дня был не лучшим местом для драматических событий. Поскольку в зале было довольно много посетителей, Фукс и Скардон, выбрав себе блюда из не слишком разнообразного меню, пообедали, переговариваясь о пустяках, о новостях Харвелла, о его людях и тому подобном. Беседа носила поверхностный характер. Затем они направились в бар выпить по чашечке кофе. Скардон заговорил об отъезде профессора Скиннера из Харвелла и поинтересовался, кто займет его место. Фукс ответил, что не знает.

– Ведь вы являетесь в центре третьим человеком, не так ли? – произнес Скардон. – Может быть, вы получите эту должность?

– Вполне возможно, – ответил Фукс.

Но Скардон недоверчиво покачал головой. В сложившейся ситуации это было маловероятно. Вдруг Клаус вскочил и сказал:

– Давайте вернемся.

На этот раз они ехали очень медленно, тащась за грузовиком, шедшим на скорости, не превышавшей двадцати километров в час, но Фукс даже не попытался его обогнать. Молча остановились они перед маленьким сборным домиком Фукса и не успели вылезти из автомашины, как тот произнес, что должен что-то сообщить Скардону. Он принял решение признаться. Совесть его была чиста, но он беспокоился о друзьях в Харвелле – что-то они о нем подумают?

– Когда же это началось? – спросил Скардон.

– Где-то в середине 1942 года и продолжалось до прошлого года.

Семь лет! Это же был, по сути, весь период создания атомной бомбы – от проекта до взрыва. Это были годы работы над программой в Англии и Америке – Нью-Йорке и Лос-Аламосе. Холодок пробежал по спине Скардона. Это говорило не о просачивании каких-то деталей или цифр, а о предательстве самого большого размаха.

Начав говорить, Фукс сразу же почувствовал облегчение и принялся рассказывать о невероятных вещах, быстро и сбивчиво. Встречи его проходили нерегулярно, но довольно часто, причем первый шаг сделал он сам.

Предварительно правда, переговорив с посредником, который подготовил их

первую встречу. В последующем каждая очередная встреча обговаривалась заранее, при этом назначалась запасная дата на всякий случай. Вначале он сообщал тому русскому только о результатах собственной работы, но затем стал давать информацию по всей программе в целом – конечно, то, что ему было известно. На связь он выходил не только с русскими, но и те представителями других национальностей. Ему с самого начала было ясно, что он рискует своей головой, но с этим ему приходилось сталкиваться еще в период нелегальной работы в Германии. Затем Фукс рассказал о своих контактах в Нью-Йорке, Лос-Аламосе и Лондоне вплоть до февраля 1949 года, когда он не пошел на очередное randevu. С того времени и русские на него не выходили. Все встречи проходили накоротке: он передавал документы, обуславливалась следующая встреча, и они расходились в разные стороны. Связники иногда передавали ему вопросы, которые, судя по их характеру, задавали люди, хорошо разбиравшиеся в технических проблемах.

Фукс настолько быстро говорил, что у Скардона не было возможности ни что-нибудь записать, ни прервать его. Когда он все же уловил небольшую паузу, то спросил Фукса, что он конкретно передал русским.

Самым важным во всей информации был, несомненно, способ изготовления атомной бомбы.

Следовательно, это была правда. Таким образом, Фукс потерял всякую возможность остаться в Харвелле или занять какую-то другую должность – перед ним были открыты только двери тюрьмы. Оставалось лишь довести игру до конца так, чтобы он ни о чем не умолчал. Вместе с тем следовало как можно быстрее закончить разговор, чтобы посоветоваться с начальством и записать важное признание.

Но Фукс продолжал говорить, подробно объясняя, что в конечном итоге передал русским лишь принцип создания атомной бомбы, поэтому их задачей было изыскание возможностей для ее изготовления, и он сам несказанно удивлен тем, что им удалось уже в прошлом августе произвести взрыв.

Конечно, он знал о том, что они в научно-техническом отношении ушли далеко вперед, но не представлял себе, как им удастся столь быстро решить финансовые и научно-производственные проблемы.

Что касается его информации за последние два года, то он сужал ее с каждым разом, так как у него появилось сомнение, правильно ли он поступает. Хотя он продолжает верить в коммунизм, но не в такой форме, как он в настоящее время осуществляется в России. С таким надо обязательно бороться. И он решил для себя, что единственной страной в мире, где он сможет жить, является Англия. Исходя из этого, он перешел к разговору о друзьях. Что они будут думать о его поступке – в особенности Арнольд, которого он фактически подвел?

Фукс волновался, утверждая, что его сестра Кристель ничего не знала о его связях с русскими в Соединенных Штатах. Если у нее и возникали какие-либо подозрения, то она, скорее всего, связывала его дела с подпольной работой немецких коммунистов.

Он сообщил Скардону еще несколько подробностей, прежде чем тот прервал их беседу. Наиболее часто он встречался с русскими в Лондоне в Морнингтон-Крессент; они никогда не давали ему псевдонима, зная его как Фукса; об опознавательных знаках, которых было довольно много, он уже и не помнит. Расставаясь, Скардон спросил Фукса, когда они смогут встретиться в следующий раз. Тот вспомнил, что у него на следующий день запланировано заседание комиссии, так что свободным он будет только через день, 26 января.

Скардон возвратился в Лондон, удрученный услышанным. Теперь, когда Фукс облегчил свою совесть, он вряд ли может надеяться, что все снова будет по-прежнему и что он сможет продолжить свою работу в Харвелле. Он особо подчеркнул, что именно из-за этого и пригласил Скардона в Харвелл и говорил с ним вполне откровенно.

Он был русским агентом, теперь понимает, что в этом состояла его ошибка, поэтому он и сделал признание. Он более не русский агент, и дело Скардона – правильно изложить суть вопроса властям и как можно скорее завершить неприятные формальности, чтобы Фукс мог продолжить свою работу. Он уже принял решение не переходить на работу в университет, да в этом теперь необходимости уже и не будет. Он признал все открыто, и на этом дело должно быть закончено. В качестве цены за сделанное им признание он потребовал от Скардона заверения, что может и далее оставаться в Харвелле. Ведь свое признание, что подчеркивалось им и в дальнейшем, Фукс сделал добровольно.

Короче говоря, Фукс еще не понимал, что поставлено на кон. А это давало службе безопасности определенное преимущество. Пока он будет так думать, он, скорее всего, не попытается бежать или совершить самоубийство. Поэтому сейчас на него нельзя было давить, нельзя устанавливать за ним наблюдение полиции, нельзя вырывать из того мира иллюзий, в котором Фукс пребывал.

Следующая их встреча произошла снова в Харвелле 26 января. К Фуку, казалось, вновь вернулось прежнее самообладание, он рассказал Скардону новые подробности – в основном о встречах с другими агентами в Лондоне, Бостоне, Нью-Йорке и Санта-Фе. В прошедшие дни он встречался с Арнольдом, которому пожаловался, что Скардон, видимо, недостаточно высоко оценил значение и важность рассматриваемого дела. Фука в особенности беспокоит предстоящая конференция с американцами, на которой должны быть решены вопросы открытой публикации по атомной бомбе. Понимал ли Скардон, что Фукс обязательно должен принять в ней участие? Если его на конференции не будет, это бросится всем в глаза и может вызвать подозрение, что скажется отрицательно на репутации Харвелла. Понимает ли это Скардон? Арнольд успокоил Фука и предложил самому переговорить на эту тему со Скардоном.

26 января уже сам Фукс настаивал на том, чтобы ускорить расследование дела и прояснить его положение.

Скардон предложил ему варианты дальнейших действий: либо он сам собственноручно напишет обо всем, либо продиктует свое признание секретарше, а то и ему, Скардону. Фукс предпочел третий вариант, и они договорились встретиться на следующий день в военном министерстве. (Муха уже попала в паутину, но пока еще не сообразила, что ее там удерживает.) Между мужчинами установилось полное доверие и взаимопонимание: они называли друг друга по именам, уважительно относились друг к другу, а Фукс еще и полагал, что они играют свои роли в судьбе, которая величавее их обоих. Когда драма закончится, они смогут расстаться и возвратиться каждый к своей жизни.

Возможность закончить восемь лет молчания и ведения двойной жизни, когда нельзя было никому довериться, должна принести Фуку, как он считал, громадное облегчение. Возможность объединить эти две жизни в одну и открыть свою душу человеку, который его понимал, – великое дело. Самое главное – быть понятым. Как только Скардон уехал, Фукс отправился к

Арнольду и с готовностью ответил на все его вопросы по характеру информации, которую он передал русским.

На следующий день, как и было обусловлено, Фукс отправился в Лондон. Скардон встретил его на Педдингтонском вокзале, и они вместе поехали в военное министерство в Уайтхолл. Уединившись в одной из комнат, Скардон сделал Фуксу необходимое предупреждение и попросил подтвердить готовность дать показания. Фукс ответил:

– Конечно. Я все отлично понимаю. Можно приступать.

И Скардон стал записывать то, что он говорил:

«Я – заместитель начальника института по исследованию атомной энергии в Харвелле по науке. Родился 29 декабря 1911 года в Рюссельсхайме. Отец мой являлся священнослужителем, и у меня было счастливое детство. Хочу подчеркнуть, что отец делал всегда только то, что считал необходимым и правильным, говоря нам, что мы должны идти каждый своей дорогой, если даже при этом столкнемся с трудностями. Ему самому пришлось много бороться, так как он поступал по велению своей совести, не будучи согласным с постулатами существующих конфессий. Он стал, например, первым священнослужителем, вступившим в социал-демократическую партию...»

И далее в том же духе. Подойдя к концу, Клаус Фукс впервые сказал несколько слов в порядке раскаяния:

«Я знаю, что вернуть прошлое нельзя, и считаю необходимым попытаться исправить свою ошибку и хоть как-то восстановить нанесенный ущерб. Главное же, хочу заверить, что Харвелл при этом нисколько не пострадает. Что же касается друзей, то я постараюсь спасти то хорошее, что было в наших отношениях. Мысль эта выходит сейчас на первый план, и мне даже трудно сосредоточиться на чем-то другом.

Тем не менее мне также ясно, что я должен подробно изложить весь тот объем информации, которую я передал, и помочь, насколько это позволит мне моя совесть, другим людям, занимающимся еще тем, что ранее делал я, прекратить такую деятельность. Никто из тех, кого я знаю поименно, не помогал мне в сборе информации, переданной русским. Речь идет о людях, которых я знаю только внешне, которым я доверял свою жизнь, как и они мне – свою, и я не знаю, смогу ли я сделать что-то такое, что может их выдать. Они не имеют никакого отношения к атомному проекту, являясь лишь связующим звеном между мной и советским правительством.

Первоначально мной овладела мысль предупредить русских, что их союзники ведут работу по созданию атомной бомбы. На первых порах я сконцентрировал свое внимание исключительно на результатах собственной работы, но впоследствии, особенно в Лос-Аламосе, я совершил то, что считаю самым тяжким своим деянием, – я передал сведения о принципе создания плутониевой бомбы.

Будучи уже в Харвелле, я стал задумываться об информации, которую продолжал передавать, начав ее отсеивать. Мне трудно сейчас сказать, когда и как конкретно это происходило, поскольку представляло собой длительный процесс, связанный с борьбой,

происходившей во мне самом. Последнее свое сообщение я передал в феврале или марте 1949 года.

Прежде чем я попал в исследовательский институт, мне приходилось общаться с англичанами, придерживавшимися левых взглядов и той же философии, что и я.

Здесь же, в Харвелле, я тоже познакомился с англичанами, но представителями различных направлений и лагерей, жизнь которых была полнокровной и интересной. Не знаю, каковы их корни, полагаю, они и сами над этим не задумываются.

Записанное прочитал и подтверждаю правильность пересказа моих слов, сделанных из побуждений совести».

Под этим он поставил свою подпись: «Кlaus Fuchs». Скардон внизу приписал, что Фукс внимательно прочитал текст, в который внесены изменения по его желанию. Затем Клаус подписался внизу каждой страницы.

Фукс не стал пересказывать Скардону технические характеристики атомной бомбы, переданные им русским, поскольку тот не имел допуска к секретным материалам, но изъявил готовность сообщить их эксперту, в качестве которого сам же предложил Михаэля Перрина, с которым познакомился еще в 1942 году и который являлся ассистентом Уоллейса Акерса во время их совместной работы в «Тьюб аллой», а сейчас был сотрудником министерства по сырьевым ресурсам. Встреча с ним была назначена на 30 января в Лондоне, так как Фукс пожелал немного отдохнуть в конце недели и собраться с мыслями. При этом он еще раз подчеркнул, что с нетерпением ожидает исхода дела и не хотел бы терять время, дабы возможно быстрее навести порядок. После этого он поездом возвратился в Харвелл. В ту же ночь произошло непредвиденное: Арнольду сообщили, что в кабинете Фукса горит свет. Тот немедленно направился в административное здание и потихоньку вошел внутрь: действительно, в кабинете Фукса горел свет, и некоторые шорохи подтверждали, что там кто-то есть.

Арнольд воспользовался имевшимися у него ключами и направился в комнату, расположенную как раз напротив кабинета Фукса по коридору. Стены там почти под самым потолком заканчивались стеклянными перегородками. Арнольд залез на стол и смог заглянуть в кабинет Фукса. Тот сидел за письменным столом и просматривал дела, нещадно дымя. Во всем здании было темно и тихо.

Арнольд наблюдал за Фуком долгое время. После всего произошедшего тот мог совершить самоубийство или продумать план бегства ночью из Англии, прихватив кое-какие документы. А может, он намеревался просто уничтожить их.

Арнольд продолжал наблюдать, а Фукс все так же спокойно просматривал свои бумаги, время от времени прерываясь, доставая из письменного стола другие документы и раскладывая их стопочками на крышке стола. Около одиннадцати часов вечера он встал и вышел, оставив документы на столе, не выключив свет. Арнольд решил, что Фукс обязательно вернется, чтобы хотя бы погасить свет, и остался на своем посту в темноте.

Миновало около часа, прежде чем Фукс возвратился близко к полуночи. Он снова уселся за стол и продолжил чтение. Примерно через полчаса Клаус, наконец, встал, выключил свет, запер дверь своего кабинета и, выйдя из здания, сел в автомашину и поехал домой. Тогда Арнольд вошел в его кабинет и установил, что все бумаги, которые Фукс внимательно просматривал, касались

ежедневных дел и особого значения не имели. Кабинет оставался в полном порядке со стопочками документов на письменном столе. Обыск в нем был произведен только после ареста Фукса.

В понедельник утром Фукс сел в поезд, шедший в Лондон. На Педдингтонском вокзале его снова встретил Скардон, отвез в военное министерство, где их уже ожидал Перрин. Пока они ехали, Фукс рассказал Скардону о некоторых деталях своих агентурных встреч, считая, что они могут тому пригодиться. Вообще-то он пришел к выводу, что на русских работали и другие ученые. Затем он описал место, где должна была пройти несостоявшаяся встреча. Это была «Пестрая собака» в Паттни, а запасная встреча назначена вблизи станции метрополитена «Вуд-Грин».

Когда к ним присоединился Перрин, Скардон сказал, что Фукс решил рассказать обо всем открыто и подробно. Перрин достал приготовленную бумагу (для служебного пользования), и они приступили к работе. При этом были в хронологическом порядке рассмотрены все семь лет и уточнено, что именно Фукс передавал русским на каждой из встреч. Это были его месячные отчеты 1942 года, когда он работал в «Тьюб аллой» в Бирмингеме, затем подробные данные о смещении газов в Нью-Йорке, потом принципиальное устройство плутониевой бомбы в Санта-Фе и, наконец, сведения о результатах исследований по британскому послевоенному ядерному проекту в Харвелле.

Работа эта заняла много времени, и через пару часов Скардон предложил сходить пообедать.

Они отправились в ресторан ближайшей гостиницы, но, поскольку свободных столиков не оказалось, уселись на стульях в баре, удовольствовавшись холодной закуской. Затем возвратились, чтобы продолжить работу.

Фукс сообщил также Перрину, что на русских, по его мнению, работали и другие ученые. В качестве примера он привел случай, когда в самом начале его агентурной деятельности, еще в Англии, ему задали вопрос о принципе электромагнитного процесса деления изотопов. О нем в то время в Англии ничего не было известно, так как этой проблемой занимались американские ученые в Беркли, в Калифорнии.

Работу свою мужчины закончили только в четыре часа дня. Фукс возвратился в Харвелл, а Перрин стал надиктовывать свои записи на магнитофон. Теперь служба безопасности располагала всем необходимым. Конечно, ей хотелось уточнить у Фукса еще целый ряд деталей, но главное она уже знала. Пришло время его ареста.

В Англии в это время проходили выборы, на которых с минимальным перевесом вновь победила лейбористская партия. И это затруднило необходимые формальности. Сначала признание Фукса надо было предъявить премьер-министру Эттли. После этого следовало разыскать генерального прокурора сэра Харлея Шоукросса, находившегося где-то в Северной Англии. Правда, тот сразу же приехал в Лондон, ознакомившись с документом в поезде. Специальный отдел Скотленд-Ярда приступил к формулировке обвинения, которое было готово 2 февраля.

Служба безопасности предпочла провести арест не в Харвелле, где еще ничего не было известно о ведущемся расследовании по делу Фукса. Было решено осуществить это в Лондоне, для чего Перрин позвонил Клаусу и пригласил его приехать якобы для некоторых уточнений. Арест должен был произойти в кабинете Перрина, но тот, хотя и согласился, выдвинул условие, чтобы все произошло в его отсутствие.

Фукс приехал на Педдингтонский вокзал в 2:30 дня, затратив на поездку немногим более часа.

Ровно в 2:30 дня Перрин был у себя в кабинете. С минуты на минуту должен был появиться сотрудник Скотленд-Ярда Леонард Берт с ордером на арест Фукса. Поскольку этот сотрудник задерживался, Перрин позвонил в службу безопасности, где ему сообщили, что тот уже в пути. В три часа дня секретарша Перрина доложила, что Фукс прибыл. Перрин распорядился, чтобы Фукс немного обождал в его приемной, и стал срочно звонить в Скотленд-Ярд, так как Берт еще не появился.

Наконец, Берт приехал в сопровождении инспектора полиции в 3:20. Задержка объяснялась тем, что в последний момент в формулировку обвинения было внесено изменение. Фукс, все это время ждавший в приемной, был приглашен в кабинет. Перрин познакомил мужчин и тут же исчез под благовидным предлогом. Берт сразу же объявил Фуксу, что он арестован, и зачитал обвинение. Фукс ничего не ответил. Сев в кресло, он попросил дать ему возможность переговорить с Перрином.

Берт согласился и передал секретарше, чтобы Перрина поскорее нашли. Лицо Фукса вдруг посерело. Мир его иллюзий рухнул. Посмотрев высокомерно на Перрина, он произнес:

– Вы ведь знаете, что означает для Харвелла мой арест?

Чиновники занесли его слова в протокол, после чего Фукса вывели из кабинета и доставили в ближайшее отделение полиции на Боу-стрит.

В заключение судебного процесса 1 мая 1950 года верховный судья лорд Годдард объявил:

– Парламент предусмотрел для вас наказание в виде тюремного заключения сроком на четырнадцать лет, к чему я вас и приговариваю.

Решение о смертном приговоре в Англии выносится в отношении людей, совершивших государственную измену в пользу врага. Фукс же передавал информацию союзнику.

Александр Фут РАДИОМОСТ

Ирландец Александр Фут сотрудничал с советской разведкой в период Второй мировой войны, но после ее окончания прекратил свою агентурную деятельность. Этот рассказ написал он сам. Вместе с двумя своими коллегами, известными под именами Хамель и Болли, они работали радистами, передавая информацию, шедшую из Германии, в Советский Союз, а сами находились в Швейцарии. По этому радиомосту русские получали очень важную информацию об оперативных планах немцев, поступающую от верховного главнокомандования вермахта и из генерального штаба в Берлине. До сих пор неясно, из каких источников шла эта информация. Недавно два французских автора попытались раскрыть этот секрет, опубликовав книгу «Человек, которого звали Люси», но так и не смогли назвать ни одного имени.

Сведения из Германии поступали в Швейцарию настолько быстро, что советское командование получало их буквально через двадцать четыре часа после принятия решения немецким верховным командованием. Кто знает, может быть, события на советско-германском фронте приняли бы другой характер, если бы в критические 1942-1943 годы не было бы этого радиомоста.

Информацию в Швейцарии получал некто Рудольф Рёсслер (псевдоним Люси). Агентурную сеть, в которую входили Рёсслер, Фут и еще два радиста, а также большое число доверенных лиц, возглавлял венгр Александр Радо.

Рассказ Фута касается того периода, когда швейцарская контрразведка засекла с помощью радиопеленгации всех трех радистов.

Швейцарская служба безопасности располагала довольно эффективным подразделением радиоперехвата. Позднее стало известно, что она довольно длительное время прослушивала наши радиопередачи. Правда, тут не обошлось без некоторой наводки, полученной швейцарской полицией совершенно случайно, о чем я узнал уже после моего ареста.

Примерно за год до этого сотрудник радиоцентра аэродрома Женевы со скуки, поскольку прибытия самолетов в ближайшее время не ожидалось, стал крутить ручки коротковолновой шкалы, надеясь поймать что-либо интересное. Вдруг он услышал громкие позывные, передаваемые сигналами Морзе, что привлекло его внимание. Дело в том, что после начала войны радиолобительство в Швейцарии было запрещено. Записав позывные и радиочастоту, он доложил о случившемся своему начальнику, который сообщил об этом в полицию.

Радиостанцию стали прослушивать, а вскоре и запеленговали. Она находилась в Женеве.

В ходе расследования был запеленгован еще один передатчик, работавший также в городе и имевший подобные же признаки. Это были рации Болли и Хамеля. Полиция предположила, что речь идет о британских передатчиках или же местных коммунистических, передававших информацию в Германию. Не исключено, что полиция уже тогда засекла и мой радиопередатчик, на котором я работал в Лозанне.

Почему швейцарцы в течение целого года ничего не предпринимали и занялись этими тремя передатчиками только осенью 1943 года, я не знаю. Возможно, они надеялись, что, перехватив побольше радиопередач, сумеют их расшифровать. Может быть, они заняли выжидательную позицию, полагая, что это – передатчики союзников. Вполне вероятно, что они так ничего предпринимать бы и не стали, если бы немецкий абвер не разъяснил им истинное положение дел и не оказал на них давление. Ответ на этот вопрос могут дать только швейцарские полиция и генеральный штаб.

Между тем осенью начались активные действия спецслужб. Для точной засечки передатчиков были привлечены радиопеленгаторы ближнего действия на автомашинах, но дело оказалось непростым, так как оба находились в густонаселенном районе города (они были именно поэтому нами там и расположены). Когда передатчик засекали на небольшой площади, использовался метод, применявшийся весьма успешно немцами и ими же изобретенный, для выявления радиопередатчиков союзников на оккупированных ими территориях. Во время работы радиопередатчика один за другим из электросети выключались бывшие на подозрении дома. Если при отключении света передатчик замолкал, то искомый дом был найден. Таким же образом были обнаружены рации Болли и Хамеля.

9 октября я сидел в кафетерии за завтраком и просматривал газету «Трибюн де Женев». И тут мне на глаза попалась небольшая заметка о том, что в Женеве обнаружен нелегальный радиопередатчик и обслуживавший его персонал арестован. В других газетах этого сообщения не было. Той же ночью я слышал, как Центр несколько раз вызывал Хамеля, но тот не отвечал. Я

предположил, что случилось нечто ужасное. На следующее утро у меня зазвонил телефон, и на другом конце провода я услышал голос Радо:

– Думаю, что вам будет больно слышать это, но Эдуард чувствует себя очень плохо, так что пришлось вызвать врача. Осмотрев больного и проконсультировавшись со специалистами, он пришел к выводу, что его необходимо срочно положить в больницу.

Я выразил сочувствие, естественно для проформы, мозг же мой работал лихорадочно. Ведь сказанное означало, что теперь только мой передатчик оставался для связи с Центром (в душе я надеялся, что рация Болли уцелела). Голос Радо звучал взволнованно, что, впрочем, соответствовало теме разговора. Он опасался, как бы и самому не загреметь в «больницу».

На следующий день он позвонил снова и сказал, что навестит меня поздно вечером, чего никогда раньше не делал. Когда он пришел, то рассказал, что арестован не только Хамель, но и Маргарет во время обыска квартиры Болли. Хамеля взяли, когда он работал на передатчике. Одновременно произвели обыск на квартире Болли и арестовали Маргарет. Она была в постели с неким Петером, оказавшимся агентом немецкого абвера, которому удалось втереться в доверие к девушке. Для абвера его арест вместе с ней как соучастника оказался тяжелым ударом.

Мы так и не поняли, почему швейцарцы, столь долго бездействовавшие, вдруг развили бурную деятельность. Предварительное наблюдение за подозрительными домами они, однако, не установили, в противном случае они могли бы одним ударом взять всю агентурную группу, включая Радо. Тот навестил Хамеля через несколько часов после его ареста, когда полиция еще занималась обыском. К счастью, Хамелю удалось в последний момент перевести стрелки часов, висевших у окна, на положение «опасность». Если бы они показывали двенадцать часов, можно было бы входить без опаски.

О случившемся мы поставили в известность Центр. «Директор» выразил сожаление, однако распорядился продолжать передачу информации Люси в связи с ее большой важностью. Радо должен был воспользоваться помощью компартии и подыскать новых радистов. Его же одолевали заботы в связи с разгромом организации и страх из-за нарушения основных правил безопасности и возможности собственного ареста. В тайнике на квартире Хамеля он держал документацию – сводку финансовых расходов всей агентурной группы и копии переданных радиogramм. Кроме того, там же находилась и его книга, которую использовали для зашифровки радиogramм. Во время обыска тайник отыскивали. И Радо, не без оснований, опасался, что полиция, воспользовавшись этими материалами, сможет раскрыть ключ кода и прочитать все перехваченные ранее радиogramмы. Таким образом, в нашем распоряжении оставался только мой радиопередатчик и личный код.

В переданной нами ранее информации содержались и сведения о новой орликоновской пушке швейцарского производства, которая была еще засекречена. При тщательном анализе всех данных полиция могла бы выйти на источник – их же военного обозревателя Рёсслера. Тем самым под угрозу попадал самый ценный наш источник информации. А из финансовой документации полиция могла почерпнуть данные обо всей агентурной группе, в том числе и обо мне. Как показало дальнейшее развитие событий, опасения мои были обоснованными.

Через несколько дней Радо сообщил мне, что женевским членам компартии удалось установить связь с находившимися в тюрьме Хамелем и Болли через одного из охранников. Хамель сообщил нам, что ему показывали

мою фотографию и сказали: вот, мол, глава всей разведывательной сети. По всей видимости, они тогда еще не знали о существовании Радо. Тот немедленно выехал в Берн, где скрылся, но вскоре нашел в себе мужество и возвратился и даже поселился в своей квартире. Выявив за собой слежку, во всяком случае, так ему показалось, он перебрался в Женеву и там скрывался у одной супружеской четы, симпатизирующей коммунистам.

Об этих делах я сообщил в Центр и получил задание возглавить нашу группу. «Директор» известил меня, что Радо по его приказу должен познакомить меня с главными своими связниками Пакбо и Цисси. Хотя Радо уже не использовал свой код, Центр все равно время от времени посылал ему этим кодом радиogramмы, считая, что его расшифровать невозможно.

Радо согласился свести меня с Пакбо, Цисси же отказалась знакомиться со мной, боясь, что ее раскроют, и обосновав свое опасение тем, что два месяца тому назад к ней на квартиру якобы заходили два немецких агента. Как оказалось позже, после моего освобождения из тюрьмы, это была просто отговорка самого Радо. Причину этого мне понять было нетрудно: Радо хотел во что бы то ни стало остаться во главе организации даже действуя вопреки приказам Центра. Знал он и о том, что моя встреча с Цисси могла бы обернуться большой для него неприятностью, поскольку у нее я мог бы сверить свои данные, в особенности финансовые. Радо требовал, чтобы я выдавал большие суммы денег для оплаты Цисси и ее доверенных лиц, присваивая при этом значительную их часть. И все же мы с ней встретились годом позже.

Затем Радо принял решение лично получать поступавшую информацию от Люси и передавать ее мне через связника, а связь Пьера Николя со мной взялся обеспечивать сам. Пьер был сыном Леона Николя, лидера крайне левых в женевской партийной организации, который подыскивал для нас радистов, чтобы мы смогли задействовать новые передатчики.

Через некоторое время Радо сказал, что будет, пожалуй, лучше и надежнее для нашей агентурной сети, да и для него самого, если он найдет убежище в британской дипломатической миссии (в то время в Швейцарии никакого советского представительства не было, ближайшие находились в Анкаре и Лондоне). В этом случае наша сеть работала бы лучше, правда, пришлось бы ввести англичан в курс дела. Радо не имел личных связей с англичанами, поэтому Пакбо пришлось действовать через своего посредника Залтера, атташе по балканским проблемам. Англичане выразили готовность укрыть в случае необходимости Радо у себя. Оставалось согласовать этот вариант с Центром, куда я и передал просьбу Радо. Буквально в следующем же сеансе связи Центр ответил решительным «нет» и выразил удивление, как это такой старый и опытный работник мог додуматься до подобного предложения, ведь «англичане выйдут непременно на его линии связи и попытаются использовать их в своих целях».

Такое отношение к межсоюзническому сотрудничеству разочаровало Радо, хотя оно и не противоречило той позиции, которая проскальзывала и ранее в аналогичных случаях. В 1942 году, например, в наши руки попали документы и планы, имевшие большое оперативное значение как для Советского Союза, так и для Великобритании. Сообщить о них по радио мы, конечно, не могли. Тогда Радо предложил передать их по надежным каналам англичанам. Центр на это предложение отреагировал тут же: «Упомянутые материалы сжечь». С точки зрения Центра было все равно: попадут ли документы союзникам или же в руки немцев.

Как раз в это время я получил от Хамеля еще одно сообщение, переданное

через того же охранника. От следователя ему стало известно, что органы безопасности напали на след еще одного передатчика в Лозанне и туда направляются специалисты, чтобы определить его точное местонахождение.

Я поставил Центр об этом в известность, но получил указание продолжать передачу жизненно важной информации от Люси, несмотря на риск. Поскольку другого передатчика мы в то время не имели, а у меня не было возможности сменить квартиру, было принято решение передавать только информацию от Люси.

В то время я встречался с Радо два раза в неделю, когда это позволяла возможность и соблюдались необходимые меры безопасности. Для Радо эти встречи имели одно только значение – передать мне полученную информацию. Мы, как положено, тщательно уточняли, нет ли за кем-то из нас слежки. В конце октября мы договорились встретиться в городском парке Женевы, у входа. Радо приехал на такси и вошел в парк. Я же заметил, как водитель такси, едва успев положить в карман полученные деньги, поспешил к ближайшей телефонной будке и стал куда-то звонить. Я тут же предупредил Радо, и на всякий случай – если даже это и было простое совпадение – мы покинули парк через разные выходы. Оказалось, что мы ушли вовремя. Позже мне стало известно, что полиция раздала фотографию Радо всем водителям такси в Женеве. И таксист, опознав Радо, позвонил в полицейское управление. Все патрульные автомашины, находившиеся в городе, получили распоряжение перекрыть выходы из парка. Но они опоздали.

Этот случай поставил, судя по всему, последнюю точку в опасениях Радо. С тех пор он не вылезал из своей мышиной норки, скрывшись ото всех. Спустя год он покинул страну, не принимая больше никакого участия в работе агентурной сети. У него просто-напросто сдали нервы. Вряд ли стоит за это его упрекать. Ведь он долгие годы работал с большим перенапряжением. К тому же из-за развернувшихся активных военных действий в его группу были включены другие организации, так что его агентурная сеть значительно увеличилась. Ему стоило большого труда установить со всеми связь и наладить работу объединенной сети, что ему на какое-то время удалось. С удовольствием вспоминаю время, когда он находился на высоте своего положения, будучи для внешнего мира гениальным картографом. Только последние дни и недели своего пребывания в Швейцарии он превратился в затравленную охотниками лису, став затем буквально сломленным человеком в Париже и Каире. Судьба его известна только Центру. Он обманул многих в отношении денег, но и сумел заставить их работать с наибольшей отдачей. И по-своему он оставался верен своим руководителям.

К несчастью, наша агентурная сеть постоянно ощущала недостаток средств. Резервы моего часового предприятия были сведены до 5 тысяч долларов. Чтобы хоть как-то выкручиваться, Радо занял у местной партийной организации 5 тысяч долларов да столько же еще и у Пакбо. В то время расходы сети на различные цели составляли до 10 тысяч долларов в месяц, не говоря уже о премиальных. Наше и без того бедственное финансовое положение осложнилось из-за того, что «директор» рекомендовал мне израсходовать 10 тысяч долларов на подкуп тюремной охраны, чтобы организовать побег Хамеля и Болли. Особое опасение вызывала у него Болли, как более молодая и наименее опытная, которая могла не выдержать допросов и «расколоться». Она знала настоящие имена – мое и Пакбо и многое о Радо.

Мои финансовые заботы, однако, окончились довольно скоро. В ночь с

19-го на 20 ноября в свое обычное время – через полчаса после полуночи – я установил связь с Москвой, передал короткое сообщение и стал принимать длинную радиограмму Центра.

Примерно через три четверти часа раздался грохот взламываемых дверей, и в мою комнату ворвались полицейские. Таким образом, в час пятнадцать минут утра 20 ноября я оказался в руках «врачей». После моего ареста связь Центра с Швейцарией оборвалась.

Глава 4

АГЕНТЫ-ДВОЙНИКИ

В анналах шпионажа агент-двойник играет особую роль. Его услуги оплачивают одновременно две различные, в большинстве случаев враждебные секретные службы, ведет же он шпионаж как против одной, так и другой стороны, будь это даже собственная отчизна. Нередко, однако, он в конце концов начинает работать только на одного хозяина, водя за нос другого. Классическим примером такого агента являлся Борис Морроз, директор кинопроизводства из Голливуда, который в 50-х годах, сотрудничая с советской разведывательной службой, имел задание осуществлять вербовку американских ученых и специалистов, занимающих высокопоставленные должности, и в то же время сообщал в ФБР о получаемых заданиях и проделанной им работе.

Когда наступил подходящий момент, ФБР нанесло удар, арестовав большое количество людей, тем или иным образом связанных с советской агентурной сетью. Советская разведка до самого этого момента и не подозревала о подобной деятельности Морроза.

Более сложная ситуация возникает в том случае, если каждая секретная служба подозревает или догадывается о двурушничестве своего агента, но в силу тех или иных обстоятельств полагает, что он все-таки находится на ее стороне. Эдвард Банкрофт, известный агент-двойник периода американской революции, успешно выполнял задания своих хозяев, относясь с должным уважением к каждому из них, в результате чего обе стороны ему полностью доверяли. Американскому послу в Париже Бенджамину Франклину он виделся исключительно ценным доверенным лицом, имевшим хорошие связи с британскими правительственными кругами и информировавшим его о их планах и намерениях в отношении Америки. Но и англичане высоко ценили его информацию, в частности, сообщения о попытках Франклина склонить французов к поддержке Америки.

Как англичане, так и Франклин догадывались о двусторонней деятельности Банкрофта, однако можно предположить, что они все же были не в курсе его истинных целей и намерений. Как правило, в подобных случаях такой агент начинает действовать по собственному усмотрению. Хотя Банкрофт и передал англичанам большой объем ценных сведений, он скрыл от них факт поставки французами оружия американцам. Как оказалось, он тоже вложил собственные деньги в эту операцию и не хотел, конечно, чтобы английский флот потопил шедшие за океан суда. По оценке одного из историков, «ему удивительным образом удалось обеспечивать важнейшей информацией два враждующих между собой государства, не забывая в первую очередь собственную выгоду. Его двойная игра велась столь искусно, что о ней стало известно только через шестьдесят лет после его смерти».

История российского полицейского шпика и провокатора Евно Азефа еще более удивительна. Он не только глубоко внедрил в подпольную революционную организацию, но и возглавил ее террористическую деятельность, направленную против высокопоставленных лиц царской России, включая самого царя.

Необычный разговор о роли агентов-двойников состоялся у меня в сентябре 1959 года с Никитой Хрущевым во время приема в Белом доме в Вашингтоне. После того как я был ему представлен в числе других, вице-президент Никсон отвел меня в сторонку и сказал, что у меня будет возможность несколько позже поговорить в частном порядке с советским руководителем. Он стоял в углу зала в окружении группы журналистов и гостей, среди которых находился и директор ФБР Эдгар Гувер. Когда мы через некоторое время подошли к нему вместе с Никсоном, советский премьер произнес:

– Ах да. А я ведь вас знаю. Я читал ваши доклады.

Когда я его спросил, каким же образом ему это удалось, он ответил, что, видимо, мы платим одним и тем же агентам, и вдруг сделал неожиданное предложение с коварной усмешкой – как отметил один из журналистов: а не лучше ли объединить усилия наших секретных служб в целях экономии средств обоих государств, чтобы «не платить дважды за ту же информацию».

Леонард Фолькнер НА ДЕЛАВЭРЕ

В прилагаемом рассказе речь идет о сержанте Хонимене, проживавшем в период американской революции на нейтральной полосе между американскими и английскими позициями. Ему, конечно, не составляло большого труда навещать ту и другую стороны, на которые он работал. Чтобы проникнуть в лагерь генерала Вашингтона, он даже подстроил дело так, что был взят американцами в плен, из которого якобы потом бежал. Для своих же соседей он разыгрывал роль сторонника тори, чем вызвал их враждебное отношение к своей семье.

Здесь показана положительная сторона разведывательной деятельности, когда секретная служба подчиняется непосредственно командующему войсками.

Самым ценным и неожиданным подарком для страны, который Джордж Вашингтон преподнес в рождественские дни зимы 1776 года, когда многие находились в подавленном настроении, было форсирование Делавэра и взятие города Трентона. А ведь в то время огонь американской революции еле теплился.

Перед объявлением независимости страна пережила несколько суровых зим, но та была уж чересчур холодной. В течение пяти месяцев после объявления независимости американскую армию преследовали одни поражения за другими, порой катастрофического порядка.

Под Лонг-Айлендом армия чудом избежала полного разгрома, потеряв 2800 человек, попавших в плен к англичанам. Несколько тысяч голодных и измученных солдат и офицеров отходили в Нью-Джерси, с трудом сдерживая натиск английских войск и немецких наемников. Остатки армии уцелели благодаря тому, что Вашингтон сумел вовремя конфисковать все лодки и

переправочные средства на реке Делавэр.

Британская армия под командованием Уильяма Хоу заняла хорошие позиции под Нью-Йорком, а лорд Корнвеллис, разбивший Вашингтона, упаковывал чемоданы, собираясь возвращаться в Англию, поскольку был уверен, что голод и холод затушат последние искры Войны за независимость Америки.

Казалось, что и Вашингтон думал так же. Из своей штаб-квартиры на пенсильванской стороне Делавэра он написал письмо брату Джону Августину, в котором излил свою душу:

«Опасаясь, что игра идет к своему концу... Никогда еще люди не испытывали таких трудностей, почти не имея возможности для их преодоления».

Было это 18 декабря.

А через семь дней, в рождественский вечер, Вашингтон приказал войскам переправиться через Делавэр, ворвался на рассвете в Трентон и нанес сокрушительный удар гессенцам. Наступление было проведено безошибочно, с соблюдением последовательности действий во времени. Город освобожден практически без потерь.

Это была первая крупная победа американцев в затянувшейся войне. Не успевший еще уехать Корнвеллис поспешил на помощь, но Вашингтон, воспользовавшись темнотой, обошел его фланг, разгромил под Принстоном арьергард англичан и отошел на высоты под Морристауном до конца зимы.

Гениально проведенной операцией, неожиданной для англичан, Вашингтон вдохнул новую жизнь в уже было обреченную Войну за независимость. Америка торжествовала, обретя уверенность в возможность победы, тогда как на Англию свалились новые заботы.

Официальные документы о ходе войны не дают ответа на многие вопросы. Однако сообщение некоей фермерской семьи, судебные протоколы из Нью-Джерси и исследования историков приподнимают завесу таинственности. Речь идет о необыкновенной истории человека, взявшего на себя очень важную и опасную миссию, не прося за это никакого вознаграждения, человека, нашедшего удовлетворение в том, что задуманный им план осуществился.

История эта – о Джоне Хонимене, «шпионе Вашингтона» из Трентона. Лишь одному человеку он доверился – своей жене, которая знала обо всем с самого начала.

Только через длительное время его внуку – судье из Нью-Джерси Джону ван Дьюку – удалось уточнить некоторые подробности событий и прокомментировать их. Данные эти подтвердил и историк XIX века, генерал-адъютант Нью-Джерси Уильям Страйкер.

Впервые мы знакомимся с Джоном Хонименом, сорокашестилетним гигантом шотландско-ирландского происхождения, под вечер 22 декабря 1776 года на берегу реки к западу от Трентона, занятого в то время гессенцами – немецкими наемниками. Поля вокруг покрыты снежным покрывалом, на пашне тут и там отсвечивает лед. Джон Хонимен, слывший ярым сторонником тори и «шпионом» англичан, бредет по полю с веревкой в одной руке и кнутом в другой, гонит перед собой свою скотину мимо сторожевых постов гессенцев.

В нескольких километрах оттуда, по ту сторону Делавэра, у костра в лесу, в защищенной от ветра впадине Бауменских холмов, расположился отряд повстанческой армии Вашингтона без палаток и одеял, многие босиком,

пытаясь на камнях испечь что-то наподобие лепешек из скудного рациона муки. У гессенцев в Трентоне хлеба было предостаточно, хватало и рома, разве что маловато было мяса, чтобы весело отпраздновать Рождество – столь милое сердцам тевтонцев. Вот бы им сейчас парочку коров!

Внук Хонимена вспоминает деда – мужчину громадного роста с низким голосом, в котором явно слышался шотландский акцент в те редкие минуты, когда он говорил.

Он знал, что Вашингтон, генерал повстанцев, желал его видеть. Открыто на встречу он выйти не мог, так как в округе было много фермеров, остававшихся верными англичанам. Осторожно оглядываясь, он заметил вдалеке двух всадников, спешившихся под группкой деревьев. Неподалеку искала под снегом корм одинокая коровенка.

Хонимен выгнал ее в открытое поле и побежал за ней, хлопая кнутом. И тут те двое в форме континентальной армии вскочили на коней и поскакали ему навстречу. Он попытался бежать, но они вскоре его настигли. Защищаясь ударами кнута, Хонимен упал. Один из всадников бросился на него, но Хонимену удалось освободиться.

Немного отбежав, он поскользнулся на льду и снова упал. На этот раз солдаты навалились на него уже вдвоем. Один из них стал связывать ему руки, а другой приставил к голове пистолет.

Хонимен стал бурно протестовать, уверяя, что он простой крестьянин. Связав пастуха собственной веревкой, они посадили его на коня сзади одного из всадников, другой же держал Хонимена под прицелом. Так он и был доставлен в штаб-квартиру Вашингтона.

Как потом он рассказывал своей жене, его, дрожавшего от страха, втолкнули в комнату, в которой находился сам командующий повстанческой армией. Вашингтон поблагодарил обоих солдат и отпустил их, оставшись с Хонименом наедине. Снаружи была выставлена охрана.

Не успела дверь за вышедшими закрыться, как лицо Вашингтона озарила улыбка.

Если верить семейным хроникам, это была их четвертая встреча – высокорослого главнокомандующего континентальной армией с пресловутым «британским шпионом». Первые две встречи состоялись полтора года назад в Филадельфии, вскоре после того, как континентальный конгресс назначил Вашингтона командовать армией. Хонимен, поселившийся в Филадельфии за несколько лет до этого, женился на местной девушке ирландского происхождения и прибыл на первую встречу с двумя документами. Первый свидетельствовал о его увольнении из британской армии после окончания войны французов с индейцами в 1763 году (в которой принимал участие и Вашингтон). Во втором документе за подписью британского генерала Джеймса Вольфа говорилось о том, что Хонимен принят в его лейб-гвардию.

Ирландская кровь в жилах Хонимена взывала к освобождению от англичан. В войну французов с индейцами он был втянут против своей воли. Однажды он подстраховал Вольфа от падения, когда тот споткнулся, вылезая из лодки. Так что прием Хонимена в лейб-гвардию был, по сути дела, жестом благодарности генерала.

На той встрече Хонимен заявил Вашингтону, преодолев свое обычное немногословие, что готов втереться в доверие к англичанам и даже стать их шпионом, будучи на самом деле только на стороне Вашингтона. Имевшиеся у него документы, шотландский акцент, который он мог при желании усиливать, и наигранная лояльность по отношению к британской короне являлись

хорошей предпосылкой для задуманного.

Они разработали совместный план. Как ткач, которым он был по профессии, Хонимен не представлял для англичан большой ценности. Поэтому было решено (кто из них внес это предложение, так и осталось в тайне), что Хонимен станет действовать в качестве скотовода и мясника, тем более некоторый опыт в этом отношении он приобрел в юношеские годы еще в Ирландии, обеспечивая англичан продовольствием. Всякий раз, когда у него имелась важная информация, он давал Вашингтону знать, и тот приказывал своим передовым частям похищать его, точнее, инсценировать похищение. При этом Хонимен разыгрывал сопротивление, чтобы не вызвать подозрения. Когда же он бывал нужен Вашингтону, тот подавал ему условный сигнал. Для возвращения разыгрывалась сцена бегства. Таким образом, связь он поддерживал лично с Вашингтоном, о чем никто не знал.

Вскоре после достижения договоренности Хонимен вместе с семьей – у него было трое маленьких сыновей и девятилетняя дочь Джейн – переселился в Нью-Джерси, на то время своеобразное осиное гнездо лояльных к англичанам фермеров, и обосновался в деревушке Григгстаун севернее Принстона.

Третья встреча, судя по семейным преданиям, произошла в середине ноября в спешном порядке в Хаккензекке, в северной части Нью-Джерси. Вашингтон прилагал тогда огромные усилия, чтобы спасти армию. Будучи вынужденным оставить Нью-Йорк и теснимый англичанами, он предпринял ускоренный марш к Делавэру, чтобы закрепиться на противоположном берегу реки. Он приказал Хонимену присоединиться к британской армии и находиться в ее составе, пока не потребуется Вашингтону, о чем ему будет сообщено.

И вот теперь состоялась их четвертая встреча в штаб-квартире американцев, которая находилась предположительно на ферме Кейта, несколько южнее Делавэра.

Если бы Вашингтон сомневался в честности и порядочности Хонимена, то об этом было бы сказано на этой встрече. Скупую информацию, которую он получил через своих людей, подтвердил и Хонимен. После того как Хонимен изложил все существенное, Вашингтон приказал отвести его в караульное помещение и держать под стражей до утра, когда будет вынесен приговор по делу этого мерзкого шпиона.

Среди ночи по соседству с фермой вспыхнул пожар, когда же караульные бросились помогать его тушить, пленник таинственным образом исчез. По скрывшемуся в темноте беглецу один из солдат даже успел выстрелить. Хонимен форсировал реку частично по льду, частично вплавь и, добравшись до охранения гессенцев, упал, якобы потеряв последние силы.

Когда его доставили к полковнику Раллю, он убедительно рассказал о своем пленении и ночном бегстве через разбитое окно. Поскольку он верный сторонник англичан, добавил Хонимен, то сообщил Вашингтону лишь то, что известно повсеместно. Вместе с тем у него имеется важная информация для немецкого командующего: войска на другой стороне реки полностью дезорганизованы, скоро могут даже вспыхнуть беспорядки. Об этом шел разговор у костра, у которого полураздетые солдаты отогревали промерзшие ноги... Ралль был доволен услышанным, так как это подтверждало его предположения. Следовательно, на этом участке опасаться нечего, и он все свое внимание уделит подготовке к празднованию Рождества.

Как стало широко известно, Вашингтон рвал и метал, когда утром ему доложили о бегстве пленного.

Когда штабной врач, доктор Бенджамин Раш, вошел в комнату

главнокомандующего, то увидел того за странным занятием. Что-то бормоча под нос, Вашингтон торопливо исписывал небольшие клочки бумаги. Подняв один из них, упавший на пол, врач прочел: «Победа или смерть!» То был лозунг еще не отданного распоряжения на штурм Трентона.

В тот же день Вашингтон разослал своим генералам приказ:

«На Рождество, за час до рассвета, начать штурм Трентона!»

Войска получили указание быть в состоянии повышенной боевой готовности. Интенданты должны были обеспечить трехдневный запас продуктов питания.

Фермеры – сторонники тори – попытались предупредить Ралля. Когда тот в рождественский вечер сидел в одном из фермерских домов за картами и выпивкой, в дверь постучал посланец с противоположной стороны реки. Денщик не осмелился прервать игру и попросил фермера изложить свое сообщение в письменной форме. В записке говорилось, что континентальная армия начала выдвижение. Ралль сунул записку, не читая, в карман и продолжил игру.

На следующее утро он спал, как и большая часть его гарнизона, в состоянии сильного опьянения. Готовые к схватке солдаты Вашингтона, некоторые босиком или в намотанных на ноги тряпках, двумя колоннами в снежную круговорот подошли к городу и ворвались на его фактически неохраняемые улицы.

Менее чем за час все было закончено. Ралль, попытавшийся собрать своих людей в центре города, получил смертельную рану. Сто шесть наемников были убиты или тяжело ранены. Около девятисот пленных переправили через реку в Пенсильванию и провели по улицам столицы штата, чтобы доказать, что революция еще жива. У Вашингтона ранило двух офицеров и двух солдат.

Страйкер, историк американской революции из Нью-Джерси, написал в своей книге «Бои за Трентон и Принстон»:

«Общеизвестно, что достоверное сообщение о состоянии подразделений полковника Ралля в Трентоне исходило от шпиона Джона Хонимена из Григгстауна. Нет никакого сомнения, что эта информация послужила основой для принятия решения о штурме Трентона, произошедшего тремя днями позже».

Хонимена не оказалось в числе плененных в Трентоне. Сразу же после ухода от Ралля он скрытно подался в Нью-Брунсуик. Однако по деревне прошел слух о его пленении и последующем бегстве из ставки Вашингтона. Группа американских патриотов собралась у дома, где он находился. О событиях той ночи вспоминает его дочь Джейн, которой в то время было девять лет. Она слышала, как возбужденная толпа угрожала поджечь дом, если ее отец не выйдет. Прижимая к себе детей, на пороге показалась его жена, заявившая, что его дома нет и она не знает, где он находится. Толпа, сыпля угрозы, подо двинулась ближе. Тогда жена попросила дать ей возможность переговорить с вожаком. К двери подошел один из солдат и при свете свечи прочитал бумагу, которую она ему подала. В ней было написано:

«Ставка американской армии,
Нью-Джерси, ноябрь 1776 года.

Настоящим предписывается обеспечить защиту жены и детей
Джона Хонимена, слывущего ярым тори и британским шпионом и
проживающим на английской территории за линией фронта, от
любых нападений».

Солдат разобрал стоящую внизу документа подпись Вашингтона и уговорил толпу разойтись по домам.

По всей видимости, Джон Хонимен продолжал играть роль «сторонника тори и британского шпиона» до самого конца войны, редко встречаясь с семьей. Но кроме его вклада в решающее сражение за Трентон, никаких других сведений о его деятельности до нас не дошло.

Джон Хонимен дожил до девяноста трех лет, был зажиточным фермером неподалеку от Ламингтона, куда переселился из Григгстауна через десять лет после войны. Это означало, что правительство высоко оценило его заслуги перед отечеством, но как и каким образом, опять-таки неизвестно.

Рядом с могильной плитой, обветшавшей от времени, на месте захоронения Хонимена на старом деревенском кладбище под Ламингтоном, сохранился старый межевой камень. А на том месте у реки Делавэр, где когда-то была сосредоточена армия Вашингтона перед штурмом Трентона и где ныне разбит парк имени первого президента США, установлен памятник с бронзовой дощечкой. Он был сооружен по инициативе Отечественного ордена сынов Америки при поддержке администрации штата Нью-Джерси 26 декабря 1930 года. Надпись на бронзе гласит:

«Возведен в память
Джона Хонимена,
Верно служившего Вашингтону
И континентальной армии
В качестве шпиона.
Пейте из источников свободы
И пусть наши дети
Станут ее наследниками».

Сам Джон Хонимен, испытывавший внутреннее удовлетворение от исполнения дел, на которые он отважился, был бы несказанно удивлен этим простым признанием своих заслуг.

Томас Уайтсайд НЕЙТРАЛЬНЫЙ АТТАШЕ

Стиг Веннерстрём, полковник шведских военно-воздушных сил, был в мае 1964 года за измену родине и шпионаж в пользу Советского Союза приговорен к пожизненному заключению. По его собственному признанию, он какое-то время являлся своеобразным агентом-двойником. В то время когда Советы полагали, что он работает на них, он стал сотрудничать с американцами против тех же Советов. Вполне возможно, что Веннерстрём намеревался этим своим признанием в ходе следствия судебного процесса смягчить в глазах шведских судей степень своей вины. Я же со своей стороны могу засвидетельствовать, что он значительно преувеличил степень своего сотрудничества с американской стороной и в целом ряде случаев отобразил его неверно:

Томас Уайтсайд, автор книги, исчерпывающе излагает дело Веннерстрёма и в публикуемом ниже рассказе раскрывает ту роль, которую приписывал себе Веннерстрём в качестве агента-двойника, в то же время выражая сомнение в правомерности некоторых утверждений шведского полковника.

Упоминаемый в рассказе «генерал» являлся высокопоставленным офицером советской секретной службы, который координировал деятельность Веннерстрёма. Автор, в частности, пишет о методах «генерала», нацеленных на то, чтобы сделать Веннерстрёма еще более послушным, часто применяя премиальную систему и выплату значительных денежных сумм. И это в немалой степени подогревало его тщеславие и сказывалось на толщине кошелька. Веннерстрёму даже сообщили, что ему присвоено звание генерал-майора разведывательной службы Красной армии (в Швеции звание генерала он так и не получил). Негласно ему также вручили высокий советский орден и открыли внушительный счет в Советском Союзе. К этим поощрениям он отнесся необычайно серьезно, чувствуя себя весьма польщенным.

Под руководством «генерала» Веннерстрём предпринял попытки расширить свои контакты с американским посольством, чтобы получать нужную информацию. Несмотря на глубокое уважение, которое он испытывал к своему советскому руководителю, он не информировал его полностью о своих контактах с американцами. Во время допросов он показал, что, восстановив свое сотрудничество с советской разведкой, он осуществил принятое им в Стокгольме решение «самостоятельно установить контакт с американцами, чтобы стать независимым». Вскоре после возвращения в Москву его посетил американский военно-воздушный атташе и сообщил, что в Вашингтоне прослышали об открытии им ценного советского источника и хотели бы знать, что это за источник. Веннерстрём утверждал, что не раскрыл свой источник, а вместо этого установил связь с разведслужбой американских ВВС. Было достигнуто, в частности, следующее соглашение: Веннерстрём взял на себя обязательство снабжать американскую сторону информацией о Советском Союзе, которую он будет получать через свое доверенное лицо в Москве, американцы же должны были выплачивать ему определенные суммы в итальянских лирах. В связи с этим Веннерстрём заявил:

«Что касается лично меня, то я достиг своей цели: я стал самостоятельным агентом».

Задания, которые Веннерстрём получал от американцев, должны были восполнить пробелы в громадной шпионской сети, которую те раскинули вокруг Советского Союза. Судя по высказываниям Веннерстрёма, американцы использовали для этих целей прежде всего самолеты со специальным радиооборудованием, которые летали вдоль советских границ и осуществляли связь с заброшенными туда агентами; осуществляли разведывательные полеты над территорией Советского Союза на самолетах типа РБ-36 и У-2 на больших высотах; запускали из Западной Европы воздушные шары, которые, пролетая над советской территорией, производили аэрофотосъемку и опускались в водах Тихого океана, где многие затем удавалось выловить, а самое главное – в самом Советском Союзе и вне его собиралось огромное количество различных материалов, которые подвергались анализу и оценке. Одно из его заданий – выбор целей на территории Советского Союза для бомбовых ударов, исходя из его почти неограниченных возможностей ездить по стране в качестве представителя нейтрального государства.

И действительно, Веннерстрёму было нетрудно получить разрешение на поездку в желаемый район. Для этого ему надо было лишь обратиться к Никитушеву, с которым он ранее поддерживал связь и который имел указание оказывать ему всемерную помощь для облегчения его официальной работы, чтобы у него оставалось больше времени на агентурную деятельность в

интересах советской стороны. Якобы по заданиям шведского руководства он совершал поездки в Сибирь, на Кавказ и Украину, где собирал информацию для американцев. По его заявлению как-то по дороге в Новосибирск самолет совершил промежуточную посадку не на гражданском аэродроме в Казани, а на военном восточнее города. Он в особенности интересовал американцев, так как они предполагали, что именно оттуда могут стартовать стратегические бомбардировщики, нацеленные на американские объекты и базы, расположенные вдоль советских границ. На этом аэродроме Веннерстрём увидел новейшие стратегические бомбардировщики.

«Мне удалось сфотографировать их из окна туалета с помощью телеобъектива, – похвастался он. – Пленку я потом передал американскому связнику. Благодаря телеобъективу было отчетливо видно все подробности».

Кроме того, заметив на доске объявлений в административном здании аэропорта записку, в которой сообщалось, что требуются на работу на аэродром в бухте Варламово вблизи от Мурманска метеорологи (с предложениями следовало обращаться в штаб стратегического авиационного командования в Москве), он сделал вывод о наличии в этой бухте новой базы стратегической авиации, которая оттуда могла совершать полеты через Северный полюс в сторону США и Канады. Это было новостью для американцев.

Естественно, Веннерстрём ничего не говорил русским, что работает на американцев, как и американцам о своей работе на русских. Ничего об этом не знало и его непосредственное начальство в Швеции. О том, какие задания он выполнял для шведского руководства, он ничего не сообщал даже своим коллегам по посольству в Москве.

Как он сам признался, очень скоро ему стало ясно, что поручения американцев он мог запросто подгонять под задания советской разведки. Советский Союз был заинтересован в том, чтобы получать как можно больше информации о военном планировании американцев. Новый его советский руководитель, «генерал», похвалил Веннерстрёма за то, что тому удалось за короткое время установить хорошие отношения с дипломатическими представителями стран НАТО, и сказал, что его интересует, как в них ведется разведка под эгидой американцев, на что она направлена. Увязав эти данные с имеющейся информацией, можно было бы составить себе представление о военном планировании НАТО против Советского Союза. Необходимо было также уточнить, собираются ли США ограничиться бомбовыми ударами своей авиации и применением атомного оружия по определенным целям или же они предусматривают и вторжение войск. Данные эти требуются для совещания по стратегическому планированию, которое состоится в ближайшее время. Учитывая связи и возможности Веннерстрёма, он мог бы с таким заданием вполне справиться.

Вот как Веннерстрём отреагировал на это поручение:

«Выполнить мне это было гораздо проще, нежели себе представлял «генерал». Поскольку я, как агент, работал на обе стороны, дело выглядело подчас комически... На вопрос, поставленный передо мной моим советским руководителем, я получал прямой, незавуалированный ответ от американцев и в свою очередь – задание от них».

Получив, например, задачу выяснить цели, по которым американцы намеревались нанести бомбовые удары в первую очередь, он легко мог назвать русским запланированные для уничтожения цели. Когда же появился со своей «мозаичной картиной», как он ее назвал, американцы в свою очередь сообщили

ему, что после сравнения с другими данными цели наносятся на специальную карту. Информацию, передаваемую ему Веннерстрёмом, «генерал» тоже наносил – уже на свою карту.

Но вот однажды Веннерстрём предпринял поездку в Одессу по заданию американцев, которое, как на первый взгляд, показалось ему смешным. Их интересовало, покрыты ли крыши зданий расположенного неподалеку местечка черепицей или железом. Уже позже он узнал, что имевшиеся у американцев авиационные радарные бомбовые прицелы более отчетливо реагировали на металлические крыши зданий. Выполнив задание, он сообщил «генералу», что американцы интересуются железными крышами, по всей видимости как вспомогательными ориентирами. «Генерал» задумался, затем нанес на карту Украины скопления домов с железными крышами. Проанализировав обстановку, он пришел к выводу: поскольку такие крыши не могут служить как целеуказания определенных объектов, видимо, американцы намерены использовать бактериологические средства для уничтожения посевов в зерновых районах Украины и Кубани – житницах России, используя железные крыши в качестве навигационных ориентиров.

В общем и целом выходило, что НАТО планировало нанесение воздушных ударов по Советскому Союзу без вторжения на его территорию. Убедить в этом советское руководство было нелегко, так как оно исходило из концепции ведения войны наземными силами и средствами. Поэтому на предстоявшем совещании правительства надо было представить неопровержимые доказательства намерений американцев. В решении этой задачи Веннерстрём мог оказать действенную помощь. Узнав о наличии в американском посольстве карты целей, он проинформировал об этом «генерала», высказав сожаление, что не может на нее даже взглянуть. Через несколько дней он сообщил «генералу», что случайно узнал – копию этой карты в ближайшие дни курьером направят в Висбаден, в штаб американских военно-воздушных сил в Европе. Это известие крайне заинтересовало «генерала», и он стал уточнять, кто будет этим курьером, как и когда он отправится в путь и тому подобное. Веннерстрём смог ответить на поставленные вопросы. Примерно через неделю, возвращаясь пешком с работы в свою квартиру, он увидел остановившуюся прямо перед ним у тротуара черную легковую автомашину. В соответствии с полученными ранее инструкциями, к автомашине он не подошел, а направился к ближайшей телефонной будке и набрал обусловленный номер. Ему ответили, что встреча состоится на знакомой ему вилле за городом. Прибыв туда, он встретил «генерала», который, присев к столу, достал географическую карту и, развернув ее, спросил, американская ли это карта целей. Присмотревшись к обозначениям, Веннерстрём ответил, что это, по-видимому, она и есть. Когда он спросил «генерала», каким образом тому удалось заполучить ее, тот ответил, усмехнувшись, что она была «одолжена» у курьера и перефотографирована.

На основании представленных Веннерстрёмом данных на состоявшемся вскоре правительственном совещании было принято решение об усилении средств противовоздушной обороны Советского Союза. «Генерал» сказал, что средства ПВО будут строиться с учетом опыта англичан, поэтому Веннерстрёму пришлось собирать материалы и по этому вопросу. Вместе с тем ему было поручено уточнить состояние и развитие стратегической бомбардировочной авиации США, организацию их стратегического авиационного командования, дислокацию авиационных баз, с которых можно было ожидать ударов по Советскому Союзу, и подробности стратегического планирования.

Информацию о системе противовоздушной обороны Великобритании Веннерстрём получил у английского военно-воздушного атташе в Москве, присовокупив к ней материалы, имевшиеся у него со времени поездки в Стокгольм и взятые из специальной литературы. Чтобы ответить на вопросы о стратегическом авиационном командовании США и американских авиационных базах, он усилил свои контакты с американским посольством и представителями стран НАТО, выполнив и это задание.

Параллельно «самостоятельный агент» продолжал снабжать американцев военной информацией о Советском Союзе – во всяком случае, так он заявил на допросе, хотя и был сильно перегружен работой. В начале 50-х годов он провел отпуск вместе с женой в Тбилиси – в Грузии, чтобы убедиться в правильности полученной американцами информации. И действительно, между Тбилиси и Баку появился новый авиастроительный завод, выпускавший новейшие реактивные истребители. Американцам удалось зафиксировать испытательные полеты этих истребителей по времени и курсу. Веннерстрёму поручили оказаться в определенное время в указанном месте западнее Тбилиси, понаблюдать за пролетающим реактивным истребителем и засечь время. За выполнение этого задания американцы оплатили ему отпуск. Оплачивали они и другие его поездки. Иных денег, как он заявил, Веннерстрём от них не получал, если не считать первой суммы в итальянских лирах. В то же время в протоколе допроса записано о полученной им «валюте» в 1950-1951 годах.

Не вызывает сомнений тот факт, что советской стороне Веннерстрём передал больше информации, чем американцам. С течением времени у него все более возрастало «чувство лояльности» по отношению к «генералу» и советской разведке. «Генерал» не раз подчеркивал, что испытывает доверие к Веннерстрёму, и, поручая ему то или иное задание, подчас делился своими стратегическими соображениями. Как мы уже отмечали, благодаря Веннерстрёму русские в то время сделали упор на усиление противовоздушной обороны. А на очередном совещании было отмечено, что советские военно-воздушные силы уступают американским как в количественном, так и в качественном отношении. К тому же с авиабаз, расположенных вдоль границ Советского Союза, американцы могли наносить удары по его территории, используя не только дальнебомбардировочную авиацию, но и самолеты со средним и даже ближним радиусом действия. Создать подобный же пояс военных баз вокруг Америки русским было не под силу. У Советского Союза не было даже программы создания дальнебомбардировочной авиации, поскольку гонку вооружений на этом направлении он все равно проигрывал. Поэтому-то приоритет отдали созданию межконтинентальных ракет с ядерными боеголовками, которых в ту пору у русских тоже не было.

Вместе с тем было также решено приступить к строительству стратегических бомбардировщиков для нанесения ударов по американским военным базам в Европе и Азии, а также и по другим целям.

После этого совещания Веннерстрём получил от «генерала» новые инструкции. Ему надлежало выяснить технические характеристики американских военно-воздушных сил. Веннерстрём приступил к выполнению этого задания, но оно оказалось не из легких. В это время он продолжал встречаться с «генералом». Если у него имелось обстоятельное сообщение, то он садился в автомашину «генерала», и тот записывал весь разговор на магнитофон. В отдельных случаях к ним присоединялся стенографист.

О своих контактах с американцами он «генералу» так и не сказал. Продолжать сотрудничество с ними ему становилось все труднее, так как он

все более и более проникался симпатией к Советскому Союзу. Так, например, в 1951 году он был по заданию американцев в гостях у одного иностранного журналиста, дом которого находился в одиннадцати километрах от испытательного полигона, где производилась проверка реактивных агрегатов и ракетных двигателей, и должен был по звуку определить, что там происходило. Сначала был запущен двигатель немецкой ракеты Фау-2, который работал ровно 55 секунд. После этого раздался оглушительный рев, от которого зазвенели стекла в окнах домов. Как потом рассказывал Веннерстрём:

«Я сразу же понял, что это – двигатель первой межконтинентальной ракеты русских. К этому времени мои симпатии были целиком на их стороне, поэтому о своем открытии я американцам ничего не сказал».

Побочные занятия Веннерстрёма в Москве нисколько не мешали ему выполнять свои обязанности военно-воздушного атташе. Шведское руководство было им вполне довольны. Во время очередного отпуска он сказал генералу Густафу Адольфу Вестрингу из штаба шведских военно-воздушных сил, что доволен своей работой в Москве и с удовольствием останется еще на пару лет, в то же время намекнув, что не возражал бы против назначения в Лондон или Вашингтон, предпочтительнее в Вашингтон. Вскоре после этой беседы шведский военно-воздушный атташе в Вашингтоне заболел, и генерал Вестринг предложил Веннерстрёму в начале 1952 года этот пост. Веннерстрём выразил свое согласие и проинформировал своего советского руководителя о предстоявшем перемещении:

«Мое сообщение было для русских неожиданным, но они повели себя так, будто бы им выпал большой выигрыш в лотерею».

Радость понятна: их агент получит в Вашингтоне более широкие возможности для своей деятельности и принесет больше пользы.

В оставшиеся до нового назначения дни Веннерстрём получил подробные инструкции о том, что от него ожидалось в Вашингтоне. Во время одной из последних встреч произошло нечто ужасное: русские открылись ему, сообщив, что знают о его сотрудничестве с американцами. По мнению Веннерстрёма, это произошло не по его вине, а из-за небрежности американцев. Если русские запрещают называть настоящее имя своего агента в любой переписке или сообщении, то американцы этому золотому правилу не всегда следуют. Его имя было упомянуто в зашифрованном донесении, отправленном из американского посольства. Русские специалисты его расшифровали. Речь в нем шла об информации, которую он передал американцам после одной из своих поездок. Проверив и сопоставив данные, они без труда определили, что он работал и на американцев.

Когда ему об этом сказали, он прежде всего возмутился оплошностью американцев, и в то же время он не знал, как ему после такого обвинения держаться. Ему показалось странным, что «генерал» на эту встречу пригласил еще четырех человек, одного из которых представил ему как своего начальника, а в другом Веннерстрём узнал лицо, ответственное за наблюдение и контроль за всеми зарубежными дипломатами в Москве.

«У меня тут же мелькнула мысль, что меня могут сразу же пристрелить на месте, так как мы находились за пределами Москвы и никто не знал, где я нахожусь, – подумал тогда Веннерстрём, но ошибся. – О чем шел разговор «генерала» с его начальником перед этой встречей, я, конечно, не знал, однако заметил, что он был на моей стороне. Русские не сделали мне никакого упрека... До того «генерал» неоднократно спрашивал, как это мне удалось получить ту или иную информацию от американцев. На этот раз он произнес:

«Вот и объяснение ваших успехов».

Обращаясь к своему начальнику, «генерал» подчеркнул, что в симпатиях Веннерстрёма к Советскому Союзу сомневаться не приходится. Веннерстрёму же сказал:

– Если бы мы сделали это открытие намного ранее, то оно повлекло бы за собой определенные последствия, о которых мы сейчас говорить не будем.

Далее он отметил, что при сложившихся обстоятельствах наличие контактов с американской разведывательной службой дает советской стороне явные преимущества. Поэтому, находясь на новой должности, Веннерстрёму следует продолжить прежние отношения с ней и при возможности даже углубить их. Затем «генерал» высказал пожелание – им хотелось бы знать, что Веннерстрём станет передавать американцам о Советском Союзе, и они договорились, что тот будет сообщать и об этом. Веннерстрём почувствовал большое облегчение от такого исхода неприятной для него ситуации:

«С этого момента я окончательно встал на сторону Советов... Таким образом я сделался не чужим агентом в советской секретной службе, а агентом противной стороны – американской... В Вашингтоне для меня открылись действительно большие возможности...»

То, что Веннерстрём во время пребывания в Москве не только намеревался, но и стал осуществлять двойную игру, сотрудникам ГРУ, по-видимому, было известно, что они и использовали в нужный момент.

Видимо, не случайно драматическое разоблачение Веннерстрёма произошло как раз накануне его назначения в Вашингтон. «Генерал», прекрасно понимавший, что в Вашингтоне Веннерстрём будет избавлен от постоянного психологического воздействия со стороны ГРУ, избрал момент перед самым отъездом того в США, чтобы показать, что советская разведка – не та организация, которую можно водить за нос. Когда Веннерстрёму сообщили, что американский код будто бы раскрыт и что американцы упомянули о нем как своем информаторе, то тем самым просто-напросто разыграли спектакль с самим Веннерстрёмом в главной роли.

Утверждение «генерала», что американский код якобы расшифрован, вызывает сомнение, так как о таких вещах сообщать кому бы то ни было, даже собственным офицерам, строжайшим образом запрещено. (Сталин приказал расстрелять людей, узнавших нечто подобное, а семьи их сослать в Сибирь.) Известен случай, когда сотрудники секретной службы оказались в Сибири только за то, что забыли запереть сейф перед уходом из кабинета.

Один из американцев, знакомый с подобными делами, сказал по этому поводу:

«История с расшифрованным кодом типична для агентурных руководителей Веннерстрёма, постоянно прибегающих к различным трюкам. Чтобы убедить своего агента во всезнании, придумываются самые невероятные вещи. Конечно же Веннерстрем не знал, действительно ли был раскрыт американский код и упомянуто ли его имя в радиограмме (по нашим данным, его имя нигде не упоминалось). Веннерстрем слепо верил всему, что ему рассказывал «генерал». Доказательства того, что Веннерстрем действительно передавал американцам в Москве какую-то информацию, были наверняка получены ГРУ с помощью подслушивающих устройств, установленных в кабинетах американского посольства и квартирах сотрудников. Полученный компрометирующий материал был ГРУ, по всей видимости, использован не сразу. Руководители Веннерстрёма с большим терпением поджидали

подходящего случая, прежде чем раскрыть свои карты. Чтобы подготовить и воспитать агента, действующего строго по намеченному плану, требуются большие способности и умение выждать наиболее подходящий момент».

Воздействие драматического разоблачения Веннерстрёма было хорошо рассчитано «генералом». Впоследствии Веннерстрем отмечал, что был ему бесконечно благодарен за то, что тот «поддерживал его всегда душой и телом». Веннерстрем не только целиком оправился от потрясения, но почувствовал громадное облегчение и безграничное уважение к советской разведке и стал служить ей с еще большим рвением, чем прежде.

Глава 5 ПЕРЕБЕЖЧИКИ

Людей, которые в период военных действий или во время «холодной войны» переходят на другую сторону, чаще всего по идеологическим мотивам называют перебежчиками – в особенности если они могут предложить что-то стоящее другой стороне, которая использует сам этот факт в качестве информационного или пропагандистского материала. Мужчина или женщина, занимающие на своей родине вполне приличное положение и тем не менее рискнувшие оттуда бежать, чтобы начать в другой стране, языка и обычаев которой они подчас не знают, все с самого начала, имеют на это, как правило, веские основания. По большей части это – неудовлетворенность существующей системой своей страны и условиями, в которых они вынуждены были там жить.

Пропагандистское значение подобных случаев имеет для Запада, естественно, громадное значение. Поэтому неудивительно, что Советы и их сателлиты предпринимают все возможное, чтобы строго наказать таких людей, если они попадают в их руки. Они не останавливаются перед их похищением и даже ликвидацией, в особенности из политических соображений. Если же такой перебежчик предстает перед судом западной общественности, то он приобретает своеобразный иммунитет, так как применение к нему силы или его таинственное исчезновение привлекут еще большее внимание и вызовут изрядный шум, а этого-то Советы стараются избегать.

Существуют различные типы перебежчиков, но наиболее желательный – сотрудник секретной службы страны, из которой совершается побег. Такие люди стараются заранее обеспечить себе теплый прием на Западе, просят политического убежища и прихватывают с собой как можно больше различной информации. Если он даже не может представить какую-либо документацию, то все равно много знает и может многое рассказать.

Естественно, люди бегут в обоих направлениях. Что касается Запада, то следует упомянуть хотя бы Берджесса и Маклина.

В предлагаемых вниманию читателей рассказах описываются критические моменты, когда перебежчик принимает окончательное решение и начинает нащупывать контакты, с помощью которых ему будут обеспечены понимание другой стороны и защита.

Игорь Гузенко МНЕ НИКТО НЕ ВЕРИЛ

Имя Игоря Гузенко, сотрудника шифровального отдела советского

посольства в Оттаве, я уже упоминал в рассказах об атомном шпионаже. Бегство свое он совершил в сентябре 1945 года. Само событие, как и данные им показания, произвели настоящую сенсацию. Это было начало процесса отрезвления в отношении наших военных союзников. Гузенко бежал, так как стал стыдиться того, что творилось на его родине. День за днем на его рабочем столе появлялись депеши, в которых шла речь о ликвидации канадских граждан и похищении секретных документов. Л ведь в годы борьбы против нацизма наши страны были союзниками на жизнь и на смерть. Вот уже более двадцати лет перебежчику удастся скрываться от мести советской секретной службы, все попытки которой похитить его были безуспешными.

Ниже приводится рассказ, написанный им самим.

Ночь была необычно жаркой и душной. Я возвращался с работы в свою квартиру, расположенную в доме, в котором жили сотрудники военного атташе. Пот, стекавший по моей шее, был вызван, однако, не только жарой. Сегодня должен произойти поворотный пункт в моей жизни и жизни моей семьи. Передо мной открывался путь к свободе и демократии.

Определяющую роль в моем решении сыграло распоряжение полковника Саботина о том, что в ближайшие дни мою работу станет исполнять лейтенант Кулаков, я же буду задействован в качестве консультанта. Саботин считал, что в результате такого перемещения у него появится еще один способный шифровальщик.

Я – не герой. Природа одаряет этим качеством лишь избранных. И родился я в обычной семье в России. В спорте особыми успехами не отличался. Своей главной задачей считал хорошую учебу. Жизнь в постоянной опасности меня никогда не привлекала, и приключения в моем представлении были связаны с большим и малоромантичным риском. Но в ночь на 5 сентября, когда я шел пешком по Сомерсет-стрит до Рейндж-роуд, я в первый и последний раз в своей жизни был близок к тому, чтобы стать героем.

Я прекрасно осознавал, что эта ночь может оказаться последней в моей жизни. Одно неправильное движение могло привести к крушению всех наших планов. Не исключалась и возможность того, что НКВД установил за мной слежку. Не было ли неожиданное решение Саботина той ловушкой, которая была мне приготовлена? Каждая клеточка моего существа была пронизана сознанием всемогущества и вездесущности НКВД.

Я сконцентрировал все свои силы и волю на осуществлении плана, разработанного мной и Анной.

Будь что будет, но я должен достать секретные документы.

Мы с Анной решили, что бежать лучше всего в середине недели, хотя суббота была вроде бы предпочтительнее, так как предоставляла больше свободного времени. Однако по субботам все газетные редакции закрыты, а мы исходили из того, что лучше всего передать документы именно в редакцию какой-нибудь газеты.

Отправиться в полицию казалось мне нецелесообразным, так как оттуда могли бы оповестить посольство о моем у них появлении. Свободолюбие же и бесстрашие канадской прессы производили благоприятное впечатление.

Выбор ночи в среду был обусловлен и другими причинами. Я знал, что Кулаков этой ночью будет дежурить и на следующий день отсыпаться до обеда. Это давало мне некоторый резерв времени, ибо первым, кто заметит мое отсутствие, будет именно Кулаков. Поскольку шифровальный отдел находился на секретном положении, очень немногие сотрудники посольства знали, когда

именно я работал. Кроме того, мне было известно, что Саботин с Роговым намеревался этим вечером отправиться на просмотр фильмов в Национальный кино клуб и наверняка появится на работе не раньше обеда следующего дня.

Мое намерение, однако, усложнялось тем, что я должен был зайти к военному атташе – якобы решить некоторые вопросы, а затем возвратиться в посольство. Наиболее важные документы находились там в секретном отделе, куда я, как работник шифровального отдела, мог свободно заходить в любое время.

Наконец я свернул на Рейндж-роуд и тут неожиданно почувствовал, что нервное напряжение последних недель спало и я стал спокойнее.

Когда я вошел в холл, то увидел Кулакова на месте дежурного. Это было хорошо, так как любое изменение его графика работы неминуемо спутало бы все мои намерения.

Капитан Галкин, работавший привратником (по прикрытию), подошел ко мне и спросил:

– Не желаете ли вы пойти со мной в кино? Я изобразил заинтересованность:

– Куда же вы намерены пойти?

Галкин назвал находившийся неподалеку кинотеатр. Меня осенила мысль, что это был хороший предлог уйти отсюда, так как я и зашел-то лишь для того, чтобы убедиться, на месте ли Кулаков.

– Неплохая идея. Для работы-то жарковато.

Галкин сказал, что в кино собирались пойти еще несколько человек, и мы, выйдя на улицу, стали их ожидать.

Затем, когда мы подошли к кинотеатру, я разыграл разочарование:

– Черт побери, а ведь фильм-то этот я уже видел. Но вам советую посмотреть, он довольно неплох. А я немного проеду на трамвае и пойду на другой фильм.

Направившись в сторону трамвайной остановки, я сразу же повернул обратно, как только все остальные вошли в кинотеатр. Пока все складывалось хорошо. Повернув на улицу Шарлотте-стрит, пошел не торопясь к посольству. У входа я поздоровался с привратником и занес свою фамилию в список сотрудников, находившихся в посольстве. Собираясь спрятать авторучку в карман, я глянул в холл и остолбенел.

Там сидел Виталий Павлов – шеф НКВД в Канаде.

Попытавшись справиться с волнением, я прошел в коридор и украдкой взглянул на Павлова. Тот меня, по-видимому, даже не заметил. Нажав на скрытую кнопку звонка, поднялся к помещению шифровального отдела, отодвинул занавеску и прижался лицом к небольшому окошечку в железной двери.

Дежурный впустил меня. Это был Рязанов, занимавшийся обработкой экономической информации, мой друг. С облегчением я удостоверился, что он один.

Обменявшись несколькими фразами о погоде, Рязанов СПРОСИЛ, не собираюсь ли я поработать.

– Нет, – ответил я, – я хочу только взглянуть на срочные депеши и пойду в кино на сеанс в половине девятого.

Больше Рязанов никаких вопросов не задавал и занялся своими делами.

Я зашел в свою небольшую комнату, плотно прикрыл за собой дверь и подошел к письменному столу. Из ящика стола достал папку с телеграммами для Саботина, которые приготовил еще после обеда. Там лежали почти все

документы, которые я намеревался взять с собой. На нужных я загнул уголки. Некоторые документы были многостраничными, большинство же – на небольших листочках. Полиция потом насчитала 109 документов.

Расстегнув ворот рубашки, осторожно засунул бумаги вовнутрь. Затем быстро обработал несколько телеграмм, чтобы как-то объяснить причину своего захода на работу. Это были информационные данные от нашего агента Эммы Войкин, работавшей в канадском министерстве иностранных дел.

Вначале эти телеграммы не показались мне особо важными, но, немного поразмыслив, я решил, что они тоже сгодятся. Эмме не повезло, ибо она получила за них три года тюремного заключения.

Закончив дела, я проверил, как выглядит моя рубашка, и пришел к выводу, что некоторая расхлябанность в такую погоду объяснима и подозрений вызвать не должна.

Уходя, передал несколько обработанных мною телеграмм Рязанову, чтобы он отправил их в Москву. Папку, приготовленную для Саботина, отдал тоже, чтобы он положил ее в сейф.

При этом я внимательно смотрел на "него, чтобы выяснить, не покажется ли ему в моем облике что-либо подозрительным. Талия моя заметно пополнила и стесняла движения. Но Рязанов даже не взглянул на меня. Войдя в туалет, я вымыл руки, крикнув Рязанову:

– Здесь очень жарко. Почему бы тебе не пойти со мной в кино?

Тот пробурчал:

– Я же на дежурстве. Да и внизу сидит Павлов. За приглашение, однако, спасибо.

При упоминании фамилии Павлова колени мои дрогнули. На какой-то момент я ведь о нем позабыл. Но возврата уже не было. Одернув рубашку, я пошел к двери. Рязанов выпустил меня, и я пожелал ему спокойной ночи.

Осторожно спустился по лестнице, опасаясь, как бы бумаги не пришили в движение и не стали где-нибудь выпирать. Не была исключена и возможность, что какая-нибудь маленькая бумажка могла вообще проскользнуть в брюки и выпасть.

Около выхода меня прошиб пот, и грудь сдавило от страха. Я даже не решился достать из кармана носовой платок, чтобы вытереть лоб.

Расстояние до калитки на улицу показалось мне длиной с километр. Войдя в холл, я облегченно вздохнул. Павлов исчез. Это было хорошим предзнаменованием. Мне здорово повезло. Отметив свой уход, я пожелал портье доброго вечера и вышел в темноту. Было все еще душно, но я с глубоким облегчением вдыхал уличный воздух.

Сев в трамвай, я тут же поехал в редакцию журнала «Оттава джорнэл».

Я дрожал как осиновый лист. Видимо, сказывалось нервное напряжение. Перед зданием редакции вытер пот со лба и убедился, что за мной никто не следит. Войдя в холл, спросил лифтера, где можно найти главного редактора.

– Шестой этаж, – произнес он и захлопнул за мной дверь лифта.

Пройдя по коридору, я увидел табличку с надписью «Главный редактор». Я уже собирался постучать в дверь, как меня будто что-то остановило. Наверняка в подобных заведениях есть агенты НКВД. Правильно ли я поступаю? Решив еще раз все хорошенько обдумать, я возвратился к лифту. Дверца его распахнулась, выпуская кого-то, а лифтер крикнул:

– Идем вниз!

Я вошел в лифт, и он опустил на несколько этажей, задержавшись, чтобы посадить ожидавших его людей. Среди вошедших была девушка,

которая улыбнулась, взглянув на меня, и спросила:

– А вы что здесь делаете? Видимо, принесли что-то интересное из посольства?

Меня охватила паника. Лицо ее показалось мне знакомым. Где же я мог ее видеть? И что мне делать?

Когда лифт дошел до первого этажа и дверь его открылась, я пробормотал, что, мол, спешу или что-то вроде этого, и выскочил на улицу. Пройдя быстрым шагом до следующего угла, я замедлил свой бег, прошел несколько улиц, пытаюсь успокоиться. Что же теперь делать? Сев в трамвай, поехал домой. Надо было все обсудить с Анной.

Она открыла на мой условный стук. Выглядела жена бледной и взволнованной.

– Что-то не удалось? – прошептала она испуганно.

Я тяжело опустился на диван, и Анна присела рядом. Рассказав ей обо всем, я закончил сообщением, что девушка в лифте меня узнала.

Анна слушала меня внимательно, а когда я кончил говорить, заявила совершенно спокойно:

– Тебе нечего беспокоиться, Игорь. По всей видимости, это – журналистка, иначе что бы ей там делать? Многие из них не раз бывали в посольстве, и там она тебя, скорее всего, и видела. У этих людей очень хорошая память. И если даже в той редакции и есть агент НКВД, это еще ничего не значит. Каким образом он сможет тебе помешать?

Слова ее меня подбодрили, и я спросил:

– Что будем делать?

– Отправляйся сейчас же в редакцию и попытайся поговорить с главным редактором. У тебя есть еще несколько часов, пока в посольстве что-либо заметят.

Тогда я достал из-под рубашки документы. Они промокли от пота. Анна попыталась их немного просушить, помахав ими в воздухе. После чего упаковала их в лист оберточной бумаги.

Открыв дверь, она поцеловала меня. Пожав ей руку, я вышел снова в темноту. На шестой этаж редакции меня доставил тот же лифтер. Пospешив к двери кабинета главного редактора, я постучал в дверь. Никакого ответа. Я постучал еще раз. Опять все тихо. Тогда нажал на ручку. Дверь оказалась запертой. Пройдя по коридору, я увидел большую комнату. Это было помещение самой редакции, и в нем было полно людей. Никто на меня не обратил никакого внимания. Мимо меня прошел мальчик-курьер, и я спросил его, где можно найти главного редактора.

– Он уже ушел, – ответил тот и поспешил дальше.

Подойдя к ближайшему письменному столу, за которым сидел мужчина и что-то печатал на пишущей машинке, я сказал, что хотел бы переговорить с дежурным редактором, и добавил:

– Это очень важно.

Он посмотрел на меня оценивающе и провел через всю комнату к столу, за которым восседал человек уже в возрасте. Тот пригласил меня присесть.

Я рассказал ему о похищенных документах и положил их на стол. При этом объяснил, кто я такой и что в этих документах имеются свидетельства того, что советские агенты в Канаде охотятся за сведениями об атомной бомбе.

Мужчина сначала смотрел на меня удивленно, затем взял несколько бумаг и бегло просмотрел одну из них. Все документы были на русском языке.

– Мне очень жаль, – проговорил он наконец, – но это не по нашей

тематике. Я посоветовал бы вам обратиться в канадскую полицию или же прийти завтра утром, когда шеф будет на месте.

Я торопливо попытался объяснить ему, что на следующее утро на мой след уже выйдет НКВД и наверняка будет предпринята попытка меня убить. По выражению лица собеседника было ясно видно, что он принимает меня за сумасшедшего.

– Мне очень жаль, – повторил он, – у меня дела.

Встав, он вышел из комнаты, оставив меня сидеть у стола. Я чувствовал себя беспомощным. Выйдя на улицу, прислонился к стене дома, пытаюсь собраться с мыслями. Оставалась только одна возможность – попытаться установить контакт с каким-нибудь высокопоставленным чиновником. Вполне подходящим для этого мог быть министр юстиции. И я направился к министерству юстиции на Веллингтон-стрит, у входа в которое меня встретил здоровенный верзила в полицейской форме. Я немного было замешкался, но вспомнил, что мне нельзя терять ни минуты. Я сказал ему, что мне необходимо срочно переговорить с министром юстиции по очень важному вопросу.

Полицейский ответил вежливо, но твердо:

– Время уже близко к полуночи. До завтрашнего утра вы ни с кем говорить не сможете. Мне очень жаль.

Жаль? Слово это стало действовать мне на нервы.

– Но это действительно чрезвычайно важно, – повторил я. – Нельзя ли переговорить с министром хотя бы по телефону?

Он отрицательно покачал головой:

– Нельзя.

Совсем опустошенный и испуганный, я возвратился домой. Но Анна снова меня приободрила:

– Не ломай попусту голову. Завтра у тебя еще есть время до полудня и ты сможешь переговорить с министром. Сейчас ложись спать, утром почувствуешь себя лучше.

Все документы она положила в свою сумочку и сунула ее под подушку. Этой ночью мы оба не спали. Мы снова и снова обдумывали и обсуждали сложившуюся ситуацию. Но вот за окнами забрезжил рассвет. Приподнявшись, я посмотрел на улицу. Горизонт на востоке уже порозовел. Мысль о том, что начинающийся день будет опять хорошим, внесла некоторое успокоение.

– Анна, – сказал я, – часам к девяти пойдем все вместе к министру юстиции. Возможно, мне придется ждать, а мысль о вашей безопасности не будет давать мне покоя. Я одену Андрея. Сможешь ли ты все это выдержать?

– Игорь, все будет отлично, – ответила она без раздумий. – Мы пойдем туда все вместе. Как только мы окажемся в здании министерства юстиции, беспокоиться будет не о чем.

Со вздохом облегчения я снова прилег. Небо постепенно светлело. Незаметно заснув, я почувствовал, как меня тормошит Анна:

– Игорь, уже семь часов.

Короткий сон вдохнул в меня силы. Побрившись, я надел коричневый выходной костюм. Анна кормила Андрея, а на плите стоял чайник с кофе. День начинался прекрасно. Вчерашней духоты не было. Я чувствовал себя готовым ко всему. Позавтракав, стали собираться.

Прежде чем мы вышли из дому, решили, что документы Анна будет держать в своей сумочке, так как в случае моего ареста все внимание будет приковано ко мне. В этом случае я попытаюсь отвлечь внимание агентов, чтобы предоставить Анне возможность убежать. Документы же обеспечат ей

защиту и охрану полиции. Так, во всяком случае, я думал.

Дежурному в приемной министерства юстиции я объяснил, что мне надо срочно переговорить с министром по очень важному вопросу. Тот посмотрел на меня с сомнением, затем стал звонить по телефону. Нас провели в приемную министра, где вежливый секретарь спросил, по какому вопросу мы пришли.

Я попытался объяснить ему, что проблема столь важна, что я могу сказать о ней только лично самому министру. Секретарь посмотрел на меня, потом на Анну и Андрея. Я представил себе, какие мысли его в тот момент занимали: если этот мужик чокнутый, то зачем он привел с собой жену и ребенка? Затем секретарь вошел в кабинет министра. Мне было даже слышно, что он кому-то звонил по телефону.

Но вот он вышел из кабинета и произнес:

– Господин министр находится в своем кабинете в здании парламента. Я вас туда провожу.

Вместе мы прошли в расположенное рядом здание парламента и вошли в прекрасную приемную министра. Там я доложился другому секретарю. И все началось с самого начала. Я снова повторил, что должен переговорить только лично с министром и никем более другим. Секретарь снял трубку телефона и долго говорил с кем-то по-французски. Я понимал, что разговор шел обо мне, так как мое имя было несколько раз упомянуто. О чем шел разговор, я не понял. Через некоторое время он положил трубку на рычаг и сказал тому секретарю, который нас привел, что мы должны возвратиться в здание министерства и там ждать министра.

Мы снова пошли назад. Ждать пришлось целых два часа. Андрей стал вертеться, и мы с трудом его успокаивали. Раздался звонок телефона. Секретарь поднял трубку, выслушал сказанное и ответил:

– Очень хорошо, сэр.

Затем обратился к нам и сказал:

– Я очень сожалею, но министр вас принять не может.

Сожалею! Опять прозвучало это ненавистное слово. Охваченный страхом, я посмотрел на Анну. Она кусала губы.

– Пошли, – после некоторого раздумья произнес я. – Пойдем опять в редакцию.

Когда мы пришли в «Оттава джорнэл», нам сказали, что главный редактор принять нас не сможет. Однако к нам подошла молодая репортерша, чтобы нас выслушать. Это была хорошенькая блондиночка, которую звали Лесли Джонстон. Она обратилась к нам дружелюбно и заинтересованно, погладила Андрея по головке и предложила присесть.

Я рассказал ей всю историю. Она слушала внимательно, бросая время от времени на Анну взгляд, как бы обращаясь к ней за подтверждением сказанного. Она быстро просмотрела документы и взяла их в кабинет главного редактора. Возвратилась репортерша быстро.

– Мы очень сожалеем, – произнесла она и возвратила мне бумаги. – Ваша история нам не подходит. В нынешнее время никто не осмелится поднять руку на Сталина.

Анна была первой, кто смог хоть что-то сказать:

– Милая девушка, а что же нам теперь делать?

Репортерша немного подумала и ответила:

– А почему бы вам не пойти в полицию и не обратиться по вопросу получения нашего гражданства? Это не позволит красным выдворить вас отсюда.

В полной растерянности мы снова направились в министерство юстиции. Полицейский чиновник в отделе паспортизации объяснил нам, что полиция не занимается вопросами получения прав гражданства, и посоветовал обратиться в канцелярию прокурора на Николас-стрит.

Путь туда был неблизкий, а на улице становилось все жарче. Андрей совсем раскис, и мне пришлось нести его на руках. Да и Анна явно переутомилась. Но это были еще, как говорится, цветочки. Из-за моего решения мы попали в опасную ситуацию, поэтому надо было действовать быстро и решительно.

В канцелярии прокурора нам сказали, что дама, занимающаяся вопросами оформления гражданства, ушла на обед и будет отсутствовать еще некоторое время. Тут до меня дошло, что и мы с самого раннего утра ничего не ели. Мы направились в небольшой ресторанчик, расположенный неподалеку. Сделав заказ, я взглянул на часы. Было без четверти двенадцать. Я мог себе представить, что сейчас происходило в посольстве. Но может быть, отсутствия документов еще не хватило, лишь сотрудники удивятся, что я не вышел на работу.

За обедом Андрей заснул. Анна решила, что будет лучше отвести ребенка к англичанке, с которой у нее установились дружеские отношения и которая проживала неподалеку от нашего дома. Это было, конечно, рискованно, но мы не могли больше таскаться по улицам с утомившимся парнишкой. На трамвае мы доехали до Сомерсет-стрит. Соседка была довольна, увидев нас, а Анна объяснила ей, что нам перед отъездом в Москву надо еще кое-что закупить. И мы попросили разрешения оставить ребенка у нее до нашего возвращения.

Затем опять поехали в канцелярию прокурора. Сотрудница дала нам формуляры для заполнения и попросила прийти на следующий день, чтобы сделать фотографии. Я растерянно посмотрел на нее и спросил:

– А как долго будет длиться оформление документов?

– О, я точно не знаю, – ответила она. – Может быть, всего несколько месяцев.

Анна расплакалась. Впервые мужество покинуло ее. Положив руку ей на плечо, я попытался ее успокоить. В отчаянии осмотрелся. За соседним столом сидела дама в красном платье, с которой мы говорили вначале, еще до того, как пошли перекусить. Внезапно решившись, я пересек комнату и, подойдя к ней, выложил всю свою историю.

С большим удивлением она стала слушать мой рассказ, потом поднялась и принесла два стула. Махнув Анне рукой, она пригласила ее присесть. На ее столе стояла табличка с именем и фамилией – миссис Фернанда Джобарн.

– Об этом должен узнать весь мир, – произнесла она решительно. – Попробую вам помочь.

У меня на глаза чуть было не навернулись слезы. Анна крепко сжала мою руку, миссис Джобарн же стала звонить в редакцию какой-то газеты. Я слышал, как она сказала, что в ее бюро произошла «история международного значения», и просила немедленно выслать репортера. Разговор проходил тяжело. Ей объяснили, что все заняты своими делами, и попросили сказать по телефону, о чем идет речь. Тогда она связалась еще с кем-то.

Примерно через полчаса появился репортер. Он лично знал миссис Джобарн и сердечно ее приветствовал. Она представила нас друг другу и вкратце изложила мою историю. Анна передала мне документы, и я стал переводить все подряд. Он попросил меня повторить те места, где речь шла об атомной бомбе. Тогда я перевел ему досье на руководителя прогрессивной

рабочей партии Сэма Карра. Оно произвело на него большое впечатление, и он лишь покачал головой.

– Для нас это – горячее дельце, слишком горячее, – сказал он наконец. – Этим должна заняться полиция или даже правительственная администрация. Предлагаю вам пойти туда.

Миссис Джобарн, я и Анна заговорили одновременно, пытаясь уговорить его принять в этом деле участие. Но он еще раз выразил свое сожаление и ушел. Миссис Джобарн тяжело вздохнула:

– Не знаю даже, что теперь делать. Видимо, вам надо последовать его совету. Ну, всего вам хорошего.

Мы вышли на улицу, ярко освещенную солнцем. Я остановился, не зная, к кому еще обратиться. Анна взяла меня за руку.

– Пойдем домой, Игорь, – произнесла она, совсем обессилив.

Опасность, которая грозила нам по возвращении домой, как-то сгладилась. Силы оставили и меня. Дома можно было бы немного передохнуть, поразмыслить и решить, что делать дальше.

Где-то в подсознании теплилась надежда, что все трудности когда-нибудь да кончатся и все будет хорошо.

Когда мы приблизились к дому, я предложил Анне сходить за Андреем, сам же решил проверить, все ли нормально, и дать ей знать.

Стараясь не производить никакого шума, поднялся по лестнице и, подойдя к двери квартиры, прислушался. За дверью все было тихо. Отперев ее, заглянул вовнутрь. Вроде все в порядке. Пройдя через комнаты, вышел на задний балкон. Никого и ничего не видно. Анна уже смотрела из окна соседки, и я подал ей знак, что можно идти.

Когда она пришла вместе с Андреем, я бросился на кровать, пытаясь хоть немного вздремнуть, но уснуть так и не смог. Каждый шорох заставлял меня вздрагивать. Через некоторое время я встал и подошел к окну. Сердце мое остановилось от страха.

На скамеечке в сквере сидели двое мужчин и смотрели на наши окна!

Я сразу же отошел от окна, хотя и стоял за шторой. Те двое разговаривали между собой и посматривали на наши окна. Узнать их из-за большого расстояния я не смог. Видимо, это были посторонние люди. Когда я пошел к Анне на кухню, в дверь квартиры громко постучали.

Я буквально окаменел. Когда же Анна выглянула, я подал ей знак не выходить. В дверь снова постучали, на этот раз громче и нетерпеливее. Стучали еще четыре раза. Когда человек за дверью решил уже уходить, из гостиной вдруг выбежал Андрей.

В дверь опять постучали кулаком. Грубый голос произнес:

– Гузенко!

Я узнал голос. Это был младший лейтенант Лаврентьев, шофер Саботина.

Он несколько раз назвал мое имя, потом стал спускаться вниз по лестнице. Я вновь поспешил к окну, выходящему на улицу. Двое мужчин все еще сидели на скамейке, посматривая время от времени в нашу сторону.

Анна перешла в гостиную и посадила Андрея на колени. Они пристально смотрели на меня. Мне было ясно, что настало время действовать. На часах было уже пять минут восьмого. Значит, наш сосед Харольд Майн, унтер-офицер канадских военно-воздушных сил, должен быть уже дома. Я побежал на задний балкон. Майн вышел на свой вместе с женой, чтобы прийти в себя от дневной жары.

Я спросил его, могу ли я с ним поговорить. Майн ответил:

– Само собой разумеется. Что у вас за проблема?

Я спросил, смогут ли они с женой присмотреть за Андреем, если со мной и Анной произойдет что-либо непредвиденное?

Унтер-офицер удивился. Затем сказал, чтобы я перебрался на его балкон, дабы переговорить о случившемся. Понимая, что у меня нет времени на долгие объяснения, я сказал, что опасаюсь покушения НКВД на нашу жизнь, чем и вызвано беспокойство о мальчике. Майн посмотрел на меня недоуменно, однако выражение его лица изменилось, когда я сказал ему о мужчинах, сидящих на скамейке. Он попытался было помочь мне возвратиться на свой балкон, но остановился, заметив во дворе некоего мужчину, смотревшего на нас.

Майн стал действовать быстро.

– Гузенко, приводите свою жену и мальчика к нам, а я вызову полицию.

Мысль искать помощи у полиции меня больше не страшила. Я чувствовал себя стоящим перед пропастью, однако решительные действия моего соседа внушили мне обнадеживающее чувство: скоро все будет хорошо.

Перебравшись на свой балкон, я вошел в квартиру. Входная дверь была открыта, а Анна и Андрей исчезли.

Выскочив на лестничную клетку, остановился в недоумении, увидев Анну и Андрея, входивших в квартиру миссис Френсис Эллиот, жившей напротив.

Выслушав нашу историю, она предложила переночевать у нее, так как ее муж с сыном были в отъезде и у нее была свободная кровать. Для мальчика что-нибудь тоже отыщется.

Дружеское ее предложение я воспринял с благодарностью. Пока женщины продолжали разговор, я обессиленно опустился в кресло в гостиной. Через какое-то время на лестнице раздались тяжелые шаги. Это были унтер-офицер Майн с двумя полицейскими. Я рассказал им свою историю и высказал опасение, что меня могут ликвидировать те двое мужчин, что сидят на скамейке в сквере, совместно с мужчиной, появившимся в нашем дворе после посещения дома младшим лейтенантом Лаврентьевым.

Полицейские задали еще несколько вопросов, потом обратились к миссис Эллиот:

– Мы будем охранять этот дом всю ночь. Свет из вашей ванной виден на улице. Пусть он там горит целую ночь. Выключить его следует только в случае, если что-то произойдет. Это будет для нас знаком, что требуется наша помощь.

Затем старший наряда сказал мне:

– Мистер Гузенко, держите голову выше. Вам теперь беспокоиться не надо. Если мы вам понадобится, то будем немедленно у вас. Добро?

Его улыбка подействовала на меня успокаивающе.

– О'кей, – автоматически ответил я.

– Тогда пока.

Полицейские вышли.

Часов около десяти вечера миссис Эллиот приготовила постели и предложила нам ложиться. Отдых нам действительно был очень нужен. Прежде чем лечь, я выключил в комнате свет, поднял жалюзи и глянул вниз. На улице никого не было видно.

Около полуночи мы с Анной проснулись от стука в дверь нашей квартиры. Подойдя к двери, я заглянул в замочную скважину. Возле моей квартиры стоял сам Павлов.

Его сопровождали Рогов, Ангелов и Фрафонтов, его личный шифровальщик. Тут я услышал, как открылась дверь квартиры Майна, и тот

спросил, что им надобно. Один из четырех назвал мою фамилию.

Унтер-офицер ответил:

– Никого из них сейчас там нет.

Павлов поблагодарил его, и вся четверка спустилась вниз.

Когда я повернулся, чтобы отойти от двери, Анна сжала мне руку.

– Не вздумай выходить, – прошептала она, – они наверняка еще вернутся.

Подойдя еще раз к замочной скважине, я увидел, что Павлов пытается открыть нашу дверь отмычкой. Послышался щелчок, и все четверо быстро вошли внутрь, закрыв за собой дверь.

Ко мне подошла на цыпочках миссис Эллиот:

– Я попыталась несколько раз выключить и включить свет в ванной, но полицейские не появились. Что мне делать?

Я попросил ее вызвать полицию по телефону. Она набрала номер коммутатора и потребовала сообщить в полицию, что в квартиру номер 4 по Сомерсет-стрит пытаются проникнуть посторонние люди.

Не прошло и нескольких минут, как у двери нашей квартиры появились уже знакомые нам полицейские. Тот из них, кто говорил с нами – Томас Уэлш, – без соблюдения формальностей вскрыл дверь. Вместе со своим коллегой, Джоном Маккаллохом, они застали четверых мужчин, которые ворошили ящики моего письменного стола.

Слегка приоткрыв дверь квартиры миссис Эллиот, мы прислушались. По всей видимости, Уэлш потребовал от них объяснений, так как Павлов командным тоном произнес:

– В этой квартире проживает один из сотрудников советского посольства, некто Гузенко. Сегодня он находится в Торонто. Здесь у него находятся некоторые документы, которые нам срочно нужны. Разрешение на их поиск у нас имеется.

Полицейский Уэлш ответил таким же командным тоном:

– И что же, он дал вам разрешение взломать замок в двери? Вы действовали не голыми же руками...

Павлов разозлился:

– Кто позволил говорить вам со мной в таком тоне? Ключ от квартиры у нас был, но он где-то затерялся... К слову говоря, это – советское имущество, и мы имеем право делать здесь все, что нам заблагорассудится. Приказываю вам немедленно покинуть квартиру!

Уэлш взглянул на коллегу и обратился к Павлову:

– Мой коллега Маккаллох настаивает на том, чтобы мы здесь дождались приезда нашего инспектора. Полагаю, вы не будете возражать против этого. Могу ли я попросить вас предъявить документы?

Наконец появился инспектор Макдональд и взял всю четверку в оборот. Павлов кипел от ярости. Он обвинил полицейских в оскорблении и нарушении иммунитета советских дипломатов. Инспектор потребовал, чтобы все оставались на месте, пока он не получит соответствующих указаний от своего руководства. После того как он вышел, Павлов приказал своим сопровождающим покинуть дом. Уэлш и Маккаллох их уходу препятствовать не стали.

Около четырех часов утра в дверь нашей квартиры снова постучали, но на этот раз осторожно и тихо. Но прежде чем я смог распознать стучавшего, он исчез.

Утром к нам пришел другой инспектор полиции. Он заявил, что канадская полиция хотела бы переговорить со мной в здании министерства юстиции.

– Наконец-то, Игорь, наконец-то, – произнесла Анна. – Теперь тебя выслушают. Я так рада.

Поспешно надевая пиджак, я взглянул на Анну. Она показалась мне очень бледной и взвинченной.

– Что ты будешь делать, пока я буду находиться в министерстве юстиции? – спросил я ее.

Она ответила с полным хладнокровием:

– Мне надо кое-что постирать. Не беспокойся за меня, Игорь.

На этот раз прием, оказанный мне, резко отличался от двух предыдущих. Там меня уже ожидали высокопоставленные чиновники полиции и министерства. Со мной обращались вежливо и корректно, и я отвечал на их вопросы не менее пяти часов. Секретные бумаги вызвали значительный интерес и жаркие дискуссии, после того как они выслушали мой перевод.

Когда я описывал трудности, которые встретились мне на пути к пониманию, дежурный полицейский вахмистр непроизвольно улыбнулся.

– А ведь мы не оставили вас без внимания, как вы думаете, – сказал он.

Сформулировано неплохо, – добавил один из полицейских, – если учесть, что я с моим коллегой просидели несколько часов в сквере, наблюдая за вашей квартирой.

Следовательно, те двое были из полиции! Оказывается, в течение тех двух часов, что я с Анной и Андреем сидел в министерстве юстиции, министерство иностранных дел вместе с полицией ломали себе головы над тем, как поступить со мной. Они даже проконсультировались с премьер-министром Маккензи Кингом. Было принято решение установить за мной наблюдение на несколько дней, чтобы выяснить, можно ли мне верить или же я просто шизофреник. Кроме того, всем было ясно, что в случае достоверности изложенных мной фактов дело примет международный характер.

После наполненных страхом тех двух дней, мне в моей жизни пришлось пережить еще очень многое, связанное с потребностью постоянно скрываться от людей. Анна была беременна, и Павлову об этом было известно. Так что все больницы находились, несомненно, под его контролем. В декабре было принято решение положить ее в больницу как жену одного из полицейских, который будет изображать ее супруга. Выдавая себя за иностранца, он избежал многих вопросов и необходимости занести подробные данные в больничный лист. Он говорил на ломаном английском языке, утверждая, будто бы является выходцем из Польши, Анна тоже выдавала себя за полячку, которая почти не знала английский язык.

Родила она девочку весом 3 килограмма 600 граммов. Проходившая мимо кровати Анны медицинская сестра (было это через два дня после ее разрешения), остановилась и воскликнула:

– Алло! Вот это неожиданность! Вы меня не узнаете? А я ведь занималась с вами, когда вы родили мальчонку!

Анна здорово перепугалась, но ей удалось сыграть свою роль. Она объяснила, что является польской крестьянкой и никогда еще не была в Оттаве. Тут как раз подошел ее «муж», и медсестра отошла, бормоча, что, видимо, ошиблась. История эта никаких последствий не имела, однако сильно нас обеспокоила.

Жить, постоянно скрываясь, очень непросто. Я несколько раз выступал на судебных процессах, связанных со шпионажем, на некоторых раз по двадцать, но меня всегда надежно охраняли. Канадская полиция не рискует. Может быть, придет еще время, когда бдительность ее будет уже не нужна, и мы с Анной и

детьми сможем жить нормальной жизнью.

Флора Льюис ВНЕЗАПНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Случай исчезновения Филда все еще покрыт завесой таинственности, и вполне возможно, что правда так никогда и не всплывет наружу. Главной фигурой этой истории является американец из хорошей семьи, получивший отличное образование, – Ноэль Филд, который еще до Второй мировой войны работал в государственном департаменте США, а позднее и в Лиге Наций. Во время войны он находился в Швейцарии, являясь сотрудником управления стратегических служб в Берне. Он был знаком с многими коммунистами и эмигрантами левого толка, с которыми в то время союзники вели совместную борьбу против Гитлера.

После его исчезновения за «железным занавесом» в 1949 году, о чем и идет рассказ в приведенном ниже отрывке из книги Флоры Льюис, имя его неоднократно упоминалось в связи с показательными процессами против известных коммунистов в Венгрии и Чехословакии, – которые хорошо знали Филда и которым предъявлялось обвинение в титоизме и различных «отклонениях». На этих процессах Филда «разоблачали» как американского шпиона, хотя на самом деле, и я в этом уверен, он был советским агентом. Тем не менее вполне возможно, что для Сталина он явился козлом отпущения. Его связи с управлением стратегических служб и коммунистами, которых он хотел стереть с лица земли, всего лишь оправдание того, будто бы обвиняемые являлись «инструментом в руках империалистов». Заманили ли его в Прагу или же он выехал туда добровольно, остается загадкой. Но уж если он там появился, то сработал один из методов, практиковавшихся во времена Сталина, – он просто исчез. Когда его жена, брат Герман и приемная дочь Эрика поехали за «железным занавесом», чтобы узнать о его судьбе, они тоже бесследно исчезли. Сталин не любил свидетелей.

Вероятно, мы ничего о них так бы и не услышали, если бы польский офицер секретной службы Иосиф Святло не перебежал на Запад в 1954 году. Он в свое время допрашивал Германа Филда в Варшаве и сообщил американцам, где тот интернирован, а также что Ноэль Филд и его жена содержатся в одной из тюрем Венгрии. В результате немедленно посланных нот протеста американского правительства Герман был освобожден. Ноэль же и его жена, просидевшие пять лет в отдельных камерах будапештской тюрьмы, предпочли остаться в Венгрии. Их дочь Эрика в 1955 году освобождена из заключения в Советском Союзе.

Во многих странах мира имеются отели под названием «Палас-отель». " Некоторые делают честь этому имени, но есть и такие, где это название звучит издевкой. «Палас-отель» в Праге, выглядевший импозантно, с большим холлом при входе и широкой лестницей, отделанной резьбой по дереву, мог бы быть причисленным к первой категории. Однако после 1949 года (когда установился коммунистический режим в Чехословакии) он стал обшарпанным и непривлекательным. В нем останавливались люди, не задававшиеся вопросом о смысле своего существования. Многие из них, сидя в холле или кафетерии на первом этаже, молча перелистывали газеты с явно коммунистической ориентацией или чего-то или кого-то ждали.

Те же, у кого был кошелек потолще, а также дипломаты и туристы останавливались в гостинице «Алькрон». Жизнь там кипела, часто слышался смех.

Весной 1949 года в «Палас-отеле» снял номер высокий худощавый американец. Его звали Ноль Хэвиленд Филд. Говорил он тихо, ходил слегка шаркая ногами, а густые седые волосы были тщательно зачесаны назад. Весь его облик вызывал уважение.

Вот уже два года, как он был без работы и определенной должности. Положение неприятное, но не трагическое, поскольку он жил на средства, оставленные его отцом, хотя и жил довольно скромно. Будучи хорошо образованным человеком и знатоком Европы, он немного подрабатывал статьями в газетах и журналах. Чтобы сократить расходы, он и его жена Херта отказались от своей квартиры в Женеве, сдав мебель на хранение, после чего поселились в одном из пансионатов. Другьям в Женеве и Париже он сказал, что едет в Прагу, намеревается попутешествовать по Восточной Европе, чтобы собрать материал для книги, в которой рассмотрит структуру народных республик, образовавшихся между границей с Россией и демаркационной линией, оставшейся после Второй мировой войны. Некоторым знакомым он говорил, что собирается также пройти курс обучения в Карловом университете, который за несколько сот лет существования зарекомендовал себя как центр свободы и демократии. Вместе с тем он надеялся получить там место приглашенного профессора по языкам или современной литературе.

Во время своих предыдущих поездок в Прагу и Варшаву он собрал два чемодана материалов, которые оставил на хранение у друзей с просьбой переслать их в Женеву после его возвращения туда. Новый чемодан из Праги друзья так и не получили – был ли он утерян, украден или конфискован? Причина так и не установлена. Он написал своей сестре Эльзи в Америку, что судьба этого чемодана вызывает у него беспокойство и тревогу, так как миновало два месяца после его отправки, а в нем находился материал, трудно восполнимый.

В апреле Ноэль и Херта съездили на несколько дней в Париж. Там проходил первый конгресс мира, и Ноэль собирался принять в нем участие в качестве независимого наблюдателя. Поскольку он не получил аккредитации, знакомый ему французский журналист с трудом провел его в зал заседаний во дворце Плейель.

При встрече с друзьями он еще раз подтвердил свое намерение возвратиться в Прагу, чтобы найти там работу. 5 мая он сел в самолет французской авиакомпании и вылетел в Чехословакию. Адреса он никакого не оставил, но сказал, что его всегда можно найти через местный клуб журналистов, где он будет обедать и где можно общаться с элитой газетчиков, не очень-то жаловавших болтовню и догматические высказывания, звучавшие из железобетонной громадины здания, где размещалось партийное руководство, и часто в разговорах намекавших на вещи, не попадающие в официальные публикации. Письма и сообщения для него можно передавать девушке-гардеробщице, она будет класть их в выдвижной ящик для сигарет и спичек, которыми торговала.

Херта поехала в Женеву, чтобы оплатить счета и вообще навести порядок, после чего должна была тоже прилететь в Чехословакию. Через пять дней, 10 мая, оба написали письма сестре Ноэля – Эльзи. Ноэль сообщал, что облик города при новой власти сильно изменился. Питание хорошее, но дорогое. Он подыскивает квартиру, где могла бы хозяйничать Херта, так как у него снова

обострились боли в желудке и ресторанные разносолы ему не подходят. Херта писала, что разговаривала с Ноэлем по телефону и что у него все в порядке, он ожидает ее с нетерпением. Еще он обронил в письме, что его на днях должен навестить друг, но имени его не назвал.

У Ноэля было много друзей в Праге, с некоторыми из них он познакомился еще в годы войны, а с другими уже во время своих поездок в Чехословакию. Были среди них и лица, занимавшие довольно высокие должности в республике. Все, кто видел Ноэля входящим или выходящим из отеля или же совершающим прогулки по улицам чудесного города, не отмечали в нем ничего особенного. Довольно своеобразный американец, но в те дни в Европе встречалось довольно много своеобразных людей.

Через два дня после того, как он написал письмо сестре, к нему в гостиницу пришли двое мужчин, посещение которых он воспринял совершенно спокойно. Они должны были, как они сказали, сопроводить его на важную встречу. Он никому ничего не сказал и ничего с собой не взял. Втроем они направились в сторону площади Венцель, и с тех пор он исчез.

Через несколько дней в отеле появился тот самый друг, о котором он сообщил жене, чтобы с ним встретиться. Директор сказал ему, что мистер Филд с двумя мужчинами ушел и пока не возвращался. Еще через несколько дней директор заявил, что Филд куда-то, видимо, уехал, но за гостиницу заплатил вперед, оставив свои вещи в номере. Потом директор получил от него телеграмму из Пресбурга, что вблизи от венгерской границы. А через несколько недель оттуда же телеграфировали, что некто Рене Киммель приедет за его вещами и расплатится за гостиницу. Эльзи узнала намного позже, что тот друг попросил предъявить ему в Пресбурге телеграмму, посланную Ноэлем, но подпись на ней была явно не его.

Еще через месяц директор отеля подтвердил, что Рене Киммель действительно приезжал и забрал вещи Филда, но кроме него этого Киммеля никто не видел. От Ноэля же с того дня, когда он вышел из гостиницы с мужчинами, никаких известий не поступало.

Холодный ветер, приносящий в Женеву в зимнее время мокрядь, весной дуть перестает, и город нежится в тепле. Повсюду на улицах цветут каштаны, а в садах – цветы и сирень, на водной глади озера – тишина и умиротворение. В воздухе разливается особенная мягкость, настраивающая людей на радостное восприятие мира. Для Херты же весна 1949 года оказалась немилосердной.

Херта не отличалась излишней нервозностью. Если и встречаются женщины, крепкие душой и телом, то именно таковой она и была, немка по национальности. Ее решительность, энергия и мужество неоднократно подвергались различным испытаниям и никогда ее не подводили. Но и сильным натурам требуется поддержка, которую она ощущала со стороны своего мужа, которым восхищалась, считая за честь для себя быть рядом с ним. Она разделяла его идеалы и тайны, трогательно заботилась о его лекарствах и кашне. Без Ноэля жизнь для нее теряла смысл.

Неделя проходила за неделей, а от него не было никаких вестей. В июле родственники Херты пригласили ее поехать с ними к морю. Поскольку она на это письмо не ответила, они позвонили ей из Парижа. Позже они рассказывали, что этот разговор по телефону произвел на них странное впечатление. На вопрос, как дела у Ноэля, она ответила, что все хорошо, заявив в то же время, что должна быть в Женеве на тот случай, если он позвонит. Такая ее нелогичность их удивила, но они почувствовали, что сейчас добиваться подробностей не стоит.

В Женеве Херта поселилась у своей подруги, которая на некоторое время уехала в Рим. Ее уютная квартирка находилась в прекрасном районе города, возвышаясь над старой его частью. Время свое она проводила в антикварных магазинах или же бродила бесцельно по улицам, все более поддаваясь беспокойству и отчаянию.

Когда ее приятельница, вдова, возвратилась из своей поездки, от нее не укрылась растерянность Херты. Будучи уже долгое время в хороших отношениях, она попыталась вызвать подругу на откровенный разговор. Но Херта уклонялась от прямых вопросов, как и отказалась от предложенной помощи. Однако та проявила настойчивость.

– Если ты и дальше хочешь быть моей гостьей, – заявила она как-то вечером, – и оставаться моей подругой, то я смогу помочь тебе только в том случае, если ты расскажешь, что тебя гнетет и что случилось.

Наконец Херта уступила ее просьбам и излила свою душу:

– У меня уже давно нет никаких вестей от Ноэля. Видимо, мне надо уехать в Прагу. Лучше я окажусь там вместе с ним в тюрьме, чем буду бесцельно бродить по улицам Женевы.

Впервые после исчезновения Ноэля она произнесла это страшное слово «тюрьма». Почему у нее возникла такая уверенность, она не сказала, но приняла решение собирать чемоданы и ехать в Прагу.

Со времени отъезда Ноэля из Парижа прошло уже два месяца. Младший его брат Герман, архитектор, приехал в Европу для участия в конгрессе архитекторов в Бергамо, после окончания которого собирался в Польшу. Два года тому назад он проехал с группой американских архитекторов по Восточной Европе, чтобы посмотреть, как из руин войны возникают новые здания и города. В Варшаве у него имелись друзья.

Герман заехал накоротке к Херте в Женеву. Сразу же после его отъезда она направилась в Прагу. Они договорились, что он после окончания конгресса заедет в Прагу, чтобы помочь ей в поисках Ноэля. В конце июля он был у нее. Она сняла номер в «Палас-отеле», но поиски пока ничего не дали. Вместе они отправились в полицию.

– Ноэль Филд? – спросили чиновники.

После этого принялись перелистывать многочисленные бумаги, но ничего не обнаружили. Вежливо, с благожелательной улыбкой они заверили, что поиски будут продолжаться.

Херта и Герман не стали обращаться в американское посольство, размещавшееся в старом замке над рекой и напоминавшее клетку для кроликов. Над его крышей развевался, естественно, американский флаг. Позже Герман объяснил, что они поступили так вполне сознательно, полагая, что без официальных протестов и лишнего шума им будет легче добиться освобождения Ноэля из когтей неизвестности.

Через несколько дней Герман отправился в Варшаву, пообещав заехать еще раз в Прагу на обратном пути в надежде еще что-то предпринять. Хотя прошло уже почти три месяца с момента исчезновения Филда, никто, кроме его брата и жены, об этом не знал.

Из Варшавы Герман написал письмо Эльзи, в котором сообщил, что Херта звонила ему 3 августа и просила приехать немедленно. Причину своей просьбы она не сказала.

К лету 1949 года почти все улицы Варшавы были расчищены от завалов и руины домов снесены. Город, однако, производил безрадостное впечатление, если не считать силы воли варшавян, так и не сломленной войной. Но и она

стала сдавать, подобно кое-как уцелевшим одиноким строениям, которые рушились на глазах. Несмотря на чистое небо и летнюю жару, город дрожал от новых очистительных акций и преследований, начавших набирать силу. Если Прага при первых признаках опасности ушла в себя и стала холодной и закрытой, то Варшава была охвачена нервной дрожью.

Герман Филд еще выше ростом, нежели его брат, подтянутый, элегантный, не столь легковверный, с чувством высокого самосознания, но не педант, совершил много поездок, увидев вместо знаменитых до войны зданий развалины и еще бездушные и недостроенные сооружения. Его часто сопровождали супруги Циркус – Симон и Елена, которые входили в число руководящих архитекторов польского государственного общества восстановительных работ. Елена, полненькая инициативная женщина, добила для Германа визы. Но несмотря на многочисленные связи с правительственными кругами, они не смогли ему ничем помочь в поисках Ноэля. Везде, где только Герман пытался наводить справки, он наткнулся на глухую стену недоверия.

Герман оставил свою жену Кэт, урожденную англичанку, вместе с двумя детьми в Лондоне. Он сообщил ей, что собирается 22 августа вылететь в Прагу к Херте, а на следующий день – в Лондон. Оттуда они всей семьей отплывут в Америку. Утром 22 августа супруги Циркус подвезли его на своей маленькой автомашине в варшавский аэропорт. В зале ожидания, где царила обычная толча, они сердечно попрощались, пообещав писать друг другу. Елена помахала ему еще раз рукой, когда Герман направился к пункту таможенного и паспортного контроля. Пройдя в помещение для отлетающих, он должен был сесть на старенький самолет американского производства ДС-3. Продолжительность полета до Праги составляла два часа.

Херта пришла встречать его в пражский аэропорт. Она была близка к нервному срыву, поскольку так ничего и не узнала о Ноэле. Прошло уже три с половиной месяца, но единственное, с чем она постоянно сталкивалась, – неприкрытые уклончивые ответы, а еще сомнения в существовании человека по имени Ноэль Филд. У нее же проявились новые свойства. Одна из ее американских подруг, которая знала, что она находится в Праге, захотела навестить ее в «Палас-отеле». Херта из гостиницы ушла, но оставила записку, где ее можно найти. Подруга удивилась, но нашла Херту и пригласила ее пообедать. Херта отказалась, объяснив Доротее Джонс:

– Я не могу долго с тобой говорить, мне пора в постель. У нас все в порядке, Ноэль чувствует себя хорошо. Я наверняка его найду.

К сказанному она ничего не добавила.

Когда объявили о прибытии самолета из Варшавы, Херта встала у стеклянной двери, через которую был виден пункт таможенного контроля пассажиров. С нетерпением вглядывалась она в лица каждого выходившего оттуда. Поскольку в помещении никого не осталось, Херта спросила у проходившего мимо сотрудника аэропорта, будут ли еще пассажиры с варшавского самолета. Но больше никто не появился. Она уговорила руководство аэропорта проверить список пассажиров. Однако Герман Филд среди них не значился. Из опрошенных пассажиров некоторые вспомнили высокого худощавого американца в зале ожидания, другие утверждали, что он даже сел в самолет. Полет проходил без помех, и никто не заметил ничего необычного... Так что Герман исчез бесследно, как и его брат, будто бы растворившись в воздухе.

Предпринять что-либо Херта не могла. В тот день других самолетов из

Варшавы не ожидалось. Она позвонила в его гостиницу в Варшаве, где ей подтвердили, что он забрал свои вещи и выехал, как и собирался. Тем не менее Херта прождала в аэропорту еще несколько часов. На следующий день она написала его жене Кэт, что он в Праге не появился. Она могла позвонить в Лондон, но делать этого не стала.

Кэт Торникрофт Филд, довольная жизнью англичанка с пухленькими щечками, не относилась к числу женщин, подверженных страху перед катастрофами и кошмарами. В тот же день, когда она получила письмо от Херты, что Германа не оказалось на варшавском самолете, Кэт отправилась к самолету, на котором он должен был бы прилететь из Праги. После проверки ей сказали, что он к вылету самолета не появился, но и об отказе от полета не заявлял и билет не сдавал. Об изменении своих планов он ей обязательно бы сообщил. Тогда она решительно отправилась в американское посольство и заявила, что Герман Филд пропал в одной из коммунистических стран.

Были отправлены первые телеграммы, попавшие впоследствии в пухлую папку с нотами дипломатического протеста.

Херта в Праге наконец-то тоже решила обратиться в американское посольство. Она подробно изложила план их встречи с Германом. На вопрос, почему она до сих пор находится в Праге, Херта впервые сообщила об исчезновении Ноэля. Она ответила еще на целый ряд вопросов, но никаких предположений не высказала.

Бесследное и непонятное исчезновение двух американцев было неприятным событием, но дипломаты в Праге пока не видели в этом таинственном деле ничего необычного. Начались запросы, и Херту заверили, что ей сразу же сообщат, если будет что-либо новое. Она возвратилась в свою гостиницу. Было 25 августа.

На следующий день, 26 августа, посольство попыталось с ней связаться, но ее в гостинице тоже не оказалось: Херта Филд исчезла.

«Десять маленьких негрят...» – известная детская песенка стала реальностью. Трое американцев, один за другим, исчезли. В газетах появлялись сообщения с сенсационными заголовками, люди качали головами, посыпались дипломатические ноты протеста и даже угрозы, но не было сколь-либо разумных объяснений. Чехословацкое и польское правительства заявляли официально, что Герман и Херта Филд в их странах не находились, и поэтому неизвестно, как и где они исчезли. Видимо, больше им сказать было нечего, поэтому дальнейшие разъяснения представлялись бессмысленными.

Миновал год. 26 августа 1950 года приемная дочь Ноэля и Херты Филд Эрика Баллах прилетела из Франкфурта-на-Майне в Берлин на аэродром Темпельхоф (западная часть города). Эрика была изящной, красивой и импульсивной молодой женщиной с сильной волей и характером. Поиски пропавших родителей привели ее в этот город – наполовину западный, наполовину коммунистический. Западный Берлин начал понемногу отходить от снятой недавно блокады. Запад и Восток вели здесь незримую войну. Советы проверяли характер и силу западных стран к сопротивлению, выполняя последнюю волю Сталина. Настоящая же война в Корее казалась где-то далеко.

Эрика сняла номер в небольшой гостинице и принялась названивать в различные организации. Американский консул предупредил ее о грозившей опасности, сказав недвусмысленно:

– Уже пропали трое Филдов. Мы не хотели бы, чтобы с вами тоже что-то случилось.

Она настаивала на своем желании поехать в Восточный Берлин. Тогда он

предложил ей дать кого-нибудь в качестве сопровождающего и наблюдателя, поскольку американское правительство не знало, похищены ли Филды или же их заманили, а может быть, они и добровольно вручили свою судьбу коммунистам. Хотя муж Эрики и был американцем, у нее имелся паспорт без подданства. От предложения получить в качестве охранника американца она тут же отказалась, считая, что в таком случае коммунисты непременно расстреляют ее как шпионку. Да и в Берлин она прилетела, никому ничего не сказав, кроме своего мужа, опасаясь, что бюрократы, чего доброго, ее не выпустят или же установят за ней слежку.

Окончив разговор, она переделалась и спрятала деньги и документы в комоде. Не сказав никому ни слова, Эрика вышла на улицу, села в метро и поехала в восточный сектор, где и исчезла.

Теперь их стало четверо.

Находились ли они в заключении или погибли, было неизвестно. Не было также никаких сведений, почему это произошло. Нити, которые связывали их с внешним миром, остались отчасти невидимыми, частично сокрытыми в их прошлом или перекинутыми в будущее. Но ведь они должны же быть. Непременно.

В конце 1955 года Ноэль Филд, его жена Херта, брат Герман и приемная дочь Эрика Баллах всплыли. Как выяснилось, Ноэль и Херта все эти годы сидели в отдельных камерах одной из будапештских тюрем, Герман находился в варшавском каземате, а Эрику Баллах, которая пробыла некоторое время в заключении в Восточном Берлине, сослали в советскую Арктику – в Воркуту. В течение этих лет многие коммунистические лидеры Восточной Европы пали жертвой чисток, начавшихся с громких судебных процессов при ярком свете «юпитеров». В процессах, которые состоялись в Венгрии и Чехословакии, Ноэль Филд проходил как ключевая фигура. Обвинитель заявлял, что он – известный американский супершпион и все, кто был с ним связан, вовлечены в американскую шпионскую сеть. Процессы, которые должны были пройти в Польше и Восточной Германии, так и не состоялись, но тоже готовились тщательно. В ходе расследования и там всплывало имя Ноэля Филда. Никто из Филдов, а также Эрика Баллах официально на судебных процессах, однако, не появлялись.

И вот теперь их один за другим освободили. За ними последовали десятки и сотни других, оказавшихся выброшенными на отмель бушующими волнами чисток. Теперь они покидали тюрьмы пяти стран. Сотни людей умерли или были казнены. Пали когда-то и власть имевшие, и обыватели, познакомившиеся с Ноэлем Филдом на званых вечерах или получившие от него какую-нибудь весточку или посылочку. Выяснилось, что Филд являлся своеобразной «Марией Кровавой» – носителем невидимых болезнетворных бактерий, которые поражали всякого, оказавшегося рядом с ним. Зараженные передавали, сами того не подозревая, эту болезнь дальше. Имя Филда сделалось нарицательным символом ужаса.

Стали известны и лица, причастные к исчезновению Филда. Все они были арестованы, но завеса таинственности так и не была до конца развеяна.

Американец с неброской внешностью и не очень-то известный общественности стал вдруг центром мощнейшего круговорота зла. Не имея никаких властных полномочий, он превратился в центральную фигуру, представляющую силу, от которой зависело формирование современной истории – в основном ее негативных аспектов. Различных слухов о нем было предостаточно. На Востоке его объявляли американским супершпионом. На

Западе же утверждали, что он являлся советским агентом. Но ни та ни другая сторона не предъявляли никаких доказательств. Если верить утверждениям Якова Бермана, даже Сталин – от ярости или страха? – вздрагивал при упоминании имени Филда и лично контролировал все, с ним связанное.

И вот все это оказалось в прошлом – Сталин скончался, тюрьмы опустели, имя Маккарти в Америке не вызывало уже страха и воспринималось с усмешкой, однако при упоминании имени Филда люди, бывшие в той или иной степени в курсе его дела, озабоченно пожимали плечами и переходили в разговор на шепот.

Что же было в нем особенного? Он был человеком XX века, пережившим все завихрения и перипетии этого удивительного и страшного времени. По странному стечению обстоятельств на его долю выпало особое к нему отношение. Почему?

Глава 6

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ

Понятие «дезинформация» означает предоставление противнику ложных сведений. В основном это – информация военного характера, так как подобный прием используется обычно в ходе военных действий. Если противник принимает эти сведения на веру, то начинает осуществлять подготовку для предотвращения тех мероприятий или планов, которые на самом деле ему не грозят, а в результате получает удар там, где его менее всего ожидает. Информация должна казаться достаточно правдивой и быть недалекой от истины, чтобы не вызвать подозрений. Да и сам путь, которым она попадет к противнику, должен быть убедительным и заслуживающим доверия.

Когда в период действий Вашингтона на дороге случайно находят сумку с различными донесениями, то ее, вполне возможно, мог обронить курьер, скакавший галопом, если она каким-то образом отвязалась от седла. Именно таким способом Вашингтон не раз подбрасывал англичанам ложные сведения.

В публикуемом рассказе об операции «Минсмит» (рубленое мясо), осуществленной в ходе Второй мировой войны, использован, по сути дела, этот же прием, в чем читатель может легко убедиться: ведь и тут секретные документы попадают в руки противника в результате несчастного случая, связанного с перипетиями войны, что выглядит вполне достоверно.

Геродот

ПАДЕНИЕ ВАВИЛОНА

Следует отметить, что введение противника в заблуждение практиковалось еще в античные времена, если верить мифам и древним историческим хроникам. Как правило, дезинформатором выступал мнимый дезертир, который якобы бежал в результате грубого к себе обращения прежних хозяев или недовольства ими по каким-либо другим причинам. Желая им отомстить, он раскрывает их планы и намерения новым хозяевам. Естественно, планы эти ложные, да и сама операция подготовлена тщательно, чтобы вызвать доверие у противника.

По версии Виргилия, Синон, греческий полководец, перебежавший к троянцам, рассказал им, что греки отплыли восвояси, а деревянного коня оставили, мол, в качестве жертвоприношения богам.

В рассказе древнегреческого историка Геродота перебежавший к вавилонцам Цопирос пытается убедить тех, что персы жестоко с ним обращались, и идет фактически на все, чтобы доказать правдивость своей истории.

Когда Дарий узнал об этом, он собрал все свое войско и двинулся на Вавилон. Подойдя к городу, осадил его. Но вавилоняне не были слишком обескуражены и, поднявшись на крепостные стены, даже отплясывали дикие танцы, глумясь на Дарием и его войском. Один из них обратился к осаждавшим, сказав:

– Персы, чего вы здесь сидите без толку, отправляйтесь лучше по домам. Город вы возьмете только в том случае, если лошак разродится осликом. (Такого, естественно, быть не могло.)

Прошел год и еще семь месяцев, а Дарий так и не сумел взять Вавилон, хотя и применил все хитрости и средства против защитников города. Вавилоняне были начеку., так что даже прием Кираса ничего не дал.

На двадцатый месяц Цопирос, сын Мегабизоса, принимавшего участие в свержении Магера, крепко задумался. Дело в том, что произошло невероятное – у его лошака появился ослик. Следовательно, город должен пасть. Произошедшее было воспринято им как божье предзнаменование.

Цопирос отправился к Дарию и спросил его, действительно ли ему так уж необходимо взять город. А еще Цопирос стал размышлять, как бы сделать так, чтобы взять Вавилон и приписать победу себе. У персов такие деяния ценились очень высоко и обеспечивали благосостояние и власть. Не найдя другого выхода, он решил направиться в Вавилон, изобразив из себя перебежчика. Прежде всего он продуманно поработал над своей внешностью – порезал нос и уши, сбрил волосы, совершил самобичевание и в таком истерзанном виде предстал перед Дарием.

При виде его Дарий вскочил с трона и спросил, кто это его так разукрасил и за что. Цопирос ответил:

– Никому на земле я не позволил бы совершить такое над собой, кроме тебя. А сделал я все сам, так как не могу больше выносить издевательств и оскорблений со стороны ассирийцев в адрес персов.

Дарий воскликнул:

– Несчастный, что же ты наделал! Разве твой обезображенный вид понудит врага к сдаче?

Цопирос возразил:

– Если бы я рассказал тебе о своих намерениях, ты так говорить не стал бы. Ответственность за мое предприятие лежит только на мне. Однако падение Вавилона зависит целиком от тебя. В таком обезображенном виде я отправлюсь в Вавилон и расскажу его защитникам, что это ты так издевался надо мной. Думаю, они мне поверят. Ты же должен будешь через десять дней после моего бегства имитировать попытку взять штурмом ворота Семирамиса, послав на верную гибель тысячу воинов, потеря которых для тебя ничего не значит. Еще через семь дней направь две тысячи воинов к воротам Ниноса, а через двадцать дней после этого – еще четыре тысячи к воротам Чалдаира, и пусть они приступят к их осаде. У всех для самозащиты должны быть только кинжалы. А еще через двадцать дней выводи все войско для штурма города со всех сторон одновременно. После удачно отбитых предыдущих попыток вавилоняне уверуют в мои советы и указания и доверят мне, как я предполагаю, оборону

всего города. Вот тут-то мы и решим, как поступить лучше...

После того как все было обговорено,, он направился к одним из ворот города, соблюдая меры предосторожности, как настоящий перебежчик. Когда дозорные на башнях его заметили, то слегка приоткрыли половинку ворот и спросили, кто он и с какой целью идет к ним. Он пояснил, что зовут его Цопирос и что он намерен перейти на их сторону. Стражники отвели его в совет города. Там он пожаловался на зверства Дария, которому осмелился посоветовать отвести войска от Вавилона и возвратиться домой, поскольку не видел возможности, как можно овладеть городом. В заключение он сказал:

– А теперь, вавилоняне, я перешел к вам и собираюсь отомстить Дарию. Он еще пожалеет, что совершил надо мною надругательство. Ведь мне известны все его планы.

Когда вавилоняне увидели одного из полководцев Дария, исхлестанного кнутами, с разорванными носом и ушами, всего покрытого кровью, они решили, что он говорит правду и они получили верного союзника. Ему пообещали все, о чем он только попросит. Цопирос попросил доверить ему командование одним из отрядов защитников города. Далее все шло по разработанному им же плану. Через десять дней он вывел свой отряд за стены крепости, окружил высланную Дарием тысячу персидских воинов и истребил их. Из последующих его действий вавилоняне сделали вывод, что его слова не расходятся с делом, и были весьма довольны его появлением у себя. В обговоренный с Дарием день он повторил вылазку защитников города и перебил еще две тысячи персов. А через несколько дней Цопирос повторил маневр и разгромил четырехтысячный отряд противника. После таких его победных деяний он был назначен командующим войсками защитников города и комендантом крепости.

Когда же Дарий перешел к штурму города со всех сторон, его защитники вышли на стены крепости для отражения нападающих. Цопирос, как и было обусловлено, открыл ворота Кассиш и Белиш и впустил персов в город. Часть его защитников укрылась в храме Зевса. Оборонявшиеся на стенах крепости горожане были атакованы с тылу и разгромлены.

Таким образом Вавилон пал.

Ивен Монтегю ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НА САМОМ ДЕЛЕ НЕ БЫЛО

В период Второй мировой войны была проведена операция, известная под названием «Минсмит» с целью ввести противника в заблуждение, прошедшая успешно. Союзники подстроили несчастный случай, показавшийся немцам вполне достоверным. Они даже посчитали, что им здорово повезло, поскольку в их руки попала важная информация.

Весной 1943 года к испанскому побережью море выбросило труп английского курьера, видимо утонувшего при падении сбитого над Средиземным морем британского самолета. В его кейсе среди других документов имелось распоряжение британского генерального штаба английскому командующему войсками в Тунисе фельдмаршалу Александру о необходимости провести подготовительные мероприятия по поддержанию готовящегося вторжения союзников на Европейский континент в Сардинии и Греции (вместо реально намеченной операции по высадке войск в Сицилии). Труп курьера, майора Мартина, испанцы похоронили, а сведения, найденные

при нем, передали немцам. Пройдя по соответствующим инстанциям, они попали в штаб Верховного главнокомандования вермахта. Там эти документы были приняты, что называется, за чистую монету и соответственно проведены упреждающие меры. После, разумеется, предварительной тщательной проверки на соответствие действительности. В рассказе Монтегю как раз и рассматривается этап подготовки всей необходимой документации и бумаг.

Чтобы создать правдоподобный образ «майора» Мартина, использовали труп только что умершего гражданского лица. Его заморозили и в специальном контейнере доставили на подводной лодке к испанскому побережью, где и выбросили в приливную волну, которая и вынесла беднягу на берег в том месте, где его должны были обнаружить испанские пограничники. «Секретная» информация, другие документы и личные бумаги «майора» тщательно изготовили специалисты британской секретной службы. Дезинформация, которая должна была столь сложным путем попасть в руки немцев, естественно, согласовывалась с командованием союзников, которое, как мы уже упоминали, намечало высадку войск в Сицилии.

С самого начала личность «майора» Мартина представлялась нам реальной, и мы хотели, чтобы столь же реальным человеком он предстал и перед теми, к кому попадет в руки и кто будет подвергать его самого и его документы и бумаги проверке. От того, насколько естественно он будет выглядеть, зависел успех всей операции. Нам было ясно, что немцы подвергнут тщательному контролю каждую деталь. Они постараются отыскать какую-нибудь оплошность, наша же цель – вселить в противника уверенность в подлинность случившегося, а следовательно, и попавшей в их руки информации. Позднее нам стало известно, что немцы действительно проверили даже соответствие даты и идущей на сцене постановки, указанных в двух театральных билетах, найденных в его карманах.

Метод создания личности «майора» Мартина был довольно прост. Мы говорили о нем как об одном из друзей, которого знали не один уже год, шлифуя его образ по настроению и складывающимся обстоятельствам.

Прежде всего мы решили, что наш «майор» – это человек, которому начальство доверяет полностью. Но ему должны быть присущи и небольшие недостатки чисто человеческого свойства: он, например, потерял свое удостоверение личности и просрочил пропуск в здание генерального штаба.

Исходя из этих соображений, мы и лепили его образ таким, каким он должен был предстать перед немцами.

Вполне естественно, что он нисколько не чурался прелестей жизни. Следовательно, в его кармане мог оказаться пригласительный билет в ночной клуб. И как следствие подобных увеселительных походов, его траты могли несколько превысить личный банковский счет. Поскольку он часто бывал в Лондоне, то «майор» мог проживать в гостинице при армейском клубе. Так что последний счет из этой гостиницы мог вполне естественно оказаться у него в кармане. Таким вот образом из абстракции Мартин становился реальной личностью.

Как можно было «оживить» его еще больше?

А что, если он сохранит какое-нибудь письмо, которое добавит какие-то штрихи к его личности? И мы стали прикидывать, у скольких прохожих на улице могло оказаться в кармане какое-либо письмо? Поразмыслив, пришли к выводу, что подобный случай возможен, скорее всего, после помолвки. Поэтому надо было срочно подыскать ему любимую девушку – будущую жену,

письмо которой он сможет иметь в своем кармане, да еще перед отъездом за границу.

Поэтому «майор» Мартин «познакомился» в начале апреля с прелестной девушкой по имени Пам и буквально через несколько дней с ней обручился (во время войны такие дела совершаются очень быстро!). Она дала ему свою фотокарточку, а он подарил ей кольцо. Кроме ее фотографии, у него сохранились и два ее недавних письма. В одном она рассказывала, как провела конец недели без него, а другое она наскоро писала на своей работе, пока в конторе не было шефа. В нем она с большим волнением отнеслась к тому, что его должны были в самое ближайшее время направить за границу. Его отец к тому же мог вполне быть человеком старой закалки, который неодобрительно относился к скоропалительным женитьбам военного времени и настоятельно рекомендовал сыну составить завещание, поскольку он идет на такой необдуманный шаг.

Письма мы сами сочинять не стали, хотя нам и приходилось в своей жизни писать и получать любовные послания и оформлять завещания, а решили доверить это дело умным и компетентным людям, чтобы избежать возможных ошибок.

С другими бумагами дело обстояло проще. Один из нас получил, например, приглашение на посещение ночного клуба, на котором его фамилия указана не была. Им мы и воспользовались. Другой сотрудник использовал свои связи с дирекцией банка Ллойда и получил оттуда письмо на имя майора Мартина, датированное 14 апреля, с просьбой погасить образовавшуюся задолженность по лицевому счету на сумму 79 фунтов стерлингов. Такие письма-напоминания подписывает обычно начальник отдела, но в ряде случаев – и заместитель директора (как это было с нашим письмом). Мы посчитали, что офицер, скорее всего, имел связи с «центральной правлением». Впрочем, вряд ли немцам были известны все эти банковские тонкости. И хотя сумма сама по себе была небольшой, отец майора, наверное, был человеком, обладавшим определенным весом и положением. Письмо было написано заместителем директора банка мистером Уайтли и подписано им собственноручно. Привожу его текст:

«Банк Ллойда Центральное правление Лондон, Е.С.3 14 апреля
1943 года

Доверительно! Майору Мартину Армейский и морской клуб
Палл-Молл Лондон, Ю-3, 1

Глубокоуважаемый господин Мартин!

Мне доложили, что ваш личный счет в нашем банке, несмотря на неоднократные напоминания, все еще превышает в своей расходной части доходное konto на 79 фунтов стерлингов и 19 шиллингов. В связи с этим должен сообщить вам, что в случае непогашения долга с 4 процентами пени в ближайшее же время мы будем вынуждены принять необходимые меры по защите своих интересов.

Преданный вам
Уайтли Джонс,
заместитель директора
(подпись)».

Письмо было послано по почте, но управляющий клубом написал на

конверте: «Здесь такой не числится. По-видимому, речь идет о морском и военном клубе на Пикадилли, 94».

Мы посчитали, что это обстоятельство еще более подчеркивает подлинность письма, и решили так и оставить его в указанном конверте.

Связавшись с морским и военным клубом, мы получили оттуда счет за проживание там майора Мартина с 18-го по 23 апреля. Счет был датирован 24 апреля, что должно было послужить доказательством пребывания майора в тот день в Лондоне.

Кроме того, мы организовали еще и счет за приобретение им кольца для помолвки, который был выписан в ювелирном магазине Филиппса, хорошо известном в Германии. Его датировали 19 апреля.

При получении этих и других документов и бумаг возникали определенные трудности, так как мы не могли, естественно, рассказывать, для каких целей они нам понадобились. Я был уверен, что, если бы мы просто попросили сделать то-то и то-то без объяснения причин или даже сославшись на секретность этого дела, пошли бы нежелательные предположения и догадки. Поэтому следовало придумать убедительную причину, которая не вызвала бы кривотолков.

В качестве легенды мы сослались на некоего человека, который якобы проявлял повышенный интерес к офицерам, испытывавшим некоторые временные финансовые трудности. Незаметно подсунув ему эти сведения, мы хотели понаблюдать за его дальнейшими действиями. Легенда сработала неплохо: мы не только беспрепятственно получили необходимые документы, но и обошлись без пересудов.

Теперь надо было достать подходящий фотоснимок Пам, невесты майора Мартина. Мы попросили нескольких самых красивых девушек различных отделов предоставить в наше распоряжение свои фотокарточки, среди которых будут положены для опознания два фотопортрета подозрительных лиц – в ходе будто бы намечавшегося дознания. «Свидетель» происхождения должен будет опознать ту личность, которую он заметил. В результате у нас оказалась целая коллекция отличных фотоснимков. Отобрав подходящий, мы возвратили все остальные их владельцам. Изображенная на фото девушка работала в министерстве сухопутных войск и имела допуск к секретным материалам. Поэтому мы сказали ей, что ее фотокарточка необходима для представления в качестве фиктивной невесты одного человека, задействованного в некой операции. Она без долгих раздумий дала свое согласие.

Никто из нас не смог бы написать любовное письмо, да еще от девушки. Требовался подходящий «автор». И мы попросили одну из девушек нашего управления найти кого-либо из своих подруг. Она выполнила нашу просьбу, но не назвала имени женщины, написавшей два великолепных письма, которые майор Мартин взял с собой в дальнюю дорогу. Я настоял на том, чтобы первое письмо было написано на почтовой бумаге моего шурина с типично английским адресом, который должен был произвести на немцев соответствующее впечатление. Вот оно:

«Менор-Хаус
Огборн-Санкт–Георг
Марльборо, Уайтшир.
Телефон: Огборн-Санкт-Георг 242
Воскресенье, 18
Любимый, считаю, что провожать таких людей, как ты, на

перроне вокзала довольно прискорбное удовольствие. Ведь отходящий поезд может внести в нашу жизнь нечто неожиданное, и ты будешь пытаться всеми силами, но, к сожалению, бесполезно, исправить положение. При этом не поможет даже то, что еще пять недель тому назад приносило столько радости. Прекрасный золотой день, который мы провели вместе!.. Я знаю, что уже все сказано, но тем не менее: если бы время остановилось хотя бы на минуту! Но это нереально. И я говорю себе: «Держись, Пам, и не будь маленькой глупой идиоткой».

После получения твоего письма мне стало значительно легче. Но у меня вызывает страх – не сумасбродство ли это? – ведь сказанное тобой обо мне я считаю преувеличением, и ты это скоро заметишь.

Эти выходные дни я провела здесь, в таком чудесном уголке, вместе с маменькой и Джейн. Они относятся ко мне с полным пониманием, но мне без тебя скучно и грустно, что не выразишь словами. Мечтаю, чтобы скорее наступил понедельник, и я смогу возвратиться к своему точильному камню. Ну не идиотизм ли это!

Билл, любимый, дай мне немедленно знать, прояснился ли твой вопрос и можем ли мы строить какие-нибудь планы. Пожалуйста!!! Не разрешай им вот так просто послать тебя к черту на кулички – так, как они это обычно делают, ныне тем более, когда мы нашли друг друга! Думаю, что я того не вынесу.

Любящая тебя
Пам».

Следующее письмо было написано на обычном листке бумаги, которую используют в учреждениях. Конец его был скомкан. Видимо, к себе возвратился «кровавый пес» – ее шеф, и она поспешила закончить свою послание:

«Среда, 21 апреля

«Кровавый пес» покинул свою конуру на полчаса, так что я смогу использовать то время, чтобы нацарапать тебе пару слов. Твое письмо пришло сегодня утром, как раз тогда, когда я убегала на работу, и, как всегда, с большим опозданием. Твои письма столь чудесны! Но что означают твои намеки о том, что тебя ожидает? Они все же хотят тебя куда-то послать... Конечно, я не скажу никому ни слова о том, что ты мне рассказываешь, – я такого себе никогда не позволяю, – но ведь поездка-то не за пределы страны? Я этого не хочу, просто не хочу, так им и скажи! Дорогой мой, зачем мы познакомились в самый разгар войны – глупее этого люди сделать ничего не могут... Если бы не эта война, то мы, пожалуй, уже поженились бы и бегали сейчас по магазинам в поисках занавесок и тому подобного. И мне не приходилось бы торчать в этой конторе и печатать целыми днями идиотские бумаги. Я знаю абсолютно точно, что бесполезная работа, которую я здесь выполняю, ни на минуту не укорачивает войну...

Дорогой Билл, я так восхищаюсь своим кольцом – оно просто великолепно!.. Ты знаешь, как я люблю бриллианты – просто не могу не смотреть на него снова и снова.

Сегодня вечером я собираюсь пойти на довольно одиозные танцульки вместе с Джокой и Хазелью. Они пригласили и своего знакомого – ты же знаешь, какие у них друзья. У парня – маленькое адамово яблоко и выбритая до блеска лысая голова. Я –

неблагодарная скотина. Разве не так? Скажи мне, пожалуйста, об этом!

Дорогой мой, а ведь следующее воскресенье и понедельник у меня свободны. Это из-за Пасхи. Я конечно же поеду домой. Если только сможешь, приезжай. Но если ты не сможешь выбраться из Лондона, то я удеру из дома, и мы вместе проведем чудесный вечер... Между прочим, тетя Марианна сказала, чтобы я пригласила тебя к ней на ужин, когда в следующий раз буду в ее краях. Думаю, однако, что торопиться с этим пока не будем?

Идет «кровавый пес». Самые наилучшие пожелания и поцелуй от твоей
Пам».

Мы посчитали, что письма эти просто идеальны и как нельзя лучше подходят для наших целей.

Но прежде чем доверить их майору Мартину, мы приняли кое-какие меры предосторожности. Бумаги я поносил несколько дней в своих карманах, чтобы придать им надлежащий вид. Что же касается любовных писем, то одно из них, как я уже упоминал, было написано на простой бумаге. Их, видимо, перечитывали по многу раз, и они не могли быть в безупречном состоянии. Их нельзя было комкать и снова разглаживать, как кое-кто предлагал, да и майор вряд ли стал бы их небрежно мять. И я стал проделывать то, что, скорее всего, делал бы он: раскрывал и снова клал письма в конверты. Более того, я осторожно тер их о свою одежду, чтобы придать им зачитанный вид...

3 мая мы получили радиogramму от нашего военного атташе из Мадрида. Труп майора Мартина был обнаружен 30 апреля 1943 года неподалеку от Хуэльвы и там же предан земле.

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ «ОВЕРЛОРД» (Статья из журнала «Арми тайме»)

Почти перед каждой операцией союзных войск в Европе в период Второй мировой войны осуществлялись соответствующие подготовительные мероприятия, преследовавшие цель дезинформировать противника о времени и месте ее проведения. Меры дезинформации перед началом крупнейшей высадки войск союзников в Нормандии – операции «Оверлорд» (повелитель) – включали в себя целую серию обманных маневров.

В мае 1944 года в Гибралтар прибыл высокопоставленный представитель английского правительства на личном самолете британского премьер-министра. Крючковатый нос, пронизательные глаза и военная выправка прибывшего выдали сразу же встречавшему его почтенному караулу на крошечном аэродроме, что это был не кто иной, как фельдмаршал Бернард Лоу Монтгомери. Можно было предположить, что он прибыл для проведения срочной инспекции, а возможно, и для того, чтобы лично руководить вторжением союзных войск на континент через территорию Франции, а то и Испании. Он сердечно ответил на приветствия и тут же юркнул в автомашину оливково-зеленого цвета. По пути к дому генерал-губернатора, так называемому конгрессу, полководец высунул голову из окна автомашины, чтобы отвечать на восторженные приветствия гарнизона.

Старый добрый Монт!

Появление фельдмаршала конечно же не укрылось от глаз одного из испанских жителей «скалы», известного английской секретной службе агента-двойника. Как и ожидалось, тот не теряя времени доложил своему немецкому руководителю о появлении на британском средиземноморском опорном пункте высокопоставленного посетителя.

Его визит подтолкнул генеральный штаб в Берлине к выводу о необходимости продолжать дислокацию семи немецких дивизий в Южной Франции. И это несмотря на тревогу фельдмаршала Эрвина Роммеля, который находился на побережье канала Па-де-Кале и требовал подкреплений. Неизвестно ведь, какие цели преследовал Монти своим визитом в Гибралтар.

Фельдмаршал Герд фон Рундштедт, командовавший Западным фронтом, был одним из немногих, кто считал появление Монтгомери на Гибралтаре трюком. Но даже и ему не пришла в голову мысль, что визитер вовсе не Монтгомери.

Человек в фельдмаршальской форме был всего лишь его дублером – капитаном Майрихом Эдвардом Джеймсом, начальником финансовой службы одной из частей королевских сухопутных войск. Его в свое время «обнаружили», когда он исполнял роль Монти в одном из спектаклей армейского театра в Ляйсестере.

Визит в Гибралтар был одним из обманных маневров, в которых он принял участие. Перед этим он побывал в Йоркской школе в Свингейт-Дауне, неподалеку от Дувра. Поскольку город буквально кишел шпионами, не было никакого сомнения, что Берлин уведомляет обо всем, что делал там «Монти».

Этот спектакль получил название операция «Фортитудо», входившей составной частью в обширный план по дезинформации противника о предстоящей высадке союзных войск на Европейский континент. Этот блеф был, пожалуй, самым масштабным за все время войны и сыграл важнейшую роль в подготовке и проведении самой операции. Его успех превысил даже самые оптимистические ожидания.

В действительности многие из тех, кто имел представление о реальных масштабах операции «Оверлорд», позднее считали, что немецкое верховное командование было дезориентировано ложной информацией, поступавшей из непонятных источников. Так ли это было или не так, до сих пор покрыто завесой тайны. Но и того, что стало известным, вполне достаточно, чтобы получить представление о происходившем.

В начале года один из высших немецких офицеров записал в своем дневнике:

«О возможных сроках высадки войск союзников в Европе можно сделать вывод из статьи лондонской «Тайме», которая каким-то образом миновала цензуру. В статье говорится, что Соединенные Штаты оплатят крестьянам ущерб, нанесенный учениями с применением танков. Из этого следует, что вторжение может состояться не ранее середины апреля».

В первых числах апреля нацисты начали открывать шлюзы в Голландии. Они угрожающе заявили, что затопят более пяти тысяч квадратных миль прибрежной территории, если союзники предпримут попытку высадить там свои войска.

То, что запланированная разведывательными службами союзников игра удалась, свидетельствует хотя бы хаотическое распределение немцами своих сил и средств. Роммель ожидал удара через Па-де-Кале, преодолеть который для быстроходных торпедных катеров было делом всего нескольких минут. Ряд немецких дивизий без всякой пользы был сосредоточен на юге Франции и

задействован на итальянском театре военных действий, а также на побережье Бискайского залива.

Чтобы ввести противника в заблуждение, союзники создали фиктивную американскую армейскую группу, одним из командующих которой был назначен американский генерал-лейтенант Лесли Макнейр.

Истинным предназначением этой «армейской группы», из штаба которой происходила постоянная утечка «секретной» информации, было намерение ввести Гитлера в заблуждение – куда будет направлен главный удар предстоявшего вторжения во Францию. Это было вроде бы Кале, как и предполагал Роммель. В целях подкрепления этой версии вторая канадская пехотная дивизия развернула свой штаб в Дувре. Солдаты дивизии с нарукавными нашивками в форме кленовых листьев проводили учения в районе Кента.

Немецкому абверу стало известно, что канадские солдаты расположены в казармах Суссекса и Серри. Кроме того, немцы знали, что это были отборные вояки, из которых создавались штурмовые отряды, предназначенные для взятия Дьеппа. Все выглядело так, будто бы канадцы намеревались действовать именно в этой части побережья пролива.

От десяти до пятнадцати дивизий немцы держали в районе предполагаемой высадки войск союзников.

Черчилль в ходе подготовки к операции сказал, что необходимо внушить противнику, будто бы высадка планируется «где-то в другом месте и в иное время», а для этого следует «пошевелить мозгами и предпринять необходимые действия».

В план дезинформации противника были включены два основных проекта. Первый носил стратегический характер и предназначался для того, чтобы немцы сосредоточили свои основные силы и средства наложных направлениях. Его кодовым названием было «личная охрана». Вторым – под названием «Фортитудо» – имел тактическое предназначение и преследовал цель ввести противника в заблуждение в отношении времени, места и сил вторжения.

Первый план был разработан англичанами и исходил из необходимости координировать взаимодействие с американцами и русскими. Он базировался на принципе – неправильные выводы можно сделать и из истинных предпосылок, для чего действительные факты следует преподносить в определенной последовательности вперемешку с дезинформацией. Как утверждал Черчилль, «правда должна быть прикрыта ложью».

Место высадки определили еще за год до ее осуществления. Решение было принято после шестимесячного изучения карт побережья. Естественно, вся эта работа была строго засекречена. Так что в конце апреля 1944 года истинное место и время дня «икс» знали лишь несколько сотрудников офицеров союзников.

Основными направлениями, по которым немцы могли добывать информацию о подготовке к вторжению, были:

- авиаразведка;
- расшифровка радиопередач союзников;
- опрос военнопленных и участников европейского движения

Сопротивления;

- сообщения немецких дипломатов и шпионов из Ирландии и других нейтральных стран;
- разговоры дипломатов в Лондоне;

- деятельность немецких агентов в Англии;
- высадка немецких разведывательных групп на побережье Англии.

Деятельности немецких агентов и высадки разведывательных групп союзники не слишком-то опасались, поскольку немецкая шпионская сеть в Англии была практически ликвидирована. Попытки забрасывать агентов с самолетов или высаживать с подводных лодок ощутимых результатов немцам не приносили. Авиаразведка тоже не составляла проблемы.

И даже наоборот, один из самолетов Геринга, часто появлявшийся над Кентом и Темзой, смог сфотографировать канадские войска, американскую «армейскую группу» и сотни небольших лодок в устье Темзы и портах юго-восточной Англии (которые были не в состоянии даже выйти в море).

Зенитчики получили распоряжение открывать огонь по самолету-разведчику, но стрелять мимо, чтобы не препятствовать его вылетам снова. И немецкий пилот, как по заказу, стал появляться ежедневно, старательно производя фотосъемку ложных объектов.

Большая роль в дезинформации отводилось радио. Немцы придавали большое значение прослушиванию и перехвату союзнического радиообмена в Англии для определения дислокации различных частей. Этим-то и воспользовались дезинформаторы, исходя из предложения полковника Джона Бевана из военного министерства по организации радиоигры. Специальные радиоподразделения изображали радиопереговоры частей, якобы готовящихся к осуществлению амфибийной операции. При этом были задействованы штабы дивизий и армейских корпусов, которые в действительности не существовали.

Активный радиообмен подкреплял версию о создании в Восточной Англии первой американской «армейской группы», состоявшей из реальных и выдуманных частей, которая должна была изображать угрозу Па-де-Кале. В нее, в частности, была включена и несуществующая 14-я американская армия.

Радио использовалось и для других целей. Сообщения из штаб-квартиры Монтгомери, которая располагалась вблизи Портсмута, доставляли наземным транспортом в Кент и уже оттуда посылали в эфир, что позволяло скрывать его истинную дислокацию.

Средствами радио создавалось впечатление, будто бы армии второй волны – 1-я канадская и 3-я американская – формировали штурмовые отряды для действий в Па-де-Кале. К тому же из радиоперехватов немцам стало известно, что командует этой «армейской группой» генерал Джордж Паттон – «символ ужаса».

В радиоигру включили и агента-двойника НД-98, который работал на немцев и американцев. Он передавал в своих сообщениях, что высадка войск союзников переносится на более поздний срок. Более того, «в связи со срывом поставок переправочных средств» войска из южных портов Англии будут посажены на корабли и направлены в Средиземноморье, где нанесут удар по «незащищенной части побережья Европы», как выразился Черчилль. Немецкая авиаразведка подтвердила, что в портах от Саутгемптона до Плимута действительно идет погрузка войск на корабли. Немцам оставалось лишь гадать, будут ли эти войска направлены в Средиземноморье или же на противоположный берег пролива.

Французское движение Сопротивления получало по радио ложные инструкции об усилении актов саботажа – особенно на путях снабжения, которые вели к Па-де-Кале. Тем самым подтверждалось предположение немцев, что именно этот район является целью вторжения войск союзников.

Существенную помощь оказывал и перехват немецкого радиообмена.

Тщательный его анализ позволял с определенной точностью судить о стратегических и тактических планах противника. Английские и американские аналитики исходили из того, что и немцы, по всей видимости, использовали схожие методы. Поэтому эксперты психологического ведения войны сочиняли специальные радиogramмы, позволявшие вводить противника в заблуждение.

При приближении даты высадки активизировались мероприятия по плану «Фортитудо». Неподалеку от Дувра были затоплены и полузатоплены небольшие группы устаревших паромов и грузовых судов с целью срезания волн.

Эта «военная хитрость» была конечно же замечена со стороны Булони – с противоположного берега – и расценена как еще одно «свидетельство» того, что вторжение готовится именно отсюда. Для подтверждения этого «намерения» были также выставлены переправочные средства и танки, изготовленные в основном из резины. Такие «танки» легко переносили два человека.

Из резины достаточно изготовили также грузовых автомашин, тягачей и амфибий. Усилиями нескольких человек, при помощи пары грузовиков и компрессоров союзники сумели создать видимость сосредоточения войск, готовых к началу высадки и захвату плацдарма на противоположном берегу пролива. Инсценировка была настолько совершенна, что даже некоторые американские и английские журналисты приняли все за чистую монету.

Группа инженеров, выехавшая в лесной район на юго-востоке Англии, соорудила за несколько часов дорогу оттуда до ближайшего шоссе. На самой дороге и при выезде из нее грузовики оставили грязь и следы. При въезде в лес установили шлагбаумы и выставили посты военной полиции.

С воздуха все выглядело так, будто бы в лесу сосредотачивается большая группа войск. Об этом же пошла разговоры и в ближайших деревнях, усиливая иллюзию.

Необычная деятельность развернулась на скалах между Фолкстоном и Дувром, между Хаитом и Демчерчем, а также вблизи Дангенесса. Немецкая авиация обнаружила там насосные станции. Для чего их устанавливали? Конечно же для перекачки под водой горючего для войск вторжения.

Британская авиация не препятствовала немецким авиаразведчикам наблюдать за всем этим. На прибрежных аэродромах были выставлены макеты самолетов, реальные же авиационные части на аэродромах Уайльдшира и Оксфордшира немцы не обнаружили. Они отметили ложное сосредоточение переправочных средств в устье Темзы, но не углядели кораблей, стоявших на якорях на реке Фал и в Бристольском канале.

Немецкие разведывательные самолеты не допускались к западному побережью Шотландии, где были сосредоточены крупные воинские контингенты, а также к центрам вторжения в районах Портсмута и Саутгемптона. Их надежно прикрывали зенитные батареи и британская авиация. Все центры управления предстоявшей операцией были переведены из Лондона в лесной район близ Портсмута.

Для имитации ложных аэродромов ночами устанавливались световые дорожки на участках местности, где в действительности паслись лишь овцы и козы. Сотни магнитофонов с усилителями изображали рев моторов тяжелых самолетов, привлекая внимание немецкой агентуры, располагавшийся в местных гостиницах с названиями типа «Шван» («Лебедь») и «Эберкопф» («Голова кабана»).

В качестве сопровождающего мотива к этой своеобразной симфонии были задействованы воздушные шары и легкие самолеты, оснащенные проигрывателями с усилителями, которые с ревом пролетали над немецкими позициями, как бы возвещая приближение начала мощного удара союзных войск. Капсулы со специальным электрическим и акустическим оборудованием запускались через пролив, вызывая на экранах радиолокационных устройств противника отметки о приближении громадной эскадры.

Доверенные лица англичан в Швейцарии, Испании и Португалии стали спрашивать в книжных магазинах и киосках туристическую карту Михелина номер 51, на которой были изображены дорожная сеть и достопримечательности Па-де-Кале.

Как было установлено позже, немецкий информатор из Лозанны не преминул обратить внимание на столь необычный топографический интерес.

Во многих мероприятиях по введению немцев в заблуждение самое активное участие принимало управление стратегических служб США, во главе которого стоял генерал-майор Уильям Донован по прозвищу Дикий Билл. Например, некая связанная с немцами дама в Лондоне, двое или трое голландских участников движения Сопротивления и несколько американских детективов были привлечены к распространению слухов о готовящемся вторжении в Голландию.

Изготовление документальных фильмов о Голландии в Лондоне, прием на работу телеграфистов, говорящих по-голландски, приобретение видовых почтовых открыток и фотографий с голландскими пейзажами и видами взбудоражили общественность, что привлекло пристальное внимание немцев. Чтобы этот план сработал, пришлось распространить среди участников голландского движения Сопротивления слух о будто бы готовящейся высадке войск союзников на низменном побережье Голландии.

Чтобы вселить в оккупантов Франции нервозность и неуверенность, Эйзенхауэр стал регулярно, начиная с конца мая, обращаться по радио к силам Сопротивления. Он требовал внимательно следить за захватчиками, собирая информацию о поведении каждого из них в отдельности в оккупированных областях.

В дополнение к «Фортитудо» была разработана операция под названием «Коламба», имевшая подобные же задачи. Ее основу составило пожелание британских голубоводов внести и свой вклад в дело победы. Многие из них предложили своих почтовых голубей американской секретной службе в Лондоне, утверждая, что с их помощью можно было бы получать информацию с континента, поскольку крылатые разведчики, выполнив задание, непременно возвратятся к своим хозяевам. Американцы, не очень уверенные в успехе такой затеи, но не желавшие обидеть патристически настроенных голубятников, разработали операцию «Коламба» – по названию одного из видов голубей.

Птиц предполагалось сбрасывать на парашютах в северо-западных районах Франции, Бельгии и Голландии, где имелось значительное число энтузиастов-любителей. Голубей размещали попарно в ящиках, в которые вкладывали письма. В них было сказано, что голуби возвратятся в Англию и что их можно использовать для передачи полезной союзникам информации.

Над континентом сбросили «десант» в несколько сот голубей. Из них возвратилось всего пять или шесть с информацией, которая не представляла практически никакой ценности. Операцию посчитали неудачной. Но так ли было на самом деле?

Немцы, обнаружив несколько приземлившихся ящиков, пришли к выводу,

что сбрасывали их в основном севернее Соммы и линии Амьен-Аббевиль. А это служило еще одним доказательством того, что союзники намеревались пересечь пролив в районе Кале.

Многие из проделок людей Канариса в отношении Гиммлера шли (вероятно, даже намеренно) на пользу союзникам. Так, например, они нанесли на оперативные карты тридцать не существующих на самом деле американских и канадских дивизий, намереваясь тем самым дискредитировать Гиммлера в глазах Гитлера и верховного командования. Вместе с тем они питали надежду ускорить этим конец войны.

Эти тридцать несуществующих дивизий засели в головах немецкого руководства до осени 1944 года (разведке же союзников о них ничего не было известно). Такое положение дел подтвердил после войны генерал барон Гейр фон Швеппенбург, командовавший в начале 1944 года танковой группой «Запад». Перед ним стояла задача – оказать противодействие высадке войск союзников, но генерал не мог получить от своей разведки ясной картины распределения сил и средств англоамериканцев и мест дислокации их танковых дивизий.

С приближением критического часа британские специалисты запустили на полные обороты дезинформационную машину. Они завалили своих противников целым потоком информации – ложной, действительной, полуправдивой с целью вызвать смятение в умах, представить ситуацию, в которой немцы были не в состоянии разобраться.

В это же время печатались единичные экземпляры книг, содержание которых не выдержало бы цензуры. Издавались (поддельные) периодические и технические журналы, в статьях которых описывались бесчисленные новые и запланированные к выпуску образцы военной продукции. В других статьях рассматривались подробности подготовки и обеспечения вторжения. В третьих – эксперты рассуждали о том, где и когда должна произойти высадка войск союзников.

К публикации были якобы разрешены сотни технических чертежей и карт, иллюстрации военных учений. В Ирландию стали поступать письма ирландцев, проживавших в Англии, в которых содержалось удивительное количество различной информации, естественно доходившей до ушей немецких агентов. Время от времени в этих письмах вычеркивались отдельные предложения и целые абзацы, чтобы показать, что цензура не дремлет.

Ограничения на выезд в Ирландию были сняты, и ирландские рабочие появлялись там с новыми сведениями, которыми охотно делились с кем ни попадя.

Немецкие агентурные представители в Дублине получали целые ворохи различной информации, которую сортировали и передавали в Берлин, используя микроволновые передатчики. И все же, несмотря на такую бурную деятельность, настоящие секреты так и остались для них тайной за семью печатями.

До середины апреля в районе Па-де-Кале и севернее Сены продолжалась концентрация немецких войск во главе с Роммелем – командующего группой армий «Б». Положение в Нормандии оставалось без изменений. Примерно 20 апреля британская авиация установила, что немцы и там начинают сооружать оборонительные препятствия вдоль побережья.

Это сообщение вызвало обеспокоенность руководства союзников, но вскоре аэрофотосъемкой было выявлено строительство подобных же

сооружений в Бретани и районе Па-де-Кале. Затем в Нормандии было отмечено усиленное движение войск и подвоз различных материалов – с конца апреля до первых чисел мая.

Создавалось впечатление, что операция «Фортитудо» не сработала. Суть, однако, заключалась в том, что наитие не подвело Гитлера. Роммель по-прежнему ожидал высадки войск союзников между Гавром и Дюнкерком. Гитлер же, уверенный в том, что союзники осуществят высадку своих войск в Нормандии – на Шербурском полуострове, приказал выдвинуть туда подкрепления. Но и оборонительные мероприятия в Па-де-Кале остановлены не были.

«Порты Англии забиты до отказа людьми и техникой, которые в ближайшее время должны быть переброшены на континент», – заявил в своем выступлении по радио из Берлина 18 мая «военный корреспондент» Харальд Янсен, комментируя подготовку к высадке войск союзников. По его оценке только в Южной Англии было сосредоточено не менее 60 дивизий.

С 1 июня авиация союзников стала совершать налеты на тактические цели немцев между Кале и Гавром со все возрастающей интенсивностью. Ударам в первую очередь подвергались укрепления и артиллерийские позиции на побережье. Чтобы лишить немцев возможности вести наблюдения за выходом флота, были разрушены их последние крупные радиолокационные установки между Шербуром и Гавром. Для осуществления ложных маневров были задействованы 105 самолетов и 34 небольших судна. Они обеспечивали проведение трех операций: «Глимер» – в сторону Булони, «Таксебл» – в сторону мыса Антифер и «Биг драм» – в сторону Пойнт-Барфлер.

8 июня с наступлением темноты в направлении мыса Антифер, севернее Гавра, вышли 18 кораблей, тащивших за собой аэростаты, от которых на радарх немцев должны были возникнуть отметки крупных кораблей. Над этим «флотом» постоянно кружила эскадрилья тяжелых бомбардировщиков, сбрасывавших пучки станиолевых лент для создания радиолокационных помех. Самолеты в спиралевидном полете подходили чуть ли не вплотную к побережью, занятому противником, что позволяло имитировать крупный конвой, направившийся через пролив.

Подобный же маневр с кораблями и самолетами был проведен в сторону Булони, а над проливом патрулировали бомбардировщики. В трех различных районах сбросили манекены парашютистов, чтобы сбить немцев с толку в отношении использования союзнической авиации. Эти и другие меры позволили скрытно сосредоточить основные силы и средства напротив Нормандии, не вызвав подозрения у противника.

В плане «Фортитудо» наступила новая фаза. Теперь предстояло создать у немцев впечатление, будто бы высадка войск в Нормандии является вспомогательной операцией, в то время как главный удар должен быть все же нанесен в Па-де-Кале. В том же направлении пошли караваны судов с охранением, а в районе Дувра связисты имитировали усиленный радиообмен между «штаб-квартирой» и войсками американской армейской группы. Британская авиация стала наносить удары по немецким пусковым установкам ракет Фау-1.

Еще 20 июня Роммель ожидал удара союзников в районе Па-де-Кале. А уже через семь дней весь Шербурский полуостров оказался в руках союзников.

В течение целой недели фон Рундштедт полагал, что высадка войск союзников в Нормандии – отвлекающий маневр. Это его предположение подтверждал интенсивный радиообмен первой американской «армейской

группы», все еще находившейся на территории Англии. И в итоге реальная двенадцатая армейская группа была незаметно для противника переброшена во Францию в начале июля.

После нескольких недель боев в Нормандии немцы так и не вывели находившиеся в районе Па-де-Кале силы и средства, более того, усилили их двумя дивизиями, снятыми с Восточного фронта. Так что в течение всей первой фазы вторжения немцы бесцельно удерживали в том районе около двадцати дивизий, ничего не перебросив в район боев в Нормандии.

Когда они наконец поняли, что вторжения в районе Па-де-Кале более ожидать не приходится, план «Фортитудо» вступил в третью фазу: удар в Нормандии следовало представить в гораздо больших масштабах, чем он был на самом деле. Были обозначены многочисленные ложные места выгрузки войск и техники с использованием макетов десантных средств и резиновых танков. Среди участников этой операции был и майор Базиль Спенс (ставший впоследствии архитектором нового собора Ковентри).

В ходе Нюрнбергского процесса фельдмаршал Вильгельм Кейтель признал, что немецкая разведка оказалась не в состоянии разгадать ложные маневры англичан по плану «Фортитудо».

Он сказал буквально следующее:

«Вторжение союзников в Северную Францию ожидалось нами, начиная с весны 1944 года, в моменты, когда устанавливалась хорошая погода. О начале высадки войск в Нормандии было сообщено командованию своевременно, однако объявили только обычную тревогу, как и в ряде предшествовавших случаев. Многочисленные выпады и действия поисковых групп стали для нас чуть ли не обычными явлениями... Немецкой разведке не было ничего известно о реальном состоянии хода подготовки союзников к вторжению. Когда десантные средства союзников появились у побережья Нормандии, не была даже объявлена высшая степень боеготовности немецких войск. Дислоцированные во Франции подразделения и части получили лишь распоряжение о боевой готовности...»

После войны среди документации немецкого адмиралтейства была найдена папка, в которой находилось около 250 агентурных сообщений о времени и месте высадки войск союзников. Только в одном из них, полученном от французского полковника в Алжире, сведения были правильными. Должного внимания им, однако, не уделили. Большинство агентов сообщали о том, что вторжение должно начаться в июле в районе Па-де-Кале.

«В то время я считал, что операция «Фортитудо» была успешной на восемьдесят процентов, – писал Джон Бейкер Уайт, английский специалист по ведению психологической войны, – и мнения своего с тех пор не изменил. Это был, пожалуй, самый крупный маневр по введению противника в заблуждение в истории войн. Возможно, что более крупного уже и не будет».

ИНФОРМАЦИЯ ПО ЗАКАЗУ

(По материалам подкомиссии сената США)

Особая форма дезинформации – применение сфальсифицированных сведений и заведомой лжи с целью убедить легковерную часть населения в гнусных и подлых намерениях противника. Советы, довольно часто прибегавшие к такого рода дезинформации, дали ей наименование ложной информации. В советской секретной службе подготовкой и распространением такой

информации занимается целый отдел. Основной объект нападок – правительство США, и распространяется ложная информация главным образом в странах Азии и Африки, где население недостаточно осведомлено о происходящем.

Фальсификации обычно преследуют цель настроить, с одной стороны, общественное мнение в свою пользу и вызвать, с другой стороны, неприязнь и осуждение своих оппонентов. Без сомнения, подобные фальшивки носят наиболее убедительный характер, если имеют вид официального документа. Однако появление такого документа на свет объяснить порой довольно трудно, разве что принципами воровства.

Когда в июне 1957 года леворадикальным китайцам, напавшим на американское посольство в Тайбэе (Тайвань), удалось прорваться в само здание, они взломали шкафы и разбросали бумаги. Без всякого сомнения, это происшествие побудило Советы начать кампанию дезинформации с использованием как раз ложных документов. Публике могли быть предъявлены «сенсационные документы», будто бы найденные в тайваньском посольстве США. Речь, естественно, шла о фальшивках, изготовленных по образцу реальных депеш госдепартамента. Поэтому по своему содержанию они выглядели как подлинные.

Рассматриваемые ниже материалы свидетельствуют о намерении советской стороны подорвать отношения США с правительством Тайбэя, «раскрывая» американский план устранения Чан Кайши (Гиммо) и его ближайшего окружения. В качестве источников информации была использована серия статей англоязычной газеты «Блиц», которая имеет широкое хождение в Азии. Статьи изобилуют выдуманными телеграммами.

Запланированное покушение... ТРЕТЬЯ ВЕРСИЯ: УБИЙСТВО ПОД ВИДОМ АВАРИИ

Гонконг:

Приводим дополнительные данные к тому, что говорилось в нашей газете от 14 сентября, стр. 8. Мистер Карл Ренкин, американский посол в Тайбэе, попал в трудное положение в связи с тем, что во время беспорядков в мае месяце и штурма посольства утрачены важные документы государственной значимости. «Блиц» в состоянии предложить вниманию общественности целый ряд материалов сенсационного характера.

Публикуемые здесь документы являются фотокопиями официальных телеграмм посольства за номерами 508 и 561, из которых видно, что американцы готовят заговор с целью устранить генералиссимуса Чан Кайши, президента национального Китая, – или организовав дворцовый переворот (версия номер 1), или спланировав убийство под видом автокатастрофы (версия номер 3).

Эти документы, включая секретные материалы шифровального отдела, были утрачены посольством во время беспорядков в Тайбэе 24 мая, когда озверевшие массы китайцев ворвались в здание посольства и учинили там погром.

«Ассошиэйтед пресс» в своем сообщении от 26 июня 1957 года подтвердило факт пропажи ряда секретных документов во время этих беспорядков. Вместе с тем было сделано признание, что государственный департамент США провел в связи с этим

специальное расследование.

ТЕЛЕГРАММА, ПОСЛАННАЯ ПОСОЛЬСТВОМ

«Получатель: Секстейт,
Вашингтон
4 апреля 1957 года
№ 508
Оплачено посольством
Шифр: ОТФ
17 часов
Срочно
Строго секретно
Касательно: вашей телеграммы № 1348 от 2 апреля
1957 года

В настоящее время представляется довольно сложным и трудным осуществить версию номер 1, которой, судя по всему, вы отдаете предпочтение. В окружении Гиммо нет людей, которым мы могли бы довериться полностью. Кроме того, у нас нет убежденности, что тот или иной из его приспешников не потеряет в последний момент мужество и не расскажет ему обо всем.

Ситуация осложняется еще и тем, что Чанг Чингкуо осуществляет полный контроль за секретной службой. Поэтому подготовительные мероприятия по версии номер 1 могут быть раскрыты его агентами. Будучи человеком, не склонным к компромиссам, он, скорее всего, примет свои меры, в результате чего намеченное мероприятие будет сорвано.

Исходя из всего вышеперечисленного, считаю версию номер 3 более реальной, хотя она и потребует доработки целого ряда деталей. Ее осуществление будет зависеть от правильного выбора времени, чтобы исключить любое подозрение. Во всяком случае, вполне согласен с вами, что принятие окончательного решения должно произойти как можно скорее.

Ренкин».

ЕЩЕ ОДНА ТЕЛЕГРАММА

«Получатель: Секстейт
Вашингтон
9 апреля 1957 года
№ 561
Оплачено посольством
Шифр: ОТФ
17:30
Срочно
Строго секретно

Последние сообщения из надежных источников, касающиеся поведения окружения Гиммо, показывают, что план, переданный в телеграмме за номером 1348, не решает проблемы.

Лично я считаю, что необходимо идти дальше. Следует предпринять меры, кроме Гиммо, и против тех лиц, которых я назвал в последнем своем донесении. Члены старой гвардии могут

значительно подпортить наши планы. Руководящий состав различных наших служб разделяет это мнение полностью.

В то же время мы будем продолжать вести наблюдение за офицерами и обеспечивать выдвижение на командные должности в армии и авиации надежных людей. На флоте это в определенной степени уже осуществлено.

Учитывая сложившиеся мнения и настроения, я разработал план мероприятий, которые необходимо провести в жизнь, прежде чем предпринять шаги, на которые вы дали свое согласие в телеграмме номер 1348.

Ренкин».

Глава 7 КОДЫ И ШИФРЫ

В «кодовом шпионаже», как его иногда называют, необходимы две составляющие: получение закодированного сообщения от коллеги, находящегося в стане противника, и возможность его прочитать.

Когда в свое время группа заговорщиков планировала освободить Марию Стюарт из заключения, сообщения ей посылались в пивном бочонке, которые легко могла перехватить охрана. Но эти сообщения оказались закодированы, в связи с чем сэр Френсис Уолсингхем, начальник разведки и службы безопасности королевы Елизаветы, вынужден был привлечь к их прочтению эксперта Томаса Фелиппеса, изобретателя и в то же время расшифровщика кодов и шифров.

Ныне, когда для передачи сообщений используется радио, перехватить радиogramмы противника не составляет большого труда. Это может сделать любой человек, имеющий соответствующее оборудование. Совершенно иное дело – их расшифровка. Еще не так давно в различных странах применялись так называемые нормализованные коды, так что охота за такими кодовыми книгами имела смысл. В период Первой мировой войны применялись группы символов (об этом пойдет речь в рассказе о телеграмме Циммермана), которые значительно облегчали прочтение закодированных радиogramм и сообщений. Если удавалось расшифровать значение определенной группы символов, то она легко читалась в последующих радиogramмах. Но с этим в последнее время покончено. Нынешние ключи и коды разработаны так, что очень трудно поддаются расшифровке. Для создания кодов и их расшифровки теперь используются последние достижения науки и самые современные технологии.

Барбара Тухман ОШИБКА НЕМЦЕВ

Афера с известной телеграммой Циммермана является одной из тех причин, которые побудили Соединенные Штаты вступить в Первую мировую войну. Циммерман, который в начале 1917 года занимал пост статс-секретаря в Берлине, послал немецкому послу в Мексике радиogramму, в которой изложил план развертывания немцами неограниченной подводной войны. Поскольку это могло вовлечь США в войну, Циммерман предложил, чтобы Мексика выступила на стороне Германии, за что могла бы получить назад «потерянные» ею территории в Техасе, Аризоне и Нью-Мексико». Закодированный текст телеграммы отправили по каналам связи американского правительства,

которые были предоставлены немцам президентом Вильсоном при условии, что немецкие послания будут служить исключительно делу мира, переговоры о котором начались в 1916 году.

В комнате номер 40 управления английской морской разведывательной службы в Лондоне работала группа аналитиков во главе с известным адмиралом Халлом, которая уже давно раскрыла часть немецкого дипломатического и морского кода. Этим экспертам удалось расшифровать телеграмму Циммермана, текст которой был незамедлительно передан в США и лег на стол президента Вильсона.

Отрывок из повествования Барбары Тухман как раз воссоздает события в комнате номер 40 в день перехвата телеграммы Циммермана.

Утром того дня из пневматического трубопровода в железную корзиночку поступила почта. Дежурный офицер открыл капсулу и просмотрел документы, среди которых находилась и перехваченная телеграмма немцев. Бегло глянув на нее, он установил, что текст ее зашифрован не морским кодом, поэтому он передал телеграмму в соседнюю комнату. На депеше стояла дата 17 января 1917 года. Кровавопролитная война продолжалась к тому времени уже тридцать месяцев без видимых успехов для обеих сторон.

В комнате секретного отдела в Уайтхолле в тот день несли службу два гражданских сотрудника, прямо имевшие отношение к расшифровке кодов. Отдел этот безобидно назывался просто «комната номер 40». Один из служащих – Уильям Монтгомери, долговязый седовласый ученый сорока шести лет, другой – Найджел де Грей, которому исполнилось всего тридцать один год. Они не подозревали, что стояли на пороге исторического события. Де Грей положил на стол перед собой перехваченное сообщение. Оно состояло из цифр в группах – по четыре, пять, а в одном случае и из трех цифр. Де Грей обратил внимание на то, что сообщение необычно длинное. По его оценке в нем насчитывалось не менее тысячи групп.

Утро было морозным и не сулило каких-либо перемен на третьем году войны. Громадные потери в битве на Сомме – 6 тысяч убитых английских солдат только за один день. Всего же за пять месяцев этого сражения обе стороны потеряли более одного миллиона человек, однако линия Гинденбурга так и не была прорвана. Под Верденом союзники и противник уложили полмиллиона человек, и тоже безрезультатно, не добившись никаких стратегических результатов. Противоборствующие стороны сцепились друг с другом наподобие дерущихся и замерших в смертельной схватке лосей. Франция была почти полностью истощена, Россия едва держалась, Румыния, выступившая на стороне союзников, стала театром военных действий и была сильно разрушена.

Положение противника было не лучшим. Немцы питались почти исключительно картофелем, в армию призывали пятнадцатилетних и заделывали трещины в кайзеровской короне все более жесткими мерами. Сделанное ими несколько недель назад предложение начать переговоры о мире были всего лишь предлогом, поскольку планировалось сорвать их несколько позже, однако выиграть время и дать возможность немецкому генеральному штабу принять меры, чтобы подкрутить гайки в слабеющей Австрии, да и в собственном тылу. Таково было предположение экспертов из комнаты номер 40, ибо никаких явных признаков того, что немецкое руководство стремилось к тотальной победе в меньшей степени, чем союзники, не наблюдалось.

Англия еще располагала определенными силами, но не имела денег. И что еще хуже – никаких идей. Новые командующие двигали скрипящую машину

войны по проторенным дорожкам. Они не задавались вопросом, следует ли начинать новое наступление на фронте, их интересовало только то, на каких позициях и в каких окопах они получают более сильный отпор. Конца войны видно не было.

Монтгомери и де Грей принялись изучать группы цифр, не ожидая ничего иного, кроме как дальнейшей затянувшейся бесплодной переписки Берлина с Вашингтоном по вопросам заключения мира. Мирные переговоры были любимейшим прожектором президента Вильсона. Стремясь добиться окончания войны, он пытался найти компромиссное решение, не видя, словно зашоренный, что обе стороны и не помышляют о компромиссе. Берлин, заинтересованный сохранить его нейтралитет, позволял ему произносить длинные речи. Но союзников его разглагольствования только раздражали. Им было нужно не посредничество Америки в деле установления мира, а ее свежие силы и военная мощь. Ничто другое не могло сдвинуть войну с мертвой точки. Америка располагала оружием, деньгами, кораблями и людьми – всем тем, в чем нуждались союзники, но Вильсон практически ничего не предпринимал. Посматривая сквозь очки, он читал обеим сторонам наставления о том, как им следует себя вести. Казалось, что ничто не сможет побудить Америку отказаться от занятой выгодной позиции, и она будет ожидать, пока война не истощит Европу окончательно.

Верхняя группа цифр в тексте была 13042. Де Грей расценил ее как вариант группы 13040, являвшейся титульной в немецком дипломатическом коде. Он сообщил об этом Монтгомери, который тут же открыл сейф и достал из него книгу, которую держал так, будто бы это была склянка с надписью «яд». И хотя на ее обложке не было черепа и костей, история ее как раз и была связана с многочисленными смертями. Чтобы ее заполучить, было перепахано морское дно, а за нее пролито море крови и положены сотни жизней. Это был экземпляр секретной немецкой кодовой книги за номером 13040. Монтгомери достал еще одну книгу, в которой были собраны все известные англичанам варианты кода, полученные в результате сравнения сотен перехваченных телеграмм и радиogramм. Так что им удалось частично реконструировать ключ, по которому была зашифрована телеграмма.

Дешифровщики занялись сначала подписью, которая могла бы указать на посольство. Третьей группой от конца в последней строке были цифры 97556. Такие цифры обычно употреблялись немцами для обозначения имен или редко употребляемых слов. Исходя из собственного опыта, Монтгомери и де Грей сконцентрировали свое внимание именно на этой цифровой группе. И вот как по мановению волшебной палочки появилось имя, хорошо им известное, – Циммерман, немецкий статс-секретарь.

Возвратившись к началу текста, они стали искать адрес. Но вместо имени появились слова «совершенно секретно». Далее они прочитали: «лично к сведению его высокопревосходительства». Поскольку телеграмма адресована в Вашингтон, то таким высокопревосходительством должен был быть немецкий посол граф Берншторф.

Экспертам показалось было, что речь идет о рутинных вопросах, как вдруг появилось необычное слово – «Мексика». Задавшись вопросом, что немцы могут сказать о Мексике, они продолжили работу уже с интересом. Удалось расшифровать слово «союз», а затем к их удивлению возникла «Япония». Слово это повторилось в предложении: «мы и Япония». Посмотрев друг на друга, дешифровщики подумали: а не могла ли Япония, бывшая на стороне союзников, перекинуться к противнику? Они удвоили свои усилия,

перестав бормотать варианты и молча нанося закорючки. Страницы книги кода лихорадочно листались взад и вперед. На бумаге появлялись новые слова, многие из которых после проверки отбрасывались. Через два часа с промежуточными разрывами появился уже вполне читаемый текст.

Он состоял из двух частей, так как посольство получило две различные депеши. Первая была более длинной и адресована Берншторфу. Его уведомляли о намерении Германии начать с 1 февраля неограниченную подводную войну. Этого решения союзники ожидали и побаивались. «Неограниченно» означало, что подводные лодки без всякого предупреждения станут топить все торговые суда, как противника, так и нейтральные, которые только появятся в зоне военных действий. Берншторфу предписывалось не сообщать правительству США об этом решении до 1 февраля. На случай, если бы Америка нарушила нейтралитет в связи с объявлением неограниченной подводной войны, прилагалась вторая депеша. Она состояла из 150 цифровых групп и начиналась словами:

«Берлин, В 158, 16 января 1917 года. Совершенно секретно. Для личного ознакомления его высокопревосходительства и передачи надежным путем кайзеровскому посланнику в Мексике».

Само сообщение посланнику фон Экхардту значилось под цифрой 1, но было расшифровано не до конца:

«Предполагаем начать с 1 февраля неограниченную подводную войну, стараясь в то же время, чтобы Америка оставалась нейтральной... Если нам не удастся (сохранить ее нейтралитет?), предлагаем (Мексике?) союз на следующей основе: (совместное) ведение войны и (совместное) заключение мира... Его высокопревосходительство может предварительно секретно дать понять президенту, (что мы?) войну с США (рассматриваем как вполне возможную?)... (Япония) ...Одновременно содействовать установлению между нами и Японией... Пожалуйста, сообщите президенту, что... наши подводные лодки... принудят Англию через несколько месяцев заключить мир. Получение подтвердите. Циммерман».

Дешифровщики не верили своим глазам. Ведь немецкий статс-секретарь давал им в руки рычаг, с помощью которого можно было встряхнуть Америку. Мексика являлась главным объектом инвестиций США за рубежом и в то же время основным очагом напряженности. Дважды за последние три года американские войска были вынуждены вмешиваться, и на тот день там было задействовано 12 тысяч человек под командованием генерала Першинга. И в отношении Японии Соединенные Штаты были сильно обеспокоены. С учетом этих обстоятельств предложения Циммермана должны были наверняка вывести американцев из состояния нейтралитета.

Тридцать цифровых групп телеграммы расшифрованы еще не были, и дешифровщики никак не могли извлечь из них что-либо вразумительное. Они даже не предполагали, что как раз в них-то и было заключено взрывчатое вещество. Только через несколько дней кропотливой и непрестанной работы они оказались в состоянии реконструировать и эту часть телеграммы. Они установили, что Германия недвусмысленно обещала оказать Мексике содействие в присоединении ранее потерянных областей в Техасе, Аризоне и

Нью-Мексико.

Теперь можно было приступать к действиям. Это уже было прерогативой адмирала Халла, директора морской разведки. Монтгомери выбежал из комнаты, чтобы позвать адмирала. Возвратившись, он пропустил впереди себя человека невысокого роста со здоровым цветом лица и золотыми адмиральскими нашивками на рукавах. Само присутствие адмирала сэра Уильяма Реджинальда Халла вызывало у его подчиненных желание немедленно совершить что-нибудь героическое. Во всяком случае, когда адмирал появился и де Грей, встав, молча протянул ему исписанный листок бумаги, он чувствовал нечто подобное.

– Это Циммерман? – спросил адмирал, пробегая глазами текст.

Периодическое подрагивание век, из-за чего он получил прозвище Подмигивающий Халл, по мере чтения ускорялось, маленькая его фигура, казалось, напряглась, голубые глаза стали лучиться, а седой ежик волос, обрамлявший лысый розовый череп, встал дыбом. К концу чтения перед дешифровщиками сидел демонический Каспар в военной форме.

Халл сразу же понял, что попало в его руки. Оно означало либо смертельную опасность, либо вероятное чудо. Только вступление США в войну смягчило бы опасность неограниченной подводной войны, которая могла достичь ожидаемой немцами цели – отрезать союзников от источников снабжения, прежде чем Америка сумеет отмобилизовать свою армию и послать им помощь.

Халл уже несколько месяцев знал, что именно так и должно было произойти. Подводные лодки никогда не предназначались для благородных целей. Требовать, чтобы они всплывали на поверхность и предупреждали экипаж корабля о предстоящем торпедировании, являя собой цель, по которой жертва могла открыть огонь первой, означало бы свести к абсурду их функции. Он знал, что немцы соглашались с предложениями Вильсона об ограничении их действий не по моральным соображениям, а только потому, что не имели пока достаточного числа подводных лодок. Вместе с тем ему было известно, что трубы заводов в Киле дымили день и ночь, спуская на воду все новые подводные лодки, стремясь как можно скорее довести их число до двухсот, как это требовалось Германии, чтобы устроить морской Верден и принудить Англию встать на колени. Эта телеграмма свидетельствовала, что роковое число «двести» будет в самом скором времени достигнуто.

– Две недели, – сказал Халл.

Через две недели наступит 1 февраля – дата, означенная в телеграмме Циммермана. В этот день усилия Англии по поддержанию своей жизненно важной артерии, шедшей от Персии до ее берегов, будут подвергнуты тяжелым испытаниям. Халл нисколько не сомневался, что слова Циммермана о том, что «Англия через несколько месяцев будет вынуждена запросить мира», не были пустой фразой.

Мысль его работала быстро, и он пытался поставить себя на место немцев. Они начали отчаянную игру, понимая, что неограниченная подводная война может заставить все еще нерешительного дракона, сидевшего в Белом доме, выпрыгнуть из своей клетки. По всей видимости, они рассчитали, что подводные лодки пустят корабли англичан на дно быстрее, чем Америка сможет отмобилизоваться. К тому же она вообще могла и не приступать к этому. В таком случае рискованная попытка себя бы оправдала. Теперь же в руках Халла оказалось средство, любезно предоставленное самим господином Циммерманом, которым наверняка можно было расшевелить американцев.

Вместе с тем Халл понимал, почему Циммерман послал эту телеграмму. На случай, если американцы на угрозу подводной войны объявят войну Германии, Циммерман намеревался устроить им трудности, над устранением которых им пришлось бы повозиться по свою сторону Атлантики. Это была умная тактика, неоднократно опробованная. Он нацелился непосредственно на Мексику и Японию – страны, давно уже враждебно настроенные по отношению к США и которые могли немедленно занять возникшую брешь... Сколь правильный расчет и сколь корректный!

«Да, – думал Халл, – немцы не дураки». Внутренне, однако, он ликовал. Не хватило всего нескольких фатальных сантиметров, чтобы они оказались хитрее. Ведь Циммерман полагал, что его код расшифровке не поддается: разве «научное совершенство» и «сделано в Германии» не являются однозначными понятиями? Поэтому код использовался с самого начала войны без изменений. «На войне нельзя ни во что верить безгранично», – размышлял Халл, хорошо зная, что все радиogramмы немцев перехватывались и прочитывались.

СЕКРЕТЫ СЛЕДУЕТ ХРАНИТЬ

(Статья из журнала «Лайф»)

Эти необычные документы были опубликованы сразу же после окончания Второй мировой войны. Ничего подобного история разведок не знала. В них рассматривается другой аспект кодового шпионажа и показана необходимость тщательно скрывать любые акции, которые дали бы понять противнику, что его коды и шифры вскрыты, а его радиogramмы читаются. В нормальных обстоятельствах это обозначает, что полководец, получивший информацию о силах и средствах противника из подслушанных и расшифрованных его сообщений, не должен показывать ему, что у него происходит утечка информации. В нашем случае то громадное преимущество, которое имели Соединенные Штаты, читая зашифрованную информацию японцев, подвергалось опасности с совершенно другой стороны.

В период избирательной кампании 1944 года генерал Джордж Маршалл написал кандидату от республиканцев Деви два письма, в которых сообщал ему, что армейским дешифровщикам удалось раскрыть японский код «Ультра». Об этом факте поспешили сообщить в журнале «Лайф» в номере от 24 сентября. Главный его редактор Джон Чемберлен писал, что Маршалл преследовал тем самым цель не дать возможности Деви высказать свое отношение к японской политике правительства Рузвельта накануне событий в Перл-Харборе. Содержание писем оставалось секретным до начала декабря 1945 года, когда Маршалл выступил на заседании комитета конгресса, занимавшегося проблемами Перл-Харбора. Текст этих писем приводится ниже дословно.

Пробежав несколько абзацев первого письма, губернатор Деви прекратил чтение, поскольку, как это расценил Чемберлен, «в письме могла содержаться информация, известная ему из других источников, и кандидат в президенты не мог давать непродуманных обещаний».

Генерал Маршалл написал ему второе письмо, в котором говорилось, что губернатор может считать себя свободным от каких-либо обязательств. На этот раз Деви прочитал письмо до

конца, решив после раздумий и консультаций с ближайшими помощниками не использовать в ходе избирательной кампании полученную им информацию.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

«Совершенно секретно
(лично мистеру Деви)
25 сентября 1944 года

Глубокоуважаемый господин губернатор!

Пишу вам, не посвятив в суть вопроса никого, кроме адмирала Кинга (давшего клятвенное обещание молчать об этом), поскольку мы сталкиваемся с большими трудностями, связанными с политическими выводами, которые сделал конгресс, рассмотрев вопрос о нападении японцев на Перл-Харбор.

То, о чем я хочу вам сообщить, носит строго секретный характер, и я хочу в связи с этим просить вас либо никому ничего не говорить о содержании письма, либо вообще не читать его дальше и сразу же вернуть человеку, передавшему его вам.

Было бы, конечно, лучше, если бы мне удалось переговорить с вами лично. Но я не могу этого сделать, чтобы не давать повода прессе и радио высказывать свои догадки, почему начальник штаба сухопутных войск в этот исключительный момент ищет встречи с вами. Поэтому я написал это письмо, которое передаст вам полковник Картер Кларк. Полковник является начальником секретного отдела военного министерства.

Вкратце дилемма, вытекающая из политических дебатов в конгрессе, состоит в следующем.

Элементарную оценку перл-харборской истории дают сведения японских дипломатов, перехваченные нами. Наши дешифровщики уже в течение ряда лет занимались проблемой конструкции машины, которую японцы используют для зашифровки своих дипломатических переговоров и информации. Исходя из этого, нами была сконструирована машина такого же типа, которая осуществляет дешифровку.

С тех пор мы располагали огромным количеством информации о передвижениях японцев в Тихом океане. Эту информацию мы передавали в государственный департамент (дело в том, что мы снабжаем госдепартамент информацией, а не наоборот, как это представляется публике). К несчастью, в перехваченной информации ничего не говорилось о японских планах в отношении Гавайев. Поступило только сообщение от 7 декабря, попавшее в наши руки лишь 8 декабря, когда было уже поздно.

Основным вопросом нынешней дилеммы является то, что мы, продолжив свою работу по расшифровке кодов, раскрыли и другие ключи, в том числе и немецких шифров. Основная информация о намерениях Гитлера в Европе поступает из сообщений барона Ошимы, который передает из Берлина японскому правительству подробности о своих переговорах с Гитлером и немецким руководством закодированными радиограммами. Шифр в них используется тот же, что и в период событий в Перл-Харборе.

Должен пояснить деликатность ситуации, поскольку наше преимущество может быть сведено к нулю, как только у японцев

возникнет хоть малейшее подозрение о том, что мы читаем их сообщения. Так, например, перед сражением в Коралловом море нам стали известны планы и намерения японцев, в результате чего даже то небольшое количество кораблей, которые находились в том районе, оказались в нужное время на нужном месте. Кроме того, нам удалось сосредоточить свои ограниченные возможности, чтобы воспрепятствовать действиям японцев на островах Мидуэй, тогда как основные наши силы находились на удалении порядка 3 тысяч миль.

Нам были полностью известны силы их флота— в период этой операции, а также то, что на Алеуты они высадились немногочисленным отрядом, захватив лишь Атту и Киску.

Наши операции на Тихом океане в значительной степени определяются той информацией, которую мы получаем о тех или иных сосредоточениях японских сил. Нам известны численность их гарнизонов, запасы продовольствия и боеприпасов в них и их подвоз. Более того, что особенно важно, мы контролируем передвижение флота и знаем маршруты их конвоев.

Большие потери японцев в кораблях, вызванные атаками наших подводных лодок, объясняются тем, что мы своевременно узнаем точные даты выхода в море конвоев и их маршруты и направляем подводные лодки в соответствующие районы.

Атаки самолетов с авианосцев адмирала Халзи на японские корабли, стоявшие, например, в бухте Манилы и других местах, исходят из правильного выбора времени и мест нахождения конвоев.

Из вышесказанного вы можете видеть, к каким трагическим последствиям могут привести политические дебаты, ведущиеся в настоящее время в конгрессе по вопросу о Перл-Харборе, если нашим противникам (как японцам, так и немцам) будет дан хоть какой-то намек к размышлениям об источниках, из которых мы черпаем информацию.

Из доклада Робертса по Перл-Харбору в свое время были исключены совершенно секретные факты, вследствие чего он получился неполным. То, что определило эти меры в то время, ныне необходимо в еще большей степени, так как наши возможности наблюдения и контроля значительно возросли.

Разрешите привести еще один пример щекотливости ситуации. Люди Донована (управление стратегических служб), не поставив нас в известность, учинили «обыск» в служебных помещениях японского посольства в Португалии. Эта акция привела к тому, что японцы сменили код, используемый военными атташе. Хотя с тех пор прошло уже более года, расшифровать новый код нам еще не удалось. Так что этот источник информации нами потерян, а ведь он давал возможность судить о положении дел в Европе.

Из недавнего выступления конгрессмена Харнесса японцы могут сделать вывод, что мы читаем их коды, хотя сам мистер Харнесс, да и американская общественность вовсе не это обстоятельство имели в виду.

Проведение операций генералом Эйзенхауэром, в частности, и все операции в Тихом океане зависят по времени и своему осуществлению от информации, которую мы получаем из перехваченных закодированных сообщений противника. Это обеспечивает не только наши победы, но и сохраняет жизнь многих американцев — с учетом ведущихся еще военных действий и скорого

окончания войны.

Привожу все эти факты для вашего сведения в надежде, что вы оцените актуальность затрагиваемой проблемы и возможность трагических последствий, которые могут быть вызваны ведущейся сейчас политической кампанией, а они должны быть обязательно предотвращены. Хотел бы добавить, что недавнее предложение конгресса рассмотреть официально способы и методы получения информации в войсках и на флоте вынудило меня отозвать в Соединенные Штаты командира корпуса генерала Герова. Его подразделения и части ведут бои под Триром, а он вызывается для дачи показаний в то время, как немцы перешли там в контрнаступление! Но это – мелочь по сравнению с угрозой потери сведений, получаемых радиоразведкой.

Пожалуйста, возвратите это письмо через его подателя. Я буду хранить его в сейфе с другими секретными документами и представлю вам, если вы того пожелаете.

Преданный вам Д. Маршалл».

ВТОРОЕ письмо

«Совершенно секретно
(лично мистеру Деви)
27 сентября 1944 года

Глубокоуважаемый господин губернатор!

Полковник Кларк, мой вчерашний посланник (26 сентября), сообщил мне о результатах передачи вам моего письма от 25 сентября. Если я его правильно понял, вы:

а) не были готовы к договоренности, заключающейся в «непередаче кому-либо сообщенного вам», поскольку вы полагали, что некоторые факты вам и без того известны – из числа тех, о которых шла речь в письме, что вызвано было, по всей видимости, словами «секретный код»;

б) посчитали необходимым, чтобы о таком письме, посланном вам офицером в моем положении, как кандидату в президенты, знал президент.

Что касается пункта «а», то я вполне уверен в том, что вы прочтаете все письмо до конца и не скажете ничего третьим лицам о сообщенном вам лично мною.

В отношении пункта «б» даю свое слово, что ни военный министр, ни президент не будут знать о посланном мною вам письме или намерениях сообщить вам подобную информацию.

Заверяю вас, что лицами, видевшими эти письма или знающими о их существовании, являются адмирал Кинг и семеро высших офицеров, ответственных за обеспечение безопасности разведывательной службы, да еще мой секретарь, напечатавший эти письма.

Хочу, чтобы вы поняли, что эти письма направлены вам по моей личной инициативе. С адмиралом Кингом я посоветовался лишь тогда, когда они были уже написаны. Я придаю рассматриваемым в них вопросам столь большое значение, так как связанный с ними риск чрезвычайно велик. Убежден в том, что следует предпринять все возможное, дабы соблюсти интересы вооруженных сил...»

(Далее во втором письме в основном повторяется содержание первого послания.)

Глава 8

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА

Примеры, которые приводятся в этом разделе, показывают тесную взаимосвязь между наукой и техникой и разведывательными службами.

Привлечение современных научно-технических средств к разведывательной деятельности (У-2, спутники, аппаратура для определения испытательных ядерных взрывов) поставило с ног на голову не только шпионаж, но и само ведение военных действий. Если нападающий предполагает массированным ядерным ударом сделать противную сторону небоеспособной и не дать ей возможности нанести ответный удар, то особое внимание следует обращать на состояние его ракетных средств. Так, например, когда удалось обнаружить с помощью самолетов У-2 строительство Советами ракетных баз на Кубе и оповестить об этом мировую общественность, то это заставило русских отказаться от своих намерений. На помощь У-2 пришли затем разведывательные спутники. Авиаразведка и разведка из космоса сделали со времен Второй мировой войны громадные шаги вперед, позволяя делать снимки совсем небольших объектов.

Интересный пример оценки результатов аэрофотосъемки привел в апреле 1966 года Питер Уайт в своей статье в «Нью-Йорк тайме»:

«Непосредственно перед высадкой войск на остров Макин во время Второй мировой войны была произведена аэрофотосъемка позиций японцев, число которых было оценено в 4 тысячи человек. Как потом оказалось, остались неучтенными лишь 40 человек. Такая точность была достигнута благодаря подсчету туалетов, рассчитанных по японским уставам на определенное количество военнослужащих».

Хотя в наш век научно-технического прогресса поступают на вооружение все новые инструменты и приборы, с помощью которых облегчается ведение разведки, с повестки дня не снимается необходимость правильного использования тех или иных факторов, чтобы сделать соответствующие (и верные) оценки и выводы.

Констанс Бабингтон-Смит

ПОДСМОТРЕНО С ВОЗДУХА

О значительных успехах английских и американских специалистов в области аэрофотосъемки в период Второй мировой войны рассказывается в книге Бабингтон-Смит. Именно с их помощью были обнаружены заводы по изготовлению и испытаниям ракет в Пенемюнде на Балтийском море и установка по их запуску на побережье Северного моря (речь шла о ракетах Фау-1 и Фау-2). Примерно в то же время я получил агентурные сообщения от немецких и австрийских промышленников.

Об одной из сторон деятельности воздушной разведки в последний год войны известно мало, а ведь ей уделялось достаточно серьезное внимание. Речь идет о наблюдении и поиске хорошо замаскированных и разбросанных на большой территории цехов по производству частей для новых реактивных истребителей нацистов.

Хотя большинство крупных немецких авиационных заводов к весне 1944 года были разрушены настолько, что повторных налетов и бомбежек не требовалось, у немцев стали появляться новые реактивные истребители Me-262 и Me-163, успешно вступавшие в воздушные бои с союзной авиацией и вносившие несомненное замешательство своими тактико-техническими возможностями. Поэтому необходимо было как можно быстрее воспрепятствовать их выпуску, обнаружить и разбомбить производящие эти истребители заводы.

Немцы, однако, проявили хитрость и сметку. Их министр вооружений Шпеер был полон решимости сделать неуязвимой свою программу, призванную скрыть заводы и цехи, занятые выпуском этих машин нового поколения. Когда летом 1944 года мне пришлось вплотную заняться этой проблемой, союзники вели поиск уже по всей территории Германии. Мы использовали малейшие намеки, указания и отрывки сведений, приводившие подчас к необычным объектам – больницам для умалишенных и шоколадным фабрикам, громадным подземным заводам и фабрикам по обжигу кирпича, а также туннелям под шоссе и дорогами. Нам пришлось отказаться от старых привычных представлений о возможном и невозможном, проводить дальнейшие исследования, обращая внимание на все необычное, что фиксировали наши фотоаппараты.

На аэрофотоснимках мы отмечали признаки децентрализации, проявляющиеся в баварских Альпах, небольших силезских деревушках, на побережье Балтийского моря, вплоть до польской границы. Еще в 1943 году немцы стали красить отдельные заводы защитной краской, что нисколько не сбило нас с толку. Как раз наоборот, мы могли с первого же взгляда определить, какие заводы заняты выпуском военной продукции. Шпеер и его люди, видимо, поняли это и пришли к выводу, что лучшей маскировкой является полное ее отсутствие. Поэтому мы обращали внимание на любые мелочи: пристройки к зданиям, некоторое увеличение автомобильного и железнодорожного движения, признаки работавших заводов и цехов в отличие от пустовавших. При съемках аэродромов, где мог осуществляться монтаж истребителей, мы следили за наличием следов от колес на взлетно-посадочных полосах и даже травяном покрытии. Слабо видимые эти следы образовывались от вдавленных в землю травинок. Если аэродром бездействовал, быстро вырастающая трава закрывала следы. Это напоминало известную детскую игру «бабушка ищет», когда ребята должны быстро попрятаться. Зачастую мы были вынуждены говорить: «возможно» или «предположительно». Когда же удавалось обнаружить места, связанные с производством истребителей, то на них немедленно сбрасывались бомбы. Так случилось с небольшой обувной фабрикой в баварском Вассербурге, на территории которой мы обнаружили крылья для Me-262. Фабрика была полностью разрушена, но директор ее остался жив. Когда после войны туда прибыли представители союзнической контрольной комиссии, он с изумлением спросил:

– Откуда это им стало известно?

Джеймс Макговерн НЕВЗОРВАВШАЯСЯ РАКЕТА

Тот факт, что нацисты к концу Второй мировой войны перенесли

испытания своих ракет в Польшу (поскольку их стало опасно проводить в самой Германии), позволил польским подпольщикам, связанным с английской секретной службой, вести наблюдения за ходом этих испытаний.

Ракета, которую союзники называли Фау-2, у немцев имела обозначение А-4. Близна – один из небольших польских городков. Здесь испытаниями руководил генерал Дорнбергер. Его ассистентом был доктор Вернер фон Браун, который переселился после войны в Соединенные Штаты и стал одним из известнейших экспертов Америки в области ракетостроения.

Хотя испытания А-4 и внесли улучшения в конструкцию ракеты в те жаркие дни июля 1944 года, многие из них взрывались в воздухе на расстоянии нескольких километров от старта. Дорнбергер посоветовал фон Брауну выехать в Польшу и обосноваться в том пункте, где проводились пуски ракет по цели. Пока что ни одна из них еще не поразила обозначенную цель. Как потом вспоминал фон Браун, он стоял как-то на вышке, чтобы засечь, когда появится ракета, запущенная в Близне, что в трехстах километрах от намеченной цели. Когда по времени ракета должна была появиться, он заметил на горизонте белую черточку, которая стремительно двигалась по небу. К своему ужасу, он понял, что ракета летит прямо на него.

«Мне оставалось лишь броситься на землю, и в тот же миг раздался громopodobный взрыв, которым меня отбросило в ближайшую канаву, к счастью не зацепив. Эпицентр взрыва находился на расстоянии каких-то трехсот метров, и меня просто чудом не разорвало на куски».

Ракета становилась все более управляемой. Однако за ее испытаниями следили из непосредственной близости не только фон Браун и его сотрудники. Наблюдение осуществляли и члены польской подпольной организации. Когда поляки сообщили о подозрительных строительных работах в Близне, они получили указание от британской секретной службы выяснить все, что там происходило.

Поляки передали в Лондон много полезной информации, в том числе и о Фау-1, которая проходила испытания также в Близне. Требование же овладеть одной из ракет, захватить какого-нибудь немецкого специалиста или добыть части ракет, сошедших с курса, оказалось трудновыполнимым. Члены польского движения Сопротивления не имели ни оружия, ни транспорта. Здоровых мужчин, избежавших немецких концлагерей, не попавших в рабочие батальоны и оставшихся в живых, было очень мало. Да и они начали партизанскую войну по требованию польского эмигрантского правительства, лишь когда части Красной армии вышли к польской границе.

Тем не менее подпольщики не только сами вели наблюдение за ходом испытаний ракет, но и записывали рассказы крестьян, которые жили на траектории испытаний. Так что они знали о каждом пуске, но не успевали к местам падения ракет, чтобы собрать какие-либо оставшиеся части, поскольку немцы управлялись быстрее. С отчаянием наблюдали поляки, как те вывозили все подчистую.

Но вот однажды ракета упала на песчаный берег Буга недалеко от деревни Сарнаки и не взорвалась. Немецкая моторизованная группа немедленно направилась в район ее падения, но на этот раз поляки их опередили. Они увидели, что ракета целехонька, но у них не было ни времени, ни средств, чтобы увезти ее оттуда.

Одному из партизан в голову пришла спасительная идея. Двадцать человек, хотя и с большим трудом, ухитрились столкнуть ракету в реку. Однако

ее было видно в воде. Неподалеку на лугу паслось стадо коров, и поляки быстро загнали их в реку. Через пять минут появились немцы. Коровы за это время взбаламутили воду, и немцы, ничего не заметив, поехали дальше на поиски.

С наступлением темноты поляки возвратились с инструментами, тремя старенькими грузовичками и группой техников. Ракету вытащили из воды и разобрали на части при свете факелов, прикрываемых одеялами. Невзорвавшаяся головная часть представляла собой большую опасность. В ней было до тонны взрывчатки. Поляки, зная, что малейшее неверное движение приведет к взрыву и разнесет всех на куски, извлекли взрыватель. Перед рассветом грузовички уехали, увозя бесценный груз.

Британскую секретную службу оповестили, что польским подпольщикам удалось наконец овладеть немецкой ракетой, находившейся в хорошем состоянии. Англичане ответили, что нужно во что бы то ни стало доставить ракету в Англию. Вывезти же ракету весом около двенадцати тонн и длиной двенадцать метров из оккупированной Польши представлялось довольно сложной проблемой.

В конце концов из Лондона сообщили план, который можно было бы осуществить, если точно выдержать все условия. Британская авиабаза в Бриндизи (Италия) находилась на удалении около тысячи километров от Польши. Стартовавший оттуда бомбардировщик с грузом оружия, боеприпасов и продовольствия приземлился совсем недавно на один из заброшенных аэродромов, был разгружен в течение всего десяти минут и улетел обратно. Немецкая авиация ничего при этом не заметила. Этот маленький аэродром, получивший кодовое наименование Мотылек, и был избран местом для вывоза ракеты. Надо было все так приготовить к погрузке, чтобы самолет находился на аэродроме не более двадцати минут. В противном случае немцы, что-либо заподозрив, наверняка пошлют туда моторизованный патруль.

С этим предложением поляки согласились, хотя не имели представления, какой же бомбардировщик сумеет поднять груз в двенадцать тонн. Лондон на их запрос разъяснил, что вся ракета практически не нужна и что необходимы только важнейшие ее части и точный чертеж всех ее компонентов. Косиан, инженер и авиаконструктор, член подпольной организации, в течение трех недель готовил необходимые чертежи, тогда как другие инженеры отделяли то, что казалось им наиболее важным, и упаковывали в ящики.

Утром 25 июля 1944 года поляки получили радиogramму, что самолет прибудет ночью. Под проливным дождем они доставили ящики на Мотылек, а около 400 подпольщиков, вооруженных старыми винтовками и карабинами, заняли позиции вокруг небольшого лесочка, окружавшего аэродром. Им было известно, что наземное подразделение немецкой авиации в количестве 400 человек расположено всего в полутора километрах от аэродрома, а в деревне, находившейся от него на расстоянии трех километров, был расквартирован немецкий кавалерийский эскадрон.

Под вечер, в половине пятого, дождь прекратился. Поляки пришли в ужас, увидев, как на раскисшее от дождя поле аэродрома Мотылек приземлился немецкий истребитель. Через пять минут к нему присоединился второй истребитель. Почти одновременно с этим поляки получили радиogramму, что английская «дакота» стартовала из Бриндизи. Немецкие самолеты оставались на аэродроме до наступления темноты, затем улетели так же неожиданно, как и появились. Видимо, они совершали учебный полет.

Ночь была темной и тихой. Слышны были только далекие отзвуки

артиллерийской канонады, доносившиеся с востока: русские начали июльское наступление. Около полуночи подпольщики услышали гул моторов приближавшегося самолета. Они выбежали на поле аэродрома, указав его местонахождение осветительными ракетами и показав направление ветра красными сигналами в форме стрелы. «Дакота» сделала три круга и пошла на посадку. Косиян с важнейшими деталями ракеты и чертежами поднялся на борт. Вся операция длилась не более десяти минут. Двигатели самолета, продолжавшие работать, взревели.

Но тяжело нагруженный бомбардировщик даже не пошевелился. Его колеса утонули в мокром грунте. Секунды проходили за секундами, но «дакота», запустив двигатели на полные обороты и подняв шум на всю округу, только вибрировала. Когда прошел почти час с момента посадки, пилот предложил выгрузить ракету, а самолет сжечь.

Но поляки были против такого предложения. Сбегав в ближайшую деревню, они возвратились с лопатами и другим инструментом. Перед колесами «дакоты» прорыли узкие канавки и забросали их травой и досками. Еще через полчаса самолет пошевелился, постепенно набрал скорость и оторвался от земли. Поднявшись над деревьями, он сделал круг и скрылся.

«Все мы, находившиеся на земле, растворились в темноте», – писал потом один из очевидцев.

Другой отметил:

«Немцы, которые находились неподалеку и, видимо, слышали шум, то ли слишком устали от ускоренных и изнурительных маршей, то ли не хотели вступать в ночной бой с партизанами и подпольной армией... Они даже не проявили признаков жизни».

«Дакота» избежала атаки немецких истребителей и по пути в Бриндизи. Косиян с чертежами и важнейшими деталями ракеты оттуда доставили в Лондон. Его подвергли самому настоящему «допросу» специалисты ракетного центра англичан в Фарнборо – как человека, видевшего всю ракету и несколько недель занимавшегося ею. Ему предложили остаться в Англии, но он предпочел возвратиться на родину, где еще было много дел.

«Мужественный Косиян, – написал о нем Уинстон Черчилль, – возвратился в Польшу, где был позднее схвачен гестапо и казнен 13 августа 1944 года в Варшаве».

Информация, предоставленная Косияном, и привезенные детали позволили союзникам принять до конца августа меры для борьбы с ракетами, которые получили кодовое название Большой Бен.

Льюис Штраус И ВЕТРЫ ДАЮТ ИНФОРМАЦИЮ

Когда Соединенные Штаты в 1950 году оказались перед проблемой возможного поражения их территории ядерными ракетами, возник вопрос о необходимости подготовки контрмер. Правда, такая опасность грозила еще в отдаленном будущем. Но Советский Союз, а вслед за ним и коммунистический Китай резко увеличили свой ядерный потенциал и разработали средства доставки ядерного оружия. По вполне понятным причинам такое нападение могло быть подготовлено и осуществлено тайно и внезапно, так как отпадала необходимость проводить мобилизацию и сосредоточивать сухопутные войска и флот, как требовалось ранее для нападения.

В век стремительного развития науки и техники усилия разведки следовало направить прежде всего на получение информации об успехах других стран в области усовершенствования ядерного оружия и ракетной техники, что и стало главной задачей нашей разведывательной службы. Когда в 1950 году был создан новый разведывательный высотный самолет У-2, его полеты во многом позволяли быть в курсе дел именно стратегических областях – прежде всего в Советском Союзе. Надо было знать, сколько пусковых установок имеет советская сторона и где они размещены. Вместе с тем требовалась также информация о проведении там ядерных испытаний. Наши специалисты и прежде всего адмирал Льюис Штраус, который был в то время председателем комиссии по атомной энергии, пришли к выводу о необходимости установить контроль за атмосферой, что позволило бы судить о проведении таких испытаний. Как он себе представлял такую систему контроля, как раз и повествуется в отрывке из его книги воспоминаний.

Советский представитель в Организации Объединенных Наций еще в 1946 году дал понять, что в миролюбивой коммунистической России «хорошо осведомлены» о всем существенном, что касается атомной энергии. Но атомная энергия в его стране используется только в мирных целях, например для изменения русла рек или сноса гор. Это известие в мире, еще не восстановившем свои силы после шестилетней опустошительной войны, было воспринято весьма положительно.

Между тем оказалось, что мировая общественность отреагировала на подобные заявления с детской доверчивостью, поскольку действия и намерения советской стороны были не столь уж и мирными. Поэтому нашлись люди, которые восприняли подобные заявления скептически. К их числу относились и члены американской комиссии по атомной энергии.

Создание этой комиссии было утверждено сенатом в апреле 1947 года. На одном из первых же заседаний мы рассматривали меморандум, направленный мной моим коллегам. В нем я, в частности, констатировал, что в период осуществления манхэттенской программы контроль за радиоактивностью атмосферы не велся. «А он помог бы нам установить, проводили ли в то время другие страны какие-либо испытания атомного оружия. Можно с уверенностью предполагать, что любая страна, которая стремится создать собственное атомное оружие, должна провести хотя бы одно его испытание. Поскольку такой системы контроля не существует, наша настоятельная обязанность – предпринять шаги к ее созданию». Мои выводы поддержало большинство членов комиссии. Председательствующий же заявил: поскольку я внес такое предложение, то и должен приступить к его реализации.

В то время существовало отрицательное отношение к любой контрольной деятельности, так как считалось, что это пустая трата времени, людей и денежных средств. Большинство специалистов даже считали, что создание атомной бомбы при нынешнем состоянии советской науки и возможностей и мощностей промышленности Советского Союза попросту невозможно. По их оценкам, русские смогут приступить к созданию ядерного оружия не ранее как лет через пять. Разведывательные сведения, представленные президенту Трумэну, свидетельствовали, что этот срок может быть укорочен. Но никто не ожидал проведения там атомного взрыва ранее 1952 года. По мнению большинства, срок этот следовало отодвинуть на более позднее время, и вообще до того, как русские смогут приступить к созданию атомной бомбы, утечет много воды, так что беспокоиться не о чем.

В мае 1947 года, убедившись, что никакой программы контроля не существует, русские посчитали необходимым не только приступить к техническому созданию такой системы, но и добиться того, чтобы какое-нибудь ведомство на правительственном уровне взяло на себя ответственность за нее. Создавшаяся ситуация могла допустить своеобразное повторение Перл-Харбора. Вместе с тем оказалось, что многие ведомства заинтересованы в создании службы контроля – объединенный комитет начальников штабов, сухопутные войска, войсковая авиация, флот, Центральное разведывательное управление, совет по исследованиям и развитию, государственный департамент и наша комиссия. Естественно, заниматься разработкой и осуществлением этого проекта каждое из этих ведомств не могло, да и какая-либо объединенная комиссия вряд ли добилась бы успеха. Следовало возложить эту задачу на кого-то одного.

В качестве следующего шага я нанес визит морскому министру Форрестолу. Его реакция на мое сообщение о том, что у нас нет постоянной службы контроля, способной установить, проводят ли русские испытания атомного оружия, была предсказуема:

– Черт побери, такого быть не должно!

– Отлично, – согласился я. – Во всяком случае, ты точно знаешь, что на флоте такой службы нет, в противном случае ты слышал бы об этом. Можешь позвонить Кену Ройяллу и уточнить, нет ли в сухопутных войсках или в войсковой авиации чего-либо подобного.

Форрестол схватил трубку телефонного аппарата и позвонил статс-секретарю Ройяллу. Тот перезвонил через несколько минут и сообщил, что в военном министерстве нет даже такого проекта и что там сомневаются в его необходимости.

– Джим, – сказал я, – если ни один род войск не хочет этим заниматься, тогда займется наша комиссия. Но тогда придется закупить самолеты и принять на службу пилотов. Деньги на это должен дать конгресс, когда узнает, что у нас нет системы контроля в этой области.

Форрестол сразу же понял, куда я клоню. Мы отправились с ним к статс-секретарю Ройяллу, чтобы вместе пообедать и обсудить этот вопрос.

15 сентября мы встретились снова, а на следующий день генерал Дуайт Эйзенхауэр отдал распоряжение генералу Карлу Шпаатцу и командующему военно-воздушными силами составить программу с целью «определения времени и места мощных воздушных взрывов в любой точке земного шара и уточнения, имеют ли они ядерное происхождение».

Детали созданной системы контроля и наблюдения за воздушным пространством около десяти лет держались в секрете – вплоть до проведения совместно с Советским Союзом конференции о прекращении ядерных взрывов в 1958 году. А тогда, в 1947-м, мы располагали только некоторыми данными о первом взрыве в Аламогордо в 1943 году и двух взрывах на Бикини в 1946 году. Уже в то время были произведены замеры воздуха на различных расстояниях от эпицентра взрывов, но сделать каких-либо выводов по ним было нельзя. Поэтому была предпринята попытка провести контроль за взрывом, запланированным на весну 1948 года вблизи Энветока, чтобы разработать методику проведения атомных взрывов.

В период рождественских каникул 1947-1948 годов ко мне пришли два офицера военно-воздушных сил и сообщили о нехватке у них средств для приобретения необходимого инструментария по программе. Недоставало порядка миллиона долларов, а некоторые заказы нужно было сделать

немедленно, чтобы продукцию изготовить вовремя. Поскольку дорог был каждый день, а до возвращения всех членов комиссии с каникул нельзя было провести ее заседание, я согласился выдать личные деньги. Заседание комиссии состоялось 6 января, на котором было – к моему облегчению – принято решение о выделении необходимых средств из бюджета.

Серия опытов под кодовым названием «Зандстоун» (песчаник) была проведена на Тихом океане на атоллах (Маршалловы острова). В результате было установлено, что атомный взрыв можно обнаружить не только на земле, но и в атмосфере, причем без особых трудностей.

Но даже и после этого многие специалисты считали, что в этом нет особой необходимости. Еще в июне 1949 года подкомиссия по атомной энергии объединенного совета по вопросам исследований и развития министерства обороны придерживалась мнения, что средства, которые потребуются на программу контроля, можно с большей пользой использовать на другие цели.

Однако в том же году, 3 сентября, произошло событие, которое показало, что средства, израсходованные на эту программу, истрачены не зря. Бывший президент Трумэн написал по этому поводу следующее:

«...Один из самолетов дальнего контроля взял пробу воздуха, которая оказалась явно радиоактивной. Тогда была запущена на полные обороты вся система контроля. Облако с подозрительной субстанцией американские самолеты преследовали от северных районов Тихого океана до Британских островов, где к ним присоединились и английские самолеты. Центральное разведывательное управление с самого начала держало меня в курсе дела».

Было довольно трудно доказать, что это – не ошибка нашей системы контроля и наблюдения, ведь успех советской стороны был весьма неожиданным. Результаты замеров воздуха несколько раз перепроверили, и 21 сентября президенту доложили, что без всякого сомнения в азиатской части Советского Союза в период с 26-го по 29 августа произведен атомный взрыв. 23 сентября президент сообщил о случившемся кабинету министров и сделал заявление:

«По моему глубокому убеждению, американский народ имеет право получать исчерпывающую информацию о всех событиях в области атомной энергии, поскольку это связано с требованиями национальной безопасности.

Мы располагаем необходимыми данными, что несколько недель тому назад в Советском Союзе был произведен атомный взрыв. С тех пор как человек впервые высвободил атомную энергию, следовало ожидать, что и другие государства со временем будут в состоянии использовать эту энергию в своих целях.

С возможностью такого развития событий мы постоянно считались.

Еще четыре года назад я указывал, что практически – по общим взглядам ученых – основные теоретические положения, на которых основывается это открытие, широко известны. Существует мнение, что научные исследования за рубежом рано или поздно достигнут нашего уровня знаний...

Недавнее событие показывает – если в таком утверждении еще имеется надобность: необходимо создать эффективный и строго соблюдаемый международный контроль за атомной энергией, который будет поддерживать американское правительство и огромное большинство членов Организации Объединенных Наций».

Даже после того, как мы обнаружили первый атомный взрыв (подчеркиваю, первый, установленный нами) в Советском Союзе, имелись еще

скептики, считавшие, что это был не подрыв атомной бомбы, а скорее всего, что-то непредвиденное в ходе испытаний этой опасной материи. Отголоски такого восприятия отражены и в выступлении президента, который говорил не об испытании ядерного оружия, а об атомном взрыве.

С различных сторон раздавались голоса о необходимости приостановить программу дальнего контроля за атмосферой. Было даже отдано распоряжение об аннулировании заказов на оборудование и инструменты, которое удалось с большим трудом отменить, чтобы суметь закончить проведение анализа продуктов распада первого советского атомного взрыва.

О последующих атомных взрывах в России мы сообщали немедленно. Когда осуществлялось несколько взрывов подряд, мы говорили о проведении серии испытаний, не вдаваясь в подробности отдельных экспериментов.

Яркой и впечатляющей демонстрацией способности регистрации удаленных ядерных взрывов явилось обнаружение в Вашингтоне взрывов в Тихом океане. Нам удалось зафиксировать не только взрывную волну, хоть и сильно ослабленную, но и воспроизвести грохот самого взрыва на Бикини в 1954 году. А ведь это испытание термоядерной бомбы происходило на удалении в несколько тысяч километров!

Можно задним числом представить себе, как бы пошло дальнейшее развитие событий, если бы в 1949 году не была создана система контроля за атмосферой. Мы не знали бы тогда об успехах, достигнутых Советским Союзом, и не приняли бы решительных мер по созданию термоядерного оружия. Для поддержания нашего военного превосходства необходимо было иметь более мощную бомбу, коль скоро русские сумели создать атомную, исходя из принципа расщепления ядра. Но эта задача могла быть невыполненной, учитывая сильное противодействие нашим усилиям, о чем я говорил выше. Если бы победили наши противники, Соединенные Штаты безнадежно отстали бы в гонке вооружений, поскольку русские уже в 1953 году создали термоядерное оружие, намного мощнее и опустошительнее всего того, чем располагали мы.

Конечно, можно только предполагать, как развернулись бы дальнейшие события в подобном случае. Опыт истории показывает, что вряд ли коммунисты отказались бы от угрозы использования и даже применения этого мощного оружия. Не стоит говорить о том, что такое положение дел оказало бы деморализующее воздействие на так называемые нейтральные страны и государства, не входящие в военно-политические блоки. Мы неминуемо оказались бы перед выбором: компромисс, попытка умиротворения, капитуляция или же война. Решение, принятое в 1947 году о создании системы обнаружения атомных взрывов, исходя из контроля атмосферы, оказалось правильным и имело гораздо большее значение, чем мы тогда предполагали.

Глава 9

ОЦЕНКА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Работа самого хорошего офицера разведки и способных агентов может оказаться бесполезной, если там, куда поступает их информация, ее используют неправильно, или же она приходит с опозданием, и уж тем более если ее оценивают ошибочно. Приведенные мной примеры как раз иллюстрируют сказанное. В обоих случаях – Перл-Харбор в 1941 году и Арденнское сражение в 1944 году – оценку поступившей информации произвели неправильно, что

привело к трагическим последствиям.

Оба эти события, столь различные по своему характеру, имеют тем не менее нечто общее: нежелание приписать противнику действия, которые, по нашему пониманию, являлись абсолютно неразумными. Мы не могли поверить, что японская военщина, располагавшая хорошими операционными возможностями в Юго-Восточной Азии в 1941 году, решится на фронтальное нападение на Перл-Харбор, которое являлось для Японии самоубийственным. Нечто подобное было и с Арденнским сражением. Характер наступательных действий, избранных нацистами при их ограниченных средствах и силах, противоречил их же собственным интересам на перспективу. Поэтому мы посчитали, что они на такое не решатся. Нашим оценщикам следовало учитывать, что противник может видеть ту или иную ситуацию в совершенно другом свете и что он примет решение, которое мы рассматриваем по меньшей мере как неосторожное и не до конца продуманное. Оценить правильно такие возможности очень трудно, поэтому наша разведывательная деятельность часто страдает от предвзятости и невыверенности собственного мнения.

В качестве еще одного подобного же примера можно привести события на Кубе в 1962 году, хотя в то время некоторые наши ответственные лица все же правильно оценили советские намерения.

Роберта Вольштеттер ИНФОРМАЦИЯ «МАГИКИ»

Трагедия Перл-Харбора – один из самых ужасных примеров такой ситуации, когда и информации было предостаточно, и поступила она вовремя, но была либо обработана небрежно, не понята и даже неправильно интерпретирована, либо вообще поздно попала в руки военного командования и ответственных политиков. Прежде чем упрекать соответствующих военных руководителей, получивших означенную информацию, следует понять, что слишком большое количество важной информации, которая дает противоречивое толкование имеющихся фактов, так же сбивает с толку людей, принимающих решение, как и ее полное отсутствие. Автор предлагаемого отрывка пишет в одном из разделов своей книги:

«Если наш разведывательный аппарат и другие информационные каналы не смогли дать четкой картины намерений и возможностей Японии, то в этом виновато не отсутствие информации или ее недостаток, так как мы как раз имели в то время, пожалуй, даже ее избыток. Вероятно, мы никогда более не будем иметь такого большого количества источников в нашем распоряжении».

Непосвященному человеку деятельность наших спецслужб по раскрытию японских кодов и шифров накануне событий в Перл-Харборе представляется чем-то вроде занимательного детектива. Машина же, созданная для дешифровки японских радиосообщений, получила название «Магика». Дешифрованные радиограммы последних часов перед нападением внесли сумятицу в головы офицеров, ответственных за работу по этому сверхсекретному источнику. Тот факт, что американская разведка получила возможность иметь полное представление о переговорах японцев, давало Соединенным Штатам значительное преимущество перед противником. И этот счастливый случай вряд ли повторим. Военное командование и высшие правительственные чиновники пользовались привилегией ежедневно читать

самую доверительную информацию, которой японское правительство обменивалось со своими послами в Вашингтоне, Берлине, Риме, Берне, Анкаре и столицах других государств мира. Они знакомились с сообщениями японских военных атташе и тайных агентов в Гонолулу, Панаме, на Филиппинах и из важнейших американских портов. Они знали заранее последующие шахматные ходы японских дипломатов и были в курсе оценки японскими агентами американской готовности к обороне. Но даже это преимущество в соединении с информацией из других источников – сообщениями британской секретной службы, сведениями авиаразведки, флота и данными радарной службы, не говоря уже об американском посольстве в самой Японии, – не смогли предотвратить ее внезапного удара по Соединенным Штатам.

«Магика» дала четыре важные расшифровки. Первая, названная «предварительное сообщение» (токийский номер 901), говорила о том, что японское правительство согласится на американское предложение от 26 ноября:

«Это сообщение довольно пространное, поэтому будет передано в четырнадцати радиограммах. Предположительно завтра утром вы их получите. Ситуация очень сложная, так что по получении полной информации ее надлежит пока держать в секрете.

Что касается времени вручения этого меморандума Соединенным Штатам, то вам об этом будет сообщено особо. Хотелось бы, чтобы в остающееся время он был сформулирован поточнее, а вы предприняли бы все необходимое для передачи его американцам, как только получите соответствующие инструкции».

Однако 28 ноября послам было сообщено, что «переговоры с американцами де-факто прерваны». И все же японцы рассматривали ответ американцев – на свои предложения как очень важный, поэтому четырнадцатисерийная депеша все же была направлена. Она была необыкновенно объемной. Предварительное сообщение было перехвачено флотом в 7:20 утра 6 декабря и после расшифровки передано в бюро переводов сразу же после обеда в тот же день. Радиоразведка приняла все меры для перехвата четырнадцатисерийной депеши.

Когда стала поступать эта депеша (токийский номер 902), выяснилось, что в ней содержалось подробное изложение японского мнения о своих собственных стараниях в деле поддержания мира в Азии и тактике оттягивания решения этого вопроса Соединенными Штатами и Англией. Подобные высказывания озвучивались и раньше. Только в четырнадцатой радиограмме содержалось нечто новое – сообщение, что Япония прекращает все виды переговоров, заканчиваясь следующими словами:

«Таким образом, страстная надежда японского правительства урегулировать японо-американские отношения и поддержать мир в Тихом океане при тесном сотрудничестве с американским правительством рухнула.

Японское правительство вынуждено с сожалением сообщить американскому правительству, что из-за позиции, занятой американским правительством, стало невозможным путем дальнейших переговоров добиться взаимопонимания».

Морская радиостанция на острове Байнбридж (неподалеку от Сизтла) стала принимать эту депешу утром 6 декабря. Первые тринадцать радиогрмм поступили одна за другой еще утром и уже до двенадцати часов дня после расшифровки переданы телетайпом в Вашингтон. Четырнадцатую радиограмму перехватила в три часа утра 7 декабря та же радиостанция (время

вашингтонское). Перевод текста не понадобился, так как шифrogramма была составлена на английском языке.

В следующей радиogramме (токийский номер 907) было дано пояснение: «Посол должен передать правительству Соединенных Штатов (при возможности госсекретарю) наш ответ 7 декабря в час пополудни по вашему времени».

Это сообщение было перехвачено 7 декабря в 4:30 по вашингтонскому времени той же станцией на острове Байнбридж и передано для перевода.

Последняя же радиogramма (токийский номер 910) гласила:

«После получения и расшифровки радиogramм за номерами 902, 907, 908 и 909 немедленно уничтожьте шифровальную машину и все машинные коды. Поступите таким же образом и с секретными документами».

Радиogramмы за номерами 908 и 909 были переданы из Токио послам и торговым атташе с благодарностью за проделанную работу и пожеланием доброго здоровья.

Токийскую радиogramму номер 910 перехватили в пять часов утра 7 декабря и, как обычно, после расшифровки передали для перевода.

Здесь следует упомянуть, что Токио еще 28 ноября сообщал, что через несколько дней ожидается прекращение переговоров с американцами, так что все последующие депеши не были для нас неожиданными. В Вашингтоне считали, за исключением разве Курусу и Номуры, что положительного ответа на свои предложения ожидать не приходится. В тринадцатом разделе токийского ответа содержались отчасти те же выражения, что были переданы японскому посольству в Берлине 30 ноября о предстоящем прекращении переговоров. В том же сообщении говорилось об «унизительном условии», выдвигаемом Соединенными Штатами, «что японская империя в случае вступления США в европейскую войну не должна вставать на сторону Германии и Италии». По мнению Токио, одно только это условие «делало невозможным рассмотрение американских предложений в качестве базы для переговоров».

Таким образом, по данным, полученным через «Магику», следовало ожидать прекращения переговоров в ближайшие дни. Мысль была выражена достаточно четко – если только верить радиосообщениям.

Кажется невероятным, что абсолютно однозначно понимаемое высказывание, своевременно перехваченное и идентифицированное, оставляло еще время для действий. И действовать надо было немедленно.

Речь идет даже не о том, когда было получено последнее сообщение – в субботу или в воскресенье, – это большой роли не играло. Главное – как распорядились полученной информацией. Если исходить из предположения, что прекращение переговоров означало намерение Японии развязать войну против Соединенных Штатов, то такое доказательство имелось. Требование вручить ответ американцам в час пополудни можно рассматривать как время начала боевых действий, хотя конкретное место нападения не называлось. Многие чиновники именно так и расценили значение этого сообщения, но, к сожалению, задним числом. Однако, хотя сегодня и превалирует мнение, будто две последние радиogramмы были решающими, их вместе с тем нельзя рассматривать как сигнал к войне. Поэтому-то никто тогда и не воспринимал заявление Японии о прекращении дипломатических отношений как преддверие ее нападения на Соединенные Штаты. В информации «Магики» на это даже не было намека. К тому же о Перл-Харборе ни в одном из сообщений не было сказано ни слова.

Рассматривая все события в комплексе, следует видеть принципиальное различие того, как была оценена полученная информация до и после нападения.

Мало пользы задним числом исходить из того, что не были, мол, учтены явные взаимосвязи. Нельзя забывать, как обстояли дела в то время, когда из тысячи сообщений только одно указывало на возможную катастрофу, да и то не ясно какую.

Задачу усложняет и то, что некоторые сообщения получили четкое истолкование только после случившегося.

Каждому решению предшествует некий период неопределенности и неуверенности, даже если оно связано с пониманием естественного хода событий. Принимать же решения, если они исходят из предполагаемых намерений кого-то, в особенности противника, трудно вдвойне. Намерения эти, как правило, носят сложный характер и в момент исполнения могут быть совершенно иными, чем вначале. Естественно, их держат в секрете, а противника сознательно стараются ввести в заблуждение. Для оценки естественных явлений следует исходить из известного высказывания Альберта Эйнштейна о том, что Господь Бог хитер, но не зол. О противнике же этого не скажешь.

Разведывательная служба, несмотря на неопределенности и неясности случайного или преднамеренного характера, может делать немало, чтобы помочь уменьшить риск принимаемого командованием решения. «Магика» не все прояснила, но сказала многое. Она не сообщила: «Предстоит нападение на Перл-Харбор», но достаточно отчетливо сигнализировала о возможном нападении японцев где-то в Юго-Восточной Азии в конце недели, считая от 30 ноября, и начале войны если и не против американцев, то, во всяком случае, против Англии и Голландии. Не следует забывать, что нападение авиации на Перл-Харбор было составной частью японских планов ведения войны, к чему Вашингтон оказался неготовым. Для американцев оказалось неожиданным, что японцы избрали в качестве первой своей цели Перл-Харбор, предприняв воздушный налет. Некоторые из политиков еще 26 ноября высказывали мнение о возможном нападении японцев на Филиппины и передовые американские позиции. Но никто из них, естественно, не мог предсказать истинного развития событий. Да и информацию, которую они получали, можно было истолковать по-разному.

Один из важных выводов, который следует сделать, исходя из событий в Перл-Харборе, сводится к тому, что разведывательной службе придется и впредь иметь дело с перехваченными радиосообщениями, которые могут помочь понять происходящие изменения в обстановке. Сведения, которыми она будет располагать, однако, никогда не будут полными, поэтому принятие решений по-прежнему – дело ответственное и связанное с определенным риском.

Хансон Болдуин РОКОВОЙ ДЕКАБРЬ

Несостоятельность и оплошность войсковой разведки союзников, позволившая немцам нанести неожиданный мощный удар в знаменитом Арденнском сражении в декабре 1944 года, свидетельствует прежде всего, как отмечает Хансон Болдуин, о недостаточности и неэффективности ее действий.

Автор имеет в виду особую функцию разведки – действия поисковых групп, вклинивающихся в позиции противника, захват пленных и их тщательный допрос и тому подобное.

Однако наиболее серьезная причина, которая привела к катастрофе, – это неправильная оценка намерений противника как разведкой, так и командованием. Мы ведь стараемся исключить возможность того, что противник предпримет что-либо бессмысленное или во всяком случае то, что представляется нам не имеющим смысла, даже располагая информацией о подобном намерении. Что привело, скажем, к сбою нашей разведывательной службы непосредственно перед событиями в Перл-Харбор? Несомненно, наша убежденность в том, что японцы не решатся сделать США своим противником без особой на то надобности с вовлечением американского военного потенциала в конфликт, когда у Японии было много других задач и целей, которые она могла решать, не ставя под угрозу собственные позиции. В Арденнском же сражении мы и подумать не могли, что Гитлер решится на наступательные действия и выделит для этого войска, которые были ему нужны для обороны самой Германии. Но он поступил именно так.

Арденнское сражение – яркий пример «бездеятельности» разведывательной службы, оно показывает, какую роль имеет введение в заблуждение противника и стремительность действий войск.

«Американская армия, – отмечал некий австралийский критик, – имеет склонность к предварительному развертыванию своих сил и средств. В большинстве случаев она даже не стремится использовать слабости противника».

«Перед началом войны в американской разведывательной службе царила ужасная неразбериха, мешавшая конструктивному планированию, – писал Дуайт Эйзенхауэр после войны. В системе нашего генерального штаба ей явно отводилась роль падчерицы».

Арденнское сражение высветило эти слабости необыкновенно отчетливо.

Немецкая армия всегда строго соблюдала секретность своего планирования и принимала тщательно разработанные меры безопасности, широко используя дезинформацию, что, несомненно, осложняло деятельность разведки противника.

Формирование 6-й танковой армии немцев проводилось скрытно, тем более что целый ряд вошедших в нее дивизий до середины ноября принимали участие в боевых действиях. Корпусные и армейские разграничительные линии были также незаметно изменены. Части, переброшенные с Восточного фронта или из других мест, получили другие наименования. Некоторые ее дивизии вели усиленный радиообмен, тогда как 6-я танковая армия, сыгравшая решающую роль в сражении, хранила абсолютное радиомолчание до самого начала контрнаступления.

Небольшие и немногочисленные подразделения дивизий оставались на линии фронта, чтобы убедить союзников в том, что войска находятся в окопах, тогда как на самом деле основная часть дивизий была отведена в ближайший тыл. (Главную роль в этом трюке сыграли 2-я танковая дивизия и 12-я танковая дивизия СС.) Пехотные дивизии, которые должны были принять участие в контрнаступлении, подошли буквально за несколько дней до его начала. Во время передвижений войск, осуществлявшихся только ночью, эмблемы частей и принадлежность техники маскировались. Автомашины передвигались без подсветки – из фар были удалены лампочки. На широком фронте 1-й

американской армии использовалось большое число звукопередающих устройств. Каждую ночь слышались шумы и лязганье гусениц двигавшихся танков. Когда же перед самым началом наступления происходила реальная концентрация войск, шумы автомашин и танков воспринимались американцами как крик мальчишки из известной истории: «Волк! Волк!»

И все же, несмотря на все принятые меры предосторожности, стали известны и настораживающие признаки. Так, например, немцам не удалось полностью скрыть существование 6-й танковой армии, сформированной ранней осенью. О ее наличии союзники были оповещены своевременно. Разведка указывала и на ее боевые возможности. О намерении немцев нанести контрудар тоже было известно, и его возможности даже дискутировались. Но, как показал полковник Уилбур Шоуальтер в своей статье в журнале «Милитери ревью» («Военное обозрение»), точного расчета сделано не было. Как американцы, так и немцы использовали арденнский фронт, чтобы новые дивизии успели отработать взаимодействие своих подразделений и частей, а уже повоевавшие получили передышку. Союзники знали, что противник на этом участке фронта дополнительно сосредоточил до шести дивизий.

Другой серьезный просчет заключался в недостаточном сборе дополнительных сведений: союзники не знали фактов, которые могли бы добыть, хотя для этого и были свои причины.

Генерал Зиберт высказался по этому поводу следующим образом:

«Мы придавали слишком большое значение техническим средствам разведки, таким, например, как средства связи... и уделяли чрезвычайно мало внимания, скажем, действиям патрулей сражавшихся частей и подразделений. При плохой погоде у нас не было замены авиаразведке, а когда мы подошли к линии Зигфрида, у наших агентов возникли большие трудности по ее преодолению, в особенности в зимнее время».

Зависимость от перехваченных и расшифрованных радиосообщений противника была очень большой – в особенности у высокого начальства. Если же немцы соблюдали радиомолчание, мы лишались половины информации.

Меры безопасности в американской армии тоже желали много лучшего. Система же передачи информации и утвердившиеся на фронте привычки и методы позволяли офицерам немецкой разведки с достаточно высокой степенью точности определять состояние и численность американских частей и подразделений.

На отсутствие действий патрулей и подвижных отрядов во всех войнах, в которых в последнее время принимали участие американцы, не раз указывалось как на слабое место. Это упущение было особенно присуще частям 8-го американского корпуса, правда недавно выведенным из жестоких сражений на своеобразный отдых. Да и высшее командование почти не обращало внимания на незначительное число докладов о действиях корпусной разведки и поисковых групп, а также на отсутствие пленных.

Заметное снижение числа донесений нашей агентуры из-за линии фронта свидетельствовало о повышении мер безопасности со стороны немцев и почти полном отсутствии взаимодействия между армией и управлением стратегических служб.

Следует сказать и о неправильном использовании источников информации, которые имелись в самих войсках.

Из-за плохой погоды авиаразведка невольно бездействовала, к тому же не хватало самолетов, способных летать в ночных условиях. Визуальное наблюдение было также малоэффективным, так как ни летчики, ни наземные

наблюдатели не имели соответствующей подготовки по определению наземных целей (даже полученные сведения были в большей части неверными).

Мартин Филипсборн, в то время майор и командир оперативной группы «Б» 5-й танковой дивизии, говорит в своем «Обзоре операций разведки за период с июня 1944-го по май 1945 года» об абсолютном провале авиаразведки. Вместе с тем он рекомендует использовать танки в разведывательных целях.

Организационные вопросы по взаимодействию между частями пехоты и авиацией также были крайне слабо отработаны. Историки подчеркивают, что авиация должна отвечать за результаты (или неточные результаты) своей разведывательной деятельности.

Главный же недостаток виделся здесь в организационных вопросах. Между штабами войск и авиацией постоянно возникали недоразумения и непонимание.

Необходимо отметить и еще одну ошибку, исходившую из неправильной оценки обстановки и намерений противника. Ведь никто не говорил четко о возможном немецком контрнаступлении. Только полковник Диксон, начальник разведки армии, по которой был нанесен основной удар немцев, перед самым их наступлением – на основании оценки обстановки в полосе армии – предупредил о готовящемся контрударе немцев, который может последовать еще до Рождества. Но он ошибся в определении направления главного удара: сработали меры безопасности немецкой стороны, а также умелая дезинформация. Они давали понять: если удар и будет нанесен, то в направлении Аахена, то есть севернее Арденн. Ошибся он и в сроках. Диксон ожидал «контрудара» (в других случаях он говорил о «контрнаступлении») тогда, когда мы приступим к форсированию Рура. Но даже он не смог правильно оценить силу предстоящего удара немцев. Не учел он и мнения начальников разведки частей, среди которых были «умные головы». Все предупреждения попросту пропускали мимо ушей.

Полковник Шоуальтер далее отмечает:

«С немецкой стороны наблюдалось усиление активности разведывательных групп и поисковых отрядов, на передовую линию были выдвинуты наиболее боеспособные войсковые части, заготовлены переправочные средства для форсирования рек, к линии фронта подтянуты из тыловых районов сосредоточенные там ранее дивизии. В танковых частях участились разговоры о предстоящем наступлении. И все это на участке фронта, где еще совсем недавно было тихо и спокойно. Несмотря на эти явные признаки подготовки к наступлению, благодушные офицеров американской разведки нисколько не изменилось. (Некоторое исключение составили рапорта полковников Диксона и Коха, да и то не вполне корректные.) Таким образом, разведывательная служба не оправдала доверия командования».

Неправильная оценка обстановки явилась, по сути дела, следствием всех вышеназванных ошибок. Но сработали и другие факторы.

Среди войсковых разведчиков установилось что-то вроде обычая, который можно обозначить так: «Почеши мне спину, тогда я почешу твою» (ты – мне, я – тебе). На каждой ступеньке иерархической лестницы было ярко выражено стремление прежде всего умело преподнести собственные успехи и даже преувеличить их. Фрагменты информации, подаваемой снизу как вероятной и, по сути, ничем не подтвержденной, охотно подхватывались наверху. В анализах руководства эти сведения проходили уже почти как стопроцентно достоверные.

Начальники разведок верхнего эшелона, получавшие информацию от «Магики», британской разведывательной службы, управления стратегических служб и других источников, нашинковывали ею свои донесения столь щедро, что в войсках не знали даже, как к ним подступиться. Войсковые разведчики низшего уровня в итоге с трудом отсеивали зерна от плевел.

В качестве примера подобной болтовни сверху можно привести изложение стратегической обстановки на советско-германском фронте или рассуждения о психологии жителей Рейнской области. Майор Филипсборн, иллюстрируя это положение, не без иронии говорил:

«Хотя мы подчас сталкиваемся с преувеличениями, однако и в них содержится очень много истинного: нам было, например, абсолютно точно известно, где в близлежащих городах находились мосты, переправы и бордели, но о позициях противотанковой артиллерии противника мы не имели почти никакого представления».

Колье расценивает деятельность войсковой разведки как в целом неудачную. Это означает, что речь идет не об отдельных личностях или группе лиц. «Положение дел в войсковой и авиаразведках было поставлено из рук вон плохо».

В военном деле правильная оценка противника относится к большому искусству: его нельзя ни недооценивать, ни переоценивать. У нас же способность противника действовать инициативно, несмотря на мощное давление союзников, была недооценена. Как американцы, так и англичане видели противника в таком зеркале, которое отражало только их собственный образ мышления.

Так примерно выглядит «история болезни» разведывательных служб союзников в Арденнском сражении.

Многие люди считают, что военная история – не более как «вялая игра в футбол в утренние часы». Однако урок, преподнесенный Арденнами в плане получения и оценки информации, действенен еще и сегодня. Ведь мы живем в эпоху, когда от безукоризненной работы разведывательной службы зависит зачастую жизнь или смерть нации.

Привожу рецензию генерала Маршалла на книгу Хансона Болдуина «Битвы, выигранные и проигранные» (вышла в свет 9 октября 1966 года в издательстве «Нью-Йорк тайме бук ревью»):

«Сразу же после окончания Второй мировой войны я решил собрать совещание с участием моих шести начальников отделов и представителей генерального штаба во главе с генералом Уолтером Смитом, чтобы рассмотреть вопросы, на которые до того времени не было получено ответов. К моему удивлению, моя попытка увенчалась успехом, и мы заседали во Франкфурте-на-Майне целых два дня.

В заключение мы затронули большую проблему: почему немецкое контрнаступление в Арденнах оказалось для нас неожиданным?

Среди присутствовавших был полковник Стронг, который в то время предупреждал (в особенности при неофициальных обсуждениях обстановки), что противник вполне возможно готовится перейти в контрнаступление где-то на фронте 8-го американского корпуса. При этом он указывал на появление новых немецких дивизий и на то, что танковые части могли быть сконцентрированы на арденнском фронте в течение шести часов.

Я не удержался от замечания:

– О'кей. Но если разведка ни при чем, то вина, следовательно, ложится на оперативный отдел.

Генерал Гарольд Балл (Пинки), тогда начальник оперативного отдела, в ответ сказал:

– Еще будучи малолетним, я придерживался мнения, что лучше признаться сразу, когда тебя заметят со спущенными штанами. Да, в недооценке противника была моя ошибка, но не только моя. Я готов взять на себя часть вины, если и мои коллеги, сидящие здесь, признают и свою вину. Ведь мы вместе уверяли главнокомандующего, что противник не станет предпринимать в Арденнах решительного наступления.

Говоря это, он указал на генералов Смита и Джока Уайтли, англичанина, также бывшего начальника оперативного отдела. Оба согласно кивнули.

Тогда ему задали вопрос:

– Почему вы оставили без внимания предупреждения Стронга?

Балл ответил:

– Потому что мы думали: наше мнение совпадает с мнением немецкого генерального штаба, а именно – не в их, мол, интересах предпринимать подобную затею. Немцы располагались на зимних квартирах и находились в гораздо лучших условиях, нежели наши войска. Для них было бы целесообразнее затянуть войну. Тогда они могли бы надеяться на более благоприятный исход.

По всей видимости, так и замышлялось. Но мы не учли того обстоятельства, что после неудачной попытки покушения на него в июле 1944 года Гитлер взял на себя функции главнокомандующего и стал принимать решения единолично, считая мнение своего генерального штаба несущественным. Странно, что верховное командование союзными войсками в Европе не приняло во внимание его безрассудство. К слову сказать, многие немецкие генералы тоже не знали, что суть проблемы заключалась именно в этом.

Глава 10

РЫЦАРИ ПЛАЩА И КИНЖАЛА

Во время ведения военных действий каждая разведывательная служба старается приложить максимум усилий, чтобы работать эффективнее, поэтому и применяет самые разнообразные методы, в том числе и жесткие. В мирное время положение резко меняется. И одна из причин этого – боязнь возмездия. Ведь если кого-то ударить, можно предположить, что он нанесет ответный удар. К тому же секретные службы соблюдают по отношению друг к другу определенный такт, вопреки измышлениям некоторых писателей.

Но из этого правила имеются, конечно, исключения. Советская сторона и в мирное время может проявить жесткость, если объектом ее мести является, например, сбежавший сотрудник секретной службы. Или человек, который относится по политическим убеждениям к другому лагерю и старается выступать против существующего режима. При этом не столь существенно, как далеко он находится от родной стороны. В советской секретной службе имеется специальный отдел, функция которого – заниматься разборками с такими людьми (их либо устраняют, либо похищают). Любителями такие дела не делаются! Подобные операции тщательно планируют – как с применением оружия, так и средств, которые почти не оставляют следов. Основательно

продумываются пути отхода убийцы, также, как правило, не оставляющего следов, за исключением одного-двух трупов. И это совершается с одной целью – запугать лиц, занимающихся антисоветской деятельностью.

Вальтер Шелленберг ПОХИЩЕНИЕ

Вальтер Шелленберг, из мемуаров которого взят этот отрывок, являлся руководителем зарубежного отдела секретной службы нацистов – организации, не имевшей ничего общего со старейшей разведывательной службой вермахта – абвером.

Описываемый в нем случай, происходивший в октябре-ноябре 1939 года в Голландии, был инсценирован, по признанию самого Шелленберга, в связи с тем, что Гитлер думал, будто бы за попыткой недавнего покушения на него стояла английская секретная служба. Гитлер полагал: если немцам удастся похитить двух британских офицеров разведки и допросить их, то будет установлена правда о подготовке покушения и вскрыты английские планы.

В предшествующий период времени Шелленберг имел контакт с английскими разведчиками, но он носил совершенно иной характер. В определенном смысле речь шла о комбинированной операции немцев с целью внедрения в английскую разведку и одновременно – ввести англичан в заблуждение. Англичане думали, что им удалось связаться с представителями антинацистского подпольного движения в Германии, на самом же деле это были Шелленберг и его люди, которые играли эту роль. По всей видимости, немцы к тому же намеревались выяснить политические намерения Англии на высшем уровне.

В течение уже нескольких лет в Ниндерландах работал немецкий тайный агент Ф-479, эмигрант, который вскоре после того, как переселился туда, предложил свои услуги немецкой разведке. Ему удалось установить контакт с английской секретной службой и начать передавать ей дезинформационный материал. Особый интерес англичан вызвали сообщения о наличии в вермахте оппозиционной группы офицеров.

Вместе с тем Ф-479 наладил хорошие отношения и со вторым бюро (секретной службой Франции). После начала войны он доложил, что английская секретная служба особо интересуется возможностью установить контакт с немецкой оппозиционной группой, которая якобы намеревалась устранить Гитлера. Эта игра зашла настолько далеко, что англичане готовы были переговорить лично с одним из руководителей оппозиции.

Просмотрев всю собранную по этому вопросу информацию, Гейдрих распорядился игру не прерывать. Я предложил свою кандидатуру – поехать в Голландию на встречу с представителями британской секретной службы в качестве капитана вермахта Шеммеля, работающего в транспортном отделе верховного главнокомандования. Фамилия Шеммель не была выдуманной, поскольку такой офицер существовал в действительности и работал в названном отделе, хотя, естественно, не имел ни малейшего представления о своем двойнике. В целях безопасности Гейдрих отослал его в длительную командировку в восточные районы.

Мне было ясно, что эта игра затрагивала интересы высокой политики и вызывала пристальное внимание Лондона. Нельзя было допустить ни одной

ошибки, дабы не вызвать у англичан подозрения. Поэтому я попросил подготовить для меня мельчайшие подробности биографии этого Шеммеля. К несчастью, он имел привычку носить монокль. Так что и мне пришлось привыкать к моноклю. Меня проинформировали во всех подробностях об «оппозиции», и я выучил наизусть имена всех ее участников и взаимосвязи между ними. Затем я выехал в Дюссельдорф и поселился на служебной квартире, чтобы быть ближе к голландской границе. Агент Ф-479 был проинформирован о приезде капитана Шеммеля из Берлина и получил указание подготовить его встречу с офицерами британской секретной службы.

20 октября 1939 года от него пришло сообщение: «Встреча назначена на 21:10 в Цутфене в Голландии». Меня должен был сопровождать один из моих сотрудников, введенный в курс дела. Мы еще раз проверили свои паспорта, документы на автомашину и удостоверились, что о нашем появлении на пограничном переходе немецкая пограничная полиция и таможня оповещены.

Рано утром на следующий день мы выехали на автомашине в сторону голландской границы. Осенний день был пасмурным, а небо затянуто облаками. Переход границы прошел без осложнений. Голландские таможенники были очень внимательными, но и там все обошлось благополучно. На месте встречи нас ожидал вместительный «бьюик». Мы подъехали к нему вплотную, вышли из автомашины и представились в обычном порядке. Затем я расположился рядом с английским капитаном Бестом, который сидел за рулем «бьюика» и тоже носил монокль. Мой сопровождающий поехал за нами на нашей автомашине. Капитан Бест безукоризненно говорил по-немецки и, казалось, хорошо знал Германию. Очень быстро у нас установилось хорошее взаимопонимание, в особенности когда мы заговорили о музыке. Он рассуждал столь увлекательно, что я даже на какое-то время забыл о цели своей поездки. Когда же мы приехали в Арнхейм и к нам присоединились майор Стивене и лейтенант Коппер, мы перешли к делу.

– В высших офицерских кругах Германии создалась сильная оппозиция гитлеровскому режиму, – такими словами начал я беседу. – Я послан в качестве ее представителя. Имя руководителя оппозиции, речь идет о генерале, я в настоящий момент назвать не могу. Цель оппозиции – устранение Гитлера силой и образование нового немецкого правительства. И нам хотелось бы выяснить, какую позицию займет британское правительство по отношению к контролируемому вермахтом немецкому имперскому руководству и какие предварительные условия оно готово предъявить в случае возможного заключения договора о мире.

Британские офицеры заверили меня, что лондонское правительство чрезвычайно заинтересовано в любых устремлениях по устранению Гитлера и придает большое значение тому, чтобы воспрепятствовать дальнейшему расширению войны и как можно скорее заключить мирный договор. Британская секретная служба готова оказать любую поддержку офицерской оппозиции, но не уполномочена заключать уже сейчас какие-либо политические договоренности. Они, впрочем, надеются, что на следующей встрече смогут более конкретно сказать о заверениях британского правительства. С министерством иностранных дел уже установлена необходимая связь, которое со своей стороны проинформирует кабинет министров.

Таким образом, доверительная основа была установлена. Мы договорились о новой встрече, которая должна была состояться 30 октября в помещении британской секретной службы в Гааге. Большое значение

придавалось тому, чтобы на этой встрече появился руководитель оппозиции или же один из генералов. После этого мы распрощались.

Той же ночью я выехал в Берлин, чтобы доложить начальству о встрече. На основании моего сообщения было принято решение игру продолжить. В следующие дни я провел часть своего свободного времени в доме друга отца – профессора де Крини, директора психиатрического отделения берлинской университетской клиники. Меня уже давно принимали в этом доме как родного сына. «А почему бы мне не рассказать ему о нашей голландской затее, – подумалось мне, – и не испросить его совета?» Де Крини был австрийцем по происхождению и ведущим врачом вермахта. У меня даже мелькнула мысль, что де Крини мог бы вместе со мной поехать в Гаагу и сыграть роль «правой руки лидера оппозиции». У него был импозантный вид, хорошая политическая подготовка и прекрасное образование. А его австрийский акцент наверняка вызовет определенное доверие. Выслушав меня, он тут же дал свое согласие.

29 октября мы опять отправились в сторону голландской границы. Но перед этим договорились об условных знаках в ходе переговоров. Если я сниму монокль левой рукой, он должен будет немедленно прекратить разговор, чтобы предоставить слово мне. Если же я продам это правой рукой, значит, он активно поддержит меня в ходе переговоров. В случае же, если я стану жаловаться на головные боли, переговоры следует тут же прервать.

Ровно в двенадцать часов дня мы прибыли в Арнхейм на обусловленный перекресток. Но наши партнеров почему-то не было видно. Мы подождали полчаса, затем еще пятнадцать минут. Я предложил медленно проехать по улице. Но и это не дало никаких результатов. Де Крини стал немного нервничать, как вдруг к нашей машине направились двое голландских полицейских. Один из них спросил, что мы здесь делаем. Я ответил, что мы ждем знакомых. Полицейские посмотрели на нас с недоверием и предложили пройти в полицейское отделение.

Дело выглядело так, как если бы нас заманили в ловушку. Стало быть, надо было не терять самоконтроля. Несмотря на наши протесты, нам учинили личный обыск, затем принялись осматривать багаж. Тщательно проверяли каждый предмет. Я быстро глянул на разложенные вещи и вдруг с ужасом увидел в дорожном приборе своего напарника трубочку с аспирином, на которой виднелась надпись главного санитарного управления СС. Я моментально положил рядом с дорожным прибором несколько своих вещей. Глянув на полицейского, схватил предательские таблетки, уронив при этом одежную щетку, а когда нагнулся за ней, сумел спрятать медикамент.

Потом начался допрос: откуда, куда, каких друзей хотели встретить? И о чем вы собирались с ними говорить? Далее – в том же духе. Я нахально заявил, что без юрисконсульта ничего говорить не стану. Это возымело свое действие. Через некоторое время дверь вдруг распахнулась и на пороге появился лейтенант Коппер. Он представился, и поведение голландцев моментально изменилось. А на улице нас ожидали майор Стивенс и капитан Бест. Они поспешно извинились, объяснив, что якобы перепутали место встречи. Однако было ясно, что наши британские «друзья» решили подстраховаться.

Пополудни мы добрались до Гааги. В кабинете майора Стивенса, немного перекусив, сразу же перешли к переговорам. Мы договорились по следующим пунктам: устранение Гитлера и его сподвижников; немедленное заключение мира с западными державами; восстановление независимости Австрии, Чехословакии и Польши; отказ от автаркии и планового хозяйства, а также возвращение Германии к золотому стандарту. Учитывая большую плотность

населения Германии, предусматривался возможный возврат ей колоний.

Результат переговоров был изложен в письменной форме, о чем майор Стивене доложил по телефону в свое лондонское управление. Примерно через полчаса он возвратился и сказал, что Лондон позитивно относится к достигнутым результатам. Остается только переговорить с министром иностранных дел лордом Галифаксом, но уже к вечеру можно рассчитывать на окончательный ответ. В то же время необходимо, чтобы и немецкая оппозиция приняла бесповоротное решение, увязав его с конкретными сроками.

Наши переговоры продолжались более трех с половиной часов, и у меня, несмотря на принятый аспирин, действительно разболелась голова. Поэтому, воспользовавшись телефонным разговором майора Стивенса, я вышел в коридор, где находился умывальник. Когда я подставил лицо под холодную воду, сзади меня неожиданно появился капитан Бест.

– Вы всегда носите монокль? – спросил он, как мне показалось, слишком многозначительно.

Хорошо, что я наклонился над раковиной, и он не мог видеть выражение моего лица. Я почувствовал, как кровь прилила к голове, но быстро взял себя в руки и ответил:

– Подумать только, такой же вопрос я хотел задать и вам.

Мы оба рассмеялись.

В заключение мы поехали на квартиру голландского сотрудника капитана Беста. Там мы освежились и переоделись, так как нас пригласили на ужин в частные апартаменты капитана Беста. Вскоре появился Стивене, который заявил, что только что получил из Лондона положительный ответ. Из состоявшегося затем разговора мне стало ясно, что Англия рассматривает войну против Гитлера как дело жизни или смерти и полна решимости довести ее до конца, несмотря ни на какие жертвы.

За столом Бест произнес небольшой тост, на который мой друг де Крини ответил с венским юмором. Ужин прошел отлично – особенно мне понравились свежие и очень вкусные устрицы. И вино было превосходным. Мы постоянно обменивались тостами. Агент Ф-479, который тоже был приглашен на ужин, дал мне незаметно понять, что мы должны быть довольны достигнутыми результатами.

На следующее утро мы встретились с де Крини в ванной. С чисто венским добродушием он сказал:

– Ничего себе, какой темп они взяли...

Затем мы вкусили добротный голландский завтрак, заложивший основу для последней стадии переговоров. Они проходили в помещении голландской фирмы «Континентальная торговая служба» в Гааге на улице Ньюве Уитлег, дом номер 15. Это была крышевая фирма британской секретной службы. Здесь нам вручили английскую приемопередающую рацию, и мы обсудили специальный код. Позывной был ОН 4. От лейтенанта Коппера мы получили документ – обращение ко всем голландским фирмам предоставлять возможность его предъявителю звонить по нужному ему телефону в Гааге. Если мне память не изменяет, это был номер 556331. Отныне мы были избавлены от любых неожиданностей. Капитан Бест проводил нас до самой границы. Следующую встречу предстояло назначить по радио.

Возвратившись в Берлин, я предложил продолжить переговоры с привлечением какого-нибудь надежного генерала и попытаться добраться до Лондона. В моей голове засела мысль, что не исключена и возможность установления «модуса вивенди»: дело-то было раскручено.

Радиосвязь с английскими партнерами функционировала отлично. В течение недели они трижды запрашивали нас о следующей встрече. Я сразу же выехал в Дюссельдорф, где ожидал указаний Берлина. Возникла опасность обрыва тонкой нити. Поэтому я решил действовать на собственный страх и риск и назначил короткую встречу на следующий день. Мы условились встретиться 7 ноября 1939 года в два часа пополудни в голландском кафетерии неподалеку от границы.

Бест и Стивене прибыли на встречу пунктуально. У меня было намерение успокоить англичан, так как я заметил, что они стали проявлять нетерпение. Я объяснил, что руководство оппозиции все еще обсуждает предыдущие предложения. Вполне возможно, что один из генералов, входящий в руководство оппозиции, согласится вылететь вместе со мной в Лондон, чтобы продолжить переговоры на высшем уровне и завершить их. Бест и Стивене одобрили эту идею и заверили меня, что со следующего дня на голландском аэродроме Шипхол будет находиться в готовности специальный самолет, предназначенный для этой цели.

Возвратившись в Дюссельдорф, я запросил Берлин, принято ли там решение. Мне сообщили, что Гитлер еще не принял окончательного решения, но склонен прекратить игру. Однако я вошел уже, можно сказать, в раж, вышел на связь с Гаагой и предложил англичанам встретиться завтра в том же самом кафе под Венло. Я еще не знал, как буду выкручиваться на этот раз. Но чтобы не вызвать у партнеров подозрения, мне необходимо было найти оправдание, более или менее правдоподобное, дабы объяснить причины затягивания дела. Ночь я провел беспокойно. Я был рассержен на Берлин, хотя и знал, что причина оттяжки рассмотрения данного вопроса заключалась в решении Гитлера начать 14 ноября 1939 года фронтальное наступление на западе. То, что он изменил этот план, зависело, видимо, от состояния погоды. Несколько позже Гиммлер рассказал мне, что на Гитлера оказали определенное влияние мои переговоры с англичанами и решительный настрой правительства Англии.

За завтраком я просмотрел утренние газеты. Они пестрели заголовками об инициативе голландской королевы и бельгийского короля выступить в качестве посредников между союзниками и Германией. Вот она, необходимая мне отговорка. Я объясню англичанам, что руководство оппозиции решило выждать, как отреагирует Гитлер на это предложение. После завтрака я переговорил с подобранным мной «генералом» о своей затее. «Руководитель оппозиции» был на самом деле промышленником и бывшим офицером, а ныне высокопоставленным эсэсовцем.

Полдень я вновь пересек границу. На этот раз мне пришлось прождать в том кафе около часа. Было заметно, что ко мне с подозрением приглядываются некоторые посетители, из чего я сделал вывод, что англичане снова проявили осторожность и недоверчивость. Наконец мои партнеры появились. Наша беседа продолжалась недолго, и все же мне опять удалось рассеять их недоверие. Новую встречу мы назначили на следующий день.

Вечером ко мне зашел знакомый эсэовец, командир специального подразделения, и сказал мне, что прибыл по указанию Берлина и незаметно следил за моим переходом границы. Ему удалось установить, что этот участок полностью блокирован голландской пограничной полицией и тайными агентами. Если бы меня задержали, ему было бы чрезвычайно трудно меня освободить. Но у него есть приказ ни при каких обстоятельствах не допустить, чтобы я попал в руки противника. Так что в случае чего пришлось бы драться. При этих его словах я почувствовал себя не в своей тарелке, тем более когда

подумал о возможности завтра выехать вместе с английскими партнерами в глубь Голландии, а возможно, и в Лондон.

Ночью меня разбудил звонок из Берлина. У телефона был сам Гиммлер.

– Знаете ли вы, про произошло? – спросил он взволнованно.

Я еще толком не проснулся и ответил коротко:

– Нет, рейхсфюрер.

– Сегодня вечером по окончании выступления Гитлера в пивной «Бюргербройкеллер» в Мюнхене на него было совершено покушение. Фюрер покинул зал за несколько минут до взрыва. Адская машина сработала в установленное время, несколько старых бойцов убиты. Наверняка речь здесь идет о деятельности британской секретной службы, – продолжал Гиммлер. – Гитлер отдал мне, Гиммлеру, приказ немедленно захватить моих партнеров по переговорам в Голландии и доставить их в Германию. Нарушение границы роли никакой не играет. Выделенное для вашей охраны спецподразделение можете использовать для выполнения этого приказа. Все ли понятно?

Было бесполезно выдвигать какие-либо контраргументы или возражения. Поэтому я немедленно связался с командиром спецподразделения. Он покачал головой и сказал, что, учитывая меры безопасности на голландской границе, вряд ли можно обойтись без стрельбы. Единственный шанс – неожиданность. Когда я войду вместе с англичанами в кафе, действовать будет уже поздно. Нужно успеть как раз в тот момент, когда подъедет «бьюик». Тогда спецкоманде придется прорваться через пограничный шлагбаум и захватить англичан прямо на улице. Он минувшим днем видел этот «бьюик», так что не ошибется. После этого надлежит молниеносно отойти на свою, территорию, откуда можно будет беспрепятственно вести стрельбу во всех направлениях. С правой и левой сторон улицы несколько человек из состава спецкоманды обеспечат прикрытие. Что касается меня, то мне придется ожидать англичан в обусловленном кафе, но занять место за столиком так, чтобы видеть сквозь окно их приезд. Как только «бьюик» покажется, я должен выйти на улицу якобы для того, чтобы их поприветствовать, и сразу же уехать прочь на своем автомобиле. Все остальное – дело спецкоманды.

В завершение нашего разговора я попросил представить меня членам спецкоманды, дабы меня не спутали с капитаном Вестом, который был примерно моего роста, одет в пальто, похожее на мое, и тоже носил монокль.

Между тринадцатью и четырнадцатью часами пополудни на следующий день я пересек голландскую границу с моим прежним напарником в районе Венло. На голландской стороне в этот день на улицах было довольно оживленно. Среди прохожих я заметил людей в гражданской одежде, шедших в сопровождении служебных собак. Я немного нервничал и заказал в кафе аперитив. Приедут ли Вест и Стивене? Они вновь заставили себя долго ждать. На часах было уже 15:00, а их еще не было видно. Внезапно я вздрогнул: к кафе с быстротой молнии подскочил автомобиль серого цвета. Я было встал, но мой сопровождавший схватил меня за руку:

– Это не они.

Я глянул на видимое из кафе здание немецкой таможни: не будет ли, как и я, введена в заблуждение прячущаяся там команда эсэсовцев? Но там ударило спокойствие. Я заказал себе кофе и не успел сделать глоток, как меня толкнул мой напарник в бок:

– Вот, наконец, и они!

Не торопясь мы вышли на улицу, оставив свои пальто на вешалке. Хозяину, который уже нас знал, я сказал, что подъехали наши гости.

«Бьюик» резко затормозил, выворачивая с проселочной дороги к стоянке автомашин, находившейся с тыльной стороны кафе. Я находился шагах в десяти от «бьюика», когда услышал шум двигателя машины нашей команды. И тут же раздались выстрелы. Затем – громкие возбужденные голоса голландских пограничников. В тот же миг из «бьюика» выпрыгнул лейтенант Коппер и, выхватив из кармана кольт, направил его на меня. Оружия у меня не было, и я отпрыгнул в сторону. К углу здания кафе подъехала автомашина с командой. Коппер повернулся к более опасной цели и выстрелил несколько раз в ее ветровое стекло. В доли секунды я увидел, как посыпались осколки стекла, и мне показалось, что шофер, а может быть, и сидевший рядом с ним командир команды ранен. Но тут из машины громадным прыжком сиганул командир отряда, и между ним и Коппером завязалась самая настоящая пистолетная дуэль. Внезапно лейтенант Коппер уронил пистолет и тяжело рухнул на колени. Я все еще стоял недалеко от него. До моего слуха донесся хриплый голос эсэсовца:

– Сматывайтесь же, наконец!

Бросившись за угол здания к своей автомашине, я успел увидеть, как из «бьюика», подобно тюкам сена, выволокли Беста и Стивенса. На пути к автомашине меня ожидал новый сюрприз: здоровенный унтер-фюрер схватил меня за грудки (его включили в состав команды в последний момент, и он перепутал меня с Бестом). Я попытался оттолкнуть его и крикнул:

– Парень, убери пистолет!

Но он направил его на меня. Когда он нажал на спусковой крючок, чей-то кулак ударил его по руке, и пуля пролетела в нескольких сантиметрах от моей головы. На мое счастье, в последнюю секунду мне на помощь подоспел помощник командира. " Прыгнув в машину, я стремительно пересек границу.

Из-за неожиданности и скоротечности событий голландские пограничники ничего предпринять не успели.

Как было обусловлено, все участники операции после ее окончания собрались в Дюссельдорфе. Спустя полчаса подъехала и автомашина эсэсовской команды с пленниками. Был прихвачен и лейтенант Коппер, оказавшийся в действительности офицером голландского генерального штаба Клопом. Раненого тут же отправили в дюссельдорфский госпиталь, где он через некоторое время скончался от полученных ран. Беста, Стивенса и шофера доставили в Берлин, а потом отправили в концлагерь Заксенхаузен.

После капитуляции Германии в 1945 году Бест и Стивене были освобождены. Я попытался было уже вскоре после инцидента обменять их на наших агентов, но все мои старания ни к чему не привели, так как Гиммлер был против их освобождения, а в 1944 году вообще запретил говорить на эту тему. Гитлер, как рассказал он, был недоволен провалом гестапо, не сумевшего найти сообщников Эльзера, который пытался совершить на него покушение в мюнхенской пивной в 1939 году, и продолжал считать Беста и Стивенса в числе заговорщиков. В заключение тогдашнего разговора Гиммлер сказал:

– Не касайтесь более этой истории, так как против англичан может быть возбужден судебный процесс.

Капитан Бест, описавший после войны в книге свое пребывание в плену в Германии, по-видимому, даже не догадывался, какая опасность угрожала ему и Стивенсу все те годы.

Джон Стил

ЛЮБОВЬ ОКАЗАЛАСЬ СИЛЬНЕЕ

В результате бегства Богдана Сташинского на Запад в 1961 году стало известно о планировании и осуществлении связанных между собой двух убийств, проведенных советской секретной службой. Пожалуй, это самое подробное изложение из всего нам известного о подобных случаях.

Описываемая история раскрывает моральную сторону рассматриваемого вопроса, хотя в ходе специальной подготовки и обучения Сташинский, по сути, становился человеком-роботом. Вместе с тем в ней рассказывается и о специальных средствах, разработанных для политических убийств, которые не оставляют какого-либо следа.

На судебном процессе над ним, проведенном в Германии, выяснилось, что бежал он из-за любви к немецкой женщине, но и моральный аспект сыграл при этом немаловажную роль.

Он сразу же признался в том, что совершил оба преступления, хотя и знал, что должен будет предстать перед немецким судом и поплатиться свободой.

Как-то вечером летом 1961 года в служебном помещении американской секретной службы в Западном Берлине раздался звонок из местного полицейского управления. Американцам было сказано, что в полиции находится человек, назвавшийся советским секретным агентом, приехал из Восточного Берлина на электричке и желает установить контакт с американскими властями.

Вот каким образом Богдан Сташинский завершил свою карьеру политического агента и убийцы, работавшего на советскую секретную службу. Выбранное им время оказалось удачным, поскольку на следующий день, 13 августа, была возведена стена между Западным и Восточным Берлином.

Перебежчик, который поначалу не вызвал особого интереса у широкой общественности, многое поведал об организации и методах работы советской секретной службы. Состоявшийся вскоре судебный процесс пролил свет на подробности двух политических убийств, спланированных и организованных столь продуманно, что большинство убийц – героев детективной литературы – выглядят по сравнению с ним слишком схематичными и ходульными. Агент Сташинский являлся исполнителем хитроумных методов, разработанных советской разведкой. В его задачу входила ликвидация двух антикоммунистических лидеров в Европе, которые были как кость в горле у кремлевских руководителей. И ликвидация их прошла, по мнению профессионалов, почти без сучка и задоринки.

Задолго до начала судебного процесса сотрудники западных спецслужб снова и снова проверяли факты, изложенные Сташинским, пока не удостоверились, что все – чистейшая правда и речь не идет, как могло показаться, о попытке его внедрения в американскую секретную службу, то есть о «финте» контрразведки. Советская сторона пыталась преуменьшить значение его бегства, но, как стало потом известно, жертвами проведенной в связи с этим чистки оказались семнадцать сотрудников службы.

Причины перехода Сташинского на Запад носили чисто личный характер, к тому же у него начали складываться натянутые отношения с начальством, так как он к тому времени стал пассивным, бездействующим агентом. Лучшие возможности для своей дальнейшей жизни он видел на Западе, хотя и знал, что

за совершенные им убийства должен будет предстать перед судом. Да и всепоглощающая любовь к немецкой девушке казалась ему тогда важнее карьеры.

Восемнадцатилетним юношей он стал проходить специальную подготовку в советском разведывательном аппарате, будучи явным сторонником коммунистической идеи, не предполагая, правда, что станет когда-либо профессиональным убийцей. История его взлетов и падений как агента малопривлекательна, являясь в общем-то типичной для представителя международной шпионской деятельности. Но ее усложнила тривиальная, обыденная сторона жизни – агент встретил девушку, влюбился в нее без памяти и попал в тяжелую и сложную ситуацию.

Еще учеником старших классов школы Сташинский без зазрения совести предал своих родственников из небольшого украинского села Боршовицы, которые поддерживали связь с националистическим движением на Украине. А все началось с того, что он однажды ехал в поезде без билета и попался. Затем его легко затянули в сети КГБ. Он без утайки рассказал все, что знал о деятельности своих родных в подполье. Через некоторое время его привлекли к кампании по ликвидации еще оставшихся украинских националистов.

Летом 1951 года Сташинского включили в состав спецгруппы чекистов, куда входили отчаянные парни, умевшие хорошо драться. Для него началась своеобразная игра в «казаки-разбойники», и все проходило как в кино. Когда на кого-то из украинцев падало подозрение в участии в подпольном движении, его сажали в автомашину и везли в другой город, где помещали в тюрьму, или сразу же передавали судьям. По пути туда автомашина порой «случайно попадала в аварию» и задержанного размещали в целях безопасности в ближайшем доме, жильцы которого выдавали себя за сторонников националистов, но на самом деле были сотрудниками той же спецгруппы. Нередко там завязывалась перестрелка (естественно, холостыми патронами), и сопровождавшие задержанного лица либо бежали, либо притворялись убитыми, лежа в лужах куриной крови. Задержанный вместе с хозяевами тоже бежал в «надежное место» – что-то наподобие полевого лагеря, где находились сотрудники Чека, также выдававшие себя за участников сопротивления. Здесь он должен был рассказать о своей деятельности в подполье или связи с ним, чтобы выглядеть своим человеком. Записав все показания в протокол, «освободители» доставляли его в отряд «украинских националистов». По пути они нарывались на засаду и попадали вместе с бумагами в руки кагэбэшников. Сташинский вместе с другими членами спецгруппы настолько искусно играли свои роли, что националисты, попадая под суд и расстрел, думали, что им просто не повезло.

В 1952 году молодой Сташинский, пройдя школу борьбы с националистами, убедил руководство, что верен делу коммунизма и способен на более важные дела. В течение следующих двух лет он проходил интенсивную подготовку в Киеве, изучал немецкий и польский языки и основы нелегальной агентурной деятельности. Когда он успешно закончил курс обучения, в его честь был устроен банкет. После этого его направили в Польшу, где он должен был вжиться в свою новую биографию и подготовиться к деятельности на Западе.

Теперь он назывался Иосиф Леман. С июня по октябрь 1954 года он не только заучивал наизусть все необходимые подробности, но и посетил все места и адреса, связанные с этой придуманной личностью. Он освоил даже весь цикл работы на сахарном заводе, где подростком «трудился» Леман. После

этого он переселился в Восточную Германию, где работал сначала резчиком тонколистового металла, затем учеником автомеханика в составе группы рабочих, обслуживавших советских представителей при правительстве ГДР, наконец, переводчиком с польского языка в министерстве внутренней и внешней торговли в Берлине. Агентурной деятельностью в это время он практически не занимался, хотя и поддерживал контакты с другими секретными агентами, поставляя им необходимую информацию. Через некоторое время Сташинского стали привлекать к поездкам в Западную Германию в качестве связника. Однажды его направили в Мюнхен с заданием – переписать номера всех военных автомашин, которые он там встретит.

На танцевальном вечере в Восточном Берлине он познакомился с Ингой Польш, девушкой, в которую вскоре влюбился. Ей было двадцать один год, работала она парикмахершей. Во внешности ее не было ничего необычного, если не считать замысловатых причесок. Духовные запросы Инги были довольно ограниченны, держаться за столом она вообще не умела. И надо же было случиться такому: он в нее втюрился до безумия.

Агент Сташинский доложил руководству о том, что случилось в его личной жизни. Соответствующие немецкие учреждения немедленно занялись проверкой девушки и выяснили, что она никаких дел с местной полицией не имела, в связи с Западом и западными секретными службами не замечена и вообще ничем себя не скомпрометировала. Руководство сообщило Сташинскому, что он может продолжать с ней знакомство, хотя контакты агентов с немецкими женщинами были вообще-то нежелательны. Ему все же попытались внушить, что поскольку она – немка, то следовательно – нацистка, а ее отец – капиталист, ибо держит троих рабочих в своей автомастерской. От него потребовали ничего не говорить девице о своей деятельности и держаться в рамках биографии Лемана.

Драматический поворот в судьбе Сташинского произошел, когда он получил распоряжение прибыть в Карлсхорст (район Берлина). Там ему поставили задачу – найти и уничтожить двух видных врагов Советского Союза, эмигрантских украинских лидеров Льва Ребета и Степана Бандеру.

В то время – а шла весна 1957 года – по всему восточному блоку прокатилась волна беспорядков – беспокойства в Восточном Берлине, волнения в Польше и открытые антиправительственные выступления в Венгрии, а также подрывная деятельность отдельных групп лиц в различных странах коммунистического сообщества. Приложили к этому свою руку и фанатичные украинские националисты. Центр их подпольного движения, хоть и сильно потрепанного, находился в Мюнхене.

Поэтому Москва решила разделаться с Ребетом и Бандерой, но так, чтобы эти политические убийства не были приписаны Кремлю.

Первая жертва Сташинского – Ребет – был высокоидеологизированной и сильной в духовном плане личностью, крупным антисоветским пропагандистом и известным украинским литератором. Шпионскому советскому Центру было известно, что он работал в двух украинских организациях в Мюнхене. Ребет был энергичным человеком среднего роста, крепкого телосложения, ходил быстро, носил очки, голову брил наголо и потому, наверное, носил обычно берет.

Вторая жертва – Бандера – был человеком совершенно иного типа. Его звали «хитрой лисой», и вот уже лет пять, как он старался по возможности не попадаться на глаза посторонним лицам. Бандера считался героем украинского Сопротивления, чуть ли не Лениным в ссылке, и имел связи с различными

западными секретными службами. Действия свои он проводил твердой рукой, не был слишком щепетильным, применяя апробированную большевистскую тактику царских времен. В хаотическом послевоенном Мюнхене он скрывался в своеобразном «бункере». Беженцев, которые утверждали о своей принадлежности к подпольному движению, подвергали там тщательной проверке, некоторых даже расстреливали, если возникало подозрение, что они – русские агенты. У Сташинского не было почти никакой информации о жизни Бандеры в Мюнхене. Он знал только, что Бандера ездил на «опеле», иногда по воскресеньям посещал украинскую эмигрантскую церковь, имел прозвище Поппель и регулярно навещал свою любовницу.

Руководители Сташинского посчитали, что от Лемана можно было уже отказаться – в особенности в Мюнхене, куда он навещался довольно часто. Так что он назывался теперь Зигфридом Дрегером (такой человек существовал реально и жил в Эссене). Выполняя задание по Бандере, Сташинский стал Хансом Иоахимом Будейтом из Дортмунда. Сташинский ездил накоротке в Эссен и Дортмунд, чтобы ознакомиться с условиями жизни этих реальных людей, под личинами которых должен был выступать (они об этом, конечно, ничего не знали).

Под именем Дрегера Сташинский прилетел в Мюнхен самолетом и снял номер в гостинице, расположенной неподалеку от одного из эмигрантских учреждений, где работал Ребет. Походив несколько дней вокруг того здания, он увидел как-то из окна своего гостиничного номера мужчину, похожего по описаниям на Ребета. Уже через несколько часов он следовал по улицам города за этим человеком, который направлялся в редакцию украинской эмигрантской газеты «Захидна Украина», находившейся на площади Карлсплац. Чтобы изучить маршруты передвижений Ребета и его маневры, Сташинский ходил за ним несколько дней. Однажды после обеда он даже сел вместе с ним в трамвай. На следующей же остановке вышел, чтобы Ребет случайно не запомнил его внешность. Сташинский изучил дом, в котором Ребет снимал квартиру, входя в него через незапертую заднюю дверь. В конце концов Сташинский пришел к выводу, что наиболее подходящим местом для убийства является все же здание, в котором располагалась редакция газеты, – старый кирпичный дом, пристроенный к бывшим средневековым городским воротам.

После этого он уведомил свое начальство, что готов к выполнению задания. Из Москвы в Карлсхорст прибыл оружейный эксперт, привезший с собой оружие, нисколько не напоминавшее традиционный пистолет. Это был цилиндр из легкого металла, весивший около двухсот граммов, с диаметром в три четверти сантиметра и длиной несколько более шести сантиметров. «Патроном» у него являлся жидкий яд, находившийся в герметично запаянной пластиковой ампуле. Яд не имел ни цвета, ни запаха. При «выстреле» из цилиндра вылетала тонкая струйка жидкости. Оружие это не перезаряжалось и подлежало после использования уничтожению.

Для достижения максимального эффекта необходимо было, как наставляли московские специалисты!., выстрелить прямо в лицо жертвы, чтобы она вдохнула яд. В основном же целиться надлежало в грудь, поскольку пары жидкой струи быстро поднимаются вверх. Расстояние до жертвы не должно было превышать сорока пяти сантиметров, но Сташинскому рекомендовали подобраться как можно ближе. Ядовитые газы попадали в организм при вдыхании – происходило нечто вроде ингаляции, в результате чего артерии, подводящие кровь к мозгу, моментально парализовывались, вызывая своеобразный тромбоз. Смерть жертвы должна была наступить через 90 секунд.

При этом яд моментально улетучивается, не оставляя никаких следов на случай возможного вскрытия трупа (состав яда Сташинскому был неизвестен). Оружие рекомендовалось носить завернутым в газетную бумагу и применять лучше всего, когда жертва будет подниматься навстречу по лестнице. Это позволит выстрелить жертве прямо в лицо и спокойно, как ни в чем не бывало продолжить спуск по лестнице.

Стрелявший от воздействия паров яда был в принципе застрахован, поскольку собственная его голова будет находиться на достаточном удалении. Однако в порядке предосторожности Сташинскому выдали специальные таблетки, которые не должны были допустить сужения артерий и тем самым обеспечить нормальный приток крови в мозг в случае, если он случайно вдохнет какую-то часть паров. Кроме того, ему еще вручили и специальный ингаляционный комплект.

После инструктажа по обращению с оружием Сташинский вместе с направлением и экспертом выехал за черту Берлина. К дереву там была привязана собака. Держа оружие в руке, он нагнулся к собаке (те двое находились у него по бокам). Поднеся оружие к носу собаки на сорок пять сантиметров, Сташинский нажал на кнопку. Из отверстия вылетела струйка жидкости, и собака тут же упала, не успев даже тявкнуть, хотя и корчилась в предсмертных судорогах минуты три.

В октябре Сташинский вылетел с аэродрома Темпельхоф из Западного Берлина в Мюнхен. Оружие он упаковал в коробочку для бутербродов и вез с собой в портфеле. На случай срыва покушения никакого оружия, чтобы покончить с собой, ему не дали. Наказали только сразу же покинуть Мюнхен. Со спецслужбой связь он должен был поддерживать открытками, давая в них закодированные сообщения. Таким образом, он остался в одиночестве со своими чувствами и мыслями.

На третье утро после прибытия в Мюнхен, в 9:30, он увидел Льва Ребета, выходявшего из трамвая и направлявшегося в свое бюро. Пospешив, Сташинский быстро поднялся по лестнице до второго этажа. Остановившись, он услышал шаги поднимавшегося по лестнице Ребета. Тогда Сташинский повернулся и стал спускаться по лестнице вниз, придерживаясь правой стороны. Когда Ребет оказался на несколько ступенек ниже, Богдан выхватил предварительно снятое с предохранителя оружие, быстрым движением протянул руку, выстрелил жертве в лицо и продолжил спуск по лестнице. Он услышал, как Ребет упал, но не обернулся, вышел из здания, направился к каналу Кёгльмюльбах, находившемуся в полукилометре от площади Карлсплац, и бросил в воду цилиндр.

Возвращаясь в гостиницу, Сташинский прошел по площади Карлсплац. На этот раз он внимательно посмотрел в сторону здания редакции, около которого стояли полицейская автомашина и машина «Скорой помощи». Это было красноречивое подтверждение успеха его миссии. Придя в гостиницу, он тут же завершил все формальности по отъезду Зигфрида Дрегера. Затем направился к главному вокзалу и сел на скорый поезд, шедший во Франкфурт-на-Майне. Во Франкфурте он переночевал в гостинице «Интернациональ», а на следующее утро вылетел самолетом британской авиакомпании в Берлин. В Карлсхорсте он письменно изложил все подробности происшедшего. Ему стало известно, что украинская эмигрантская пресса сообщила о смерти Льва Ребета от «врожденной сердечной недостаточности». После случившегося на лестничной клетке тот нашел еще в себе силы проползти вверх два лестничных пролета. Умер он уже на руках

одного из своих коллег.

Примерно через две недели Сташинский присутствовал на банкете, данным местным управлением КГБ частично в его честь, а отчасти по случаю какого-то советского праздника. Ему сообщили о награждении орденом, речь при этом произнес незнакомый генерал, вручивший ему ценный подарок – фотоаппарат «Контакс».

Через небольшой промежуток времени он отправился на выполнение очередного задания – обнаружить и ликвидировать Бандеру.

Описания его личности Богдан не имел. Получив сообщение, что Бандера должен произнести речь в Роттердаме на похоронах одного из убитых лидеров украинских националистов, Сташинский тут же вылетел в Голландию, чтобы поприсутствовать на погребении и увидеть Бандеру. Около ворот роттердамского кладбища он заметил припаркованный «опель», по всей видимости принадлежавший Бандере. Сташинский стоял у самой могилы, когда произносилась траурная речь. Сфотографировать говорившего не удалось, но в эмигрантской прессе позднее он прочитал, что выступал с прощальным панегириком все-таки сам Бандера. Лицо его Богдан постарался запомнить. В начале 1959 года он получил последние указания по подготовке террористического акта.

Под именем Ханса Будейта Сташинский четыре раза ездил в Мюнхен. Во время первой же поездки ему пришла в голову мысль посмотреть в телефонной книге, нет ли там фамилии Поппель – по кличке Бандеры. Такая фамилия в книге нашлась с указанием адреса – Крайтмайштрассе, дом номер 7. Несколько раз он пытался войти в дом, но входная дверь была постоянно заперта, а черного хода не имелось. Войти в дом вместе с кем-то из жителей он посчитал рискованным. Следовательно, надо было обзавестись ключом. Сделав слепок, Сташинский выехал в Москву, чтобы заодно получить и оружие. Оно было того же типа, что применялось при убийстве Ребета, но двуствольное. Стрелять можно было одним зарядом, а также дуплетом. В Мюнхен он добрался через Берлин, завернув оружие в хлопчатобумажный платок и поместив его в цилиндрическую коробочку. Ключ мастера изготовили по принципу отмычки, да еще с пятью сменными бородками.

Сташинский немедленно использовал все пять бородок ключа, но открыть дверной замок не смог. Одна из бородок при этом даже сломалась (ее обнаружила полиция после его рассказа и приобщила в качестве доказательства его причастности к убийству Бандеры). От попытки повернуть один из ключей силой и на другой бородке остались следы, позволившие затем слесарям в Карлсхорсте подогнать ключ. Несмотря на неудавшуюся попытку проникнуть в дом, Сташинский продолжал искать возможность выйти на Бандеру. Подстеречь его в гараже, пристроенном к дому, тоже не получилось. Выстрелив предварительно в воздух, он бросил оружие в тот же канал, чтобы не везти его с собой обратно.

В третий раз он выехал в Мюнхен без оружия, взяв с собой новый набор ключей. Одна из этих бородок позволила ему частично повернуть жало замка. Приобретя в ближайшем магазине напильник, он попытался спилить оставшиеся на бородке царапины. На этот раз ключ сработал. Войдя в дом, он обнаружил на четвертом этаже дверь, на которой была прикреплена табличка с надписью «Поппель». Внимательно осмотрев весь дом, включая лифт, Богдан возвратился в Берлин. Он был убежден, что действовал в доме довольно осторожно, выходил к его входной двери в темное время и поигрывал связкой ключей, будто бы сам являлся жильцом дома.

Во вторую неделю октября 1959 года Сташинский выехал в Мюнхен в четвертый раз. У него было новое оружие, а также предохранительные таблетки и тщательно изготовленные документы. В один из дней он увидел, как Бандера заезжает в гараж. Открыв ключом входную дверь, Сташинский оказался в доме раньше Бандеры. Он поднялся вверх по лестнице в надежде, что атлетически сложенный Бандера не станет пользоваться лифтом. Услышав над своей головой женские голоса, Богдан понял, что задерживаться далее не стоит, и стал спускаться вниз. На втором этаже он остановился и нажал на кнопку лифта, не зная, где находится Бандера. В этот момент мимо него прошла какая-то женщина, кабина лифта поднялась, а в проеме входной двери дома показался Бандера. Сташинскому в этой ситуации не оставалось ничего другого, как двинуться на выход. В правой руке Бандера держал сумку с продуктами, а левой пытался вынуть из замка двери застрявший ключ. Увидя подошедшего Сташинского, Бандера придержал ногой дверь, чтобы пропустить его, продолжая возиться с ключом. Взявшись левой рукой за дверь, Богдан повернулся к Бандере и спросил по-немецки:

– Какая-то неисправность?

– Да нет, все в порядке, – ответил Бандера, посмотрев на него. •

Сташинский поднял оружие, завернутое в газету, и выстрелил дуплетом прямо в лицо своей жертвы. Выходя из двери, он увидел падающего Бандеру.

Богдан снова направился к каналу. Ключ он выбросил по пути – в люк для сточной воды, а затем и оружие – в воду канала. Нисколько не мешкая, он расплатился в гостинице и сразу же выехал поездом во Франкфурт-на-Майне. Переночевав там, вылетел на следующий день в Берлин на самолете американской авиакомпании.

Труп Бандеры обнаружили не у входной двери, а на лестнице между вторым и третьим этажом. Даже продукты из сумки не рассыпались. Как потом было установлено, Бандера несколько раз громко кричал. Когда его нашли, лицо Бандеры было все в синяках и царапинах. Скончался он по пути в больницу. Вскрытие показало отравление цианистым калием, да и оружие моментально почему-то не сработало.

В Восточном Берлине Сташинского ожидали в кафе «Варшава». Выслушав его доклад, руководители сразу же направили его в Москву для получения награды. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета Сташинскому был вручен орден Красного Знамени. В его обосновании было сказано: «За выполнение особо трудного задания».

В его честь был дан обед с изысканными блюдами и выпивкой, во время которого он чувствовал себя на седьмом небе. Он был счастливым человеком, на вершине своей карьеры. Ему была обещана после прохождения специальной подготовки в Москве работа в Англии или Соединенных Штатах.

Сташинский воспользовался благоприятной ситуацией и изложил собственные планы – намерение жениться на Инге Польш. Реакция на это его заявление была весьма холодной, точнее – отрицательной. Ему объяснили, что девушка по своему уровню развития стоит значительно ниже его. Помолвка – куда еще ни шло, но жениться на ней – просто смешно. Ему посоветовали отделаться от нее несколькими тысячами марок и поскорее забыть.

Сташинский был потрясен. Он-то ожидал если не поздравлений, то по крайней мере терпимого отношения к своей женитьбе. Впервые ему стало ясно, что его рассматривают лишь как послушного агента советской секретной службы, в большей степени как инструмент, нежели человеческое существо.

После празднования, начавшегося столь великолепно и закончившегося

досадой и замешательством, Сташинский продолжал прилагать усилия, чтобы получить официальное разрешение на женитьбу. Когда его принял Александр Шелепин, бывший в то время председателем КГБ, чтобы поздравить с успешным выполнением задания и вручить награду, Сташинский снова коснулся этой темы. Шелепин был против его женитьбы, обратив его внимание на то, что если ему нужна спутница в жизни, то он может подыскать себе подходящую невесту из числа сотрудниц секретной службы. Поскольку же Сташинский продолжал упорствовать, ему разрешили вернуться в Восточный Берлин. Он должен был сказать Инге Поль, что сотрудничает с советской секретной службой, но не более, и привезти ее в Москву.

В рождественский сочельник он рассказал девушке, чем занимается, намекнул на выполняемые им задания и признался, что Иосиф Леман – его псевдоним. Она была перепугана и растеряна и завела речь о скорейшей свадьбе и переезде на Запад. Сташинский не захотел даже разговаривать о бегстве, заявив, что должен переговорить со своим руководством. В конце концов они договорились, что объявят о помолвке и что она будет делать все, что от нее требуется.

Впервые за всю свою карьеру Сташинский почувствовал, что руководство ему не особо доверяет. К этому добавились сомнения и даже страх. Сташинский приехал в Москву вместе с Ингой, они выдавали себя за супружескую пару Крыловых. Их принял один из руководителей КГБ – Аркадий Андреевич и поселил в гостинице «Украина». Когда между ним и регистратором гостиницы зашел спор о заказанном номере, у Сташинского появилось подозрение, что там установлены подслушивающие устройства. Поэтому он стал осторожно притормаживать критику Инги в отношении жизни в Москве, не объясняя ей причин.

Попытка Аркадия Андреевича показать Инге жизнь в России с наилучшей стороны провалилась. Она замкнулась в себе, настаивая на желании вернуться домой. 9 марта 1960 года ей и Богдану сообщили, что они могут возвратиться в Восточный Берлин и обручиться. С условием, что в скором времени возвратятся в Москву, поскольку Сташинский рассматривался как кандидат на прохождение дополнительного курса обучения. Но КГБ попал в затруднительное положение со своим чемпионом политического убийства. Он рассматривался как перспективный агент, увольнять со службы его еще не собирались, но и не хотели, чтобы он бездельничал. Давая разрешение на его женитьбу, руководство считало, что Инга Поль окажется довольна своей жизнью и без труда приживется в России.

23 марта Инга Поль и Сташинский (как Иосиф Леман) обручились в Восточном Берлине. В мае чета возвратилась в Москву и поселилась в меблированной однокомнатной квартире в ведомственном доме КГБ. Сташинский стал посещать курсы переподготовки. Из-за его женитьбы план его командировки в англоговорящую страну отпал, и его обучали обычаям, поведению и разговорной речи разных районов Западной Германии.

Инга посещала занятия по немецкому языку, но отклонила все попытки включить ее в изучение аспектов шпионской программы. Ее поведение достигло критической точки. Она стала говорить со Сташинским открыто о необходимости разрыва с КГБ и бегства на Запад. И его отношения с руководством секретной службы тоже заметно ухудшилось. К тому же он заметил, что его почту перехватывают и вскрывают, а их маленькая квартирка напичкана подслушивающими устройствами. Сташинский гневно пожаловался на это своему непосредственному руководителю, который тут же извинился и

сказал, что квартира раньше предназначалась для других целей. Вскоре после этого инцидента курс его обучения прервался. Ему объяснили, что инструктор спешно выехал в служебную командировку, но занятия скоро возобновятся. Однако были прерваны занятия не только по спецподготовке, но и по немецкому языку и по вопросам политики. Сташинского призвали набраться терпения.

В сентябре 1960 года он проинформировал руководство, что его жена беременна. Ему посоветовали – пусть сделает аборт. Сташинский в своих показаниях утверждал, что уже тогда стал понимать: такое отношение к его личной жизни, прослушивание квартиры, перехват его почты и все остальное означали, что он стал простым инструментом в руках своего руководства и к тому же бесполезным. Инга, которую возмутило предложение об аборте, снова и снова говорила о необходимости вернуться в Берлин: Москва не проявляет к ним, как людям, ни какого интереса. Наконец 3 декабря 1960 года Сташинского вызвали к генералу Владимиру Яковлевичу (фамилия его, как и фамилия Аркадия Андреевича, ему была неизвестна).

Седой генерал, ветеран КГБ, не стал играть в прятки и напрямик заявил Богдану, что тому надлежит оставаться в Москве и не выезжать из России не менее семи лет. Таковы правила. А жена может ездить в Восточный Берлин когда ей заблагорассудится. Кроме того, заявил он, КГБ удалось выяснить из надежных источников, что американская и западногерманская секретные службы начали расследование смерти Ребета и Бандеры и что Сташинский «засвечен» (американцы отрицали это). Из КГБ его окончательно увольнять не станут, но временно он должен уйти на гражданку. Учитывая его заслуги, ему будут выплачивать его денежное содержание в размере 2500 рублей в месяц до тех пор, пока он не найдет подходящую работу.

Сташинский с женой попали в трудное положение.

Если и существует какая-то серьезная опасность в жизни русского шпиона, то это – жизнь бывшего шпиона. Сташинским приходилось быть постоянно начеку, опасаясь за собственную жизнь. Им надо было проявлять повышенную осторожность к продуктам питания, к тому, куда они направлялись и как передвигались. Вот тогда-то они стали продумывать планы бегства на Запад. Прежде всего они решили, что Инга должна уехать домой, чтобы ее ребенок стал гражданином Восточной Германии. Они договорились о кодировке своих писем и открыток. Если она, допустим, напишет, что «подыскивает хорошую швею», то это будет означать, что ей удалось установить контакты с американской секретной службой в Западном Берлине.

В январе 1961 года Инга получила разрешение выехать домой. Сташинский же начал занятия на ускоренных курсах в Государственном педагогическом институте иностранных языков. КГБ вдруг резко изменил свое отношение к нему и дал понять, что он, возможно, вскоре получит новые задания. Сташинский полагал, что это было не что иное, как попытка успокоить его и заставить возвратить жену в Москву.

Наивные попытки Инги добиться в Восточном Берлине того, чтобы снять запрет на выезд мужа, ничего не дали. Тогда в начале августа она стала собираться с маленьким сыном, которого Сташинский, естественно, еще не видел, в Москву. За день до отъезда она оставила ребенка у соседки. Во время кормления он вдруг подавился и задохнулся. Потрясенная мать телеграфировала об этом в Москву.

Сташинский через своего нового направиленца попросил разрешения на выезд в Восточный Берлин (этим направлением был Юрий Николаевич

Александров), чтобы поддержать жену. Его прошение сначала отклонили. Затем, однако (видимо, КГБ опасался, что обезумевшая от горя жена может наложить на себя руки), разрешение было все же дано. Вместе с Александровым Сташинский вылетел на военном самолете в Восточный Берлин. По прибытии туда он получил некоторую свободу действий, но должен был докладывать своему сопровождающему о всех намерениях, ночи проводить вместе с женой на служебной квартире в Карлсхорсте, а не у нее дома.

Воспользовавшись пребыванием в Берлине, Сташинский занялся осуществлением планов побега, зная, что КГБ учитывает возможность его дезертирства и станет настаивать на возвращении в Москву сразу же после похорон ребенка. Знал он и то, что находился под наблюдением агентов «наружки», действовавших как пешим порядком, так и на автомашинах. Поэтому, рассудил он, бежать надо было еще до погребения младенца. Используя благоприобретенные знания, он избавился-таки от «хвоста». В субботу 12 августа Сташинский вместе с женой поехал на машине КГБ к отцу Инги, проживавшему в районе Далгова, чтобы сделать последние приготовления к погребению, которое намечалось на завтра. Все утро и до полудня они находились у родителей, заглянув только в ближайшие магазины, чтобы заказать цветы и сделать кое-какие покупки.

В четыре часа пополудни Сташинский вместе с женой и ее пятнадцатилетним братом Фрицем вышли в сад из квартирки Инги, которая располагалась неподалеку от дома ее отца, и, скрываясь за цветами и деревьями, направились в центральную часть поселка Далгова, затем пробежали три километра до Фалькензее. Было уже около шести часов вечера, когда они взяли стоявшее на автозаправке такси и поехали на Фридрихштрассе в Берлин. При пересечении границы между Западным и Восточным Берлином Сташинский предъявил удостоверение личности Лемана, и такси пропустили. Через сорок пять минут они были у цели и отпустили машину. Просьбу Фрица поехать вместе с ними в Западный Берлин они отклонили. Сташинский вручил ему триста марок – почти все, что у него имелось в наличии, попросив оплатить похороны, и отослал его домой.

Убедившись, что за ними никто не следит, Сташинский с Ингой взяли другое такси и поехали к ближайшей станции электрички, откуда могли добраться до Западного Берлина. Им повезло: пассажиры вагона, в котором они ехали, контролю полиции подвергнуты не были. Уже в восемь часов вечера они оказались в Гезундбруннене, сойдя на первой же остановке Западного Берлина. Взяв такси, они поехали на квартиру к тетке Инги, а потом попросили подвезти их к ближайшему отделению полиции. В отделение они вошли, когда над Западным Берлином опустились сумерки. Это была последняя ночь перед тем, как город был разделен стеной на две части.

Глава 11

КЛАССИЧЕСКИЙ ШПИОНАЖ

В этот раздел я включил несколько историй, каждую из которых рассматриваю как весьма своеобразную, потому что в них описываются события, находившиеся за чертой обычных понятий или же игравшие в какой-то определенный исторический момент огромное значение.

Ричард Уильмер Роуэн И НА СТАРУШКУ БЫВАЕТ ПРОРУШКА

Полковник Альфред Редль был начальником управления контршпионажа военной разведки австро-венгерской монархии в Вене в период с 1901-го по 1905 год, а позднее – в Праге в этой же должности. С 1902-го по 1913 год, когда его арестовали, Редль был тайным агентом русских (против которых и была в основном направлена деятельность его ведомства). Русские, по всей видимости, шантажировали его, угрожая открыть общественности, что он – гомосексуалист. А разоблачила его им же придуманная контрмера – не знавшая никаких ограничений почтовая цензура. Подозрительно крупная сумма наличных, вложенная в обычный конверт и поступившая до востребования в венском почтамте (Редль уже стал опасаться разоблачения), вызвала интерес у человека, который затем сменил Редля на посту начальника контрразведки – Максимилиана Ронге. Если бы Редль в конце концов не получил эти деньги, его бы так и не разоблачили. Сгубила полковника ненасытная жажда денег и любовь к роскошной жизни, из-за чего он после долгих раздумий все же отправился на почту. Хотя русские хорошо оплачивали его услуги, Редль продавал секретные материалы также французам и итальянцам.

Отделение почтовой цензуры называлось тогда «черный кабинет» или «черная комната».

2 марта 1913 года в «черном кабинете» были вскрыты два письма. На них значился адрес: «Опернбал 13, до востребования, главный почтамт, Вена». Судя по штемпелю, они были отправлены из Айдкунена в Восточной Пруссии, который находился неподалеку от русско-немецкой границы. В одном конверте находились банкноты на 6 тысяч австрийских крон, в другом – на 8 тысяч. В сумме это составляло 2700 долларов. Никакого сопроводительного письма или записки в них не было, что вызвало подозрение цензоров. К тому же Айдкунен был небольшой пограничной станцией, хорошо знакомой шпионам всех национальностей. Письма передали на почту и взяли под контроль, чтобы выяснить, кто же станет их получателем.

Неподалеку от главного почтамта, на площади Фляйшмаркт, находилось небольшое отделение полиции. Ронге приказал проложить линию связи между окошечком по выдаче почты до востребования и этим полицейским участком. Почтовый чиновник, в случае если кто-нибудь спросит про эти письма, должен будет просто нажать на кнопку. Выдачу писем он был обязан затянуть по возможности подольше. В полицейском участке день и ночь дежурили два детектива, в обязанность которых входило сразу же бежать на почту и задержать получателя писем.

Прошло несколько недель, но звонок так и не раздался. Минул март, затем апрель, однако письма по-прежнему никто не спрашивал. Но на восьмьдесят третий день ожидания звонок, наконец, ожил. Это было в субботу, 24 мая, пополудни. Одного из детективов в этот момент в комнате не было, другой мыл руки. И все же через две минуты они бегом отправились в почтамт, пересекая переулок Постгассе.

Почтовый чиновник сказал, что они опоздали, так как получатель писем уже ушел, свернув налево. На улице они заметили отъезжающее такси. Других автомашин даже вдали не было видно. В течение двадцати минут они не решались сдвинуться с места, как проштрафившиеся школьники, опасаящиеся

получить взбучку от своего учителя. По иронии судьбы эта растерянность их-то и выручила. Около них появилось такси – по всем признакам то же самое, которым воспользовался получатель писем. Подойдя к водителю, они спросили, куда это он отвез «своего друга» – человека, который сел в его автомашину минут двадцать назад.

– В кафе «Кайзерхоф», – ответил тот.

– Мы тоже поедем туда, – обрадованно произнес один из детективов.

Во время поездки они тщательно осмотрели сиденья и пол автомашины, но, кроме небольшого чехольчика из замши от перочинного ножа, ничего не нашли. В это время дня в кафе было почти совсем пусто. Вне всякого сомнения, мужчина пересел тут на другую машину для подстраховки. Неподалеку они увидели стоянку такси. Там детективы узнали, что примерно полчаса назад некий господин уехал оттуда в гостиницу «Кломзер».

Они отправились в гостиницу и спросили портье, не приезжал ли кто-либо за последние полчаса на такси. Таких оказалось несколько человек – постояльцы номеров четвертого, одиннадцатого, двадцать первого и первого (в номере первом остановился полковник Редль).

Один из детективов передал портье кожаный чехольчик от карманного ножичка и попросил его любезно спросить этих людей, не потерял ли его кто-нибудь из них.

Портье с удовольствием взялся исполнить просьбу полицейских (этого требовала его профессия). Один из детективов, отойдя в сторонку, принялся читать газету. Вскоре элегантный господин в хорошо сшитом костюме спустился по лестнице и передал портье свои ключи. Это был постоялец из номера первого.

– Простите, – обратился к нему портье, – не потерял ли господин полковник этот чехольчик? – И он протянул ему серый кожаный чехольчик от карманного ножичка.

– Что? Ах да. Конечно, это мой. Спасибо.

Однако тут же задумался. Где он в последний раз пользовался этим самым ножичком? И вспомнил: в первом такси, когда доставал из конвертов деньги. Он бросил испытующий взгляд на портье, который вешал на гвоздик ключи (неподалеку был лишь мужчина, увлекшийся чтением газеты). Редль сунул чехольчик в карман и пошел к двери.

Детектив, читавший газету, подбежал к телефонной будке и набрал номер 123408 – секретный номер государственной полиции в Вене. Несколько сбивчиво он доложил о событиях, произошедших за последний час. Залежавшиеся письма получены, их получатель воспользовался двумя такси, чтобы отсечь возможное наблюдение, но по неосторожности оставил в одном из них чехольчик от перочинного ножичка. Этот чехольчик оказался собственностью Альфреда Редля – в чем он признался в присутствии свидетелей. А этот Редль – не кто иной, как известный полковник Редль, начальник штаба 8-го армейского корпуса, дислоцирующегося в Праге.

Можно представить себе, какое впечатление произвело это известие на сотрудников австрийской секретной службы. Их бывший начальник и учитель, на которого они старались быть похожими! Капитан Ронге поспешил на почтамт, чтобы произвести расследование. У окошечка получения почты до востребования висел перечень вопросов, на которые любой получатель должен был ответить, заполняя формуляр:

- характер получаемой почты;
- адрес отправителя;

– место отправления (страна).

Ему удалось найти формуляр, который был заполнен получателем писем «Опернбал 13» (шифр вместо фамилии). Из потайного сейфа в своем кабинете он извлек сброшюрованный манускрипт на сорока страницах, подготовленный в свое время Редлем и предназначенный для личного пользования, и поэтому не переданный в типографию. В нем содержались его советы своему преемнику по службе, написанные непосредственно перед переводом в Прагу.

Рассматривая финты шпионажа и особенности разведывательной работы, он подвел в нем итог своей пятилетней деятельности в области контрразведки.

Ронге положил заполненный на почте формуляр на одну из страниц манускрипта. Сомнений никаких не было: это – почерк Редля. Получение им денег, правда, еще не говорило о его предательстве, ведь он мог выполнить какую-то работу частного порядка. Но письма-то ведь отправлены из Айдкунена, этого шпионского рассадника на самой границе!

Размышления капитана были прерваны появлением одного из детективов, который вел наблюдение за Редлем.

– Что-нибудь новенькое?

– Новое-то новое, только разорванное в клочья.

И детектив достал из записной книжки клочки какой-то, видимо, записки. Вместе с Ронге они попытались сложить их вместе.

Через полчаса загадка была решена – Ронге сумел разобраться в написанном. Сомнений теперь уже не оставалось: Редль – шпион и предатель.

Клочки этой записки были получены весьма своеобразно. Оба детектива последовали за Редлем, когда он вышел из гостиницы. Овернувшись, Редль узнал в человеке, шедшем следом за ним, мужчину, который читал в вестибюле газету. Тогда он заторопился, и не далее как в семидесяти метрах от гостиницы, на углу Штраухгассе, ему удалось оторваться от преследователя.

Детективы тоже прибавили шагу. Через несколько метров вышли на улицу Вальтерштрассе. Редля на ней видно не было. Полицейские задумались и пришли к выводу, что он, видимо, зашел в здание обмена валюты, имевшего три выхода. Два вели в кафе «Централь», а третий – через пассаж – на улицу, носившую название Ди Фрайунг. Пройдя по переходу на эту улицу, они увидели свою дичь. Редль, снова обернувшись, заметил уже двоих мужчин и опять ускорил шаги.

Выйдя на улицу Тифенграбен и видя, что расстояние между ним и преследователями не сокращается, решил пойти на хитрость. Он достал из кармана какие-то бумажки и, даже не посмотрев на них, разорвал на мелкие клочки и бросил на землю. Полковнику, видимо, стало ясно, что обозначает собой эта гонка: его предательство раскрыто. Было поздно думать об «отягощающих обстоятельствах», надо было во что бы то ни стало отделаться от преследователей. Ему необходимо было остаться одному, чтобы поразмыслить и попытаться найти выход из создавшегося положения.

Редль надеялся, что мужчины остановятся и станут собирать клочки бумаги, но они и не подумали этим заняться, а последовали за ним дальше. На площади Конкордианплац он увидел стоянку такси, но брать машину не стал, так как преследователи могли сделать то же самое. Редль пошел дальше. Один из преследователей вдруг прыгнул в такси и моментально исчез. Редль обреченно шагал по улицам Вены, пройдя по километровому кольцу Шоттенринг, затем свернул в переулок Шоттенгассе к своей гостинице.

Куда же отправился второй детектив? Он попросил привезти его к тому месту, где Редль разбросал разорванную на клочки бумагу, и собрал все, что

мог найти. С этим он и поспешил к капитану Ронге. Разорванными оказались квитанция на денежный перевод уланскому офицеру, лейтенанту Ховора, и запись об отправленных заказных письмах в Брюссель, Варшаву и Лозанну. Ронге мрачно усмехнулся, прочтя адреса получателей. Сам Редль в свое время составил «черный список» иностранных разведок, в котором числились и эти адреса. Ронге сообщил невероятную новость начальнику австрийско-венгерской секретной службы, генералу Аугусту Урбански фон Остромицу. Тот был настолько перепуган услышанным, что поспешил в свою очередь доложить обо всем своему начальнику, генералу Конраду фон Хётцендорфу.

Возвратившись в гостиницу, Редль встретил доктора Виктора Поллака, который ждал его.

– Пошли, Альфред, мы же собирались поужинать в «Ридхофе», – напомнил он.

Полковник не возражал, обронив только, что ему необходимо переодеться. Поллак был одним из известных правоведов Австрии и довольно часто встречался с Редлем на процессах по шпионским делам. Детектив подслушал их разговор и немедленно позвонил своему шефу. Потом отправился в «Ридхоф», чтобы переговорить с метрдотелем.

Когда Поллак и Редль сели за столик в отдельном кабинете, их обслуживал официант, агент секретной полиции. Но слышал он мало, так как Редль был не в духе и почти ничего не говорил, особенно в его присутствии.

Спустя некоторое время Поллак прямо оттуда позвонил шефу полиции Вены Гайеру, чем крайне озадачил агента-официанта.

– Вы еще работаете, мой друг, а ведь уже довольно поздно, – произнес Поллак вместо приветствия.

– Я жду дальнейшего развития событий в одном довольно важном деле, – ответил тот.

И тут Поллак принялся рассказывать ему о несколько необычном поведении полковника, который был каким-то непривычно мрачным и явно чем-то сильно расстроенным, даже признался в допущенных ошибках морального плана, не назвав, впрочем, их сути.

– Скорее всего, он переработал, – продолжал Поллак. – Редль попросил меня организовать как можно быстрее его возвращение в Прагу и чтобы эта поездка была удобной и приятной. Не можете ли вы дать ему кого-нибудь в качестве сопровождающего?

Гайер возразил, что ночью вряд ли что можно организовать, добавив:

– Успокойте полковника и скажите ему, чтобы он завтра же утром зашел ко мне. Я сделаю для него все, что в моих силах.

Возвратившись в кабинет, где они ужинали, Поллак сказал Редлю в присутствии официанта:

– Будем, пожалуй, заканчивать. Уверен, что мы для вас что-нибудь организуем.

Агент-официант, который слышал и разговор адвоката с начальником полиции, и слова, сказанные им полковнику, был в недоумении. Не собираются ли они спустить все на тормозах? Может, в дело вмешался генеральный штаб, чтобы воспрепятствовать организации судебного процесса и оградить предателя от заслуженного наказания? Естественно, измена Альфреда Редля должна быть скрыта от общественности, и все же наказание он должен понести. Но что представляли эти соображения рядового агента по сравнению с реакцией высокопоставленных лиц! Конрад фон Хётцендорф, ужиавший с

друзьями в «Гранд-отеле», едва получив известие о предательстве Редля, сразу же выстроил ассоциативную цепочку: Редль – 8-й корпус – «план три». Как раз сейчас предательство может иметь самые опасные последствия! Если только сорвется «план три»...

Несколько мгновений начальник генштаба пребывал в явной растерянности, ведь в «плане три» были отражены последние технические и тактические соображения его лично и лучших умов его штаба.

– Мы должны от него самого услышать, насколько далеко зашло его предательство, – произнес Конрад, – потом он должен умереть... Причину его смерти не должен знать никто. Возьмите еще троих офицеров – Ронге, Хофера и Венцеля Форличека. Все должно быть закончено еще сегодня ночью.

В половине двенадцатого вечера Редль попрощался с Поллаком и возвратился в гостиницу. В полночь у него появились четыре офицера в полной военной форме. Редль сидел за столом и писал, но при их появлении встал и поклонился.

– Я знаю, зачем вы пришли, – проговорил он. – Жизнь моя прожита бесполезно. Я пишу как раз прощальные письма.

– Мы не можем не задать вам вопроса, в каком объеме и в какой период времени осуществлялась ваша, скажем так, внеслужебная деятельность.

– Все, что заслуживает внимания, вы найдете в моем доме в Праге, – ответил Редль.

Потом спросил, не может ли он получить во временное пользование пистолет.

Ни у кого из офицеров оружия не оказалось, но один из них поспешно вышел и через четверть часа принес браунинг, который передал полковнику.

Оставшись опять один, Редль написал на оторванной половине листка твердым почерком:

«Меня погубили легкомыслие и страсть. Помолитесь за меня. За свои грехи я расплачиваюсь жизнью.
Альфред.

Сейчас 1:15 утра. Через несколько минут меня уже не станет.
Пожалуйста, не допускайте судебно-медицинского вскрытия труп.
Помолитесь за меня».

Он оставил два запечатанных письма. Одно было адресовано его брату, другое – генералу барону фон Гизлу, который ему всегда доверял и которому он был обязан своим переводом в Прагу. Судьба обошлась самым циничным образом и с доверием, и с этим назначением, приведя в конечном итоге Редля к гибели. Если бы на его способности начальник не обратил внимания, он бы остался в Вене, продолжая занимать свою должность в секретной службе и прикрывая шпионскую деятельность различными финтами, чего уже не мог делать начальник штаба корпуса в Праге.

Офицеры, которым начальник генерального штаба поручил расспросить Редля обо всем и позаботиться о его «экзекуции», отправились в кафе «Централь», заказали себе кофе, намереваясь провести ночь в напряженном и молчаливом ожидании. Один из них выходил на дежурство, наблюдая за дверью гостиницы «Кломзер». Сменялись они через каждые полчаса. До пяти часов утра наблюдатели более ничего не предпринимали. Потом вызвали одного из детективов, которые вели наблюдение за Редлем, и дали ему письмо,

адресованное полковнику. Его также проинформировали о том, что он, возможно, увидит в номере Редля. И распорядились не поднимать шума, если полковник мертв, а возвратиться сразу же назад.

Войдя в гостиницу, детектив показал заспанному портье письмо, затем поднялся по лестнице и постучал в дверь номера первого. Не получив ответа, он нажал на ручку двери, которая оказалась незапертой. В ярко освещенной комнате детектив увидел Редля, лежавшего под зеркалом, в которое, видимо, смотрелся, когда целился себе в голову. Полицейский агент сразу же вышел из номера, запер дверь и на цыпочках прошмыгнул мимо спящего портье.

Через несколько минут у портье зазвонил телефон, от звонка которого тот даже подпрыгнул. Звонивший попросил позвать к телефону полковника Редля. Побегавший в номер портье обнаружил труп. (Прошло всего тринадцать часов с того момента, как на почтамте были получены те два злополучных письма «Опернбал 13».)

О случившемся сразу же оповестили полицию. Начальник полиции Гайер примчался вместе с врачом в гостиницу. Вмешательство военного ведомства не ожидалось. Однако верный слуга Редля, чех по имени Иосиф Сладек, попытался навести Гайера на обнаруженный им след. Браунинг не был собственностью его господина. Да и четверо офицеров нанесли ему неожиданный полуночный визит. Следовательно, речь идет об убийстве! Гайер отозвал слугу в сторону и поговорил с ним, да так, что на следующее утро репортеры не смогли вытянуть из него ни слова.

Как только Конрада фон Хётцендорфа уведомили о самоубийстве Редля, он назначил комиссию в составе полковника и майора и отправил их спецпоездом в Прагу. Они произвели обыск в доме Редля в присутствии генерала барона фон Гизла, результат которого оказался сенсационным. Дом был обставлен шикарно. Документы свидетельствовали, что полковник в 1910 году вступил во владение довольно ценным имуществом – громадным особняком в Вене, а в течение последних пяти лет приобрел четыре самых дорогих автомобиля. Жил он как мультимиллионер, и его коллеги-офицеры считали, что у него большое состояние. В его винном погребе хранилось 160 дюжин бутылок шампанского самых дорогих сортов. По некоторым данным, он получил от России только за девять последних месяцев 60 тысяч крон, что в десять раз превышало оклад полковника. Образ его жизни свидетельствовал, что он буквально купался в деньгах. Царская секретная служба не мелочилась, так что он в действительности получил не менее 60 тысяч долларов. Если не более.

Между тем после смерти Редля и обыска в его доме были приняты самые беспрецедентные меры, чтобы скрыть его предательство. Во всей Австрии не более десяти человек знали правду – главнокомандующий, старшие офицеры генерального штаба и военного министерства да руководящие чиновники венской полиции. Каждый из них, как потом оказалось, дал клятву не говорить никому ни слова о случившемся. Даже император Франц-Иосиф и его наследник эрцгерцог Франц-Фердинанд не были посвящены в это дело. Но все старания сохранить происшествие в тайне оказались напрасными, поскольку лучший слесарь Праги оказался страстным игроком в футбол.

Слесарь Вагнер не смог принять участие в игре своей команды «Штурм-1» в воскресенье 25 мая 1913 года, из-за чего, как писала газета «Прагер тагблатт», она проиграла со счетом 5:7. Капитан команды в понедельник навестил центрального защитника Вагнера, чтобы выяснить причину его отсутствия на игре, и узнал, что того срочно вызвали армейские офицеры по слесарным

делам.

Короче говоря, Вагнеру поручили отпереть входную дверь в дом Редля, а затем открыть, а в случае необходимости и сломать все замки ящиков, витрин, гардеробов, ночных столиков, письменного стола и шкафов. В них было обнаружено много различных документов, фотографий, денег, географических и топографических карт и планов. Некоторые документы и бумаги, как узнал слесарь, были русского происхождения. Офицеры были настолько ошеломлены увиденным, что только время от времени восклицали:

– Как такое возможно? Кто бы мог подумать!

Капитан команды, который был по профессии журналистом, заинтересовался рассказом своего игрока. В утреннем издании газеты он, как редактор «Прагер тагблатт», поместил небольшую заметку, в которой «с сожалением» говорилось о самоубийстве полковника Редля, начальника штаба 8-го корпуса, «одного из способнейших офицеров, который явно мог рассчитывать на получение генеральского звания». Полковник, выехавший в Вену «по служебным делам, застрелился под влиянием депрессии, вызванной длительной ночной работой». Но ведь русские документы, фотографии и планы, комиссия офицеров, произведшая обыск в его доме буквально через несколько часов после его смерти, говорили о другом – о шпионаже и предательстве!

Капитан команды, он же репортер, вышел на след сенсационной тайны, но сделать о ней сообщение даже в своей газете не мог. Уже тогда, в 1913 году, цензура в Богемии была настолько свирепа, что какие-либо подробности о «деле Редля» означали бы появление в редакции полиции, запрет газеты, а возможно, и тюрьму целому ряду журналистов. Однако чешское и немецкое население Богемии уже научилось «читать между строк». Дабы намекнуть, что Редль был шпионом и предателем своей родины, во вторник, 27 мая, в газете была помещена редакционная статья, в которой говорилось:

«Высокими инстанциями нам поручено развеять слухи, распространяющиеся в обществе, в особенности в военных кругах, о начальнике штаба пражского армейского корпуса полковнике А. Редле, который, как сообщалось, совершил в воскресенье утром в Вене самоубийство. В слухах утверждается, что причиной этого, возможно, послужило предательство и передача им военных секретов иностранному государству, скорее всего России. Нам, однако, достоверно известно, что обыск, произведенный в его доме комиссией офицеров, преследовал совершенно иные цели».

Капитан футбольной команды был также пражским корреспондентом одной из берлинских газет, так что 28 мая вся Европа читала его изложение о самоубийстве и предательстве Редля. Австрийские офицеры, мнением которых интересовались, пытались отрицать шпионскую деятельность Редля, но им не очень-то верили. И только после окончания Первой мировой войны был установлен гигантский размах десятилетнего предательства этого штабного офицера и те последствия, которое оно имело.

Редль был вовлечен в шпионскую деятельность в 1902 году и в течение десяти лет являлся одним из важнейших агентов России. Он, в частности, передал русской контрразведке фамилии и приметы сотен лиц, которые шпионили в России. Среди них были как некоторые его друзья, так и подчиненные по работе в австрийской секретной службе. Он пожертвовал ими, чтобы упрочить собственные позиции в русской разведке. Чтобы руководство царской секретной службы было к нему более благосклонным, он выкрал

архивы австро-венгерской империи и документы собственной секретной службы. Вместе с тем он оказывал помощь русским шпионам, засылаемым в Австро-Венгрию, а также неоценимые услуги русским контрразведчикам в разоблачении и поимке их собственных «редлей».

Так какие же сведения, не считая документации собственной секретной службы, он передал русским? Даже предварительный обыск в его доме указывал на конкретные случаи его предательства. По сути дела, не оставалось почти ничего, что ускользнуло бы от его внимания, ведь были обнаружены: копии различных документов, секретные коды и шифры, письма, географические и топографические карты, различные таблицы, фотографии, донесения полиции, приказы по армии для служебного пользования, мобилизационные планы, анализы состояния железных и шоссейных дорог и тому подобное.

Несомненно, что та же участь постигла и «план три» – комплексный план по проведению мобилизации и началу боевых действий против Сербии, этого карликового, но строптивого государства на Балканах. Его также запродали русским, а это означало, что панславянские братья в Белграде знали о нем все. «План три» был талантливой разработкой австро-венгерского генерального штаба и гордостью Конрада фон Хётцендорфа. На его тщательную шлифовку ушел не один год. Хотя кое-что и было потом спешно изменено, основные положения оставались неизменными. (Во главе сербского генерального штаба стоял маршал Путник, который столь основательно изучал его копию, переданную русскими, что скоро уже знал весь план наизусть.)

Каковы же были в итоге результаты? Когда в 1914 году разразилась война, весь мир был удивлен продуманными стратегическими действиями Путника. Имея небольшую армию, он нанес австро-венграм, перешедшим в наступление, ощутимые потери.

Трижды верховное командование Австро-Венгрии пыталось сокрушить сербов (ныне «план три» известен больше как план «Б» – Балканы, в отличие от плана «Р» – Россия), но все три раза неудачно. Вот что значило знать все тонкости не только стратегии, но и тактики противника.

Исследование бумаг Редля показало не только разнообразие, но и цинизм его действий. Так, например, ему ничего не стоило обречь на гибель одного из своих же офицеров и русского полковника. Эрцгерцог Франц-Фердинанд во время своего посещения Петербурга был столь любезно принят царем и его двором, что при отъезде приказал своему военному атташе свернуть шпионаж в России до такой степени, чтобы не досаждал русским. Военный атташе сопровождал наследника до самой Варшавы, где задержался на два дня. На второй день его навестил некий русский полковник, предложивший продать комплексный план русского наступления против Германии и Австро-Венгрии в случае развязывания войны. Несмотря на указание эрцгерцога, атташе посчитал сделку весьма соблазнительной и пошел на нее.

Редль, прослышав о совершенной купле-продаже, сразу же стал действовать, будучи готовым привлечь к этой акции чуть ли не весь австро-венгерский контрразведывательный аппарат. Используя свое служебное положение, он первым заполучил секретные планы в свои руки. Изготовив необходимое число фиктивных планов, он подменил ими настоящие. Тем самым он хотел показать своему руководству, что военный атташе не только нарушил указание эрцгерцога, но и оказался дураком, поддавшись на мистификацию. Атташе наказали и отозвали из Петербурга. После чего Редль отослал настоящие планы в Россию. Действовал он наверняка, поскольку знал,

что никто, кроме него и военного атташе, эти планы в глаза не видел, к тому же у ретивого шпиона не было достаточно времени, чтобы досконально с ними ознакомиться.

Более того, Редль проинформировал русскую секретную службу о полковнике, продавшем эти планы.

И полковник, узнав, что раскрыт, застрелился. В своем дневнике Редль не без тщеславия записал, что эта операция принесла ему 100 тысяч крон. (По тем временам «заработок» этот был эквивалентен 20 тысячам долларов.) Тем самым он не только возвратил русским пропавшие секретные документы, но и не дал возможность немецкому и австро-венгерскому генеральным штабам выяснить, какое количество армейских корпусов было уже сформировано и намечалось к формировке в России.

Эта его акция, как утверждают некоторые историки, внесла определенную лепту в последующий развал сразу трех империй.

«Если бы мы знали, – сказал ныне уже покойный граф Альберт Аппони, – что Россия располагает таким количеством войск, то нашему генеральному штабу, как, впрочем, и немецкому, стал бы ясен риск ввязывания с ней в войну, и нам бы удалось уговорить собственных «государственных мужей» не начинать ее в 1914 году. Не было бы тогда и этого абсурдного военного психоза, который привел в конечном итоге к нашему же разгрому... Этот проклятый Редль! Он выдал абсолютно всех австрийских шпионов в России, передал в руки противника наши секреты и воспрепятствовал тому, чтобы оттуда к нам просочились нужные сведения...»

Х. Гискес РАДИОИГРА «НОРДПОЛЬ»

Одной из наиболее успешных операций секретных служб всех времен следует признать, вне всякого сомнения, радиоигру «Нордполь», которую вела немецкая контрразведка, и не из-за того, что осуществлялась она в высших сферах, а за ее сложность, размах, продолжительность и мастерство.

Английская секретная служба руководила разведывательными и подрывными операциями в оккупированной нацистами Европе из Лондона, используя радиосвязь с подпольными группами Сопротивления. Во вражеский тыл постоянно сбрасывались агенты, снаряжение, боеприпасы и все необходимое для борьбы, как правило, на парашютах, в том числе и радисты, которые должны были установить связь с подпольщиками и работать вместе с ними.

Ведомству Канариса – абверу – удалось арестовать нескольких британских агентов, сброшенных на парашютах в Голландии, и перевербовать их. В результате абвер не только контролировал их связь с Лондоном, но и диктовал, что следует и чего не следует туда передавать. Так что абвер имел возможность захватывать направляемых из Англии агентов, а также оружие и снаряжение уже в момент их выброски.

В период с 1942-го по 1944 год попытки англичан поддержать движение Сопротивления в Голландии из-за этого зачастую срывались.

Операцию под кодовым названием «Нордполь» возглавлял офицер немецкого абвера Х. Гискес, написавший впоследствии книгу «Лондон вызывает «Нордполь», отрывок из которой здесь приводится.

Некоторые пояснения:

Эбенэцер – английский псевдоним действовавшего в Голландии радиста, который был схвачен немцами и перевербован.

МД – голландская военная разведка, находившаяся в Лондоне и сотрудничавшая с британской секретной службой.

Перед радиоко́нтрразведкой ставилась задача – пеленговать вражеских радистов с последующим их захватом.

К деятельности абвера привлекались подразделения немецкой полиции безопасности и полиции общественного порядка.

В течение нескольких недель после проведения операции «Уотеркресс» мы с нетерпением ожидали новых заданий из Лондона для Эбенэцера. Мы еще не знали характера задач, которые ставил Лондон, а затянувшееся молчание свидетельствовало о том, что операции британской спецслужбы в Голландии проходили и без «нашей помощи».

Тревожное сообщение пришло в начале апреля.

От полевой жандармерии я получил донесение – найден труп парашютиста, который неудачно ударился головой во время приземления о каменный колодезный желоб. Расследование показало, что этот парашютист принадлежал к группе агентов, сброшенных в районе Холтена.

Пытаясь выяснить детали этой таинственной операции, мы воспользовались сведениями авиакомандования района, которое скрупулезно отмечало появления вражеских самолетов над своей территорией. Сообщения пунктов воздушного наблюдения и оповещения и засечки радиолокационных станций наносились на специальную карту, из которой было видно, каким курсом, на какой высоте следовали одиночные самолеты, где они делали круги и тому подобное.

Нас приятно удивила точность и подробность данных. Так, на этих картах были довольно точно указаны хорошо знакомые нам операции англичан в Хугхалене 28 февраля и в Стеенвике 27 марта по времени, месту и курсу. Таким образом, мы выяснили, что неудачливый парашютист со своими товарищами был сброшен 28 марта под Холтеном.

Не объясняя причин, мы отдали распоряжение, чтобы пункты воздушного наблюдения и оповещения, а также радары обращали повышенное внимание на курс полета отдельных самолетов, получивших у нас наименование «специалистов». Ежедневно к десяти часам утра я стал получать из Амстердама указанные карты за истекшие двадцать четыре часа.

Использование этих данных, точность которых теперь возросла, позволило нам следить за ночными операциями, проводимыми секретными службами союзников с территории Англии.

Еще одним показателем деятельности вражеской агентуры были донесения радиоко́нтрразведки, которая, например, сообщила о появлении нового радиопередатчика в районе Утрехта, прием радиogramм которого осуществляла радиостанция вблизи Лондона. Перехваченная радиосвязь свидетельствовала, что речь идет о передатчике такого же типа, что и у нашего Эбенэцера. А во второй половине апреля ко мне заезжал Хайнрихс и доложил, что радио «Оранье» стало передавать цифровые сигналы, которые носили характер как «позитивных», так и «негативных». Это свидетельствовало о том, что, по крайней мере, еще одна группа агентов появилась и действовала в Голландии, избегая нашего контроля.

Все эти данные не позволяли мне говорить с уверенностью об успехах нашей игры, затеянной через Эбенэцера. Не стал ли Лондон о чем-либо

догадываться?

20 апреля Эбенэцер получил указание из Лондона принять направляемые грузы на прежнем месте под Стеенвиком в одну из предстоящих ночей. Я был почти убежден, что на этот раз вместо контейнеров будут сброшены бомбы, и принял чрезвычайные меры предосторожности.

На назначенный день, 25 апреля, я попросил капитана Лента, коменданта аэродрома Лейварден, выделить мне временно три мобильных 37-миллиметровых зенитных орудия, которые с наступлением темноты мы установили в районе сброса грузов.

Чтобы не подвергать опасности команду «сигнальщиков», я приказал оборудовать в назначенном треугольнике красные лампы, укрепленные на кольях, ток к которым можно было подключать из укрытия, удаленного на триста метров. Для белой лампы в вершине треугольника подвели особый кабель. Зенитные орудия должны были открыть огонь по самолету, если тот начнет сбрасывать бомбы, или же по моему сигналу красной ракетой.

Когда английский самолет около часа ночи появился в небе, я приказал включить все необходимые огни. Томми несколько раз пролетел над установленным местом и, видимо, потерял ориентировку, так как наши лампы не были направлены вверх. При его третьем заходе я вышел к вершине треугольника и подсвечивал своим мощным карманным фонарем до тех пор, пока летчик не взял правильный курс. Благодаря тому обстоятельству, что и на сей раз с самолета полетели контейнеры, а не бомбы, я и смог впоследствии написать эту книгу.

Сброс грузов свидетельствовал, что Лондон еще не раскрыл нашу игру с Эбенэцером. Я настолько обрадовался этому обстоятельству, что не расслышал сожалений молодого обер-лейтенанта-зенитчика, что ему не пришлось открыть огонь по самолету и что такую дичь, находившуюся на расстоянии чуть ли не вытянутой руки, ему уже больше встретить не придется.

В начале мая радиоигра «Норд поль» вступила в решающую фразу.

Мы могли бы потерять все, достигнутое в этой операции, если бы не счастливый случай и не наша расторопность и находчивость.

Как было установлено позже, Лондон в конце апреля был вынужден предпринять попытку объединить три действовавшие в отрыве друг от друга агентурные группы и работавшего в одиночку агента.

Когда к этой связке мы подключили Эбенэцера, нам вскоре уже удалось вскрыть всю организацию и постепенно прибрать ее к рукам.

А произошло все следующим образом.

В период с февраля по апрель 1942 года МД и британской секретной службе удалось забросить в Голландию на парашютах три агентурные группы в составе двух человек – агента и радиста в каждой – да еще доставить в страну агента-одиночку на быстроходном катере. В результате нашего расследования, допросов арестованных агентов и использования полученных другими путями материалов удалось установить следующую картину.

Названные мероприятия англичане осуществили в ходе четырех последующих операций.

Операция «Леттуче»: 28 февраля 1942 года в район Холтена сброшены на парашютах два агента – Джордан и Рас. Радистом был Джордан, имевший при себе радиопередатчик. Работать он должен был по плану «Трампет».

Операция «Тарнип»: 28-го же февраля под Холтеном приземлились агент Андринг и его радист Маартенс, который должен был работать по плану «Тарнип». Радисту во время ночного прыжка не повезло (это и был

обнаруженный у колодца труп парашютиста).

Операция «Лик»: 5 апреля 1942 года заброшены агент Клоос с радистом Себесом. Радиопередатчик этой группы должен был работать по плану «Хек». Рация, однако, во время прыжка получила повреждения и работать не могла.

Операция «Потейто»: 19 апреля 1942 года агента де Хааза по прозвищу Пиил доставили к побережью Голландии на быстроходном катере. Рации у него не было, но он имел небольшой радиопередатчик, работавший на расстоянии до пяти километров. Он должен был связаться с Эбенэцером и через него получать указания из Лондона.

Поскольку радиопередатчик «Тарнип» из-за гибели радиста Маартенса, а рация «Хек» из-за неисправности не могли выходить на связь с Лондоном, эти агенты вошли в контакт с группой «Леттуче». Имели ли они на то разрешение Лондона, неизвестно.

Из перехваченной нами и позднее расшифрованной радиограммы «Траммета» мы узнали, что агент де Хааз не смог установить связь с Эбенэцером и поэтому вступил в контакт с ними.

Когда Лондон из-за сложившихся обстоятельств приказал Эбенэцеру войти в контакт с «Трамметом», круг замкнулся.

Проанализировав ситуацию, мы пришли к выводу, что это была вынужденная мера Лондона. Вместе с тем мы понимали, что агентурные группы, имевшие радиопередатчики, будут и впредь работать самостоятельно. Свободные контакты различных групп между собой имели то преимущество, что арест их членов не вызывал у Лондона особых подозрений в отношении «радиоигры».

Таким образом вхождение Эбенэцера, через которого мы осуществляли свою игру, в контакт с другими агентурными группами произошло в тот момент, когда те имели непосредственную Связь друг с другом.

Мне неизвестны подробности, в результате каких мероприятий и применения каких сил и средств Шрайэдеру с его отделом удалось буквально за несколько дней разгромить всю тогдашнюю агентурную сеть союзников в Голландии.

Большую роль при этом, несомненно, сыграли чрезмерное доверие друг к другу членов этих групп, а также отсутствие у них достаточного опыта. Хотя агенты и прошли определенную подготовку в Англии, они все же оставались практически «любителями», не имевшими возможности отработать свои нелегкие задачи на практике. Поэтому они и оказались не в состоянии противостоять такому специалисту-асу, как Шрайэдер.

Агентурная группа «Траммет» попала в наши руки вместе со всеми материалами, радиограммами и шифрами. Арестованный радист Джордан сломался, узнав размах катастрофы. Он был воспитанным и образованным парнем из хорошей семьи. Разве что, впрочем, недостаточно зрелым и твердым для такой опасной и трудной работы, как агентурная радиосвязь. Но это уже не его вина.

Джордан вскоре проникся уважением к Хунтерману и ко мне и решил воспользоваться шансом, предоставленным ему для собственного спасения, преодолев растерянность и подавленность с первых дней после доставки его в Схевенинген.

Радиопередатчик «Траммет» задействовал 5 мая второй канал связи с Лондоном. Англичанам сообщили новую площадку для получения грузов этой группой, которую мы подыскивали в нескольких километрах севернее Холтена.

Первую радиосвязь установили без помех, в Лондоне никаких подозрений не возникло. Место для приема контейнеров было вскоре одобрено «той стороной», а уже через две недели мы получили сброшенные там грузы.

Третий канал радиосвязи с Лондоном наладили следующим образом.

При аресте Андрина у него обнаружили план радиосвязи с Лондоном «Тарнип», предназначенный для разбившегося радиста Маартенса. Через «Трампет» мы сообщили в Лондон, что Андрина подыскал надежного «оператора», который будет держать связь с Лондоном по предусмотренному для Маартенса плану «Тарнип». Лондон назначил пробную радиосвязь, чтобы проверить умение и способности нового помощника. Сотрудник полиции общественного порядка, выступивший в этой роли, действовал, по всей видимости, правильно, так как Лондон в следующий сеанс связи сообщил, что радист – в порядке.

Вскоре, однако, произошло нечто, доставившее мне много головной боли.

В середине мая Хайнрихс озабоченно доложил мне, что радист Лауэрс вызвал у них подозрение, передав в последнюю радиосвязь несколько дополнительных букв. Вообще-то в конце радиограмм иногда передаются так называемые буквы-наполнители, поэтому наш «контролер» не стал тут же отключать рацию от сети. Поскольку он не мог каждый раз лично присутствовать во время сеансов радиосвязи, которые проводили радисты Лауэрс и Джордан, то предложил заменить их своими радистами.

Я тут же вызвал к себе этого «контролера». Он утверждал, что не знает точного значения переданных Лауэрсом дополнительных букв. Какого-то определенного смысла вроде бы в них не было. Аргументов «за» или «против» у нас тоже не имелось, поэтому они решили подождать, как отреагирует Лондон.

Чтобы выяснить, что же в действительности произошло, я подключил Хунтермана, который был в хороших отношениях с радистами из полиции общественного порядка и самим Лауэрсом. В ходе этого расследования было установлено, что радисты-полицейские относились к Лауэрсу, пожалуй, слишком доверительно. Обстановка во время сеансов радиосвязи была весьма непринужденной, так что к предписанным мной кофе и сигаретам добавилась своеобразная дружба, что могло стать опасным.

От разговоров с Лауэрсом я пока воздержался, чтобы не показать ему появившегося у нас подозрения. Таким образом, все должна была решить реакция Лондона. И хотя никаких явных признаков подозрительности с той стороны не последовало, мы все же решили устранить Лауэрса и Джордана от радиоигры.

При этом мы использовали старый трюк, предложив подключить «резервного оператора», против чего Лондон не возражал. Таким образом, у ключей радиопередатчиков оказались радисты из нашей полиции. Привлечение резервных радистов Лондон оценивал положительно, поскольку подпольная деятельность всегда связана с риском, и с «отключением» радиста приходилось считаться каждую минуту по самым различным причинам.

Воспользовавшись удачным опытом, мы в дальнейшем к ключам радиопередатчиков агентов-радистов уже не подпускали. При очередном аресте мы просто сажали к их рациям своих людей. Конечно, все же приходилось считаться с возможной предварительной записью их «почерка» на стальную проволоку или граммофонную пластинку в Лондоне, и тогда в случае, если бы он изменился, могло легко возникнуть подозрение.

По характеру удара, скорости передачи и другим личным особенностям радистов опытное ухо может различить их даже по слуху, как и музыканты различают без труда игру различных, скажем, пианистов по манере их исполнения.

Если бы радиоцентр союзников применил все меры безопасности и страховки, использование подставных радистов вряд ли представилось бы возможным. Поскольку, однако, первые же наши попытки сошли благополучно, что свидетельствовало об отсутствии должной бдительности у противника, мы пошли на этот риск.

О беспечности Лондона свидетельствует хотя бы тот факт, что в радиоигре «Нордполь» мы задействовали четырнадцать каналов связи, которые работали более или менее продолжительное время, и обслуживали их всего шесть радистов-полицейских.

В ту весну мы собрали богатейшие сведения о планах и подготовке противника, методах его работы по внедрению агентуры и сбросу различных грузов, а также по использованию кодов и ведению радиообмена. Что касается сброса грузов, то оно осуществлялось зачастую «вслепую». Если бы противник своевременно вскрыл нашу радиоигру, то ему пришлось бы в срочном порядке менять свои методы и организационный порядок, что потребовало бы огромных усилий и многих жертв.

Принятая союзниками практика сбрасывать грузы только по предварительному уведомлению, имела катастрофические последствия. Это решение, проводившееся в жизнь тупо и не допускавшее исключений, наряду с другими оплошностями и ошибками противника, придало операции «Нордполь» драматический характер.

Если бы в Голландию без всяких уведомлений и предупреждений выбросили контрольную группу для наблюдения за результатами доставки грузов, мыльный пузырь всей нашей операции моментально лопнул бы. Такую возможность мы учитывали, поэтому действовали максимально осторожно и без зазнайства. К тому же мы постоянно исходили из того, что каждое полученное или переданное радиосообщение могло оказаться последним.

О характере взаимоотношений союзников с подпольем свидетельствует тот факт, что в период с 29 мая по 26 июня 1942 года с предварительным уведомлением было сброшено три агентурные группы, причем Эбенэцер и «Трампет» должны были их принять. Вот как это проходило.

Операция «Бетрут» (через Эбенэцера): агенты Парлевлет и ван Стеен приземлились на парашютах 29 мая вблизи Стеенвика. Они должны были провести инструктаж по новому прибору «Ойрек», установлению опознавательных огней для самолетов, обеспечению радиосвязи по плану «Сведе».

Операция «Парснип» (через «Трампет»): агенты Ритсхотен и Бьюйцер сброшены на парашютах 22 июня под Холтенем. Их задача – организация саботажа в районе Оверисселя и установление радиосвязи по плану «Спинах».

Операция «Марроу» (через Эбенэцера): агенты Джамброис и Буккенс приземлились 26 июня под Стеенвиком. Задание – организация вооруженных выступлений подпольщиков в Голландии и вхождение в радиосвязь по плану «Марроу».

Задачи групп «Бетрут» и «Марроу» имели столь большое значение для развития и углубления нашей радиоигры, что я хочу остановиться на них более подробно.

Агентов группы «Бетрут» Парлевлета и ван Стеена после приземления тепло приветствовали «подпольщики» – голландские сотрудники нашей полиции безопасности. Арестовали их уже днем. В ночное же время «комитет по приему» имел возможность в доверительной беседе со вновь прибывшими уточнить их задачи.

Подобная игра и впоследствии проводилась весьма успешно. Таким образом, нам удавалось узнать важнейшие новости из союзнического лагеря, имевшие подчас огромное военно-политическое значение, в особенности же – намерения и планы противника в сфере деятельности секретных служб. Мы, в частности, получили подробную информацию о наличии и дислокации секретных школ по подготовке агентов и радистов в Англии, численности проходивших в них обучение англичан и европейцев (конкретно по национальностям), преподавательском составе, уровне подготовки отдельных групп и многое другое. Позднее мы составили даже представление о частной жизни руководивших страной лиц.

Принятая нами 22 июня 1942 года под Холтенем группа «Парснип» имела «обычное» задание – организация саботажных действий в районе Оверисселя. Появление этой группы мы обыграли поэтому также «обычно»: установили радиосвязь с Лондоном и договорились о местах сброса грузов и их приемке.

Следует отметить, что по указанию Лондона радист Бьюйцер должен был взять на себя связь с группой «Потейто», что до тех пор осуществлял Эбенэцер. Эта разгрузка Эбенэцера была связана с тем, что Лондон считал эту линию связи самой надежной и что он в ближайшее время должен был получить особое задание – подорвать антенное устройство радиостанции Коотвик.

В начале июля Лондон отдал Эбенэцеру распоряжение выяснить, сможет ли подрывная команда «продуть» антенное устройство этой радиостанции. В нескольких радиограммах поступила подробная инструкция, каким образом можно небольшим числом подрывов определенных креплений уничтожить пять более чем стометровых решетчатых мачт, а тем самым и все антенное устройство.

Направив туда нашу спецкоманду под командованием Вилли под видом голландских подпольщиков, я отдал ему распоряжение выяснить, можно ли и каким образом днем или ночью проникнуть к антенному устройству и подорвать его. Исходя из реальной обстановки, я радировал информацию Вилли в Лондон. В ней сообщалось о небольшом количестве сотрудников радиостанции и слабой охране довольно большой территории. Подрыв решетчатых мачт большого труда не составит. Лондон ответил, что эта задача возлагается на Такониса и его людей и что они должны быть готовы по сигналу разрушить антенное устройство. В конце июля мы доложили, что Таконис со своим отрядом готов действовать. Лондон распорядился оставаться в готовности, но ничего не предпринимать без его сигнала.

Когда сигнал поступил 9 августа, я кое-что придумал для срыва этого задания.

Через два дня Эбенэцер передал в Лондон радиограмму следующего содержания:

«Акция с Коотвиком сорвалась. Часть наших людей попала вблизи опор решетчатых мачт на установленные там мины. На взрывы нескольких мин подоспела охрана, с которой завязался огневой бой. Мы потеряли пять человек. Таконис с остальными, в том числе с двумя ранеными, находятся в безопасном месте».

На следующий день Эбенэцер радировал:

«Из пятерых пропавших в Коотвике людей двое возвратились. Для возобновления акции необходимо три дня. Противник усилил охрану Коотвика и других радиостанций. Сведений о том, что противник напал на наш след, пока нет».

В ответной радиограмме Лондон передал:

«Сожалею о вашей неудаче и потерях. Защита сооружений установкой мин нова и не могла быть нами учтена. Прекратите любую деятельность вплоть до дальнейших указаний. В течение ближайшего времени проявляйте особую осторожность. О подозрительном докладывайте немедленно».

Через две недели Лондон передал благодарность всем, кто принимал участие в акции Коотвик, и сообщил, что Таконис награжден английской медалью за проявленную отвагу. Награда будет вручена ему при первой же оказии...

Запланированный удар по радиостанции Коотвик, с помощью которой немецкое адмиралтейство осуществляло связь с подводными лодками в Атлантике, был, по всей видимости, направлен на то, чтобы эту связь прервать. Когда через несколько дней англичане предприняли высадку на французское побережье под Дьеппом, нам стала ясна их затея с Коотвиком.

Немецкое адмиралтейство поспешило воспользоваться нашей фантазией, и мины были действительно установлены на антенном поле радиостанции.

Через представителя штаба командования вермахта, ротмистра Янсена, я поместил в нидерландских газетах заметку, касающуюся «событий» в Коотвике. В ней шла речь о преступных элементах, пытавшихся взорвать в Голландии один из крупнейших радиопередатчиков. Попытка эта, к счастью, не удалась, а за ней явно видна рука врага. Законопослушные граждане настоятельно предупреждались об ответственности не только за участие в подобных действиях, но и за их поддержку...

Я надеялся, что через нейтральные страны известие об этом обязательно дойдет до нашего противника.

Следующее, что бы хотелось подробнее изложить, это операция «Марроу», проведенная 26 июня 1942 года, и ее роль в дальнейшем расширении деятельности «Нордполя» – вплоть до весны 1943 года.

Из беседы, проведенной ночью после приземления группы – с ее руководителем Джамброисом и его радистом Буккенсом, нам стали в общих чертах известны задачи, полученные ими в Лондоне.

В планах МД и британской секретной службы, подробности которых мы выяснили в ходе последовавших допросов обоих агентов, сквозила явная недооценка возможностей немецкой стороны. Характерным было и непонимание реальной обстановки в Голландии и настроений ее населения.

Готовность основной части населения прямо или косвенно поддержать и принять участие в развязывании партизанского движения и минной войны не соответствовало ожиданиям Лондона. Только примерно года через два стало созреть подобное настроение, вызванное военными поражениями Третьего

рейха, усилением мощи союзников и принудительными мерами немцев против населения и экономики оккупированных ими стран Запада.

По плану «Марроу» Джамброис, голландский офицер резерва, должен был связаться с руководством своей организации и побудить его выделить людей для осуществления союзнических планов. Шестнадцать групп по 100 человек каждая планировалось создать на территории всей страны как центры вооруженного Сопротивления и организации саботажной деятельности. Каждую из этих групп, распределенных по округам, должен был возглавить лондонский инструктор со своим радистом, на которых будет возложена задача по руководству организации, обучению и оснащению членов этих групп.

На бумаге план этот выглядел превосходно. Но его осуществлению помешало не только то, что Джамброис не смог встретиться с руководством организации, офицеров.

Нам сразу же стало ясно, что включать будущую эпопею Джамброиса в нашу игру не целесообразно. Ведь в этом случае пришлось бы сочинять и рассказывать Лондону байки о его всевозможных приключениях и каких-то договоренностях с руководством офицерской организации, которое мы не знали.

Следовательно, Лондону надо было внушить, что задание в том виде, как оно поставлено Джамброису, невыполнимо и что необходимо найти путь, соответствующий реальной обстановке в стране.

Используя радиопередатчик «Марроу», мы засыпали Лондон сообщениями о якобы чуть ли не полной деморализации в руководстве офицерской организацией. В его верхах, мол, засели немецкие шпики, поэтому любые контакты с членами организации и обсуждение с ними лондонских предложений неминуемо станут известны немцам со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Когда в ответах Лондона появилась некоторая неуверенность, а Джамброису строго указали соблюдать величайшую осторожность, мы предложили свой план. Дескать, Джамброис должен установить контакты с некоторыми надежными руководителями организации непосредственно на окружном уровне, чтобы, привлекая низовые ее звенья, добиться создания необходимых шестнадцати окружных групп. План наш с некоторыми оговорками получил в конце концов поддержку, в группу «Марроу» стали присылать новых агентов и различные материалы.

В августе 1942 года началось активное «создание» указанных групп. На деле мы конечно же не устанавливали никаких контактов с группами офицеров, просто сообщая в Лондон, что налаживаем широкие контакты с вполне надежными представителями офицерской организации.

Создание шестнадцати обусловленных планом групп начиная с августа 1942 года «шло столь успешно», что Лондон прислал для их пополнения с конца сентября и до ноября семнадцать агентов, которых принимали, естественно, мы. Пятеро из них были радистами с отдельными каналами связи. Все эти новые каналы связи, работавшие по планам «Чив», «Брокколи», «Кьюкумбер», «Томато» и «Селери», были введены в действие до конца ноября.

Каждая из новых групп деловито «приступила к работе», сообщив в Лондон координаты площадок для сброса для их нужд грузов, на которые они и стали поступать регулярно. В начале декабря мы подготовили обзорный доклад о положении дел, который передали радиогаммой в Лондон. В нем мы сообщили, что уже создало восемь окружных групп, в которых обучается около 1500 человек. Этим бойцам требуется, вполне естественно, одежда, белье,

обувь, велосипедные шины, табак, чай и тому подобное. В итоге мы получили в середине декабря 32 контейнера общим весом порядка 5 тысяч килограммов, которые были сброшены на четыре указанные нами ранее площадки.

По имевшейся у нас информации, в середине января в секретных школах Англии заканчивали обучение набранные ранее агенты, часть которых предусматривалось отправить в Голландию. И действительно, с 18 января по 21 апреля 1943 года к нам забросили еще семнадцать агентов, встреченных конечно же «комитетом по приему». Большинству из них предстояло стать руководителями и инструкторами создаваемых окружных групп. На двоих агентов возлагались разведывательные задачи. Еще двое должны были организовать курьерскую связь из Голландии в Испанию через Брюссель и Париж. Среди вновь прибывших было семь радистов с выделенными каналами радиосвязи.

К весне 1943 года потребность создаваемых в Голландии окружных групп в руководителях, инструкторах и радистах была полностью обеспечена. Передо мной и с несколькими моими помощниками стояла труднейшая задача – регулярно сообщать в Лондон о деятельности около пятидесяти агентов, что по различным причинам вряд ли могло долго продолжаться. Следовало попытаться убедить Лондон в необходимости сократить число задействованных каналов радиосвязи, оставив лишь наиболее интенсивно работающие. И мы предложили – в целях безопасности, естественно, – зарезервировать часть радиопередатчиков окружных групп. В результате число раций удалось сократить до пяти.

Хотя с осени 1942-го по лето 1943 года нам и пришлось прекратить деятельность целого ряда включенных в игру радиопередатчиков, объяснив это провалом и ликвидацией их немцами, а также, как я уже отмечал, сократив число ряда окружных групп, все равно мы были вынуждены вести игру аж по четырнадцати каналам радиосвязи с Лондоном. И эту работу приходилось выполнять, повторяю, силами всего шести радистов из подразделений полиции общественного порядка, которые были загружены до предела человеческих возможностей.

Мой рассказ о драматической стороне по выброске агентов и грузов на парашютах, попадавших прямехонько в наши руки, будет неполным, если не рассказать о попытках союзников разобраться в истинном положении дел в Голландии. И таких попыток было предостаточно. Следует отметить, что союзники при этом не учитывали того важнейшего обстоятельства, что не только каналы радиосвязи, но и агенты могли находиться в руках немцев.

Наиболее отчетливо одна из попыток провести такой контроль была отмечена нами в связи с операцией «Парсли» 21 сентября 1942 года. Приземлившийся на парашюте агент Джонгели (псевдоним Ари), вне всякого сомнения, как раз и прибыл к нам с этим заданием.

Вскоре после своего ареста он сообщил, что сразу же после прибытия на место должен дать следующую радиограмму:

«Скорый поезд был отправлен вовремя».

Это условие поставило сотрудников полиции безопасности, которые его допрашивали, в такое положение, выхода из которого они не видели.

Всю ночь при проведении операции «Парсли» я накопился на месте высадки в нескольких километрах восточнее Ассена и возвратился в Гаагу

около семи часов утра. Не успел я уснуть, как меня разбудил телефонный звонок. Было девять часов утра. Звонил сотрудник отдела Шрайэдера, который проводил допрос, и сообщил о том, что ему поведал Джонгели. К изложенному он добавил, что такая радиограмма должна быть отправлена предположительно в одиннадцать часов.

Через полчаса я сидел уже напротив агента в Биннехофе. Это был мужчина в возрасте около сорока лет с полным, продубленным ветрами лицом, который в течение длительного времени был главным радистом голландского адмиралтейства в Батавии.

После непродолжительной беседы с ним я убедился, что за довольно длительный период службы в Индонезии он, скорее всего, научился некоторым азиатским хитростям. С неестественно неподвижным и не отражавшим никаких эмоций лицом он на все мои вопросы повторял: если не передаст в одиннадцать часов обусловленную радиограмму, это будет означать, что он попал в руки немцев.

В конце концов я сделал вид, что он меня убедил, и сказал, опустив голову как бы в глубокой задумчивости, что такую радиограмму мы в одиннадцать часов обязательно передадим. Когда же, быстро вскинув голову, я взглянул на него, то успел заметить в какую-то долю секунды оттенок триумфа в его глазах. Мне сразу же все стало ясно: радиограмма будет означать обратное.

В одиннадцать часов по радиции «комитета по приемке» мы передали в Лондон:

«Сообщаем, что при проведении операции «Парсли» агент Ари приземлился неудачно и потерял сознание. Он доставлен в безопасное место. Врач установил у него сотрясение мозга. Все остальное в порядке, грузы надежно укрыты».

Через три дня мы включили в очередную радиограмму слова:

«Ари вчера пришел на короткое время в сознание. Врач надеется, что он скоро поправится...»

А на следующий день в радиограмме уже говорилось:

«Ари вчера вечером внезапно скончался, не приходя в сознание. Похороним его, как положено, на большом лугу. После окончания войны ему будет установлен памятник».

Случай с агентом Ари я рассказал для того, чтобы показать всю сложность проводившейся операции, когда одно лишь неправильное наше сообщение могло бы приоткрыть Лондону глаза на происходившее. В подобных случаях нам приходилось заявлять, что такие агенты либо «мертвые», либо попали в руки немцев. Даже большое число «несчастных случаев» было для нас менее опасным, чем хотя бы одна «хитрая» радиограмма. Вскоре после происшествия с Ари Лондон потребовал, чтобы Джамброис прибыл в Лондон для отчета, назначив на время своего отсутствия заместителя. Это требование подтвердило сказанное им в свое время – что через три месяца он должен будет возвратиться в Лондон.

Поначалу мы сообщили о невозможности его поездки, объяснив это

необходимостью его личного присутствия в связи с некоторыми осложнениями, возникшими в ходе создания шестнадцати окружных групп. Затем он подыскивал себе подходящего заместителя. Мы снова и снова придумывали различные отговорки, в том числе связанные с длительностью и опасностью отправки его через Бельгию и Францию в Испанию. На том и закончился 1942 год.

В начале 1943 года требования Лондона – кровь из носу, а извольте прибыть с отчетом – стали настойчивее. Вместе с тем Центру вздумалось вызывать и представителей других групп. Происходил обмен бесчисленными радиogramмами о возможности таких поездок. Более того, Лондон стал требовать указать подходящие места посадки самолетов и гидросамолетов, чтобы вывозить курьеров и представителей групп в дневное и ночное время.

Мы долго «не могли» найти подходящих безопасных площадок. Те же места, которые наконец-то мы указывали, не устраивали господ «на той стороне». А то мы вдруг заявляли, что то или иное место стало «ненадежным» по изменившимся обстоятельствам, в особенности когда уже подходило условленное время операции по вывозу людей.

Неоднократно мы сообщали имена агентов, якобы отправившихся в Лондон через Францию, которые после многомесячного их странствия так и не появлялись.

Когда же оттягивать далее выезд Джамброиса стало невозможным, мы сообщили в Лондон о том, что он исчез. Несколько позже мы заявили, будто бы в результате тщательного расследования выяснилось, что он, видимо, попал в облаву, которую немцы проводили в Роттердаме, так как нигде после этого не появлялся.

18 января 1943 года была десантирована группа «Гольф» с задачей – установить надежный курьерский путь в Испанию и Швейцарию через Бельгию и Францию. Группа имела большое количество различных бланков и формуляров для изготовления голландских, бельгийских и французских удостоверений личности, различных печатей и бланков для фальсификации немецких удостоверений, пропусков и всевозможных справок, а также изрядные суммы бельгийских, французских и швейцарских франков и испанских песет.

Через шесть недель «Гольф» рапортовал в Лондон, что группа установила проверенный путь с надежными этапами пока что до Парижа. В качестве проводника группа использует опытного человека, псевдоним – Арно. Этим Арно бы не кто иной, как мой унтер-офицер, который выдавал себя за беглого француза, живущего в основном за счет контрабанды драгоценностями и, следовательно, хорошо знакомого с вражескими порядками.

Мы предложили Лондону послать по этому пути в Испанию, с целью проверить надежность Арно, двух английских летчиков, скрывавшихся в Голландии. Наше предложение было одобрено, а через три недели Лондон подтвердил радиogramмой, что летчики благополучно прибыли в Испанию.

Переправка английских офицеров заслужила высокую оценку действий группы «Гольф» и проводника Арно. А в течение весны и лета 1943 года Лондон сообщил нам адреса трех своих надежных мест для укрытия в Париже, которые можно было использовать в нашем «коридоре». Там находился не только французский, но и английский персонал, имевший собственную связь с Лондоном.

Естественно, эти потайные пункты сбора ликвидировать мы не стали,

установив за ними тщательное наблюдение. Мой отдел, которым руководил майор Визекёттер, имел возможность следить за всем этим путем, благо на его «входе» находился Арно.

Многие курьеры и агенты, въезжавшие и выезжавшие потом из Голландии этим маршрутом, по необъяснимым для секретных служб союзников причинам были схвачены немцами. Но иногда для повышения престижа «Гольфа» мы оказывали противнику кое-какие услуги.

Здесь, как нигде в другом месте, действовал принцип: «Давай сам, чтобы давали и тебе». Некоторые летчики союзников, сбитые и укрывшиеся в Голландии или Бельгии, а потом благополучно добравшиеся до Испании, до сих пор не знают, что тогда находились в пути под защитой немецкой военной контрразведки.

31 августа двум английским агентам, Уббинку и Дурлейну, удалось бежать из заключения в Хаарене, и следы их затерялись. 1 сентября мне позвонили из отдела Шрайэдера из Гааги и сообщили о случившемся. Вскоре после этого позвонил и сам Шрайэдер, долго перечислявший принятые им меры по поимке беглецов.

Мне стало ясно, что это происшествие лишило операцию «Нордполь» ее фундамента. Ведь если даже беглецам не удастся перебраться в Швейцарию или Испанию, не говоря уже об Англии, они найдут пути и возможности, будучи на свободе, написать обо всем, что с ними случилось после отлета из Англии, и передать это сообщение любым способом в Лондон.

В первой декаде декабря радиосообщения из Лондона, шедшие по каналам связи «Нордполя», стали столь бесцветными и пресными, что даже не имевшие такого опыта люди, как мы, поняли бы: противник пытается навязать нам свою игру. Не приходилось сомневаться, что сообщения Уббинка и Дурлейна достигли своей цели. Мы же повели себя так, словно бы ничего не произошло, не давая ни словом понять, что знаем о крахе их иллюзий по созданию агентурной сети в Голландии.

В марте 1944 года я предложил руководству абвера в Берлине прекратить ставшую бессмысленной радиоигру, дав «прощальную радиограмму» в Лондон. И тут же получил указание составить проект такой радиограммы, в которой должны прозвучать наши победные нотки, и представить ее в Берлин для согласования.

Хунтерман и я взялись сочинять текст радиограммы, не слишком пространной, которая бы отвечала пожеланиям Берлина и в то же время отразила наши чувства и мнения о той фантасмагории, которая продолжалась более двух лет. Первая наша радиограмма, которая будет передана, как говорится, открытым текстом, не должна быть хуже любой из примерно тысячи радиограмм, переданных закодированно. Мы уселись за мой большой письменный стол напротив друг друга и набросали каждый свой вариант. Затем поступили как в той развлекательной игре, зачитывая по очереди отдельные предложения, уточняя и дополняя друг друга. В конечном итоге радиограмма обрела следующий вид:

«Господам Бланту, Бингхэму и компании с ограниченными возможностями, Лондон. Нами установлено, что вы с некоторых пор пытаетесь самостоятельно, без нашей помощи, проворачивать в Голландии свои дела. Это прискорбно, так как в течение длительного

времени мы были здесь вашими единственными представителями к обоюдному удовлетворению. Тем не менее мы заверяем вас, что в случае, если у вас появится желание нанести визит на континент, ваши представители будут встречены с тем же вниманием и заботой, как и прежде. Пока».

Названные в начале радиogramмы имена были установленные нами руководители голландской секции управления секретными операциями союзников в Европе. Проект текста мы передали для согласования и утверждения в Берлин.

Там, видимо, в это время нашлись более важные дела, так что нам пришлось прождать целых две недели, пока не пришло разрешение передать в Лондон радиogramму с предложенным нами текстом.

31 марта я вручил текст радиogramмы нашим радистам с указанием передать ее по всем задействованным в игре каналам (в то время их оставалось десять) на следующий день. Дата 1 апреля представлялась мне особо значимой.

В полдень следующего дня мне доложили, что Лондон принял и подтвердил получение радиogramмы по четырем каналам. По остальным каналам ответа на вызов не последовало...

Операция «Нордполь» закончилась.

Попытки союзных секретных служб закрепиться в Голландии были таким образом отодвинуты на целых два года. Это позволило предотвратить создание вооруженных организаций и отрядов по проведению саботажа и террора в тыловых районах Атлантического вала, которые должны были нарушить немецкую оборону в ответственный и решающий момент вторжения союзных войск на Европейский континент.

«Игра» вместе с тем привела к разгрому подполья в Голландии, сорвала там создание противником широкой агентурной сети, связанной с большими жертвами.

Безупречно осуществленная дезинформация противника в отношении действительного положения дел в Голландии в 1942-1943 годах привела бы в случае его попыток провести широкомасштабные действия к значительным потерям.

Полученные нами сведения в отношении деятельности и намерений секретных служб противника позволили немецкому командованию провести необходимые контрмеры и в других оккупированных странах.

Операция «Нордполь» была лишь каплей в море крови и слез, безмерного горя и страданий, связанных со Второй мировой войной. Но она была и заметной страницей в истории секретных служб и шпионажа, столь же древнего, как само человечество и войны.

Стюарт Элсон и Томас Брейден НАКАНУНЕ ВТОРЖЕНИЯ

«Факел» было кодовым названием операции по высадке англо-американских войск в Северной Африке в ноябре 1942 года. После того как Франция капитулировала летом 1940 года, французский военно-морской флот и значительная часть администрации французских колоний подчинялись поставленному оккупантами вишиистскому правительству и тем самым являлись верными сторонниками немцев, то есть теоретически могли противостоять любым действиям союзников в Африке. Но не все французы были настроены

таким образом, поэтому задача секретных служб состояла в том, чтобы выяснить, кто же был конкретно «за» и кто – «против» и, следовательно, мог поддержать операции союзников и примкнуть к силам Сопротивления, выступив против стран оси в Северной Африке.

Плодородная полоса земли Северной Сахары простирается вплоть до Испании. Это в основном – прилегающие к морю районы с куполообразными зданиями городов, бросающиеся белыми пятнами в глаза путешественникам.

Танджер, Испанское Марокко, Французское Марокко и Алжир – все они имеют небольшие гавани, не представляющие большого интереса для американских туристов. Вполне возможно, это связано и с большим количеством проживающих там народностей, а также их тесными, хотя и весьма удаленными связями с правительствами европейских стран. В книгах различных писателей места эти изображены как арена возможных международных конфликтов и осложнений. Летом 1941 года они стали таковыми в действительности.

Страны эти придерживались нейтралитета. Поэтому в летнюю пору на улицах Касабланки, Орана, Алжира и Туниса встречались высокопоставленные представители Германии и США, как они будут встречаться и потом в международной зоне Танджера на протяжении всего конфликта. Здесь они находились не для того, чтобы решать проблемы войны. Их отношения друг к другу были уже определены заранее, а знакомства завязаны в Виши, Берлине, Лондоне и Мадриде. Петен в Виши подчинился Адольфу Гитлеру, и старцу удалось, пусть даже временно, сохранить французскую Северную Африку за Францией.

В Мадриде сидел Франко, ожидая своего часа. В Испанском Марокко говорилось как о вопросе почти решенном, что Гитлер через Испанию при согласии и даже поддержке Франко нападет на Африку. Позже в разговорах преобладало утверждение, что он этого, скорее всего, делать не станет. Так что проблема оставалась открытой, и многие заплатили бы хорошие деньги, чтобы знать ответ наверняка.

В Лондоне правительство Черчилля пыталось выкрутиться из сложной ситуации, в которую оно попало. То, что в июле 1940 года английские военные корабли обстреляли французский флот у Мерс-эль-Кебира, а Петен в ответ разорвал отношения с Англией, относилось даже не к самым важным проблемам. Более существенным было выдворение всех наиболее известных британских агентов из французской Северной Африки, в результате чего английская шпионская сеть там прекратила свое существование.

Ситуация сложилась действительно серьезная. Хотя в Африке еще ничего решено не было, это могло произойти в любое время.

Прежде всего тревожила проблема с французской армией. Чью сторону она примет? Ее командование было консервативным и в определенной степени даже реакционным. Оно являлось сторонником монархии и было настроено против немцев, как и против англичан, к Петену же относилось лояльно. Молодые французские офицеры и солдаты, многим из которых удалось после капитуляции бежать из Франции, чувствовали неудовлетворенность своим положением и были готовы выступить с оружием в руках против Германии, но скептически относились к партнерству с Англией, а тем более к английскому руководству. Более же всего они опасались окончательного краха Франции в случае, если бы преждевременно выступили в поддержку какой-либо операции союзников, которые тогда проводились не в полную силу и получили

презрительное наименование «действия поисковых разведгрупп».

Следующая острая проблема – французский военно-морской флот, командование которого было даже более консервативным, нежели армейское. Не могло простить оно и обстрел французских кораблей англичанами, во время которого погибло более тысячи французских моряков.

Кроме того, следовало учитывать и настроение местного населения, готового выступить, было бы только оружие и деньги. Арабы проявляли большой интерес к политике больших держав, но опасались, как бы не обжечься, оказавшись не на той стороне.

К тому же в Тунисе заседала итальянская комиссия по вопросам перемирия, немецкая – в Марокко и смешанная комиссия – в Алжире. Они наблюдали за тем, чтобы договоренности Гитлера с Петеном соблюдались неукоснительно, напоминая французам об их поражении.

Была еще и небольшая группа испанских республиканцев, которым удалось бежать из концентрационных лагерей, а также некое количество темных личностей, привыкших жить на широкую ногу за счет продажи секретов кому угодно.

Деятельность этих групп и их взаимоотношения друг с другом обсуждались тем летом в небольших приморских кафе, где завсегдатаи – агенты различных национальностей – считали, что там можно почерпнуть многое и где действительно получить необходимые сведения было не так уж и трудно.

Однако имелся секрет, который не продавался за деньги. Это была дата, даже примерная, высадки американцев в Африке.

То, что они намеревались это осуществить, секрета уже не представляло. Спецслужбы Соединенных Штатов перехватили радиограмму, переданную в Германию, следующего содержания:

«В Касабланке проживают десять американских граждан, имеющие задачу создать пятую колонну, которая должна будет расчистить путь для высадки войск союзников следующей весной».

Следовательно, вторжение в Северную Африку являлось одним из пунктов союзного военного планирования, и немцы проявили бы глупость, если бы не включили это обстоятельство в свои расчеты. Далеко на Востоке, в Ливии, крошечная английская армия вела бои в районе между Александрией и Бенгази, не имея особых успехов. Поэтому в Африке вполне возможным представлялось применение стратегии «клещей».

Немцы, по всей видимости, стали подозревать, что такая мысль появилась у Франклина Рузвельта еще до Перл-Харбора (так оно в действительности и было). После Перл-Харбора она была воплощена в плане, исходившем из необходимости проведения мобилизации и подготовки американских войск.

Естественно, не исключалась и возможность вторжения немцев. Америка надеялась, что в этом случае французы в Африке выступят против них. Но поскольку отношения между Англией и Францией были как между кошкой и собакой, а английские агенты и секретные радиопередатчики были выброшены из всей французской Северной Африки, только Соединенные Штаты могли там на что-то рассчитывать. Перспектива проведения такой операции в Африке удерживала Рузвельта от разрыва дипломатических отношений с Виши, как на том настаивали благочестивые граждане США.

Подготовка вторжения в Северную Африку стала первой крупной

тактической задачей управления стратегических служб. От успеха или провала операции зависело его будущее. Тем не менее управление не стало разрабатывать программу внедрения своих шпионов в Африку, а воспользовалось теми людьми, которых уже послал туда госдепартамент. Речь в первую очередь шла о вице-консулах. Чем они на самом деле занимались, не знали даже их непосредственные начальники – консулы.

Вскоре после капитуляции Франции Соединенные Штаты приняли участие в так называемых экономических соглашениях Вейганда-Мерфи, заключенных в Северной Африке между Робертом Мерфи, тогдашним юридическим советником американского посла в Виши, и генералом Вейгандом, направленным в Северную Африку вишийским правительством для решения насущных задач. Эти соглашения предусматривали поставку Соединенными Штатами в Северную Африку значительных партий угля, хлопка, бензина и сахара своими кораблями. Французы, в свою очередь, пообещали не экспортировать их из Северной Африки. Самое важное, однако, заключалось в том, что туда допустили определенное количество американских представителей, которые должны были осуществлять контроль за тем, чтобы эти грузы не переправлялись в Германию. Так вот, эти люди и принялись ретиво заниматься в первую очередь другими делами, получив ранг вице-консулов.

Несколько позже они стали называть сами себя «заговорщиками». Вызывает, однако, сомнение, что они стали первоклассными агентами.

Среди них были: Стаффорд Рейд – строитель из Нью-Йорка, Сидни Бартлет – нефтяник из Калифорнии, Леланд Раунде – коммерсант, Джон Нокс – выпускник французской военной академии, Джон Бойд – бывший руководитель филиала «Кока-колы» в Марселе, Гарри Вудрафф и Джон Аттер – оба банкиры, некоторое время жили в Париже, Франклин Кенфилд – молодой адвокат, Дональд Костер – заведующий отделом рекламы, Кеннет Пендер – библиотекарь из Гарварда, написавший впоследствии книгу о своих приключениях тех лет, Карлтон Кун – антрополог из Гарварда, Риджевей Найт – виноторговец и Гордон Браун – известен тем, что несколько раз побывал в Марокко.

В Африку они прибыли в июле 1941 года и принялись за работу под руководством Роберта Мерфи. Они стали приобретать карты, производили картографию местности, измеряли береговые участки, изучали настроение французов и арабов, следили за передвижением судов, придумывая причины своего почти постоянного отсутствия на рабочих местах.

Зачастую они ставили сами себя в затруднительное положение. Как рассказывает Пендер, не проходило и недели, чтобы кто-нибудь не приносил известие о готовящемся немецком вторжении. Один из них влюбился во французскую девушку, оказавшуюся немецкой шпионкой, и его отослали домой. Тем не менее они сумели заложить фундамент шпионской системы в Северной Африке. С прибытием в Танджер Уильяма Эдди работа оживилась и стала более целенаправленной. Через несколько месяцев после появления Эдди кто-то из них даже отправил в Вашингтон каблограмму:

«Хотел бы предложить, в случае если наши войска готовы к высадке, чтобы мне дали разрешение перестрелять немецкую комиссию по вопросам перемирия в Касабланке. Берусь организовать это в наилучшем виде».

Из этого видно, сколь благоприятно влиял африканский климат на подготовку и профессиональный рост американских агентов.

Эдди – довольно интересная личность. Позже он стал американским посланником в Саудовской Аравии. Родился он в Сирии в семье миссионеров, был героем войны, профессором в Дармоутском колледже и президентом Хобартского колледжа.

Когда Эдди посылали в Танджер, ему сказали, что Соединенные Штаты совершат высадку своих войск в Африке, как только обретут достаточную силу. Чтобы обеспечить высадку войск, ему необходимо было создать резидентуры в крупнейших городах. Между ними нужно было установить линии связи, а также наладить связь с Америкой. Кроме того, он был обязан определить и подготовить места высадки и попытаться устранить вероятную оппозицию французов и по возможности добиться от них поддержки союзников. В то же время ему надо было воодушевить французов на оказание немцам сопротивления в случае, если те начнут вторжение раньше союзников. В этих целях ему следовало опереться на вице-консулов, которыми руководил Роберт Мерфи, и работать с ним в тесном контакте.

И они сотрудничали превосходно, исполняя двойную роль. В частности, они задействовали пять тайных радиостанций: «Пилигрим» в Тунисе, «Янки» в Алжире, «Франклин» в Ороне, «Линкольн» в Касабланке и «Мидуэй» в Танджере. Большую часть своего времени Эдди проводил в поездках между ними. Приезжая на них, он собирал всех сотрудников, обсуждал с ними полученную информацию и разрабатывал планы действий. По окончании дискуссий Эдди отдавал распоряжения.

Через некоторое время Эдди и Мерфи установили хорошие контакты с высшими офицерами французской армии. В то время во французской Северной Африке все вращалось вокруг армии и флота. Вскоре Эдди и Мерфи выяснили, что флот не захочет иметь с американцами ничего общего, пока они будут связаны с англичанами. Что касается армии, то наиболее действенное сопротивление немцам могла оказать именно она.

Во главе французской армии в Африке стоял генерал Максим Вейганд, весьма консервативный, но пользовавшийся популярностью человек. Свидетельства, которые удалось собрать, говорили о том, что, безуспешно воюя с немцами в 1940 году, он вынашивал мысль сразиться с ними снова... Как нам представляется, Мерфи удалось наладить с ним тесный контакт. Во всяком случае, вполне определенно представлялось, что Вейганд никогда не симпатизировал немцам, которые осенью 1941 года тем не менее пригласили его во Францию. В его штабе остались офицеры, которые были готовы взять на себя командование французами и оказать сопротивление немцам, но лишь в том случае, если они будут в достаточной степени оснащены и вооружены, а американский удар будет сильным и эффективным. Этими соображениями Мерфи поделился с Эдди, и оба согласились с мнением французов.

Но даже они не знали срока высадки американских войск в Африке, так как окончательная дата в то время еще не была определена. Оба считались вместе с тем с возможностью вторжения в Африку немцев и были уверены, что французы окажут им сопротивление, если им помочь снаряжением. Поэтому их надо было вооружать, чтобы Северная Африка осталась в сфере влияния союзников.

Это деликатное обстоятельство послужило основанием для того, чтобы в прессе Соединенных Штатов Мерфи объявили пособником фашистов, если не фашистом. Неудивительно, что это привело к затяжным спорам Эдди с

Донованом, когда зашел разговор о необходимости вооружить французов. Американская концепция высадки войск в Африке дебатировалась столь горячо, что нам представляется целесообразным рассмотреть поподробнее точку зрения Мерфи и Эдди.

Французы, стоявшие у руля правления в Африке, вели себя столь же непринужденно, как гости на банкете, даваемом, скажем, Национальным банком. Они пользовались симпатией консервативных колониальных кругов местного французского общества, большую часть которых представляли выходцы из семей армейских и морских офицеров. Во всей французской Северной Африке не было тогда ни одной сколь-либо заметной группы, представителем которой являлись бы сторонниками Шарля Де Голля. Французская армия была лояльной по отношению к Петену, поскольку военнослужащие были французами, а Петен как-никак стоял во главе Франции. Исходя из своеобразной и не совсем понятной логики, некоторые армейские офицеры, сохраняя лояльность по отношению к Петену, были в то же время готовы поддерживать американцев, хотя глава вишийского правительства на это не шел.

– Маршал поступил бы точно так же, если бы мог, – объяснил один из них.

В Африке того времени была только одна группа людей, готовых выступить против немцев, а в нее входил руководящий состав армии. Так что Мерфи и Эдди видели реальную силу Сопротивления только во французской армии.

Учитывая сложившуюся ситуацию, Эдди передал Доновану подробную радиogramму, в которой запрашивал необходимое количество снаряжения и вооружения. Тот был удивлен столь непомерной, по его мнению, заявкой. В ответ на его запрос, Эдди дал дополнительную радиogramму, аргументируя свои соображения. Их квинтэссенцией было: если французы изъявляют готовность рискнуть своей жизнью при разгрузке и сокрытии оружия, то американцы должны по меньшей мере пойти на риск его отправки.

«Мое твердое убеждение, – заявлял Эдди, – заключается в следующем: если мы не окажем им такой поддержки, то в Марокко, да и во всей Северной Африке не найдется сил, способных противостоять вражеской агрессии. Таких руководителей мы нигде больше не найдем и не должны их потерять...»

Донован в ответ завел разговор об Австралии. В январе был сосредоточен флот, готовый направиться к Африке, но его пришлось переадресовать в сторону Австралии. Так что в данное время сделать ничего нельзя. Эдди воспринял упоминание Австралии как попытку сменить тему разговора.

Все сторонники союзников в Африке были взбудоражены тем, что в апреле 1942 года к власти пришел Лаваль. Немцы намеревались вторгнуться в Тунис, как только падет Мальта. Тогда Лаваль, вне всякого сомнения, передаст Северную Африку немцам, и французская армия, бывшая еще очень слабой, попадет в руки стран оси.

После прихода Лавалья к власти французский фашист Дорио начал шумную кампанию по вербовке сторонников коллаборационизма в Африке. А офицеров различных подразделений, с которыми Эдди и Мерфи установили прочные контакты, начали постепенно заменять людьми Лавалья. Страны оси стали обращать все большее внимание на Северную Африку.

«Они берут весь риск на себя и будут разгружать и распределять оружие, зная, что каждый их шаг может стоить им жизни в случае обнаружения. От нас требуется самое малое – поддержка. Мы должны обеспечить их всем

необходимым по их требованию... Остаются уже не недели, а дни», – настаивал Эдди, умоляя о помощи.

Но его просьбы действия не возымели. Донован передал решение этого вопроса комитету начальников штабов, который (шел уже апрель 1942 года) пришел к выводу, что, если страны оси попытаются оккупировать Северную Африку, у Соединенных Штатов не будет еще достаточных сил, чтобы помешать этому. Так что пока вооружать французов не следовало. Вместе с тем Мерфи и Эдди предложили загрузить их радиостанции в основном работой по прослушиванию эфира и заняться созданием партизанских отрядов для действий в тылу противника, если он начнет вторжение. Получив такое указание, Эдди посчитал, что союзники уже проиграли битву за Северную Африку.

Некоторые историки считают, что последовавшие события опровергли целесообразность предложения Мерфи и Эдди о вооружении французов, поскольку, мол, в Африке оружия было вообще немного. Немцам же своими действиями так и не удалось выудить у союзников дату планируемого ими вторжения.

Управление стратегических служб продолжило свои усилия по воздействию на французскую армию. Были предприняты попытки нейтрализовать ее и склонить на сторону американцев и без снабжения оружием. Тогдашние методы его работы кратко и ясно изложил австрийский делец на черном рынке, известный под именем Пинки:

«Я часто вел с различными людьми разговоры о политическом положении в мире. В одном из них была затронута Франция и ее армия. Для оживления разговора я сделал несколько нелицеприятных для немцев замечаний, противопоставив их Виши. После нескольких таких встреч я мог сделать вывод о том, что представляет собой этот человек».

Сотрудники управления стратегических служб, разбросанные по всей Африке, продолжали следить за разгрузкой и погрузкой судов, чертили схемы оборонительных сооружений, собранную разнообразную информацию передавали через свои радиостанции домой. На основании их сообщений английские подводные лодки перехватывали и топили немецкие и итальянские корабли.

Американские консулы, не посвященные в истинную работу своих подчиненных, нередко только мешали им. Так, им пришлось даже убрать в другое место радиопередатчик, установленный в чердачном помещении консульства в Танджере, из-за того что жена консула нажаловалась мужу на «ночные шорохи и стуки на крыше». В другом случае Мерфи пришлось вступить за своего работника в госдепартаменте, которого консул намеревался уволить за то, что тот «уделял слишком мало внимания консульским делам».

Французы постоянно задавали вопрос: «Когда же, наконец, начнется высадка войск?»

Но никто этого по-прежнему не знал. Сам Эдди услышал 24 июля в гостинице «Клеридж» в Лондоне и то случайно о примерной дате вторжения.

Его пригласили в Лондон для встречи с генералом Джорджем Стронгом, начальником британской военной разведки. Стронгу и генералу Джорджу Паттону его представил полковник Эдвин Бэкстон.

Стронг никогда не был сторонником управления стратегических служб США. Поэтому Эдди предстояло как-то воздействовать на его мнение. А выглядел Эдди импозантно, будучи облаченным в форму морской пехоты с

пятью рядами орденских планок. К тому же он слегка прихрамывал из-за ранения. В то время даже у Паттона не было такого количества наград.

– Вы знакомы с Биллом Эдди? – спросил Бэкстон, представляя его Паттону.

– Ни разу не встречался, – ответил Паттон, протягивая Эдди руку. – А парень, оказывается, уже здорово повоевал!

Они уселись в его номере гостиницы, и Эдди начал рассказывать об Африке. Но тут его прервал Стронг:

– Подождите минуточку, Эдди. Ведь я – начальник разведки нашей армии, и у меня есть что вам сказать. Если вы изложите то, что вы думаете, вместо того, что вы знаете, то можете легко стать виновником смерти тысяч ваших земляков. Поэтому, ради бога, говорите только о фактах.

Эдди пришлось начинать все с самого начала. Он рассказал о французской армии, высказал предположение, что она, скорее всего, не станет противодействовать высадке американских войск, а потому союзникам необходимо ее поддержать. Он перечислил группы, подготовленные им, и рассказал о планах их применения. Рассказал он и о собственной организации и ее работе – о слежке за прибывающими и уходящими кораблями и изучении оборонительных сооружений на побережье. Паттон вдруг встал, прервав рассказчика, и вышел из комнаты, заметив:

– Это должен послушать и Джимми.

Через несколько минут он возвратился вместе с генералом Дулитлом. Эдди продолжил свое сообщение. Специально для Дулитла он изложил все известные ему сведения об аэродромах в Африке и затронул возможность захвата их в целостности и сохранности высаживающимися войсками.

Эдди говорил непрерывно в течение часа. Когда он закончил, Стронг поднялся и протянул ему руку.

– Я восхищен вами, – произнес он. – Полагаю, что вы достаточно точно знаете все, о чем говорили.

На следующий день Эдди встретился с Эйзенхауэром. По пути в Африку он продумывал новые планы. До установленного срока высадки войск оставалось еще четыре месяца.

За оставшееся время необходимо было организовать и обучить специальные группы, которые могли бы захватить и удерживать ключевые позиции при вторжении. Кроме того, предстояло собрать всю мыслимую информацию о предполагаемых пунктах высадки, переправить в Америку людей, которые были бы полезными союзниками в осуществлении плана вторжения, постараться убедить немцев, что высадка союзных войск планируется в районе Дакара, и многое другое. Приведем только два примера, чтобы показать всю кропотливость проделанной работы.

Вначале расскажем о плане дезинформации противника в отношении Дакара. Мысль о том, что союзники предпримут высадку именно около Дакара, а затем станут продвигаться в восточном направлении, имела широкое хождение. Да и звучала она убедительно. Дакар был важен в стратегическом отношении. Предпринятая было Де Голлем попытка овладеть им сводным англо-французским отрядом успеха не имела. Главным же в расчетах сотрудников управления стратегических служб было то, что он находился на значительном удалении от действительного пункта высадки войск. Поэтому делалось все возможное, чтобы подкрепить эти слухи. Остановимся на попытке, предпринятой бывшим представителем рекламного бюро Уолтера Томпсона – Дональдом Костером, использовавшим в своих целях

радиопередатчик «Линкольн» в Касабланке.

Один из знакомых Костера в Лондоне попросил его навестить своих друзей французов, бежавших в свое время из Франции в Африку, – неких Фредди и Вальтера. Едва встретившись с ними, Костер подумал о возможности использовать их в своих целях. Высокий, романтически настроенный блондин Фредди был до войны французской кинозвездой. Темноволосый крепыш Вальтер успешно выступал в качестве боксера среднего веса в Австрии. Оба они служили во французском Иностранном легионе и сражались в Испании на стороне республиканцев. Из концентрационного лагеря в Виши им удалось бежать, воспользовавшись самыми невероятными обстоятельствами. Фредди состоял в дружеских отношениях с немецким дипломатом Тедди Ауэром, с которым познакомился еще до войны в парижских салонах, когда Ауэр находился в Париже в качестве военного атташе. Костер, встретившийся с обоими французами в кафе в Касабланке, при упоминании Ауэра довольно подмигнул сам себе: ведь тот являлся теперь членом немецкой комиссии по перемирию.

Костер часто встречался с новыми друзьями, угощал их и всячески поддерживал. Затем с согласия Эдди он направил их к генералу Ауэру, чтобы они предложили свои услуги в качестве его шпионов. Все сошло легко, так как они помимо всего прочего рассказали, что знакомы с неким Костером – американским агентом, через которого можно будет получать интересную информацию. Ауэр согласился взять их «на работу» и обещал неплохо платить. И Костер принялся снабжать их информацией, сообщая, например, номера на жетонах американских агентов, даты приезда Эдди и Мерфи в Касабланку и тому подобную мелочовку. Фредди встречался с немецким генералом обычно по ночам, а утром звонил Костеру, произнося условленную фразу:

– Ваш друг, находящийся в больнице, хотел бы вас повидать.

Троица встречалась тогда в послеобеденное время в том же кафе, где познакомилась. Там Костер получал и сам сообщал необходимую для передачи информацию. Фредди с Вальтером зажили на широкую ногу на деньги, получаемые от Ауэра. У Костера же они ни разу не попросили даже франка.

Однажды затея Костера чуть было не провалилась. Ему позвонил взволнованный Фредди и сообщил, что Ауэр намерен «закрыть их лавочку». Он сказал Фредди, что ни разу не видел его в обществе Костера и опасается, что платит ему деньги ни за что.

Когда они собрались вместе, Вальтер предложил план: он, Фредди и Костер в тот же вечер встретятся в престижном кафе, открыто поужинают, и немцы наверняка их там увидят. Костер согласился с предложением.

Вечером троица сидела за столиком посреди кафе, уплетала бифштексы с черного рынка и пила много вина. Громко рассказывая веселые истории, они хлопали друг друга по плечам, хотя, как потом вспоминал Костер, «чувствовали себя не в своей тарелке». За столиком неподалеку сидела вся немецкая комиссия по перемирию (конечно же вместе с Ауэром) и молча за ними наблюдала. Так что господин Ауэр успокоился. На следующий день Фредди представил ему счет за ужин. Ауэр заплатил, не говоря ни слова.

В августе Костер выложил на стол козырную карту, из-за чего и была затеяна вся эта история.

– Скажи господину Ауэру, – проинструктировал он Фредди, – будто узнал от меня, что окончательный срок вторжения установлен. Американские и английские войска должны этой осенью высадиться в Дакаре.

Той же ночью Фредди сообщил эту информацию генералу Ауэру. Тот был

доволен «работой» Фредди и тут же послал спецсообщение в свой штаб в Висбадене. План дезинформации сработал. Через три месяца армада, собранная союзниками, подошла к берегам Африки. И только через четыре дня, когда высадка была практически уже завершена, появились немецкие подводные лодки. Немцы потеряли эти четыре дня на то, чтобы перебросить свой флот из Южной Атлантики к Дакару, а потом уже совершить переход к североафриканскому побережью.

Видимо, никогда не удастся точно установить, какая доля этого успеха приходится на интригу Костера, а какая – на другие факторы. Ведь с целью ввести в заблуждение противника флот вторжения пошел сначала ложным курсом на Дакар. Да и немцы допустили целый ряд ошибок. Костер, во всяком случае, с удовольствием вспоминает разговор, состоявшийся у него уже после войны с одним французом, когда он вновь приехал в Африку. А накануне операции он попал в Лондон и высадился вместе с войсками вторжения в Оране. Тогда же он навестил старого своего знакомого, французского вишийского полковника, коменданта оранского аэродрома. Когда он протянул ему руку, тот гневно спросил:

– Так почему же не был выдержан план в отношении Дакара?

Подобный же разговор состоялся у него и с удивленным французом.

А вот и другой пример работы сотрудников управления стратегических служб того периода.

Эдди получил запрос командования войсками вторжения – нельзя ли подыскать опытного лоцмана, который мог бы провести корабли союзников к месту высадки через прибрежные скалы и рифы. Ему порекомендовали старшего лоцмана из небольшого порта Луати по имени Мальверн.

Мальверна выслали из Франции за антинемецкие настроения и действия. Выслушав суть дела, он сразу же согласился. Вопрос заключался лишь в том, каким образом переправить его через французские и испанские пограничные посты в Танджер. Эдди, поразмыслив, решил, что лучше использовать контрабандные пути, нежели пытаться вывезти его по подложным документам. Находившимся в то время в Касабланке Гордону Брауну и Франклину Холкомбу было поручено скрытно провезти Мальверна в прицепе их «шевроле».

Мальверна спрятали там за различным багажом и канистрами с бензином. На него набросили два джутовых мешка и марокканское покрывало, а сверху закрыли все парусиной, крепко привязанной к бортам. Браун и Холкомб уселись в автомашину и направились в Танджер.

Поездка из Касабланки в Танджер долгая, а дороги плохие. Браун и Холкомб знали, что их пассажиру приходилось испытывать постоянные толчки и тряску. Но в еще большей степени их беспокоили пары, исходящие из канистр с бензином, и выхлопные газы. Браун часто затормаживал на обочине дороги и подходил к прицепу. Остановившись у него, он ударял ногой по шинам, как бы проверяя, все ли в порядке. Попинав правое колесо, он тихо спрашивал Мальверна, как тот себя чувствует. Тот отвечал глухо, как из подземелья:

– Все ничего, только душит монооксид.

Успокоенный Браун садился за руль, и поездка продолжалась.

С наступлением темноты они добрались до пограничного поста. На французской стороне среди контролеров был свой человек. Испанцы же представляли опасность. Холкомб с паспортом Брауна пошел в контору, чтобы проставить отметку на проезд. Браун в это время вышел, разминая ноги и с

тревогой посматривая на прицеп.

Один из таможенников спросил его, что у них в прицепе. Браун ответил: «Бензин». И в этот момент он заметил огромную черно-белую легавую собаку, шедшую с таможенником. Подойдя к прицепу, бдительный пес сделал стойку, учуяв человека. Взяв камешек, Браун бросил его в собаку, отгоняя от прицепа, затем погладил пса.

Как только появился Холкомб, они немедленно отъехали от пограничного поста, направляясь к Танджеру, на окраине которого находился дом Холкомба. Выбравшись из прицепа, Мальверн даже пошутил, что такая поездка хороша для спортивной закали. Впоследствии ему пришлось предпринять более опасную вылазку, проведя американский эсминец по реке Зебу до порта Луати, что многие моряки считали невозможным. За это он был потом награжден американским морским крестом.

Браун представил своему руководству докладную записку о поездке. Он закончил ее своими соображениями, которые его тогда все время беспокоили:

«В конечном итоге сама поездка не была уж столь тяжелой, но если бы мы были, не приведи господь, пойманы с поличным, дело бы приняло плохой оборот. Думаю, что в этом случае все вице-консулы были бы выдворены из Африки. Но что еще хуже: сам прецедент мог бы послужить довольно четким указанием на место высадки союзных войск. Вот какие мысли одолевали меня в этой ночной поездке в Танджер».

Одновременно со всем этим Эдди и Мерфи были заняты тем, чтобы устранить возможные препятствия и тем более сопротивление вторжению. Предпосылки были не из блестящих. По настоянию немцев французский военно-морской флот и авиация получили значительные нарезки для обороны: в некоторых местах они составляли до сорока квадратных миль.

Армейские же офицеры, с которыми Эдди и Мерфи продолжали поддерживать тесные контакты, были готовы к сотрудничеству. Незадолго до вторжения французы определили генерала Жиро как своего представителя и просили рассматривать их в качестве полноправных партнеров. Жиро выпустили из тюремного заключения немцы, и он, еще находясь во Франции, установил негласный контакт с Мерфи. Генерал даже предложил высадить союзные войска в Южной Франции, где он подготовил бы все необходимое для поддержки вторжения, рассматривая африканскую экспедицию как вспомогательный маневр: Этому же мнения придерживался и генерал Мае, сторонник Жиро в Африке.

Но союзное командование осталось при своем мнении. Из соображений безопасности они не называли французам ни место, ни время высадки войск. Эйзенхауэр был готов послать своих представителей к генералам Жиро и Мае. Если это поможет нейтрализовать возможное противодействие со стороны некоторой части французов и получить дополнительную информацию, необходимую для подготовки операции. О том же, что вторжение вообще состоится, и Жиро и Мае узнали, когда флот союзников уже был в пути.

20 октября Эдди получил сообщение из Гибралтара:

«Генерал Кларк с четырьмя офицерами хотел бы встретиться с вами на любом обусловленном месте 21 октября. Группа обеспечения должна быть на месте в 21 час и находиться там и после наступления темноты. Если погодные условия будут плохими, встречу можно перенести на борт подводной лодки...»

Мерфи согласился выехать на встречу и предложил место для ее проведения. Она должна была состояться в крестьянском доме Жако Тессира, недалеко от моря, в 75 милях западнее Алжира. На встречу прибыли генерал

Маэт, полковник д'Астье де ла Вигери, Мерфи и Риджевей Найт как представитель Эдди. С наступлением темноты у окна, выходящего в сторону моря, подвесили сигнальную электрическую лампочку. Найт всю ночь дежурил на берегу, ожидая прибытия группы Кларка на подводной лодке. Но никто не появился. Утром Мерфи и французы уехали в Алжир, однако Мерфи вернулся вечером.

В полночь Найт заметил на волнах каяк неподалеку от берега. Из него вылез мужчина и подошел к нему. Это был английский офицер, который сразу же стал подавать сигналы своим карманным фонарем в сторону моря, откуда вскоре появились еще три каяка. В них находились сам Кларк, генерал Лемнитцер, полковник Хаиблин, полковник Холмс, капитан первого ранга Райт, представитель американского флота, и еще два английских офицера. Взяв каяки на плечи, они понесли их к дому.

На следующее утро прибыли французы, и Кларк беседовал с ними до самого вечера. Маэт сообщил Кларку сведения о портах и их вместимости, а также об организации и численности французской армии. Он потребовал, чтобы американцы перенесли срок высадки своих войск, как минимум, на шесть недель, поскольку Жиро еще не успел закончить подготовительные мероприятия на юге Франции. Кларк оказался в сложном положении, так как не мог сказать Маэту о том, что флот уже вышел в море и что вторжение запланировано в Северной Африке, а не во Франции, а также что в союзные войска входят не только американцы, но и англичане. Когда Маэт обрисовал подготовительные мероприятия во Франции и Африке, Кларк отделался фразой о том, что они представляются вполне достаточными.

Обе стороны закончили переговоры и уселись за ужин, когда на пороге появился запыхавшийся французский офицер.

– Жандармы, жандармы! – воскликнул он.

Французские офицеры, казалось, буквально растворились в воздухе, Кларк же со своим штабом спрятались в винном погребе. Несколько гражданских лиц тут же выложили на стол деньги и налили полные бокалы вина. Кто-то достал игральные карты, чтобы изобразить партию в покер.

Видимо, кто-то оповестил полицию о подозрительных личностях, появившихся в стоявшем на отшибе крестьянском доме. У Мерфи мелькнула идея, как избежать осмотра дома.

– Скажите полиции, – обратился он к молодому французскому офицеру, – что в дом заехал сотрудник американского министерства иностранных дел, чтобы купить вина. Добавьте, что он с девушкой, и организовал небольшое пиршество. И объясните, если они вмешаются, возникнет международный скандал.

Француз поспешил навстречу полиции. Через полчаса он возвратился и доложил, что ему удалось убедить полицейских не входить в дом. Генерал Кларк вылез из своего укрытия.

В четыре часа утра Кларк со своей группой после трех неудачных попыток из-за сильного волнения моря смогли наконец отчалить. Все промокли до нитки, и большинство поснимало свою одежду. Когда отплыл последний каяк, Мерфи был настолько счастлив, что пустился в пляс прямо на песчаном берегу. После этого все возвратились в Алжир, предоставив крестьянину с его семьей устранять следы их пребывания на берегу.

В определенном смысле встреча Кларка с французами была последним мероприятием в подготовке к вторжению. Как мы уже отмечали, Эдди и Мерфи главные свои усилия направляли на то, чтобы добиться совместного участия

французов в предстоявшей операции или же не допустить, чтобы они выступили против. Стопроцентного успеха им добиться не удалось. Сопротивление союзникам могли оказать военно-морские силы и авиация французов, с чем пришлось считаться. В то же время, правильно ли это было или нет, им не разрешили привлечь французов к действиям в той степени, как они того желали. Тем не менее минимальные потери в количестве 900 человек из высадившихся 109 тысяч можно объяснить только тем, что французская армия не выступила против.

И после встречи с Кларком оставалось еще много дел. Эдди подготовил команду в количестве 132 человек, которая должна была ликвидировать немецкую комиссию по перемирию, но в последний момент приказ этот был отменен. Мерфи получил распоряжение вступить в переговоры с адмиралом Дарланом и добиться того, чтобы орудия французского флота молчали. В Испанском Марокко налаживались контакты с вождями племен, чтобы обеспечить дополнительную безопасность левого фланга высаживающихся войск. Были даже созданы партизанские отряды, которым поставили задачу – занять ключевые позиции в Алжире. Кроме того, из числа местных жителей подобрали проводников, которых направили к месту высадки войск, чтобы они указывали пути прохода. Рации «Янки», «Франклин», «Линкольн», «Мидуэй» и «Пилигрим» работали с полной нагрузкой.

Сотрудникам управления стратегических служб удалось проследить за каждым вишийским кораблем, определить расположение передовых постов, о которых высаживающиеся войска были оповещены своевременно. И все же случился «прокол». В самый последний момент стало известно, что командование французскими частями в Оране приняло решение выступить против сил вторжения. Спешно попытались известить об этом приближавшиеся корабли, чтобы на них приняли меры к обеспечению возможной высадки с боем. Связь с кораблями, однако, почему-то не состоялась либо на них не придали этому сообщению должного внимания.

Ночью 8 ноября Эдди был в Гибралтаре. Туда же прибыл и генерал Эйзенхауэр под именем Хове. Там же находился генерал Кларк (псевдоним Марк). А Мерфи вел усиленные переговоры в Алжире с адмиралом Дарланом.

Таким образом, в вопросах подготовки было сделано все возможное, удалось соблюсти и полную секретность. Немцы даже не попытались перекрыть Гибралтарский пролив, хотя корабли союзников находились уже довольно длительное время в море.

Той ночью Эдди и Карлтон Кун с некоторыми другими людьми расположились в помещении американского консульства у военного атташе полковника Холкомба. Даже он не знал о предстоявших событиях и был несколько удивлен столь поздним посещением. Они пили пиво, ели сандвичи и слушали радио.

Кун рассказывал потом, что ему более всего запомнилось сообщение немецкого радио, которое заставило всех замолчать:

«Внимание, внимание, внимание! На северо-западном побережье Северной Африки высадились американские войска. Внимание, внимание!»

Перед тем как Франклин Рузвельт обратился ко всему миру по радио, было передано сообщение:

«Янки», «Франклин», «Пилигрим», «Мидуэй», «Линкольн», внимание: на подходе «Роберт», на подходе «Роберт»!»

Вот «Роберт» и вступил в действие: Америка начала первую свою крупную высадку войск – вторжение в Африку.